

Аннотация

В сборник "Огненные годы" включены повести: "В дни поражений и побед" и "Талисман (Семен Бумбараш)" А.Гайдара, "Красные дьяволята" П. Бляхина, "Зеленый Фургон" А. Козачинского, посвященные событиям гражданской войны.

Аркадий Гайдар

В ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Сергей получил от приятеля такое письмо:

«Ты, по всей вероятности, думаешь, что я спокойно сижу на агиткурсах, куда послал меня Комсомол, но в таком случае ты глубоко ошибаешься. Не в моем характере работать словом тогда, когда можно агитировать руками, а потому с агитационных я ушел на Командные Курсы Красной Армии, где нахожусь уже 2-ю неделю. Через 10 дней мы в полном составе уезжаем в только что очищенную от петлюровцев Украину – в Киев. Ты себе представить не можешь, как рады этому все наши ребята. Еще бы! Работа в этой стороне должна быть живой и интересной. Мой горячий совет тебе: бери немедленно документы и аттестации из Горкома и валяй тоже вместе с нами. Будем работать и учиться вдвоем. Только решай скорей – времени осталось мало. Жду тебя. А пока крепко жму твою лапу. Прощай.

Твой Колька».

Внизу подле набросанной чернилами пятиконечной звезды, совсем не отличавшейся пропорциональностью линий, следовала приписка: *«Да здравствует Красная*

Армия и ее надежный пролетарский Комсостав».

Получив это письмо, Сергей думал не больше пяти минут, подошел к матери и сказал:

– Завтра я уезжаю.

– Куда? – несколько побледнев, спросила она.

– В Москву, а затем на Украину. В армию, – добавил он.

Спорить было бесполезно, да мать и не спорила. С грустью посмотрела она на него, вспомнила об убитом на войне муже и только тяжело вздохнула.

Документы Сергей получил хорошие.

II

Москва.

Пятницкая, 48.

Пониже прибитой красной звезды надпись: «9-е Советские Командные Курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Во дворе Сергея сразу же удивили толкотня и разговоры. Бегали курсанты, таскали на грузовики доски и столы. Куда-то волокли набитые соломой тюфяки, а у стены наваливали в огромную груду деревянные топчаны.

– Товарищ, – обратился Сергей к стоявшему у ворот курсанту (судя по штыку – дневальному). – Как мне в канцелярию пройти?

– В канцелярию? – переспросил тот, – вот уж, право, не знаю. Была раньше вон там, – показал он рукою, – но еще утром сегодня оттуда уже все повыволокли. А вам зачем туда?

– Документы сдать. Я на курсы приехал.

– А! – улыбнулся тот. – Так вы жарьте к комиссару. Егоров! – окликнул он одного из проходивших. – Проводи товарища к комиссару.

Сергей пошел со своим проводником через длинный ряд комнат, носивших на себе следы все того же разгрома.

– Завтра уезжаем, – весело пояснил его проводник. – А вы что? К нам что ли приехали?

– К вам.

– Ну вот и хорошо, что вовремя еще захватили, а то пришлось бы вам оставаться где-нибудь в Москве.

Сергей согласился, что точно – хорошо.

Вот и комиссар. Сергей отворил дверь и вошел. Напротив, за столом, заваленным бумагами, сидел человек лет 40-45.

– Поздновато, – окинул он взглядом Сергея, вручившего ему бумаги, – поздновато. Канцелярия уже упакована.

Сердце Сергея дрогнуло. Комиссар о чем-то думал.

– Строй проходили?

– Проходил.

– Где?

– В боевой дружине коммунистов.

– Так вы – член партии? – уже более мягко спросил он.

– Да.

– Знаете ли вы, что служба курсанта трудна и что с вас много будет спрашиваться?

– Знаю, – твердо ответил Сергей. – Но тем не менее решил пройти ее и последующую за ней службу красного командира до конца.

Комиссар взглянул на него, улыбнулся и, написав что-то на клочке бумаги, подал написанное Сергею.

– Оставьте ваши документы, а это передайте командиру первой роты.

Среди суматохи, царившей на дворе, Сергей не без труда нашел командира первой роты. У того в это время шла горячая работа – погрузка цейхгауза. Едва взглянув на записку, он окрикнул выглядывавшего из-за груды шинелей курсанта.

– Эй, старшина!.. Лебедев! Передай-ка товарища в первый взвод.

Старшина, невысокий, крепкий, с солдатской походкой, выдававшей в нем старого унтера, повел Сергея на самый верх.

– Вот, – сказал он, обращаясь к взводному курсанту, – возьми его, брат, к себе на попечение.

– Ставь свою сумку сюда, – проговорил тот, переходя сразу на ты. – А спим мы сами вторые сутки на голых досках. Обойдется до завтра-то.

– Обойдется, – засмеялся Сергей.

Он примостил свои вещи в угол к пустой койке, умылся под водопроводным краном, потом решил сходить поискать Николая.

– Вы его не найдете, – сказал ему первый, кого он спросил, – он в карауле на вокзале. Завтра в десять им смена будет, тогда и придет.

«Жаль, – подумал Сергей. – И сходить нельзя, очень уж далеко».

От нечего делать он отправился во двор. Сначала глядел, а потом и сам стал грузить цейхгауз, мебель из клуба, библиотеку, огневые припасы. Проработав наравне со всеми до самого вечера, он, усталый, но возбужденный

работой и новыми впечатлениями, наконец добрался до своего жесткого ложа. Подложил под голову шапку, патронташ, укрылся шинелью, и почти тотчас крепко заснул.

Утром он снова работал на дворе. Погрузка уже близилась к концу. Он нес вместе с тремя курсантами последний ящик с книгами, когда вдруг увидел возвращающийся с вокзала караул. Присмотревшись, он сразу узнал Николая и окликнул его. Тот удивленно взглянул и побежал к нему с оживленными и радостными расспросами:

– Как? И ты здесь?

– Как видишь.

– Давно?

– Со вчерашнего дня.

Николай помог взвалить ящик на грузовик, и они отправились в помещение.

– Втроем-то мы уж как загуляем на Украине, – сказал Николай, усаживаясь рядом с другом на голом топчане.

– Как втроем? – переспросил несколько удивленный Сергей.

– А! ты еще не знаешь! – спохватился тот и завопил: – Володька! Володька!.. Егоров! Вот! – продолжал он, указывая на подходившего к ним курсанта. Сергей узнал в нем своего вчерашнего провожатого. – Это и есть третий.

– Мы уж знакомы, – перебил его тот. И три новых друга уселись вместе и начали оживленно болтать.

Случай свел новых товарищей в один взвод первой роты. Ростом они были разные. Николай стоял вторым от правого фланга, Сергей – посредине, а Владимир – на левом.

III

Напоследок все особенно много бегали и сустились. А вот и сигнал: «повестка» или «сбор». С подсумками и винтовками выбегают курсанты. Запыхавшийся завхоз торопит какую-то отставшую подводу.

Раздается команда:

– ...Станови-и-ись...

– Командир батальона, – шепчет Сергею, убегая на свое место, Владимир.

Длинная, длинная серая лента, – шестьсот человек. Роты рассчитаны. Музыканты на местах.

– Батальон, смирно. Под знамя. Слуш-а-ай. На-караул. Раз... два!.. – Ровная щетина стальных штыков.

Потом вновь раскатывается протяжная команда:

– Батальон направо. Отделениями правые плечи вперед. Ша-агом марш.

Затем – коротко и резко:

– Прямо.

И батальон двинулся под раскаты боевого марша.

* * *

На вокзале быстро погрузились в вагоны.

Двадцать теплушек с курсантами, классный вагон со штабом, а дальше – платформы с кухнями и двуколками.

Отправление было назначено через час.

Николай пошел за кипятком на станцию, Владимир – в цейхгауз – получать на троих хлеб и сахар.

В вагоне было тепло от топившейся железной печки,

шумно и весело. Через полуоткрытую дверь мелькнула голова пробегающего мимо дежурного по эшелону комроты. Вздрогнул состав от толчка прицепившегося паровоза. Прозвучал последний сигнал, и поезд тронулся. Несмотря на вечерний холод, курсанты разом распахнули двери и окна.

— Прощай, Москва!

— До свидания!

— Счастливого оставаться!

Запели:

*«Прощайте, матери, отцы,
Прощайте, жены, дети,
Мы победим, — народ за нас!
Да здравствуют Советы!»*

Стало уже совсем темно. Тысячи огненных искр летали и кружились за окнами. Мерно постукивали колеса и мощно ревел, ускоряя свой ход, паровоз.

IV

Мелькали грязные серые деревушки; с покрытых снегом полей бежали мутные ручьи, леса стояли черные и голые. Но чем дальше уходил эшелон к югу, тем зеленее и приветнее становились рощи и поля, а там, где впервые начали попадаться белые мазанки хуторков, было уже совсем по-весеннему сухо и тепло.

На одной из небольших станций Сергей в первый раз увидел начальника курсов.

Он шел рядом с комбатом и говорил ему коротко и сухо:

– Вы останетесь за меня. На станции Конотоп мы со вторым эшелоном вас нагоним.

– Слушаю, – ответил комбат. И они прошли мимо.

«Так вот он какой», – подумал Сергей, входя в вагон.

На следующей станции испортилось что-то в паровозе. Пользуясь вынужденной остановкой, дежурный по эшелону распорядился выдать обед раньше времени. Паровоз чинили долго – курсанты уже успели отобедать, уже какой-то товарный поезд проскочил мимо скучающего эшелона, – а они все еще стояли.

Наконец раздались три жиденьких свистка. Застучали колеса. Обрадованный Владимир принялся мастерить что-то своим крепким перочинным ножом.

– Ты что это делаешь? – спросил у него Сергей.

– Пропеллер! – шутя ответил тот. – Сейчас приделаю к вагону, и эшелон полетит как аэроплан.

Через полчаса он действительно смастерил пропеллер, и тот с веселым жужжанием завертелся на ходу.

Однако, хитрая штука не помогла поезду. Даже, наоборот, паровоз тревожно загудел и вдруг круто затормозил, останавливаясь на небольшом разъезде, перед человеком с красным флагом на путях.

– В чем дело? – кричал, подбегая, дежурный по эшелону.

Маленький железнодорожник, путаясь, скороговоркой ответил:

– Впереди, в пяти верстах, крушение, – товарный разбился!

– С встречным что ли столкнулся?
– С рельс сошел? – посыпались вопросы.
– Нет! – испуганно ответил тот. – Была банда... разобрала путь.

Взводные командиры роздали из раскупоренных ящиков боевые патроны. Громокая щитом, забирается пулемет на паровоз. Двери и окна открыты, и без гудков, без свистков бесшумно эшелон продвигался вперед. Сергей лежал на верхних нарах рядом с Владимиром и зорко всматривался в медленнодвигающуюся чашу леса.

– Смотрите! смотрите! – вдруг заговорили кругом. – Вон... видно...

Впереди, в пятидесяти саженях, чернели разбитые вагоны товарного поезда, недавно обогнавшего эшелон. Рядом стояли два человека и больше никого.

Поезд остановился... Первый взвод быстро выскочил из вагона. Вот и место крушения, около которого стоит путевой сторож.

– Нету, – кричит он подбегающим, – нету, ушли бандиты.

Сергей прошел мимо разбитых вагонов и, вздрогнув, остановился невольно. На лужайке подле сваленного расщепленного вагона лежали три изуродованных трупа.

Напрасно вторая рота до поздней ночи обыскивала кругом окрестность, – шайка пропала бесследно, ничего не тронув и не разграбив.

Старик-сторож из соседней будки рассказывал: обходя линию, он заметил до двадцати вооруженных людей, развинчивавших гайки и накладывавших рельсы поперек пути. Он быстро повернул и побежал домой к телефону,

чтобы предупредить несчастье. Но дома у аппарата он застал двух человек с винтовками, спокойно справлявшихся у разъезда о времени выхода поезда.

Не успел он опомниться, как получил прикладом по спине и очутился запертым в небольшом чулане. Через несколько минут бандиты вышли. С большим трудом он выбрался через узенькое окошко. В это время мимо промчался товарный, и через несколько минут послышался страшный грохот. Прибежав на место крушения, он нашел только одного уцелевшего кондуктора, с которым и вытащили они из-под обломков четыре трупа – машиниста, кочегара и двоих из бригады.

– А знаете, что я вам скажу, – обратился к товарищам Николай. Ведь крушение-то, должно быть, предназначалось нам.

– Как?.. Почему? – слышались удивленные голоса.

– А вот почему. Если бы наш паровоз не попортился на последней станции, где мы обедали, и если бы его не чинили так долго, то раньше прошел бы наш эшелон. Странно и то, что ничего не тронут и не разграблено. Очевидно, рельсы выворачивались не для этой цели.

– Да как же впереди могли знать, что следует наш эшелон?

– Уж не предупредил ли какой-нибудь телеграфист-петлюровец?

Все согласились, что предположение очень и очень правдоподобно.

Ночью пришел вспомогательный поезд с рабочими, а утром эшелон с курсантами по очищенному пути двинулся снова вперед.

На станции Конотоп их догнал второй эшелон.

Начальник курсов, выслушав доклад командира батальона, нахмурил брови и пошел в вагон к комиссару.

Три звонка... сигнал, и опять дальше, дальше. Конец пути прошел без приключений и, проснувшись рано утром на пятый день путешествия, через раскрытые окна и двери увидели курсанты столицу Украины – Киев.

V

Огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить в себя чуть ли не дивизию. Впереди корпуса – красивый зеленый сад с фонтаном, справа – широкий, обсаженный тополями плац для строевых занятий, а позади, подле высокой каменной стены большого двора, – густая, зеленая роща.

Первую роту поместили наверху в просторных светлых комнатах с окнами, выходящими в рощу. В различных частях корпуса стали размещаться комсостав, его семьи, служащие, музкоманда, околоток, похожий по оборудованию на лазарет, всевозможные цейхгаузы, классы, кабинеты.

Весь день кипела работа. Часам к пяти, когда койки были расставлены, а матрасы набиты, курсантам объявили, что они свободны, и для первого дня желающие могут, даже без увольнительных, отправляться в город.

– Ты пойдешь куда-нибудь? – спросил Николай у Сергея.

– Нет. Не хочется что-то.

– Ну, а я пойду. По делам, – добавил он.

– Какие же у тебя могут тут быть дела? – удивился Сергей.

– В поиски, брат. У моей матери тут где-то сестра живет, то есть, значит, моя собственная тетка. Но кроме того, что она живет на какой-то Соломинке, я ничего не знаю.

Он ушел, а Сергей и Владимир спустились вниз, повернули налево за угол и очутились в роще. Воздух был теплый, пряный и немножко сыроватый.

Приятеля прошли через небольшое болотце. Потом поднялись в гору и добрались до того места, где проходила линия железной дороги. Тут роща обрывалась, и дальше шли овраги и поля.

Лежа под деревом, они разговорились.

– Ты добровольцем пошел? – спросил Сергей.

– Ага, – ответил тот. – Когда отца убили, я убежал и поступил в первый попавшийся отряд.

– Кто убил?.. От кого убежал?

Владимир рассказал о том, как в Луганске к ним нагрянула банда Краснова, а у его отца скрывался раненый коммунист. После чьего-то доноса отца повесили, коммуниста замучили, а он сам, выпрыгнув из окошка, разбил себе здорово голову, но все же убежал.

– Сволочи какие! – заметил Сергей.

– Ничего не сволочи, – возразил Владимир. – Были бы наши на их месте – то же самое сделали бы.

– То есть как это?

– А так. Поживешь вот, увидишь. Потому что враги-то мы уж очень непримиримые, – пояснил он. – Конечно, издеваться – вон как петлюровцы: шомполами, нагайками да четвертования шашками, – это мы не будем, но ведь я и сам

не задумался бы уничтожить при удобном случае всякого врага.

– Но раненый?

– Раненый? – усмехнулся Владимир. – Посмотрел бы ты, как этот раненый всаживал пулю за пулей из нагана в дверь, когда к нему ломились. Офицер так и тюхнулся. Жаль только, что своя последняя осечку дала. Вот и попался. Нет, брат, – прибавил он, немного подумавши. – Коммунист может быть или у своих – живым, или у врагов – мертвым. А... раненый? Слишком уж это дорого будет ему стоить...

Пока приятели разговаривали, Николай разыскивал тетку.

Соломинка оказалась совсем рядом, и он без труда узнал от первой же повстречавшейся хохлушки, где живет Марья Сергеевна Агорская.

Подошел к беленькому домику с небольшим садом, засаженным кустами сирени, и остановившись заглянул сначала в щелку забора.

За небольшим столиком в саду сидели две женщины и пили чай. Внимательно приглядевшись, он узнал в одной из них свою тетку.

Николай отворил калитку.

Обе старухи испуганно смотрели на него, но он уверенно подходил к столу.

– Здравствуйте, тетя.

– Что?... Что такое? – с беспокойством спросила одна из сидящих.

– Не узнали, должно быть? Николай, ваш племянник.

– Ах, батюшки мои! – взмахнула тетка руками. – Да откуда же ты? Ну, иди, поцелуемся.

– Эммочка, Эмма, – закричала она после первых приветствий, – иди сюда, беги скорее, смотри, кто к нам пришел.

На ее зов из двери выбежала девушка лет девятнадцати в ситцевом беленьком платье, с книжкой в руках, и удивленная остановилась.

– Твой двоюродный брат. Да поздоровайся же, чего же столбом стоять?

– Здравствуйте, – подошел к ней Николай, протягивая руку.

– Здравствуйте, – ответила Эмма.

– Да вы что? – вскричала тетка. – Или на балу познакомились? Вместе на стульях верхом катались, а теперь *здравствуйте!*

– Это еще от непривычки, – звонко засмеявшись, сказала Эмма. – Садись пить чай.

Николай сел. Старуха засыпала его разными вопросами.

– Ну, как мать, сестры?

– Ничего, живут.

– А отец? Ох! – вздохнула она, – непутевый он у тебя был. Наверно в большевики пошел.

Николаю ничего не оставалось делать как подтвердить, что отец точно «в большевики пошел».

– А ты что в эдаком облачении? – ткнула она пальцем на его гимнастерку. – Или тоже забрали?

– Забрали, – уклончиво ответил Николай. Он не хотел сразу огорчать ее.

– Вот что... В полку что ли служишь?

– Нет, на курсах учусь.

– Учишься? – протянула она. – Юнкер значит вроде как? Ну, доброволец видно, а то и коммунист, пожалуй?

– Мама, – прервала ее Эмма. – Уже давно звонили. Опоздаете намного.

– Правда, правда, – засуетилась старуха. – Не пропустить бы. Поди уж «от Иоанна» читают.

Вскоре обе старухи ушли, и Николай остался с Эммой вдвоем.

Далеко чуть-чуть звонили колокола.

Николай посмотрел на Эмму и улыбнулся.

– Слушайте, то есть, слушай, – поправился он. – Если бы не я, то ты верно тоже пошла бы в церковь?

– Пошла бы, – ответила она. – Сегодня служба большая. А ты, должно быть, никогда не ходишь?

– Никогда.

– Почему? Значит правда, что ты – коммунист?

– Правда, Эмма.

– Жаль.

– Почему же? Я так только горжусь этим.

– А потому, что пропадешь и ты, когда коммунистов разобьют. А во-вторых – без веры все-таки очень нехорошо.

– Но позволь, – удивился Николай. – Во-первых, почему ты знаешь, что нас разобьют? Мы и сами на этот счет не промахнемся. А во-вторых, мы тоже не совсем без веры.

– Какая же у тебя вера? – засмеялась она. – Уж не толстовская ли?

– Коммунистическая! – горячо ответил Николай. – Вера в свое дело, в человеческий разум и торжество не небес-

ного, а земного, нашего царства – справедливого труда. А главное, – вера в свои руки и только в собственные силы, с помощью которых мы этого достигнем.

Эмма удивленно посмотрела на него.

– О! Да ты – фанатик.

– А ты – разве нет?

– Нет, – на минуту задумавшись, уклончиво ответила она, потом хотела еще что-то сказать, но промолчала.

– А сознайся, что ведь ты веришь-то больше по привычке? – немного насмешливо сказал Николай.

– А хотя бы и так, – вспыхнув, ответила она, раздосадованная тем, что он так верно ее понял.

Немного помолчали.

– Расскажи мне что-нибудь о Москве, – примирительным тоном сказала Эмма. – Здесь так много разных слухов.

Николай начал довольно сухо, но потом увлекся и разгорячился. Тетка от его рассказа пришла бы в ужас.

Эмма слушала внимательно, но недоверчивая и ироническая улыбка не сходила с ее губ. Когда же он с жаром стал говорить о рабочих и даже работницах, с оружием в руках защищавших революцию в Питере, она только спросила:

– Но это должно быть в большинстве – испорченные женщины?

– Ты сама испорченная! – вскричал Николай и быстро встал, намереваясь уйти.

– Постой, – мягко взяла она его за руку. – Не сердись.

Николай не ушел, но сидел молча, – рассказывать больше не стал.

– Что ты читаешь? – спросил он, заметив лежавшую на столе книжку с розовой закладкой.

Она подала ему небольшой томик каких-то рассказов и, как бы извиняясь, заметила:

– Это – еще из маминых. У нас трудно хорошую книгу достать.

– Хочешь, я принесу тебе? – предложил Николай.

– Хорошо, принеси, но только не революционную.

– Как ты предубеждена, Эмма, – засмеялся он.

– Не предубеждена, а не люблю скучных книг. Да и мама будет недовольна.

– Я принесу не скучную, а уж относительно мамы – ладь сама, как знаешь, кажется, ты ведь уж не ребенок.

Он встал и добавил:

– Ну, а теперь я пойду.

– Куда ты пойдешь? – остановила его Эмма. – Смотри, какая темнота. – Ты по здешним горам и дороги не найдешь. Ложись у нас. Я тебе постелю на веранде.

Подумав немного, Николай согласился, но предупредил, что чуть свет уйдет, так как должен быть на утренней поверке.

– Ты придешь, конечно, к нам на праздник? – спросила Эмма, проводив его на веранду.

– Приду, если ты не имеешь ничего против.

– Не имею, – улыбнулась она, – хотя ты и большевик.

Она повернулась к выходу.

– Эмма! – сказал вдруг что-то вспоминая Николай. – А где твой отчим, Вячеслав Борисович?

При свете колеблющегося пламени ему показалось, что она чуть-чуть вздрогнула. «Сыро... – мелькнула у него мысль. – Какое на ней легонькое платьице!»

– Он... уехал. Он скоро вернется, – торопливо проговорила Эмма и вышла.

Николай остался один. Раздевшись, бросился в постель и спокойно думал о чем-то, докуривая папиросу. Но вскоре глаза его отяжелели, сомкнулись, и он крепко заснул, держа окурок в руках.

VI

Ночь была светлая, лунная. Сергей сидел в караульном помещении, — он был разводящим. Посматривал валявшийся на столике гарнизонный устав, изредка поглядывая на стенные часы.

— Сколько времени? — спросил его, встряхиваясь от невольной дремоты, караульный начальник.

— Без десяти час.

— Скоро смена.

— Да, уже пора будить.

Он подошел и стал тихонько расталкивать спящих на деревянных топчанах курсантов.

Очередная смена быстро поднялась.

Пошли. Сначала Сергей сменил часового у парадного, потом у бокового выхода, затем у знамени и у оружейного цейхгауза, а потом пошел на задний двор к большим железным воротам, выходящим к тире и роще.

— Кто идет? — окликнули с поста.

— Смена.

— Наконец-то.

— Что, устал что ли?

— Не устал, а курить охота.

— Ну, теперь можешь, — говорил Сергей, когда часовые сменились. — И сам остался подышать на несколько минут свежим воздухом.

Постоял, потом не торопясь пошел обратно. Обо что-то споткнулся, чуть-чуть не упал и вдруг остановился и замер, прильнувши к стенкам одной из двуклоков. К маленькой железной калитке в углу каменной стены направлялись две тени. Подошли и остановились. Кто-то чиркнул спичкой, и при свете ее Сергей ясно увидел лицо невысокого черного человека с небольшими усиками.

– Осторожней! – послышался негромкий голос другого, стоящего в тени.

И удивленный Сергей услышал, как щелкнул замок и слегка скрипнула дверь отворяющейся калитки.

– Стой! – бросился он вперед, щелкнувши затвором. – Стой! Кто ходит?

– Тише! Свои, – уже повелительно произнес тот же голос.

Лунный луч, прорвавши облако, упал на землю, и Сергей внезапно увидал перед собой начальника курсов.

Сергей стоял в недоумении.

– Чудак! – усмехнулся начальник. – Ведь это же – дежурный по гарнизону.

Сергей посмеялся над своей поспешностью.

Сменившись утром, он рассказал товарищам о своем ночном приключении, и они тоже вдоволь над ним подтрунили.

– Своя своих не познаша.

Стояла теплая ясная погода; было не больше десяти часов.

– Ну, ребята. Я вас поведу на прогулку, – сказал Николай.

– Рано-то так?

– Ничего не рано. Сейчас в роще самая прелесть, – не жарко.

– Ну пойдем, – согласился Сергей, – хотя я, собственно, ночью почти и не спал.

– Э! Спать в такое время, – возразил Николай. – Ты посмотри, что на дворе делается.

Пришлось согласиться.

Они отправились знакомой Николаю дорогой, и через 20 минут были около белого домика.

– Ну, вы посидите на той лавочке, а мы сейчас выйдем, – сказал он товарищам.

– Ты недолго! – напутствовали они его.

– Нет, я сию минуту.

«Сия минута» протянулась по крайней мере с полчаса.

Наконец калитка отворилась, и из нее вышла сначала Эмма, потом Николай с каким-то человеком, который попрощался с ним за руку и пошел в другую сторону.

Сергей внимательно глядел вслед незнакомцу.

– Знакомьтесь, – говорил Николай подходя, – Сергей... Сережа!.. – одернул он его.

Сергей машинально подал руку, почти не оборачиваясь.

– Да что ты там интересного нашел? – смеясь спрашивал Владимир.

– Кто это пошел? Вон там.

– Это брат отчима Эммы – Юрий Борисович Агорский. А что? Разве ты с ним знаком или он похож на кого-нибудь? – ответил Николай.

– Да... похож, – пробормотал Сергей.

Во всю прогулку он был задумчив и не особенно внимателен. Николай почти обиделся.

Эмма тоже была немного не в себе, и Николаю показалось даже, что ее глаза чуть-чуть заплаканы.

– Что с тобою? – спросил он, когда они остались немного позади.

– Ничего, – ответила она.

– Нет, «чего». Я ведь вижу.

– Мама нашла у меня твою книгу. Мы с ней и повздорили немного. Из-за тебя...

– И все?

– И все...

Николай весело посмотрел на нее.

На обратном пути Николай стал горячо упрекать Сергея за его непонятную рассеянность, которая портила всю прогулку.

Сергей посмотрел на своих друзей, подумал немного и вдруг не мало удивил их своим ответом.

– А знаете что? – сказал он, – я готов прозакладывать голову против медного пятака за то, что при обходе ночью я видел не дежурного по гарнизону, а этого человека, с которым Николай там у калитки прощался за руку.

– Не может быть!

– Может, если я говорю.

– Но что же это значит? Ведь ты же говоришь, что с ним был начальник курсов.

– А то значит, что у начальника есть знакомства, которые он предпочитает почему-то скрывать.

VII

Разговаривая оживленно и делая всевозможные пред-

положения, они шли рощею, находившейся около курсов, как вдруг Владимир остановился и прислушался.

– Тс... Слушайте! Что это такое?

Та-тара-та-тата-та, – протяжно и едва слышно доносил ветерок со стороны курсов далекий сигнал.

– Уж не тревога ли?

– Нет, – отвечал прислушиваясь Сергей, – тревога подается не так. Это – сбор.

И, прибавивши шаг, торопливо они направились на сигнал.

Еще не доходя, они увидели, как ото всех концов рощи, переполненной гуляющими, торопливо собирались курсанты.

В самом корпусе тоже царило необычайное оживление. Бегали курсанты, сустились каптеры, отворялись цейхгаузы, вещевые, оружейные, продовольственные, а в коридорах спешно строились роты.

Едва только успели наши товарищи встать в строй, как раздалась общая команда: «смирно!», и комиссар объявил, что подчинявшийся до сих пор Советской власти атаман Григорьев выступил внезапно со своими войсками против Украинской Республики. А потому он объявляется предателем и изменником, стоящим вне закона и подлежащим уничтожению. Во исполнение сего, согласно приказу наркомвоена Украины, курсы через четыре часа грузятся в эшелоны и уезжают на новый фронт.

Задание:

Получить: патроны, подсумки, патронташи, палатки, котелки, фляги.

Сдать: постели, корзинки, книги, матрасы.

Погрузить на одни двуколки – хлеб, консервы, продукты; на другие – пулеметы, ленты, цинки.

Сроку – четыре часа.

От оружейного цейхгауза – к вещевому. От вещевого – к продовольственному. С первого этажа – на второй, с первого этажа – на третий.

К сроку все было готово.

Вот уже курсы развернулись перед корпусом, уже окружены толпящимся провожающим народом.

Последнее напутственное слово представителя наркомвоена и – команда.

* * *

Это было тревожное и трудное время. Десятки бело-партизанских банд наполняли Украину. Многие занимались попросту грабежами и разбоями. Но многие, и довольно крупные шайки, под общим руководством Петлюры наносили тяжелые и сильные удары по тылу Украинской Республики.

Пользуясь тем, что лучшие части Красной Армии в то время были оттянуты на далекий восточный фронт, они не всегда прятались по лесам и оврагам, а открыто располагались по селам, хуторам и деревням.

Избегая открытых боев, бандиты часто наносили удары с той стороны, откуда их меньше всего ожидали.

Отличаясь большой жестокостью, они проявляли ее повсюду. Но горе тому из пленников, который, помимо всего, попадал к ним как «коммунист». Только средневековая инквизиция могла бы придумать те разнородные

пытки, которыми сопровождались последние минуты его жизни.

И нигде, никогда, ни один из фронтов Республики не был настолько бессмысленно жесток, как жестоки были атаманы разгульно-пьяных петлюровских банд.

Вот в это время и выступил стоявший на румынской границе командир шестой дивизии или, как он себя величал, «Атаман партизанов, Херсонщины и Таврии» – Григорьев.

VIII

На рассвете невеселого серого утра осторожно подошел эшелон к небольшой березовой рощице. Дальше пути не было, – чьей-то заботливой рукой выброшено несколько шпал и рельс. Выгрузились и принялись за починку.

Первый взвод тем временем направился к ближней деревушке в разведку.

Вышли на опушку, разделились на две партии и разошлись, – обе в разных направлениях.

Над темною пашнею, саженьях в пятидесяти от дороги, кружились и поднимались, кружились и спускались стаи бесшумных темных птиц.

– Лошадь, должно быть!

– Сбегай – посмотри.

Позвякивая котелком глухо, один торопливо с трудом побежал по липкой вспаханной земле.

Вот он остановился, надел шапку на штык и замахал к себе.

– Что там такое?

Свернули, подошли и остановились.

На черной сырой рыхлой пашне, в одном белье, валялись два трупа расстрелянных. Кто они? Разве определишь по этому снесенному до половины черепу или по застывшим стеклянным глазам, был ли то друг или враг?..

Молча пошли дальше.

Вдруг по окраине деревушки быстро промелькнул всадник.

– Сережа... Смотри! – слышались предостерегающие крики. Сергей был старшим в этой партии.

– Вижу... По бугру, в цепь!

Раздались выстрелы.

Вот уже из кучки конных, бросившихся в обход, тяжело рухнули двое. В маленькой цепи курсант Молчанов с удивлением смотрит на расщепанный приклад своей винтовки и капли крови на отяжелевшей руке.

Спешит и торопится на поддержку услышавшая выстрел соседняя разведка.

– Ага, наши!

– Цепь, вперед!

Зачем пригибаться, для чего пригибаться? Это от пули не спасет. Лучше прямо, но скорее, – вперед и вперед. Залп... другой... огонь подбегающей поддержки. И кучка всадников, человек около сорока, с гиканьем скрывается по дороге за деревенькой.

– Ловко для первого раза! – с веселым смехом кричал подбегая Николай.

Сергей улыбался.

– Спасибо, Сержук! – говорил он, пожимая руку старшему соседней разведки. – Вовремя поспел, брат!

В деревне Молчанову заботливо перевязали руку.

– Хорошо еще, что в мякоть! – говорил он, бледнея от боли, но все же улыбаясь.

Около деревеньки валялись трое бандитов, рядом бродила оседланная лошадь.

Подобрали винтовки, на колокольню поставили наблюдателя, а на трофейной лошади послали верхового с донесением.

Выяснили, что это был не отряд григорьевцев, а бродячая банда Козолупа.

И эшелон снова помчался вперед.

И вот: на одной стороне – Кременчуг, на другой – Крюков. Ночью, по мосту через Днепр, торопливо прошли подоспевшие курсанты. И вовремя: несколько часов спустя город начал наполняться панически отступающими красными партизанскими частями. Курсанты останавливали бегущих и спешно сколачивали в разные отряды. Подошли красные броневики, подошли брошенные против повстанцев еще какие-то курсы, кажется черкасские. И только что рассвело, как по городу загрохотали орудия.

Григорьевцы наступали.

Все утро разговаривали трехдюймовки, сновали броневики и автомобили. Красные части готовились к контрудару.

Сергей лежал за большим камнем возле углового дома и без усталости стрелял по черным точкам. Григорьевцы были поголовно пьяны и наступали остервенело.

– Сережа! У меня осталось только две обоймы, – кричал, сгоряча расстрелявший почти все патроны Николай.

– На вот тебе еще три, – кинул из своих тот. – Да ты смотри, даром-то не выпускай.

– Я и не...

Артиллерийский снаряд, попавши в крышу соседнего дома, заглушил его ответ, и белое облако пыли закрыло его от глаз товарищей.

– Коля... Колька! – с опаскою окликнул Сергей.

– ...Я и не выпускаю их даром! – слышался запальчивый ответ.

Выстрелы грохотали повсюду. Где-то далеко на фланге слышалось «ура», ближе... ближе, и покатилося по всем цепям. Красные наступали. К полудню ни в городе, ни за городом уже никого не было. – Разбитые банды убегали, красные их преследовали.

И верные своей партизанской тактике, григорьевцы дробились и распылялись между более мелкими шайками, наводнявшими Украину.

IX

Однажды перед рассветом, рассыпавшись в цепь, отряд курсантов осторожно охватывал деревушку, в которой крепко спали перепившиеся бандиты.

Не доходя с полверсты, цепь залегла, а первая рота, отделившись, пошла небольшой ложиной в обход. Ни разговоров, ни топота. Вот уже в предрассветной мгле показались белые мазанки, и рота беззвучно, чуть не ползком, переменив направление, залегла поперек дороги.

– Тише! – вполголоса проговорил, взглянув на часы, командир взвода. – Сейчас наши будут наступать. Замрите, и огонь только по свистку.

Прошло десять долгих минут.

– Скорее бы!

– Успеешь, Николай, – шепотом ответил Сергей, – куда ты всегда торопишься... Слышишь?

Еще бы не слышать! Частый тревожный набат с колокольни, потом загрохотавшие выстрелы, и через несколько минут, – конский топот в панике мчавшихся на них бандитов.

Резкий свисток пронизал воздух, и меткий внезапный огонь сделал свое дело. Видно было, как по зелени восходящих хлебов уносились стремительно кучки потрепанной банды.

Деревню охватили. Следовало думать, что захваченные врасплох не все успели убежать, а попрятались тут же, в деревне.

Взошло солнце. Обыск дал хорошие результаты: через полчаса трех человек уже вели к штабу, около церкви.

– Чья банда? – спросил у одного из них комиссар.

– Горленко! – ответил хмуро, не поднимая глаз, здоровый лохматый детина.

Их заперли в крепкую деревянную баню и поставили часового.

Курсанты разбрелись по хатам и с жадностью закусывали хлебом, молоком и салом.

– Хозяин! – спросил Владимир, – есть у тебя деготь?

– Зачем тебе? – удивился Сергей.

– Сапоги истрескались.

– А пошукай, дэсь було у двори трошки, – ответил нехотя старик, но сам не пошел, очевидно опасаясь оставить избу на солдат.

– Пошукай. Вот чертов старик, где у него тут пошу-

каешь, – ворчал Владимир, очутившийся на дворе богатого мужика. – Сколько барахла разного навалено. Разве только вон там в углу, – пробормотал он, заметивши под навесом, позади каких-то сломанных ящиков, корзинок и повозок, небольшой бочонок. Но дегтя в бочонке не оказалось, и он хотел уже вылезать, как взгляд его упал на маленький блестящий предмет, валяющийся на полу. Он нагнулся и поднял самый обыкновенный, изогнутый в виде буквы «Г» разрывной капсюль от русской гранаты.

Владимир внимательно и подозрительно осмотрелся. Он заметил под снопом, прислоненной к стене конопли, кольцо от небольшой дверки.

«Ага»! – подумал он и, осторожно выбравшись, быстро побежал к своим.

– Что-то подозрительно! – согласились товарищи, и, захвативши винтовки, отправились во двор.

Они растаскали хлам в стороны, откинули сноп и распахнули небольшую дверку, должно быть от бывшего курятника.

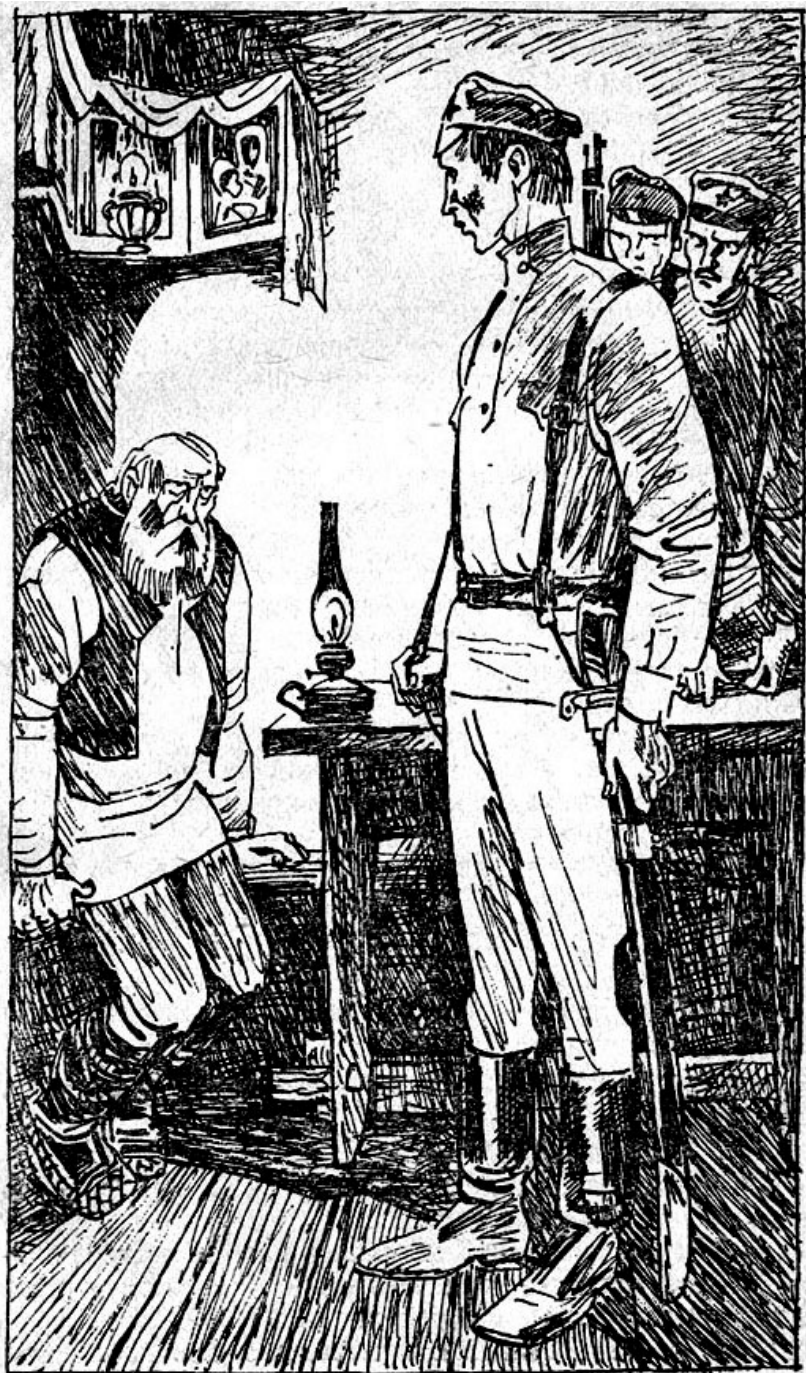
– Эй, кто там?! Выходи!..

Молчание.

– Может быть там никого и нет, – проговорил Николай и, наклонивши винтовку, заглянул в темноту.

Раз!.. два!.. три!.. бахнули один за другим револьверные выстрелы, и из двери стремительно бросилась черная фигура.

Владимир ударил прикладом по голове, а Сергей крепко схватил за руки. Николай же, покачнувшись, неуверенно ухватился за край телеги и, не удержавшись, упал, – он был ранен.

На выстрелы со всех сторон сбежались курсанты. Бандита связали, а Николая осторожно перенесли в избу.

Пойманный нагло смотрел на окружающих. Когда вернули его карманы, то в них нашли письмо, приказ и желто-голубой значок. Это был офицер, прежний штабс-капитан, а теперешний атаман, – Горленко.

Николай был тяжело ранен. Пришел фельдшер и установил, что пуля пробила верхушку правого легкого и задела где-то возле лопатки.

...И когда у каменной стены церковной ограды перед отделением курсантов, хмуро опустив головы, встали четыре человека, Сергей холодно и твердо произнес слова роковой команды...

А на другой день, после трехнедельного скитания, эшелон быстро уносил их домой – в Киев.

Запыленные, загоревшие, с маршем прошли возвратившиеся курсанты по городу.

Встреча была устроена торжественная. Даже начальник курсов пробормотал несколько приветственных слов, поздравляя их с благополучным возвращением.

На следующий день были похороны убитых товарищей. Среди огромного скопления народа Сергей на мгновение увидел Эмму. Она внимательно всматривалась в проходящие ряды и, казалось, кого-то искала.

Он был в строю и потому сказать ей ничего не мог.

Х

Николаю сделали операцию и вынули круглую свинцовую пулю.

– Эдакая мерзость застряла, – сказал доктор, взвесивши ее на ладонь. – Сразу видно, что из дрянного револьвера.

Когда Сергей выходил из курсового лазарета, ему передали, что его хочет видеть какая-то девушка.

Он спустился в садик и увидел там Эмму. По ее поху-девшему лицу и по беспокойному взгляду не трудно было догадаться, о чем она хочет спросить.

Сергей, не дожидаясь расспросов, рассказал ей все сам.

– Ему теперь лучше?

– Да... Вот что, – добавил он немного подумавши, – вы приходите дня через три, и мы вместе к нему сходим.

Эмма ответила благодарным взглядом.

Здоровье Николая начало значительно улучшаться, и через несколько дней он уже мог слегка поворачиваться со спины на бок.

Эмма пришла, как они условились, – после строевых занятий. У входа в лазарет надели белые халаты и прошли к Николаю.

– Мы к тебе сегодня в гости, – проговорил входя Сергей.

Николай радостно взглянул на него.

– И ты пришла? – спросил он Эмму.

– Пришла, – смеясь ответила она.

– А как же дома?

По лицу Эммы можно было видеть, что это обстоятельство теперь беспокоило ее мало.

Сергей вышел, а они долго и оживленно болтали, как хорошие старые друзья.

– Ты изменилась, Эмма, – заметил Николай.

– Может быть, Коля. Я так много думала за последнее время.

– О чем?

– Обо всем! Досадно становится. Жизнь течет так скучно. Кругом что-то делается, кипит, а тут – все одно, все одно и то же. Помнишь, – улыбнулась она, – как ты на меня из-за петроградских работниц рассердился?

– А зачем же ты тогда спорила, – заговорил он после некоторого молчания, – а зачем в церковь... Глупая девочка! – вдруг закончил он мягко, точно большой человек, выговаривающий маленькому ребенку.

Когда они прощались, то Николай крепко пожал ей руку и сказал полусерьезно-полушутя:

– Думай только больше и глубже и обо всем!

– Сначала о тебе, а потом обо всем.

– Почему? – и он мельком поймал ее глаза. Она чуть-чуть улыбнулась, хотела что-то от дверей добавить, но не сказала и вышла.

XI

Был праздник; утром проверки не производились, и многие повставали несколько позднее, чем обыкновенно. Утро стояло жаркое, солнечное, и курсанты разбрелись по роще и садику, прогуливаясь и отдыхая.

Сергей только что направился по направлению к пруду, думая искупаться, как вдруг внезапно по окрестностям покатались торопливые, четкие переливы сигнала «тревога».

«Это – уже не сбор», – мелькнуло у него в голове. И он стремительно помчался вверх к пирамидам с винтовками.

Никто ничего не знал, только командир батальона

– Полк большой, и если он серьезно заражен петлюровщиной, справиться будет трудно.

Захваченные орудия поставили на плацу, подходы к корпусу заняли сильными караулами.

Всю ночь собирались надежные части гарнизона – 6-е, 4-е, 5-е курсы, кавалерийские, а также мелкие партийные отряды. В девять часов утра полк выступил, к девяти ему предъявлен ультиматум – сдать оружие...

Киев точно вымер, по улицам извивались цепи, по углам к земле приникли пулеметы.

Еще несколько минут до срока. На автомобиле подъехал наркомвоен Украины и взглянул на часы. И почти в то же время вместо ответа с той стороны первую ленту ре-занул пулемет.

Наркомвоен привстал, рукой облокотившись на стенку машины, и подал сигнал.

И через головы притаившегося Киева батарея с ревом забила по Бендерским казармам.

Перестрелка на улицах длилась очень недолго, со стороны восставших выстрелы стали вскоре стихать.

Сергей бежал одним из первых по Керосинной улице и, завернувши за угол, он увидел спины поспешно убегających богумцев и выкинутый белый флаг.

– Ага – сдаются!

И по улицам, до автомобиля наркомвоена доносится весть, что богумцы сдаются.

– Спohватились все-таки, – говорит он.

И приказывает прекратить огонь.

Без артиллерии докончить начатую измену полк не смог, сдался, был обезоружен и расформирован в тот же день.

К вечеру все было уже спокойно и тихо. Еще днем привычный киевлянин сначала робко высунулся на двор, потом показался на улицу. И не найдя там ничего угрожающего своей особе, вздохнул с удовольствием и восхищением.

XII

Восстание не удалось, но обнаружило, что в частях гарнизона не все благополучно.

А кругом, почти под самым городом, бродили мелкие шайки. Слабые красные части понемногу, но постоянно отступали. Подходил Деникин к Екатеринославу, а Петлюра и Галлер уже поглядывали на Жмеринку.

Теперь возле курсов по ночам стояли сильные посты и ходили патрули.

Однажды Сергей сидел и писал домой:

«Я посылаю вам третье письмо, но ответа до сих пор не получил. Знаю, конечно, что не ваша это вина, а все-таки досадно. За меня не беспокойтесь, я доволен своей жизнью и своим положением как раз настолько, насколько вообще может быть доволен человек. Работы серьезной и ответственной у курсов очень много, и я целиком ушел в нее. Производство в красные командиры я должен получить в сентябре, но поговаривают, что нас выпустят и раньше. Если все будет благополучно, то заеду тогда домой».

Окончил письмо, запечатал его в конверт и хотел спу-

ститься вниз, как вдруг в комнату вбежал запыхавшийся Владимир, а за ним следом Николай.

– Дело есть, Сергей.

– Тут брат кругом какая-то чертовщина твориться начинается.

– В чем же дело?

– Сегодня я стоял на дневальстве. Когда сменился, захватил книгу и улегся под кустом в роще. Кругом – никого, вдруг слышу шаги, гляжу – начальник. Я вспомнил про твои, Сергей, подозрения. Куда, думаю, его черт несет? И тихонько за ним. А он возле крайней дороги у овражка встретился с тем самым человеком.

– С Агорским? – живо спросил Сергей.

– Да! Передал ему довольно большой синий сверток и сказал несколько слов. А затем пошел как ни в чем не бывало на курсы к артиллеристам.

– Странно что-то!

Друзья задумались.

– Знаете что? – сказал Сергей. – Тут дело не чисто. Возможно, что он передал ему какие-нибудь сведения. А затем прошел дальше действительно по делам к артиллеристам, чтобы скрыть следы своей отлучки. Надо потолковать с комиссаром.

Вместо заболевшего и несколько тяжелого на подъем прежнего комиссара теперь на курсы был назначен другой, молодой еще, умный и энергичный летчик Ботт.

Пошли к нему и рассказали все с самого начала.

– Вот что, товарищи, – сказал он. – Если арестовать Сорокина, то пожалуй никаких улик не найдется, а предупрежденные сообщники скроются, и дело будет закрыто.

А кроме того, на чем в сущности основаны все эти подозрения? Ведь неловко, право, будет, если между ними просто какие-нибудь личные дела.

— Сверток бы достать! — сказал Владимир.

— Я попробую! — промолвил все время молчавший Николай.

— Ты! Каким образом?

— Это уже мое дело, — коротко ответил он. И быстро вышел.

ХІІІ

То время, когда Николай поправлялся от полученного ранения, было временем еще более тесного и дружеского сближения с Эммой. Пользуясь привилегией больного, он встречался с ней каждый день. По вечерам с товарищами собирались вместе в красивом оживленном клубе. Один раз даже побывали в театре. Николай видел в Эмме теперь близкого и надежного друга. Вот почему Николай, во время разговора с Боттом быстро взвесив положение вещей, бросился к Эмме. Он вызвал ее в рощу.

— Что случилось? — тревожно спросила она.

— Случилось что-то скверное, Эмма. И я рассчитываю только на твою помощь.

— Чем я могу помочь? И в чем?

— Слушай, Эмма! Мы много говорили обо всем с тобой и кажется хорошо друг друга поняли. Теперь ты должна постараться помочь нам разрешить одну задачу.

— Что же такое?

— Твой отчим — белый офицер.

Эмма вздрогнула, чуть-чуть даже отшатнулась от него и побледнела.

– Как! Ты знаешь?

– Знаю! Я давно об этом догадался... А его брат, кажется, шпион, – резал Николай.

– Юрий Борисович? – и она посмотрела на него большими, удивленно испуганными глазами.

– Слушай меня внимательно, – продолжал он. – Сегодня к нему попали какие-то бумаги, и ты должна постараться во что бы то ни стало достать их, если еще не поздно, – твердо проговорил он.

Она несколько раз взволнованно порывалась перебить его. Николай продолжал неумолимо:

– Эмма! От этого, может быть, зависят сотни и тысячи жизней честных и преданных своему делу людей. Эмма! Мы много с тобой говорили, теперь тебе надо решить, с нами ты или нет. Этот шаг будет бесповоротным. Эмма! – добавил он вдруг другим голосом, – сделай, пожалуйста, если сможешь. Это для нашего дела и... для меня.

После долгого молчания Эмма тихо ответила:

– Но если я и достану, то как же я тебе передам сегодня, не отлучаясь от дома?

– Я буду ждать до поздней ночи возле снопов соломы, в вашем огороде, и ты перебросишь их тихонько через плетень.

* * *

Чай пили дома, потому что на дворе хотя и тепло было, но собирались тучи.

Пришел и Юрий Борисович, быстро сбросил на вешалку возле веранды пальто и спросил, проходя в глубь комнаты:

– Чай есть? Ну хорошо, дайте мне чего-нибудь закусить поскорее, потому что мне скоро бежать по делам.

Все уселись за стол. Старухи болтали. Агорский с жадностью ел жаркое. Эмма разливала чай и напряженно думала: «Сверток верно большой, в карман френча не войдет, должно быть в пальто». – И в голове уже мелькал план.

Тучи сгустились, слышался далекий еще отзвук грома.

– Мама! – громко сказала, вставая, Эмма. – Сейчас пойдет дождь, пожалуй белье замочит в палисаднике.

– Ах ты, боже мой! правда, беги скорей, Эммочка, и тащи сюда.

Эмма торопливо вышла. Вот и вешалка, вот и одежда; она торопливо ощупывает карманы, один из них оттопыривается от плотно засунутого свертка. – Здесь!

Она быстро срывает свое пальто, Агорского, прихватывает чей-то чепчик и бежит к плетню.

– Николай! Коля!

– Здесь.

– Держи! Уноси все скорее, – бумаги в кармане.

И перебросивши изумленному Николаю всю груду одежды, она быстро подбегает, распахивает калитку и, схвативши кое-как с веревок белье, бросается в комнаты. В ту же минуту капли крупного дождя забарабанили по крыше.

Юрий Борисович морщится, – придется переждать дождь.

Через полчаса гроза прошла, но стало уже совсем темно:

– Ну, я пойду, – сказал Агорский, вставая.

Едва сдерживая волнение, следит Эмма за тем, как направляется он к вешалке. И слышит оттуда через минуту встревоженный голос:

– Марья Сергеевна, вы не брали моего пальто?

– Нет, – удивленно отвечает та.

Агорский быстро выбегает на пустую улицу... Но кругом темно, тихо, ничего не видно и не слышно.

Воры скрылись.

XIV

Запыхавшись, порядком измокший, бежал Николай со своей увесистой и – главное – неудобной поклажей. Инсценировка кражи, по-видимому, удалась как нельзя лучше.

Вот и курсы, но отчего там сегодня так темно? Должно быть электричество наверху попортилось.

Он постучал в крепкую дубовую дверь. Сначала отворилось небольшое окошечко, и выглянувшая голова спросила: «Кто идет?» – потом зазвенела цепь, дверь приоткрылась, и он вошел.

«Странно! – подумал Николай, – почему это на посту не курсант, а красноармеец хозкоманды».

Он пошел наверх, по лестнице, но в обширном помещении было тихо и темно. Ничего не понимая, он спустился вниз и спросил у часового:

– Где же курсанты?

– А где же ты был? – ответил удивленно тот. – Уже два часа, как курсы уехали на фронт.

У Николая опустились руки.

– Да они еще должно на вокзале, – прибавил тот, – на товарном, кажись.

Тогда Николай кинул свою поклажу с криком: «Сдайте каптеру!» – сам, как сумасшедший, сжимая сверток, помчался по темным улицам.

Он бежал версту, другую, третью, потом подлезал под вагоны, стучался о буфера и сцепы... Вот эшелон!

– В котором вагоне комиссар?

И сразу натолкнулся на Сергея.

– Николай! Наконец-то ты!

– Сережа! Вот... – задыхаясь говорил Николай и подал сверток. – Где Ботт?

– Ботта нет, он с другой половиной курсов уезжает под Жмеринку с Киева-пассажирского.

Они живо развернули синюю обертку свертка и при свете свечки увидели кипу приказов и карту с полной дислокацией частей Украины.

«Ого! – удивленно подумали они, – это – важная штука».

Паровоз загудел к отправлению. Сергей быстро схватил трубку полевого телефона и надавил вызывной клапан.

– Это кто?.. Это ты, Сержук? Скажи машинисту, чтобы до моего распоряжения эшелон задержался.

– Но ты-то кто? – спросил удивленный Николай.

– Комиссар отряда, – ответил за него Владимир.

Они выскочили и добрались до вокзала. Сергей по аппарату вызвал коменданта пассажирской.

– Вызовите срочно комиссара того отряда курсантов, что сейчас отправляется на фронт.

Прошла минута, две, три. Послышался снова звонок.

– Ну что?

– Поздно! – пропела мембрама. – Поздно, товарищ!

Отряд курсантов уже за семафором.

«Что же делать? – подумал Сергей. – Ага! В Укрчека».

– Дайте город! Занято?... Опять занято? О! чтобы вы все попропали!

– Товарищ комиссар! – с отчаяньем влетел дежурный. – На двадцать минут задержка эшелона... Сейчас у меня воинский, тоже на какой-то фронт. Скорей, пожалуйста.

– Ладно! – с досадой крикнул товарищам Сергей. – Он от нас не уйдет... Я телеграфирую из Коростеня. А теперь – едем!

Они быстро добежали до своего состава. И эшелон, рванувшись, помчался в темноту, наверстывая потерянное время. Сергей с нетерпением поджидал первой остановки. И вот, наконец, эшелон, властно заревев сиреной, криками голосов, стуком разгружаемых повозок, лязганьем стаскиваемых пулеметов, разбудил притаившийся опасливо небольшой вокзал.

Сергей – на телеграф.

– Срочную в Киев.

– Нет! – и телеграфист устало посмотрел на него. – Киевская опять не работает. Порвана. Теперь, должно, до утра.

– По Морзе?

– Нельзя! Разбит Левкой еще на прошлой неделе.

– А через Яблоновку?

– Через Яблоновку можно. Только...

– Передавайте живо!

– Только...

– Чего еще? – спросил недовольно Сергей.

– Кравченко там. Все телеграммы контролирует, и если у вас важная, то может и не пропустить.

– Какой еще, к черту, Кравченко? – Сергей ничего не понимал.

– Кто его знает! – пояснил хмуро комендант. – Был красный, а теперь, вот уж третий день, не признает никого. Телеграммы проверяет и поезда пропускает не иначе, как обобрав.

– Так он – бандит?

– Не совсем... Ну, конечно, вроде этого. Да вы попробуйте, может и пропустит. Вот только что через него providольственную получили.

«Чтоб он сдох!» – с сердцем подумал Сергей. Пробовать, конечно, не стал.

Вошел начальник отряда.

– Товарищ Горинов! Сейчас выступаем. Кучура три часа тому назад свалил под откос броневик. Там орудия...

– Родченко! – остановил Сергей одного из курсантов и отвел его в сторону. – Ты надежный малый. Останься здесь, и если до утра линия не будет исправлена, отвези этот сверток и телеграмму в Киев. Передай их в Укрчека, под расписку, и останься сам на курсах.

– Я на фронт с товарищами поеду, – резко ответил тот. – Отдай кому-нибудь из обозников.

– Родченко! – повторил Сергей твердо. – Я даю тебе поручение большой важности. Прочитай телеграмму и увидишь. А кроме того я тебе это приказываю. Понял теперь?

– Понял, товарищ комиссар. Будет сделано! – ответил тот, потом добавил: – И скотина ты все-таки, Сергей.

В темноте, спотыкаясь, ушел отряд. В темноте снова тускло мерцали фонарные огни. А бессонный комендант снова трогал локтем кобуру от нагана и тревожно вслушивался.

Поползла бесшумным шорохом лента телеграммы из Яблоновки и спросил кто-то, с того конца:

– Пашка! У вас какие?

«Васька для интересу спрашивает», – подумал оживший телеграфист и нехотя положил руку на ключ.

Но оборвался сразу, потому что брызнуло осколками разбитое пулей окошко, и выстрелы отовсюду загрохотали.

...Через час он, равнодушный и усталый, выбивал черточками ответ: «У нас только что были зеленые, – Степка Перемолов с ребятами. Убили коменданта и еще одного из курсантов. Теперь нет совсем никаких. Анархизм полный... Я иду спать».

XV

Вызовы курсантов на фронт являлись обычным явлением того времени. Первые командиры Красной Армии учились в боях.

Едва Николай вышел на улицу после разговора с Ботом, к корпусу подскочил конный ординарец и передал пакет. То был приказ срочно сформировать два отряда. Один бросить на защиту Жмеринки, другой двинуть против вновь угрожающих Коростеню банд. Отрядам выбыть не позднее, чем через три часа.

И вновь небольшой, но крепко сплоченный отряд курсантов оказался посреди густых лесов и топких болот Волынской губернии. Без соседей, без резервов, но с твердым заданием: разбить банду, и с не менее твердым намерением: выполнить приказ до конца. К удивлению мужиков отряд не гонялся по всем направлениям и не требовал себе ежедневно по полсотне подвод. Отряд осматривался. Днем, для отвода глаз, крупные разведки наведывались в соседние хутора и деревушки. К вечеру и к ночи десятки мелких дозоров по три, по четыре человека расходились по оврагам, расползались по хлебам и шныряли по рощам.

Обязанности комиссара в среде курсантов невелики. Народ все надежный и сознательный. А потому Сергей забрал в полное владение своих двух товарищей и, пользуясь своим относительно свободным положением, стал предпринимать с ними довольно рискованные и смелые разведки.

Они выбрали себе по легкому карабину. Еще на курсах Сергей вооружил их наганами. И весь отряд с уважением всегда смотрел на троих неразлучных смельчаков.

Трудная задача — воевать с бандитами. Неопытного командира и солдат — лучше и не посылать. И не в том беда, что в бою те сплюскают или отступят иногда. Нет! Это бы еще ничего, — раз на раз не приходится. А в том, что драться-то ему будет не с кем. Пройдет день, два, неделя, месяц, — отряд измучается, кидаясь из стороны в сторону в погоне за появляющимися то здесь, то там бандитами. Но за исключением десятка-другого случайных выстрелов — ничего не услышит.

И все-таки отряд будет таять. Тот заболел, тот поотстал, того сняли, когда он одиночкой ехал с донесением, или просто бабахнули из-за угла при случае. И так до тех пор, пока измотавшийся и обессиленный отряд не расположится на отдых и не выставит по недосмотру слабое или засыпающее от усталости охранение.

Вот тогда-то, неизвестно откуда, разом налетит и заполнит деревню банда. И прощай винтовки, патроны и пулеметы. Из рядов построенных пленников выведут сначала подозреваемых в коммунизме, потом в еврействе.

И тут же один из атаманов или заменяющий его сотник покажет свою ловкость и умение владеть шашкой, искусно отрубая по очереди с одного раза и руки, и ноги, и все, что угодно. Иногда, при наличии некоторого благоволения, например когда пленник слишком молод, или, хотя и большевик, но украинец, – могут и сразу отрубить голову.

Остальных в лучшем случае взгреют шомполами и предложат желающим вступить в банду, носящую в большинстве громкое название конно-повстанческой, ударно-партизанской или еще как-нибудь.

Впрочем, последнее обстоятельство курсантам не было знакомо. Во-первых, не было случая, чтобы курсанты сдавались, а во-вторых, если кто и попадался одиночкой, его всегда ожидала описанная постепенная смерть.

* * *

Атаман Битюг сегодня не в духе. – Еще бы! Что это за отряд, почему он остановился и уже, почитай, целую неделю не двигается, хотя он ежедневно нарочно посылал мелкие шайки по окрестным селам и приказывал тамош-

ним мужикам срочно доносить об этом красным. Если бы еще в деревне остановились! Все свои люди хоть что-нибудь да сообщили бы. Не у всех же солдат замки к языкам привешены. Так нет! И тут не так, – встали за мельницами, а в деревню только за провиантом подводы присылают.

– Эй, Забобура! – кричит он своему адъютанту, – пришли ко мне сотенных Оглоблю и Черкаша. Да пускай и Борохня придет.

Тот вышел и через десять минут вернулся с двумя сотенными. Первый – огромный, с вспухшим и пересеченным шрамом лицом и включенной головой. Второй – поменьше, черный, юркий, с хитрыми бегающими глазами.

Вошедшие поклонились.

– А где Борохня?

– Борохня перепимшись и не встает.

– Экие скоты! Только вас и хватает на то, чтобы водку дуть. Ну! – обратился он к вошедшим, – что нового?

– Да кажись ничего пока, – ответил Черкаш. – Разве только, что вот от Могляка наши вернулись, что пакет возили.

– Отряд где?

– Стоит!

– Ну, а возле Барашей как?

– Как приказывали. Дорогу снимают.

– И много сняли?

– Побольше верст пятка, подле Яблоньки своротили. Да так порознь ребятишки гайки крутят.

– Две деревни да волы – пар двадцать работают, – добавил Оглобля.

Вошел Забобура и передал пакет. В нем главарь соседней банды Шакара сообщал следующее:

«Командующему Волынско-повстанческим отрядом атаману Битюгу.

Для поддержания связи, а также для своевременного предупреждения вашего уничтожения сообщаю следующее. Что захваченный мною коростеньский большевик, после всесторонней обработки, показал, что на территорию войск ваших вызван из Киева особенный отряд не из красноармейцев, а из отборных большевиков, кои готовятся у них к офицерскому званию, а потому дошлый до всяких военных приемов».

Дальше после титула «Атаман степного истребительного отряда» – печатными буквами стояла подпись: Шакара.

– Вот! Вот... – сунул разгневанный Битюг в лицо сотенным бумагу. – Дураки, черти криворожие. Не могли до сих пор узнать, что тут – не солдаты, а юнкера ихние. Да не я буду, если они не рыщут по ночам по всем направлениям, когда вы пьянствуете да дрыхните!

– Забобура! – продолжал он. – Могляку приказ. Ночью потревожить их с тыла. Долго пусть не дерется. Но чтобы ночь не спали те тоже. Мы их закрутим. А ты! – закричал он на Оглоблю. – Распустился сам и ребят своих распустил. Зачем Семенки сожгли, когда я одно Крюково спалить приказывал?

– Точно! Ошиблись маленько, – бормотал, пятясь к выходу, Оглобля.

– То-то – ошиблись!

В лагере дымились костры; над обеденными котлами

играла гармония, слышался смех и ругательства. Занимался каждый, чем хотел. Тут кучка, лежа и сидя в самых разнообразных позах, резалась в затасканные карты перед грудкой петлюровских «карбованцев». Там человек десять окружили бутыл с какою-то мерзостью и перекачивали ее содержимое кружками в желудки.

А вот и занятые настоящим делом: один с упорством окорачивает ствол винтовки наполовину, превращая ее при помощи подпилка в специально бандитский карабин. Другой вплетает в конец нагайки тяжелую свинчатку, и, очевидно заранее предугадывая последствия от удара ею по чьей-то спине, довольно улыбается.

Кто они – эти Черкаши, Оглобли, Могляки, Свинстунчики? Что это за народ без имен и фамилий, с одними только кличками, наполнивший собой все поля, леса, деревни и хутора Украины?

Объединяет их грабеж, водка и страх уже за совершенные преступления. И чем дальше, тем основательнее опасения, так как руки каждого пачкаются все больше и больше в крови. И бросив всякий расчет на возможность сближения с красными, они доходят до крайних пределов жестокости и ненависти. – Один ответ!

Встречаются в лагере и бабы. Да недалеко ходить. Вот атаманова Сонька. Эх, хороша штучка! И конь у нее есть белый с яблоками, «сам» подарил, из учумского совхоза достали. Поймают москаля, приведут связанного.

Кто кричит: зарубить, кто – повесить, а она – тут как тут! Подъедет она, – раз плетью, два, сшибет с ног конем и затопчет. Умный конь-то, наваженный. Благородная сама, из актрис, кажется – петербургская. Затопчет и смеется:

– Хорошо, ребята?

– Го-го-го! Куда уж, лучше не надо!

И качают головами, умильно вздыхая, ребята. «Да, это – штука! Вот бы...» Но тут мысль неизменно обрывается и перебивается другой. – «Пожалуй! попробуешь! В прошлом году сотенный, что до Могляка был, – из офицеров, – прилаживался. Зарубил Битюг, – полоснул шашкой и – конец!»

И прут разные Вахлаки и Забубенные по деревням и хуторам, – девка ли, баба ли, лишь бы понравилась.

– Даешь сюда!

Та в страхе пытается вырваться и спрятаться за мужика, за старика ли.

– Но-о! – и свист нагайки. – Проваливай, авось от бабы не убудет, с собой не возьму.

– Оно тошно! не убудет, – со вздохом соглашается почесывающий спину мужик. – Конечно!

А с девками и того проще – не для кого беречь.

Гоголевская Украина. Добродушно-ленивая. Парубки, хороводы, дивчата со звонкими песнями. Где она?

Нету! Кипит, как в котле, разбурлившаяся жизнь. Решетятся пулями белые хаты, неприбранные стоят поля. А по ночам играет небо отблесками далеких пожаров.

XVI

Атаман закинул ногу в стремя и, приподнявшись, грузно опустился на свою каурую кобылу. Сонька танцевала уже возле палатки на своем нетерпеливом коне, перед небольшой кучкой всадников, составлявшей конвой атамана.

– Ну! Все, что ли?

– Все.

– Трогай!

И сразу сорвавшись с места, легкой рысью полетела небольшая кавалькада и вскоре скрылась за поворотом к ложине Кривого лога.

Мелькали поля, попадались заросшие зеленью яблонь и вишен хуторки. Заслоняясь рукой от солнца, всматривались на проезжающих работающие на хлебах мужики и, узнавши, снимали шапки, низко кланяясь.

Остановились на несколько минут напиться в попавшейся на пути деревушке. И, провожаемые сочувственными советами зажиточных бородачей, а также испуганно-любопытными взглядами баб и ребятишек, поскакали дальше.

На пути, по дороге посреди неснятых колосьев пшеницы, разглядели издалека скачущих к ним навстречу двух всадников, которые, заметивши отряд, остановились в нерешительности.

– Наши ли это? – спросил с сомнением атаман.

– А вот сейчас посмотрим.

В самом деле один из всадников повернул лошадь, снял шапку и вытянул ее в сторону на правой руке два раза.

– Наши! – сказал Борохня, отвечая тем же сигналом.

Встречные оказались своими ребятами из сотни Оглобли, наблюдавшими за работой по разборке железной дороги.

– Ну, как? – спросил, останавливая их, атаман. – Снимают?

– Работают!.. – усмехнулся один. – Можно сказать, подходяще.

Верст через десять обогнули по опушке небольшую рошу и выехали на бугор.

Их, уже, очевидно, давно заметили, потому что человек с двадцать всадников быстро подскакали к ним сбоку из-за деревьев.

– Ого-го-го! – слышалось радостное ржанье. – Свои! Наши!

Приостановившаяся было работа снова началась с еще большим рвением.

Атаман отпустил конвой, а сам с Борохней и Сонькой нетерпеливо стал осматриваться вокруг.

Прямо перед ним, внизу, человек около четырехсот согнанных из окрестных сел хохлов копошились, старательно и умело разрушая железную дорогу. Разобравши в одном месте стыки рельс, привязывали к концам веревки, пристегнутые к десятку пар волов, и вся линия вместе со шпалами веером переваливалась в сторону насыпи, откуда сотнями рук стаскивалась под откос. Много народа, преимущественно девок и баб, следом разбрасывали лопатами и срывали песчаную насыпь. Позади на несколько верст желтел уже обработанный путь и сиротливо стояли пощажённые телеграфные столбы, но с перерванными и болтающимися кусками проводами. Отовсюду слышались крики и понукания.

– Цоб! Цоб! Цобе! – гудели десятки голосов, и слышалось посвистывание ременных плетей и щелки по бокам неуклюжих волов...

– Эй-раз! Эй-два! – протяжно раздавалось со стороны работающих по стаскиванию под откос полотна, и, понемногу подвигаясь, рельсы и шпалы скользили вниз.

Между народом проезжали и проходили наблюдающие за работой бандиты. Они перешучивались с бабами и девками и сурово покрикивали на мужиков.

Атаман подъехал поближе и окрикнул:

– Бог на работе помочь!

– Спасибо! – раздалось несколько десятков голосов в ответ.

Он проехал взад и вперед мимо работающих, выругал за то, что мелко срывают насыпь, но в общем работами остался доволен.

Атаман заехал в соседнюю деревушку. Отдохнул, плотно закусил жареным гусем, основательно выпил и отправился обратно.

– Слушай, – спросила его на обратном пути Сонька. – Что же ты не думаешь об отряде? Ведь писал тебе Шакара!

– А вот приедем, узнаем. Ночью Могляк их должен потревожить с тылу. Сегодня я пошлю за тем же Оглоблю, завтра Борохню, а послезавтра двинусь и сам.

– Послезавтра! – капризно протянула та. – До послезавтра еще долго, а я хочу сегодня.

– Сегодня, душечка, нельзя.

– Почему нельзя?

– Потому что нужно потрепать их сначала, а не то нарваться здорово можно. Юнкера ведь все-таки ихние.

– Юнкера! – с озлоблением бросила она. – Раньше действительно юнкера были, а теперь у них – одна дрянь. Всякий сиволапый – тоже юнкер...

Она не кончила. Битюг остановился и посмотрел в бинокль.

– Кого это так дьявол несет? – сказал он недоумевая. – Скачет кто-то, точно за ним черти гонятся.

Теперь уже и невооруженным глазом можно было видеть, как всадник, склонившись к седлу, бешеным аллюром мчался по полевой дороге.

– В чем дело? – беспокойно крикнул Борохня, когда, наконец, взмыленная лошадь с пыльным седоком поровнялась с ними.

– Атаман! – ответил седок, едва переводя дух, – беда! Могляк убит, и сотня его почти целиком пропала.

– Как! – побагровев от волнения, рывкнул тот, – откуда ты знаешь?

– Сейчас прибежали несколько из уцелевших ребят.

– Собачий сын!.. баба!.. – разразился градом ругательств по адресу погибшего Могляка атаман и, ударивши шпорами, понесся вперед к лагерю.

Как встревоженный осиный рой загудел бандитский лагерь. Еще бы! лучший сотник! Еще только недавно прибежал из деревни мужик и сообщил, что утром возле деревни отряда не оказалось, и он словно пропал куда-то ночью. Еще только недавно всыпал Оглобля этому мужику пару плетей за то, что вовремя не доглядел и поздно сообщил об этом, как прибежали два бандита и повели о разгроме лучшей банды.

– Да! – Гневно шагал атаман по палатке. – Выслать во все стороны пешие и конные разведки. Отряд разыскать; посты к ночи удвоить.

Через несколько минут потянулись пешие разведывательные партии, и легко понеслись куда-то три небольших конных отряда.

– К черту! – говорил атаман, – мало ли что юнкера, – нас втрое больше. В случае чего и Шакару можно попро-

силь. Не даст, скотина! Он таких дел недолюбливает: ему бы наверняка. Поезд сначала спустить, а потом ограбить, на обозников каких-либо напасть, а прямо-то он не любит.

– Не даст – и черт с ним! Мы и сами не хуже его сделаем дело.

В лагере не было слышно ни обычных пьяных криков, ни песен, и настроение было подавленное. Повсюду кучками толковали о случившемся.

– Жалко Могляка!

– Чего жалеть-то? Ты за своей башкой смотри.

Послышался торопливый топот. К атамановой палатке подскочил какой-то хохол без шапки, без седла и быстро говорил о чем-то Забобуре.

– Что там такое? – спросил выходя «сам».

– Отряд вернулся и стоит на прежнем месте.

– Ага! – довольно воскликнул атаман, – теперь расквитаемся! Заруба! Карасю приказ: завтра к ночи встать позади отряда, поблизости. Борохня! наши от Сыча-мельника вернулись?

– Вернулись.

– Порошок привезли? Давай их сюда. Ну, что, где? – спросил он кого-то из вошедших.

– Вот! – и тот передал ему небольшой, завязанный из грязной тряпочки, узелок.

– Кто из Дубков сообщение привез?

– Вавила-косой.

– Давай его ко мне.

В палатку вошел все тот же прискакавший с донесением об отряде хохол и низко поклонился.

– Откуда солдаты воду берут? – спросил его атаман.

– То ись как? – не понял тот.
– Ну из деревни... из речки?
– Не! из колодца, что возле Яковой мельницы.
– В чем обед варят?
– Кухня у них есть такая, на колесах.
– Вот что, Вавила! Вот тебе порошок и чтобы завтра до обеда он уже был в колодце.
– Никак невозможно! – ухмыльнулся мужик.
– Как невозможно, дубина! Вот я тебе стукну по башке, так будет возможно!
– Народу всегда там ихнего много.
– Мало ли что много. Долго ли кинуть!
– Ладно, попробую.
– На вот, попробуй! – крикнул атаман и вытянул несколько раз мужика плетью, – чтобы ты у меня больше не пробовал, а точно делал, как говорят.
– Что же... Сделаем, – согласился Вавила. – Если уж такое от вашей милости строгое приказание, – сделаем.
– Ну то-то! А ночью я у вас сам буду.
Атаман отослал мужика и злобно пробормотал:
– Могляка разбили! Я вам покажу... С-собачья коммуна!

XVII

Могляка разбил отряд Сергея. Отличная разведка установила его местонахождение. Банда, введенная в заблуждение поведением отряда и не ожидая нападения, мирно перепилась. Перехваченный приказ Битюга дал отряду новые указания, и сильным ударом банда была уничтожена. Впрочем, это был лишь первый шаг. Предстояло взять Битюга.

Наши друзья утром проснулись довольно рано, часов около семи.

– Значит сегодня наступаем?

– Значит так.

– Трудно только по такой дороге подойти ночью.

– Ночью мы подойдем только до леса, а свернем уже к рассвету.

– Пойдем умываться.

Пошли к колодцу. Еще не доходя, они услышали какой-то треск, похожий на негромкий револьверный выстрел, но не обратили на него внимания. Теперь же, подходя к мельницам, они увидели кучку оживленно суетящихся курсантов.

– Колодец либо отравили, либо заразили, – сообщили Сергею сейчас же курсанты.

– Вот этот субъект. Ему Кузнецов из нагана руку просадил.

Подошел Кузнецов и пояснил: он сегодня дневалил по лагерю и заметил, что какой-то мужик все время толкается около мельниц. Это ему показалось подозрительным, так как доступ за черту расположения курсантов был запрещен. Он спрятался за плетень и стал наблюдать. Человек подбежал к колодцу и что-то туда бросил.

– Стой! – крикнул, выбегая из засады, дневальный.

Куда там «стой!» – человек огромными прыжками бросился в сторону, намереваясь перемахнуть через плетень, но в следующую же секунду повис на нем с простреленной рукой.

Отравитель, дрожа от боли и от страха, сознался в том, что приехал ночью от атамана, который и приказал ему

бросить этот узелок в воду, при чем для подтверждения показал протянутый через всю спину ярко-красный рубец от ременной нагайки. Ночью он заезжал в деревне к некоему Макару, по прозванию Щелкачу, и передал ему, что атаман велел тотчас же сообщить, как подействует отрава. И если подействует, то ночью же он нападет на красных сам.

– Вот что! – сказал Сергей. – Нам теперь незачем тащиться по трудной дороге в лес. Мы подождем, пока они сами не подойдут к нам. Но необходимо дать им уверенность, что отряд действительно отравлен.

Для наибольшей правдоподобности было приказано: по лагерю никому не разгуливать, в деревню ни под каким видом не отлучаться.

Сам Сергей с товарищами отправился к старосте и приказал к завтрашнему дню приготовить подводы, потому что отряд уезжает, при чем было прибавлено, что люди заболели и есть предположение, что они отравлены. Если же последнее подтвердится, то, уезжая, они подожгут деревню со всех концов.

Вернулись обратно.

– Вот только насчет деревни-то зачем ты им пыли напустил? – спросил Николай.

– Чудак! Как только Макар Щелкач узнает, что люди заболели, он поймет это по-своему, а то обстоятельство, что отряд, уезжая, собирается сжечь это гнездо, заставит его поторопиться донести вовремя атаману. Я, брат, хочу, чтобы уже наверняка.

В лагере курсантов, с наступлением сумерек, началось сильное оживление. Заранее выбрали позиции, измерили

дистанции, вырыли и замаскировали окопчики для пулеметов. На рассвете из секретов прибежали курсанты и сообщили: один о том, что банда заходит в деревню, другой о том, что банда подходит к оврагу, лежащему в двух верстах.

И еще тише прилегли цепи и еще безмолвнее притаились пулеметы за увядшей листвой мнимых кустов. А серая полоса на окраине неба ширилась и светлела.

Атаман шел вместе с отрядом со стороны оврага, Карась занял деревню.

«Уж не подошли ли они?» – подумал атаман, когда они беспрепятственно приблизились меньше чем на версту к мельницам.

Но в это время несколько редких выстрелов послышались со стороны лагеря, и пули зажжужжали где-то высоко в стороне.

«Ну и стрелки!» – подумал он и густою цепью быстро повел банду вперед, туда, откуда защелкали редкие и совершенно не достигающие цели выстрелы.

Захлебываясь от радости и предвкушая богатую добычу, бандиты, гуще и гуще смыкая цепи, уже чуть ли не толпами неслись вперед.

– Ого-го-го! Бросай винтовки!

– Мухи дохлые!

Горя от нетерпения, из окраины деревни, бегом, чуть ли не колоннами, бросилась банда Карася с ревом:

– Даешь пулеметы!

– Дае-ешь...

Но тут взвилась голубая ракета, и раздался грохочущий могучий залп, слившийся с рокотом четырех, направленных в самую гущу, пулеметов.

Огорошенные такой неожиданной встречей, бандиты дрогнули и залегли; но расстреливаемые метким огнем по заранее измеренным дистанциям, в панике бросились бежать. Убегающие люди Карася напоролись на засаду и застрелились, бросаясь через огороды и плетни.

Разгром был полный. Через час отовсюду стали возвращаться запыхавшиеся и обливающиеся потом преследовавшие бандитов роты.

Весь день разыскивалось и собиралось оружие с убитых. Дорого обошлась эта операция атаману. Сам он скрылся, но среди трупов оказались Оглобля, Черкаш, а также атаманова Сонька. Она лежала посреди небольшого болотца с простреленной головой. В сумке нашли флакон одеколона, пудру и дневник; в нем под рубрикой «моя месть» в списке лично ею уничтоженных врагов значилось — 23 человека.

Далеко по окрестным селениям пронеслись вести о смерти Могляка, Оглобли, Черкаша, Соньки и Сыча-мельника и о разгроме их шаек.

Банды притихли и разбились на кучки, ожидая лучших времен, так как ползли отовсюду слухи о поражениях красных на фронтах и об успехе белых.

Прошло уже около месяца с тех пор как отряд уехал из Киева. За это время он совершенно оторвался от прежней жизни и потерял почти всякую связь с курсами.

И потому с огромной радостью сегодня встретили весть о том, что их телеграммой вызывают срочно в Киев.

Все отлично знали, что не пройдет и несколько недель, как снова придется выступать с оружием против одного из бесчисленных врагов, но тем не менее по городу сильно соскучились.

Слишком уж напряженно-живая и интересная была в то время там жизнь.

Через два дня отряд подходил к станции, где живо погрузился и без задержки помчался к Киеву.

Очевидно машинист огромного американского паровоза и начальники мелькающих станций имели на этот счет особое приказание. Потому что еще рано утром курсанты радостными криками приветствовали показавшийся город.

Когда высадившийся отряд в порядке подходил к курсам, он неожиданно столкнулся с другой только что подходящей колонной своих товарищей, возвращающихся после боев под Жмеринкой.

С обеих сторон раздалась приветственная команда «смирно», а затем громкие крики «ура» и радостные возгласы, заглушаемые звуками музыки. Запыленные больше чем когда-либо, загоревшие, с честью выполнившие свой долг, обе стороны с гордостью встречались со своими товарищами. Вызванная неожиданной встречей волна горячего энтузиазма прокатилась еще раз по рядам молодых бойцов. И радостные крики ширились, росли, проникали вместе с потоком серых шинелей и громко раскатывались по стенам обширного корпуса.

Курсанты быстро переоделись в разложенные каптерами по постелям новое обмундирование. Умылись и отравились вниз, на торжественный обед. В большой столовой было прохладно и хорошо. На покрытых скатертями столах стояли цветы и приборы. Играла музыка. Ботт отыскал тут Сергея, радостно пожал ему руку, и они долго беседовали, прислонившись к основанию каменной арки, на которой нарисованный во весь рост Красный Кавалерист рубился с белым офицером.

XVIII

Только по возвращении в Киев Сергей узнал, что Радченко пропал без вести и что начальник курсов на свободе. К счастью предательство еще не успело осуществиться. Сергей, посоветовавшись с Боттом, решил: установить слежку за Сорокиным и если не удастся выследить его сообщников, арестовать его одного. А Николай пошел к Эмме.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда Николай завидел знакомый беленький домик. Прошел уже месяц с тех пор, когда он убегал отсюда ночью, нагруженный поклажей наподобие ночного разбойника.

Вот и калитка. Но войти туда он теперь не мог, — нужно было оградить Эмму от каких-либо подозрений. А потому он подошел к плетню со стороны жилого переуллка и, остановившись под кустом акации, стал наблюдать.

Садик был пуст, и никого в нем не было, только жирный кот развалившись спал на круглом столике. Он дождал еще немного, — все оставалось по-прежнему. Вдруг дверь хлопнула, и через веранду торопливо промелькнула знакомая фигурка и снова скрылась.

«Экая недогадливая! — подумал Николай. — И не взглянула даже».

Через некоторое время Эмма показалась снова, торопливо накинула на ходу шарф и вышла на улицу.

Николай пропустил ее мимо, потом последовал за ней немного поодаль, до тех пор пока не миновали они несколько улочек, наконец подошел и осторожно взял ее за руку.

Она сильно вздрогнула, но, увидевши его, не удивилась, а проговорила только торопливо и возбужденно:

– Я знала уже, что вы вернулись, и шла сама к тебе. Идем!

– Куда?

– Все равно! Подальше отсюда только.

Они пошли широкими улицами Киева. Почти всю дорогу они ничего не говорили.

Наконец, на одном из бульваров они выбрали самую глухую скамейку в углу и сели.

– Что с тобою, Эмма? Ты чем-то расстроена... взволнована.

– Немудрено! – горько усмехнувшись, ответила она. – Можно бы и совсем с ума сойти.

– Ну успокойся! Что такое? Расскажи мне все по порядку.

– Хорошо!..

И она, путаясь, часто останавливаясь, рассказала ему о том, как весь месяц шли в ее доме совещания петлюровцев. Ее отчим, офицер петлюровской армии, вернулся домой, словно Киев уже не принадлежал красным.

– Эмма! – сказал Николай, заглядывая ей в лицо. – Тех сведений, которые ты мне сообщила, вполне достаточно. Завтра же эта предательская игра будет прекращена. А теперь скажи – ты любишь меня?

Она просто ответила:

– Ты знаешь!

– Ну вот! Я тебя тоже, – это видно было уже давно. Но теперь беспокойное и тяжелое время, скоро будет выпуск, и я уеду на фронт. Думать о чем-нибудь личном сейчас

нельзя. Но вырвать тебя теперь же из этого болота, которое называется твоим домом, необходимо. Ты согласна?

– Да! Но...

– Ничего не «но». Я сегодня же переговорю с комиссаром, и мы что-нибудь устроим. А потом, когда мы уйдем на фронт, ты уедешь в Москву к моей матери... Ничего не «неудобно». Во-первых, отец – коммунист, и он только рад будет оказать тебе всяческую помощь, во-вторых, моя мать все-таки приходится же тебе теткой.

Они встали и пошли обратно. Несмотря на поздний час, на улицах города было шумно, светло илюдно. Повсюду мелькали огни кабачков, подвалов. Сквозь открытые окна ресторана доносились громкие звуки марша, сменившиеся вскоре игривыми мотивами сначала «Карапета», потом «Яблочка», потом еще чем-то.

– Раньше были денежки, были и бумажки, – доносился чей-то высокий ломающийся тенор, – А теперь Россия ходит без рубашки.

Ото всего веяло разгулом распустившейся и чающей скорого избавления буржуазии.

Николай проводил Эмму до самого дома.

XIX

Владимир был сыном слесаря и часто помогал отцу в работе. Потому ему не стоило особенного труда сделать по восковому слепку ключ для двери комнаты начальника курсов.

Сергей зашел к Ботту, объяснил в чем дело и попросил под каким-нибудь предлогом увести Сорокина на час с курсов.

– Хорошо! – согласился тот. – Как раз, кстати, нам нужно съездить с докладом о работе отрядов.

Когда увозивший их экипаж скрылся, Сергей и Владимир отправились в темный конец коридора, отперли новым ключом дверь, заперлись изнутри и огляделись. Квартира состояла из двух хорошо обставленных комнат. Они осторожно перерыли все ящики и полки, но ничего подозрительного не нашли.

Они уже собрались уходить, как Сергей остановился в маленькой темной прихожей возле заставленной умывальником, наглухо завинченной печки. Отодвинули... развинтили и открыли тяжелую дверку. В глаза сразу же бросились какие-то бумаги и письма.

– Ага! – сказал, просмотревши мельком, Сергей. – Это-то нам и нужно. Теперь и слежка излишнею будет.

И он положил все обратно.

Ночью пришел Николай и подробно рассказал обо всем комиссару и товарищам. Сведений набралось более чем достаточно. Решено было Сорокина арестовать сейчас же, а об Агорском сообщить в Чека. Николай рассказал также Ботту о том, что сделала для них Эмма и о ее положении. Ботт охотно согласился дать ей небольшие задания по клубной работе на курсах. На первое время это было удачным разрешением вопроса.

Теперь нужно было произвести арест.

Все четверо направились к кабинету. Сергей подошел и нажал кнопку фониического аппарата, вызывая квартиру. Через несколько минут послышался ответный гудок и потом вопрос:

– Я слушаю! Кто у телефона?

– Дежурный по курсам. Вас просят по городскому от начальника гарнизона.

– Сейчас приду.

Вскоре послышались шаги, вошел Сорокин и направился к телефону.

– Алло! Я слушаю. В чем дело?

– Дело в том, что вы арестованы, – проговорил подходя Ботт.

А Владимир твердо положил руку на кобуру его револьвера.

Генеральское лицо начальника побагровело от бесильной злобы, и он понял, кажется, что игра его проиграна, но темные точки направленных на него наганов заставили его отказаться от мысли о сопротивлении. Он ни о чем не спросил, не поинтересовался даже о причинах такого внезапного ареста, а только процедил негромко:

– Что же! Пусть пока будет так!

Его отвели в крепкую камеру бывшего карцера и к дверям и к окну выставили надежные парные посты.

Всю ночь не спали наши товарищи. Долго Ботт говорил с кем-то по телефону, потом отсылал захваченные бумаги с прискакавшим откуда-то верховым. Квартиру обыскали еще раз. Помимо всего там нашли еще тщательно завернутую новенькую генеральскую форму и двадцать пар блестящих, вызолоченных, на разные чины, погон.

– Точно целую армию формировать собирался.

– Кто ж его знает! Разве не из этого же теста были слеплены Деникины, Каледины и прочие спасатели отечества.

Наступало утро.

Из генеральской квартиры ребята перетаскали лучшую мебель в небольшую светлую комнату возле коридора, занимаемого семьями комсостава. Вышло очень недурно.

— Это для Эммы.

Рано утром с небольшой корзинкой она вышла из дома и направилась к роще. Там ее уже ожидал Николай.

— Ну, ты совсем?

— Совсем, Коля!

— Не жалко?

— Нет! — и она, обернувшись, посмотрела в сторону оставленного дома. — Теперь уже не жалко!

— Ну так значит теперь жить и работать по-новому. Не так ли, детка?

И он, подхвативши, легко подбросил ее в воздух, поймал сильными руками и поставил на землю.

— Конечно так!

Днем Укрчека арестовала обоих Агорских, при которых нашли много ценных сведений и бумаг. Домик заперли и запечатали.

Опасная игра изменников на этот раз сорвалась.

Начальника курсов расстреляли сами курсанты. Его обрюзгшее генеральское лицо не выражало ни особенного страха, ни растерянности, когда повели его за корпус к роще. Он усиленно сосал всю дорогу свою дорогую пенковую трубку и поминутно сплевывал на сухую, желтую траву. И только когда его поставили возле толстой каменной стены у рощи, он как будто с изумлением посмотрел на стоящий перед ним ряд, на окружающих курсантов, и окинул всех полным сознания своего собственного превосходства взглядом. И в загрохотавшем залпе потерялось последнее, презрительно брошенное им слово:

– ...Сволочи!

Через два дня Петлюра внезапным ударом продвинулся за Фастов и очутился чуть ли не под самым Киевом. Это было для всех неожиданностью, так как предполагали, что красные части продержатся значительно дольше.

XX

– Слушайте! Слушайте!

– Тише!

– Это ветер!

– Нет, это не ветер.

– Это орудия.

– Так тихо?

– Тихо, потому что далеко.

– Да... Это орудия.

Курсанты высыпали на широкий плац, на крыльцо и даже на крышу корпуса и внимательно вслушивались в чуть слышные порывы воздуха.

Ежедневные сводки доносили о непрерывном продвижении противника. Уже потерян был Курск, отошли: Полтава, Житомир, Жмеринка. Уже подходил враг с тылу к Чернигову и только еще Киев держался в руках Советской власти.

Но вскоре очевидно суждено было пасть и ему, так как все уже и уже сжималось вокруг белое кольцо, и все наглее и смелее бороздили бесчисленные банды его окрестности.

Провода перерывались, маршрутные поезда летели под откос или останавливались перед разобранными путями.

Шла спешная эвакуация, хотя отправлять что-либо

ценное поездами не представлялось возможности из-за бандитизма. Даже баржи приходили к Гомелю с продырявленными пулями бортами. Со всех сторон теперь, после жестоких боев, сюда подходили командные курсы Украины: Харьковские, Полтавские, Сумские, Екатеринославские, Черкасские и другие – всех родов оружия – для того, чтобы впоследствии сорганизоваться в железную «бригаду курсантов», которой и пришлось вскоре принять на свои плечи всю тяжесть двухстороннего Петлюро-Деникинского удара. Часто теперь по синему небу скользили куда-то улетающие и откуда-то прилетающие аэропланы. А по земле – тяжело пыхтящие бронепоезда, с погнутым осколками снарядов железом, срывались со станций и уносились на подкрепление частей фронта.

XXI

Уже пятый день, как отбивается бригада курсантов, – отбивается и тает. Уже сменили с боем четыре позиции и только отошли на пятую.

– Последняя, товарищи!

– Последняя! Дальше некуда!

Жгло августовское солнце, когда измученные и обливающиеся потом курсанты вливались в старые, поросшие травой, изгибающиеся окопы, вырытые почти что под самым Киевом еще во времена германской оккупации.

– Вода есть? – еле ворочая пересохшим языком, спросил, подходя к Владимиру, покачивающийся от усталости Николай.

– На, бери!

Прильнув истрескавшимися губами к горлышку алюминиевой фляги, долго, с жадностью тянул тепловатую водицу.

Взвизгнув, шлепнулась почти рядом о сухую глину шальная пуля и умчалась рикошетом в сторону, оставивши облачко красноватой пыли.

– Осторожней! Стань за бруствер.

И опять напряженная тишина.

– Говорят, справа пластунов поставили.

– Много ли толку в пластунах. Два батальона.

Помолчали. Где-то далеко влево загудел броневик, и эхо разнеслось по притихшим полям. – У-ууу!..

– Гудит!

Шевельнул потихоньку головками отцветающего клевера ветер и снова спрятался.

– Сережа! Пить хочешь?

– Дай!

Выпил все той же тепловато-пресной воды. Отер рукавом со лба капли крупного пота. Долго смотрел задумчиво в убегающую даль пожелтевших полей и вздохнул тяжело.

– Стасин убит?

– Убит!

– А Кравченко?

– Кравченко, тоже!

– Жалко Стасина!

– Всех жалко! Им-то еще ничего, а вот которые ранеными поостались! Плохо!

– Федорчук застрелился сам.

– Кто видел?

– Видели! Пуля ему попала в ногу. Приподнялся, махнул рукой товарищам и выстрелил себе в голову.

Жужжал по земле над поблекшей травой мохнатый шмель спокойно.

Жужжал в глубине ослепительно-яркого неба аэроплан односторонне.

– Жжз-жжж!

И смерть чувствовалась так близко, близко. Не тогда, когда шум, грохот, а вот сейчас, когда все так безмолвно и тихо... Жжз-жжж!..

– Тах-та-бах!..

– Вот она!

– Тах-та-бабах.

– Вот!.. Вот она!

И дальше в грохоте смешались и мысли, и взрывы, и время. Прямо перед глазами, – цепь... другая. Быстрый и судорожный огонь.

– Ага, редуют!

Батарея...

– Наша! Отвечает!

Еще и еще цепи, еще и еще огонь. Окопы громятся чугуном и сталью, и нет уже ни правильного управления, ни порядка. И бой идет в открытую, по полям.

Трудно... тяжело!..

– Врете, чертвы дети. Не подойдете!

Кричит оставшийся с несколькими нумерами пулеметчик:

– Врете, собачьи души!

И садит ленту за лентой в наступающих.

– Бросай винтовки!.. О-го-го, бросай!

– Получай! Первую!.. вторую!..

И с треском рвутся брошенные гранаты перед кучкой нападающих на курсанта петлюровцев.

Стремителен, как порыв ветра, с гиканьем вырывается откуда-то эскадрон и взмахивает тяжелым ударом в одну из передних рот.

– Смыкайся! Смыкайся! – кричит Сергей. Но его голос совершенно теряется посреди шума и выстрелов.

Эскадрон успевает врубиться в какой-то оторвавшийся взвод, попадает под огонь пулеметов и мчится, растеривая всадников, назад.

Пулеметчик, с разбитой пулею ногой, уже остался один и, выпустивши последнюю ленту, поднимает валяющийся карабин и стреляет в упор, разбивая короб «максима» с криком:

– Нате! Подавитесь теперь, сволочи!

На фланге бронепоезд, отбиваясь из орудий, ревет и мечется. Его песня спета, полотно сзади разбито.

– Горинов, отходим! – кричит Сергею под самое ухо Ботт. – Бесполезно... уже охватывают.

Справа петлюровцы забирали все глубже и глубже и густыми массами кидались на тоненькую цепь. Пластуны не выдержали и отступили.

– Кончено?

– Кончено, брат!

С хрипом пролетел и бухнулся почти рядом, вздымая клубы черной пыли и дыма, взорвавшийся снаряд. Отброшенный с силою упал, но тотчас же вскочил невредимым Владимир. С разорванной на груди рубахой, шатаясь, поднялся Сержук. Шагнул, как бы порываясь что-то сказать товарищам, и упал с хлынувшей из горла кровью.

А влево на фланге что-то гулко ахнуло, перекатившись по полям и заглушая трескотню ружейных выстрелов. И белое облако пара взвилось над взорванным броневиком.

Разбитые части отступали.

XXII

Вот и беленькие домики окраин Киева. Здесь Петлюра и Деникин не нужны. В страхе перед надвигающейся напастью их обитатели попрятались по погребам и подвалам.

Беспорядочно и торопливо вливались смешавшиеся остатки красных частей в город.

Чем больше они подвигались к центру, тем больше попадался им на глаза торопящийся и снующий народ. Носились мотоциклеты, гудели автомобили, тянулись бесконечные обозы, и кучками, с узлами на плечах, уходили какие-то люди.

– Это – беженцы, рабочие! – пояснил кто-то. – Кто от деникинцев, кто от петлюровцев. Черт их знает, который захватит раньше город.

Шли не останавливаясь дальше. Вот налево и бывшая курсовая обитель. Золотило заходящее солнце верхушки знакомой зеленой рощи, еще недавно шумной и оживленной, а теперь пустой и безмолвной.

Молчал черными пятнами распахнутых окон покинутый корпус. И стройно, точно бессменные часовые, застыли рядами тополя вокруг безлюдного плаца.

Стало больно. Но скорей – мимо и мимо, – некогда...

В разных концах города раздавались с чердаков выстрелы по отступающим. Бухали церковные колокола, – где набатом, где пасхальным перезвоном.

Это торжествовала контрреволюция.

Но вот и Цепной мост. Не без труда наши товарищи протиснулись к нему и, подхваченные людской массой, стали продвигаться вперед.

Где-то на окраинах стала раздаваться трескотня и сзади задавили еще отчаянней.

Нельзя было сказать, что по мосту двигался кто-нибудь самостоятельно. Тысячи человек втиснувшись текли по нему, плотно прижавшись друг к другу.

Возле Сергея автомобиль, с попортившимся почему-то мотором, захваченный общим течением, продолжал продвигаться безостановочно, вместе со всеми. Огромный мост скрипел, дрожал, и казалось – вот-вот рухнет в волны Днепра.

Наконец-то – и на том берегу. Двинулись без передышки дальше по прямому шоссе – надо было торопиться. Потому что – если по этой массе да успеть поставить с гор трехдюймовки? – При одной мысли становилось даже страшно.

Еще немного, – миновали слободку и с шоссе свернули на Броварский лес.

Было уже совсем темно. Сотни груженных подвод тащились куда-то выбивающимися из сил лошадьми по ночной, корявой и загроможденной дороге.

Изредка из города, раскатываясь гулким эхом, ахал снаряд, потом другой, через некоторое время третий, и так все время.

Испуганные лошади шарахались в стороны, выламывая оглобли и выворачивая воза.

В темноте то и дело попадались какие-то валяющиеся поперек пути корзинки, тюки, ящики.

Повсюду, спотыкаясь, бродили невидимыми массами беженцы, курсанты, отбившиеся от частей красноармейцы. Все это, в глубоком мраке, перепутанное, стихийное, создавало представление о каком-то мифическом хаосе. Головы большинства сверлила только одна мысль. «Потом!.. все потом! а сейчас отдохнуть... спать!» Многие дремали на ходу, придерживаясь за оглобли или перекладину телеги и еле переставляя ноги. Некоторые присаживались у края дороги перевести дух и совершенно помимо своей воли засыпали. Через них перешагивали, об них спотыкались, но они не слышали и не чувствовали.

Сергей с товарищами возле отдыхающих остатков своей роты стоял на высоком лесистом бугру, всматриваясь в сторону Киева.

Пора было уходить.

– Ну! Прощай, Украина! – сказал один.

– Прощай! – мысленно, эхом, повторили другие.

– Опять здесь скоро будем!

– Будем!..

Далеко внизу черным блеском отсвечивал изгибающийся Днепр. По темному небу бродил бесшумно прожектор. И где-то на окраинах занималось зарево пожара.

И точно последний прощальный салют уходящим, ослепительно-ярким блеском вдруг вспыхнуло небо. Потом могучий гул, точно залп сотен орудий, прокатился далеко по окрестностям. Утих!.. Потом еще и еще. И заметалась вспугнутая темная ночь. И казалось, что судорожно вздрагивала земля.

Это рвались пороховые погреба оставленного города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

«Революция в опасности!» – красными молниями бил радиотелеграф.

«Революция в опасности!» – огненными буквами повторяли плакаты.

И снова заколыхались усталые и полуголодные люди и гулким эхом, перекатываясь от края до края РСФСР, ширился и креп брошенный в ответ из ее недр новый боевой клич:

– Не сдадимся!..

– Выдержим!..

– Победим!

Тянулись хищные лапы генералов к центру Красной России. И рвались вперед белые своры, заранее предвкушая торжество кровавой расправы.

Пригреваемые приближающимся солнцем генеральских эполет, проснулись полуиздохшие змеи-предатели и злобно зашипели, приноравливаясь тайком пустить капли смертельного яда поближе к сердцу пролетарской Республики.

Работал шпион Локкарта.

Готовились его белые шайки прийти изнутри на помощь наступающей темной реакции.

Хоронил московский пролетариат погибших на посту товарищей, вырванных из его среды взрывом белогвардейских бомб.

И думалось многим, что доживает последние недели и даже дни Советская Россия.

Но зорко смотрел пролетариат-часовой.

– Нашу Москву? – гневно сказал рабочий, надевая патронташ.

– Наш Петроград? Нашу Революцию?

– Подождешь!

И загудели срывающиеся с вокзалов и уносящиеся на фронты новые и новые эшелоны.

Раздавались винтовки прямо с заводов в Туле.

Опутывались колючей проволокой улицы Петрограда.

Садился на крестьянскую сивку буденовец под Воронежем. И, сдерживая удары, отходили части Красной армии, с тем, чтобы выждать и вырвать победу из рук заравшегося врага.

Затаив дыхание, следили рабочие массы за исходом последней и решительной схватки.

Стояли часами на осеннем холоду возле больших карт, агитпунктов и Росты, с тревогой наблюдая за извивающимся черным шнурком.

И, точно удар по собственному телу, принимали каждый укол булавки к северу и шумно радовались даже малейшему сдвигу к югу.

Нависли предбурные тучи в воздухе. Замерла на картах, неподвижно зацепившись от Орла к Воронежу, тесемка. И умолкла антенна...

Потом разорвали залпы минутную тишину тысячеверстного фронта. – И ударила красная сторона. И радостно, молниями, бил радиотелеграф.

Всем!.. Всем!.. Всем!..

– Мы наступаем!

А черный шнурок на витринах Росты впервые упал вниз, к югу. В третий раз красным становится Харьков!

II

Красные заняли Харьков 11 декабря.

Перестрелка на улицах еще не утихала, когда Сергей наткнулся на вооруженных рабочих. Они окружили лежащее на мостовой тело неизвестного человека.

– Кто это? – спросил Сергей, указывая на убитого.

– Офицер какой-то. Сумка у него полевая с картами.

– Дай сюда! – сказал Сергей. – Может, нужные есть!

Он повесил сумку себе на пояс и пошел дальше.

Носились конники по улицам. Стучали двуколки. Утихали взрывы по полям. Высовывались, хотя и с опаской, из дверей и калиток любопытные, и по мягкому сыроватому воздуху доносились откуда-то звуки красноармейской дружной песни.

Сергей повернул обратно, туда, где остановились курсанты.

В этот вечер, впервые за два месяца, курсанты спокойно отдыхали, не заботясь о разведке, караулах и постах. Частей в городе было много и охранение несли не они.

Команда пеших разведчиков вместе со всем полком разместилась по квартирам в рабочем поселке.

Сергей и Владимир сидели за уютно кипящим самоваром в квадратной чистенькой комнате в квартире, одного из рабочих. Неторопливо пили чай и отдыхали.

Потом Сергей принялся разбирать бумаги и документы, находившиеся в сумке убитого офицера. Он вынул карты, полевую книжку и небольшой надушенный конверт. На конверте стоял адрес: «Новороссийск, Серебряковская ул., дом Пушечникова, Г-же Ольге Павловне Красовской».

– Интересно, – сказал Сергей. – Почитаем. – И раскрыл конверт.

– Читай вслух!

– Мелко больно написано. Сразу видно, что баба.

Крепкими духами пахло от этих исписанных листочков. Сергей начал читать.

«...наконец-то пользуюсь случаем, чтобы послать письмо, которое дойдет уже наверное...»

– Как раз угадала!

– Ладно! Ты не перебивай.

«...Я посылала по почте несколько раз, но думаю, что до тебя не доходили, потому что ответа нет и до сих пор. Еще совсем недавно, две-три недели назад, я была совершенно уверена в том, что увижу всех вас скоро. Об этом мы уже условились с Жоржем. И Павел Григорьевич обещал ему один из классных вагонов из их интендантских, предоставленных для каких-то комиссий или ревизий; впрочем, это не важно. Оставалось только подождать, когда вагон вернется с его женой из Киева.

Но разве можно быть в чем-нибудь уверенной в наше время. И вот обстановка сложилась так, что о какой-либо поездке и думать не приходится. Опять наши отступают. Большевики заняли уже Белгород и двигаются ближе и ближе. Боже мой, какая это мука! Опять приходится волноваться, переживать все ужасы сначала. Счастливы вы. Вам не приходится и не придется испытать ничего подобного...»

– Уж это положим! – проговорил, закуривая, Владимир. – Доберемся когда-нибудь и до вас, сволочей. Тоже попробуете тогда.

«...Ну, об этом пока довольно. Стратег я плохой, а Жорж говорит, что дальше Белгорода их все равно не пустят. Живем мы ничего. Зарабатывает Жорж на службе прилично, кроме того у него какие-то там дела с поставками. Какие – не знаю. Я не вмешиваюсь.

Вчера видела Люду! Ты себе представить не можешь, какое у ней горе. Ее мужа убили. Он ехал из Курска в Харьков, какие-то бандиты остановили поезд и всех занимающих более или менее видные места по службе тут же расстреляли. Она убита горем. По этому делу было следствие, посылали отряд на место. Он что-то там сжег, сколько-то повесил. Но, конечно, легче ей от этого не стало.

У нас часто бывает Виктор. Они с Жоржем большие друзья. Все такой же веселый, беззаботный и несколько наивный, как и прежде. Он служит помощником начальника конвойной команды при тюрьме. Ужасный, в сущности, человек. Ненавидит красных страшно, и что у них там творится, одному богу известно. Я далеко не всегда могу выслушать их до конца. Да и вообще... Все это... кровь... веревки... допросы... Все это как-то не вяжется в моем представлении с ним. Ведь он, в сущности, такой милый, чуткий и застенчивый человек. Помнишь, как он краснел всегда, когда говорил с тобою. Он еще и до сих пор в душе обожает тебя...»

– Хорош наивный? Мерзавец! Разговаривать – краснел, а плетью шкуру со спины спускать – хоть бы что! – проговорил, останавливаясь, Сергей. – Знаешь! Я не любитель всяких там жестокостей, но, честное слово, если бы этот «наивный» мне попался, то я сказал бы, что расстрелять его – мало!

– Читай дальше.

«...Севка из училища ушел, да я его вполне понимаю. Он уже подпоручик и где-то сейчас на фронте.

Напишите скорее, как живете вы. На днях приезжал Реммер и говорил, что твой муж получил повышение, а Глеб будто бы уехал с карательным отрядом под Мариуполь. – Правда ли это?

Письмо это посылаю с нашим хорошим знакомым, поручиком Юрием Борисовичем Волчиным.

Он едет в командировку. Я думаю, что ему можно будет у вас на несколько дней остановиться. С ним же пришли мне ответ».

Сергей прочитал, вложил письмо обратно в конверт и аккуратно спрятал в сумку.

– Зачем это тебе?

– Пригодится. Когда-нибудь, возьмем-таки мы и Новороссийск. Пусть тогда Чека разберет, кто у кого был карателем, кто истребителем.

III

Сегодня беспокойный день в полку. Сегодня волнуется комиссар, командиры, а больше всего красноармейцы. Не потому, что наступают, например, белые, или предстоит какая-нибудь тяжелая боевая операция.

Нет! Белые очищают одну за другой станции Донецкого бассейна, боя сегодня тоже не предвидится.

Дело много сложнее: впервые из штаба бригады прислали обмундирование, а главное обувь.

Вернулся из штаба к себе на квартиру Сергей, с досадою хлопнул дверьми и выругался даже.

– Ну, что? – живо спросил его Николай. – Как там?

– Что! Хорошего мало, конечно. Девяносто пар ботинок на весь полк, в то время, когда восемьдесят процентов разутых.

– Фюить! – даже присвистнул Николай. – Какого же это черта! Курам разве на смех. Сколько же на нас-то пришлось?

– Восемь пар! Вот тут и обходись, как знаешь. Одному дашь, другой к горлу пристанет. «Почему ему, а не мне? Я тоже, да у меня тоже!..» Не люблю я этих подачек по чайной ложке, только людей растрaviшь.

Весть о получении обмундирования уже давно облетела красноармейцев, но сведения от одного к другому передавались преувеличенные. Говорили, что наконец-то обуют почти весь полк, а уж если не весь, то во всяком случае больше половины. И толпились сейчас все около квартиры, нетерпеливо ожидая раздачи.

– Сколько? – обступили вышедшего Николая.

– Английские или русские?

– Восемь пар всего! – сконфуженно закричал Николай.

– Восемь па-ар?!

– Чтоб им подавиться! Так это што ж, кому же достанется? Почитай никому.

– Ладно! Там видно будет. В две шеренги становитесь. Командир осматривать сейчас будет, – старался перекрычать Николай красноармейцев.

– Чего осматривать? – со злобной ноткой выкрикнул кто-то. – Али и так не известно?

Волна глухого раздражения, вызванного острым разочарованием, прокатилась по рядам. И недоверчиво, даже

озлобленно посматривали красноармейцы то на командира, то на каптера, усевшегося с грудкой новеньких желтых ботинок на крыльце, то на свои собственные, заскорузлые, с поднятыми кверху носами, с разъявленными ртами, через которые виднелись мокрые серые портянки.

– Вот что, товарищи! – закричал Сергей. – Почти что всем вам одинаково нужна обувь, а ее вы сами видите сколько. А потому я отберу из вас тех, у которых ботинки самые плохие, а они метнут жребий промеж себя.

Заговорили все разом, торопливо, каждый предлагая тот способ дележа, который давал ему больше шансов получить одну из этих восьми злополучных пар.

– Зачем отбирать? Пускай все тянут. Все в одно время получали!

– Валяй, валяй, отбирай! У кого может хоть какие подходящие есть. Что ж ему вторую пару, а кому ничего?

– Для чего по жребию? Ты так давай! Рази не видишь, у меня вон одного ботинка вовсе нет.

– Заткни глотку, черт! Ты куда ж его дел? У тебя еще вчера был.

– Вчера был, а сегодня совсем разорвался.

– Совсем! У всех совсем!

– Давай чтобы на всех обувь была! – крикнул кто-то из задних рядов громче остальных.

– Ладно там! – оборвал Сергей, – как я сказал, так и будет. Не галдеть! Выходи вот ты... ты...

Но первые же пропущенные тотчас подняли крик, обступили Сергея, и каждый, захлебываясь, доказывал ему свое безусловное право на участие в дележе.

– Меня пошто пропустил!

- Ты вот посмотри, посмотри!
- Ты куда, сволочь, тоже лезешь?
- Дать ему в рыло раза! Сукину сыну!
- Я при Колчаке получал!
- Я вовсе не получал. Свои из дома дотрепываю.
- Пропади я пропадом, если я не токмо в наряд, а хоть куда пойду, пока не получу! В Сибири пальцы обморозил, тут всю дорогу почитай босый прошел. Довольно!
- И я!.. И я!..
- И мы все!..
- Чтобы их черт с войной такой побрал, когда не дают, что солдату положено!
- В штабах все поодетые. По три комплекта имеют.
- Не пойдем без ботинок! На всех пускай присылают!
- Давай комиссара!
- Провались он, комиссар, что от него толку! Довольно ноги пооббивали!

Увидел Сергей, что расходились кругом страсти. Кричат, горячатся, брызжут слюною яростно. Пробовал остановить и так, и этак. Ничего не выходит. Обозлился, вскочил на ступеньку крыльца и крикнул, гневным и звонким голосом покрывая всех.

– Замолчать! На свои места живо! Взводные командиры привести людей в порядок. Смирно! Слушай, что я скажу!

Галдеж стих.

– В то время, когда повсюду наши части наступают вперед и вперед, – кричал Сергей, – вы заявляете, что дальше без новых ботинок не пойдете. Другие полки одеты не лучше, а многие и хуже вас, а они идут без всяких разговоров. Кто из вас хочет, пусть остается. Черт с ними со

всеми вместе взятыми, если правда, что они из-за башмаков готовы предавать Революцию! Если бы все так рассуждали, то давно получили бы вместо ботинок деникинские плети да шомпола по спинам...

Красноармейцы молчали.

— ...Но не все еще шкурники в Красной армии, которые наступают на горло своим командирам, требуя с них то, чего они им не могут дать! Где я вам возьму на всех ботинки? Где их возьмет комиссар или хоть командарм, когда их нету? Или тоже грабить мужика, как грабят белые? Вы кричите, что где-то лежат полные цейхгаузы. Враки все! Это полные цейхгаузы у белых английского обмундирования. Вот куда надо идти получать его! Стыдно так поступать, недостойно звания красноармейца! Кто не желает, тот может убираться! Палкой его все равно не удержишь. Но я знаю, что все-таки есть среди моей команды настоящие и сознательные ребята, которые всегда пойдут. Мы обойдемся и с ними. Пусть кричит теперь кто хочет!

Сергей кончил и нервно правой рукой отер лоб. Так со своими людьми он говорил в первый раз.

Все продолжали молчать.

— Ну, что же?

— Нету тут шкурников, командир. Зря говоришь, — хмуро, но уже без злобы сказал кто-то.

— Нету! Нету!

Подтверждали голоса.

— Посуди, товарищ командир, легко ли нам, все ноги посадили без обувки-то.

— А пойти, — то, конечно пойдём. Это так с досады уж. Обидно ведь, право!

И улыбнулся Сергей, сразу почувствовав что-то другое. Улыбнулся и Владимир, и окрикнул попросту.

– Я ведь так и знал, что с досады языками заболтали. Разведчики у нас в полку самый надежный народ. Не то, что какая-нибудь третья рота.

– Что верно, то верно! – раздались голоса.

– Мы от своих-то хоть не бегали.

– Пулемета за все время ни разу не бросили.

– Вот и обидно, товарищ командир, а ботинок поди больше им дали?

– Нет! Столько же.

– Совсем бы стервецам давать не надо, а то при казаках они чуть што – разведка. А к каптеру за обмундировкой так небось первые...

Когда были, уже без шума, розданы ботинки, говорил кто-то, завидуя вслух.

– Эх, хороши! Подошва спиртовая и каблук с подковой. Крепкие!

– Теперь этих при всяком случае, в очередь или не в очередь, в караул и на посты. Пусть знают, что не задаром получили, ешь их волки! А мы уж в своих замечательных до Кавказа как-нибудь дотопаем. Авось там и на нашу долю найдется!

– Найдется! Как не найтись!

– У них-то цейхгауз во... Англия!

IV

Невысокая серая лошаденка, худая и некрасивая, стояла возле крыльца и, поворотив голову, смотрела на Сергея, хлопая ушами.

Весело смеялся чему-то Николай. Улыбался Владимир, похлестывая плетью по голенищам своих сапог.

На душе у всех было хорошо и спокойно.

Почему? Потому ли, что вновь наступила весна? Потому ли, что близок уже был некогда далекий Кавказ? А может быть и так, просто, непочему.

Сергей вдел ногу в стремя и вскочил в седло, продолжая смеяться звонко. Тощая лошаденка зафыркала чего-то и подалась назад, – точно настоящий конь.

– Ну, ты скоро?

– Осмотрю посты. Вернусь через час. Гайда.

Он уехал, а они остались еще немного подышать свежим воздухом.

– Чудно, брат, право! – проговорил Николай. – Ведь скоро будет только год с тех пор, когда мы сошлись втроем. А как кажется, что это было уже давно, давно. Нет, ведь ты подумай! Только год!

Усмехнулся Владимир и потянул товарища за рукав:

– Пойдем! А говоришь ты правду, времени-то прошло немного, но всевозможных перемен, событий и совместно перенесенных опасностей больше чем много. Оттого и кажется, что давно. Знаешь, когда я вспоминаю о чем-нибудь, то как-то не возникает в голове – это было в феврале... это в марте... а – когда мы были на бандах... когда тебя ранили... и много таких других «когда».

Они постояли на улице еще несколько минут. С крыши соседнего домика капало, и слышно было, как, падая, капли негромко и мерно булькали.

На улочках, высыпавши, задорно гоготали около девок красноармейцы.

– Хорошо, Владимир, опять скоро весна, – говорил, оживившись, Николай. – Я бы хотел, чтобы работалось бы так же дружно, интересно, помнишь как тогда...

– ...Когда мы были в Киеве? Разве это забудешь? Пойдем!

Долго в этот вечер ждали Сергея товарищи. Прошел час, другой после обещанного времени, а он все не возвращался. Наступила ночь.

– Неужели у комиссара он засиделся, – начиная уже беспокоиться, высказал предположение Владимир.

– Возможно.

Прошло еще несколько часов, а Сергей все не возвращался.

Совсем встревоженный, Владимир послал одного из красноармейцев в штаб полка, к комиссару, узнать, не там ли Сергей.

– Да скажи, Петров, комиссару – пускай позвонит... Или постой, я лучше напишу записку.

И он набросал карандашом на полевом бланке:

«Тов. Григорьев! Не был ли у вас Горинов? Если нет, то позвоните в первый батальон и спросите, нет ли его там. Вот уже пять часов прошло, как он уехал по линии охранения и до сих пор еще не возвращался».

Некоторые из спящих красноармейцев, уловив краем уха, о чем идет речь, – попривстали.

– Неужто еще не ворочался? – раздались сонные голоса.

– Нет еще.

– Нуу! Это не ладно что-то!

Многие проснулись. Столь долгое и загадочное отсутствие встревожило всех.

– Может, его убили где?

– Негде! Сегодня на всей линии хоть бы один выстрел хлопнул. Когда вчера, – ну тогда бы еще так.

Через полчаса слышался топот, к крыльцу кто-то подъехал.

Многие было бросились к дверям, рассчитывая увидеть Сергея. Но это был не он, а ординарец-кавалерист, из штаба полка. Ординарец быстро соскочил с лошади и передал Владимиру записку. На ней значилось:

«В штабе полка Горинова нет и не было, в штабе батальона тоже, я только что сейчас звонил. Срочно узнайте, кто и где видел его в последний раз! Все, что узнаете, сейчас же сообщайте мне».

Всю ночь, по заставам и полевым караулам, спотыкаясь в темноте, носились гонцы, расспрашивая – не видал ли кто-нибудь начальника команды пеших разведчиков.

Домой вернулся Владимир хмурый, усталый и сел молча на лавку.

– Ну, что же? – живо спросил его Николай и обступившие красноармейцы.

– Ничего пока!.. – глухо ответил он. – Ничего... Последней его видела застава четвертой роты. Но что толку-то, что видела! Приехал, – говорят, – посмотрел, посмеялся и свернул влево.

– И давно?

– Давно, еще с сумерками.

И повторил, чуть-чуть подумав:

... – С сумерками!

И с тех пор исчез бесследно и загадочно, для товарищей, для команды и для всего полка, краском Горинов.

Уже начало темнеть, когда Сергей, осмотрев линию сторожевого охранения, мелкой рысцой отправился обратно. Он поехал прямо, вдоль фронта:

– Ближе будет, как раз, пожалуй; на участок второго батальона попаду.

Раззадорившийся Васька, незаметно затрусил побыстрее и, пользуясь тем, что, задумавшись, Сергей перестал обращать на него внимание, потянул немного вправо, к чернеющим впереди кустам.

– Э-э! брат, – поговорил заметивший его маневр Горин. – Куда тебя черт несет?

Он остановился, приподнялся на стременах и, оглядевшись, вздохнул глубоко, полной грудью.

Был безмолвен фронт. Впереди, в нескольких верстах, горели огни Батайска, и чуть слышно было, как гудел какой-то паровоз.

«Крепко засели! – подумал Сергей, – а выбить оттуда надо бы, узел важный».

– Однако! – вслух подумал он. – Я кажется сдурил порядочно. За каким чертом попал сюда? Надо к своим поближе поскорей.

Он дернул за левый повод Ваську, круто повернул его и только что хотел стегнуть покрепче плетью, когда из-за кустов выехало человек десять-двенадцать конных.

«Кто это, – вздрогнул Сергей, – наши или казаки?»

И он остановил коня.

Скрыться было абсолютно некуда. Если Сергей сдвинется с места, то его увидят сейчас же. Если не сдвинется,

то увидят минутой позже, – только и всего. Ускакать же на Васке – и думать было нечего. – «Эх! была не была, – решил Сергей. – Все равно сейчас заметят».

И он встал как раз посредине дороги так, чтобы он всем был виден.

Кавалеристы сразу заметили его, передние даже сначала шарахнулись в сторону, но, не увидав на дороге никого другого, направились рысью к нему, взяв винтовки наперевес.

Сергей стоял спокойно.

«Сейчас!.. – соображал он. – Сейчас узнаю – кто... Казаки!»

И почти что до крови закусив губу, он сразу же взял себя в руки.

«Застрелиться еще успею! – Попробую все-таки последнее!»

– Эй... кто такой? – крикнул ему первый, подъезжая потихоньку и зорко всматриваясь, готовый и выстрелить, и рубануть.

– Подъезжай ближе! – ответил Сергей. – Чего горла-нишь? Хочешь чтоб с поста сняли?

И подъехал к ним сам шагом.

– Офицер есть?

– Нету! – ответил казак, весьма озадаченный спокойствием попавшегося на пути и, по-видимому, красного. – Вахмистр есть.

– Давай его сюда!

И Сергей очутился возле самой кучки.

– А кто вы такой? – спросил вахмистр, подозрительно оглядев Сергея.

– Поедем вместе! – проговорил вместо ответа Сергей и накинулся на одного из казаков.

– Ты что, дурья башка, винтовку сюда наставил! Смотри-ка, да еще без предохранителя! Надень за спину!

– Пойдите ж, – проговорил растерянно вахмистр. – Так вы ж разве не красный?

– Дурак! сам ты красный! А еще вахмистр! Трогай, давай, поскорей!

– Нет уж, господин, поедем лучше с нами, к командиру, – недоверчиво и настойчиво проговорил вахмистр.

– А я куда тебя зову? К черту на кулички, что ли?

– А! – облегченно вздохнув, ответил тот. – Тогда поедем, конечно!

И вахмистр спросил уже осторожно.

– А позвольте узнать! Вы не из офицеров ли будете?

– Офицер! – коротко ответил Сергей и отъехал несколько в сторону, давая почувствовать, что вступать в дальнейшие разговоры он не намерен.

Так ехали они некоторое время молча.

«Что я делаю? – думал про себя с отчаянием Сергей. – Что я делаю?»

Партбилет, украшенное пятиконечной звездой выпускное свидетельство краскома и другие не менее обличающие документы лежали у него в кармане.

«Пес его знает! – думал вахмистр. – Откуда он взялся? Офицер, а без погон. Не иначе, как это из тех, что по ту сторону в разведку ходят. А может, запоздалый какой из Ростова, только вряд ли должно быть из этих... как их, – агентурщиков».

Остальные казаки ехали молча или разговаривали

вполголоса. По-видимому, присутствие Сергея их несколько смущало.

– А знаешь, Фомичев! – говорил один, обращаясь к соседу. – У него на шапке-то звезда. Вот-те крест! Мы еще как подъезжали, я заметил. Сказать, что ли, Жеребцову?

– Сиди! – недовольно ответил тот. – Али он сам не видит!

– А как же это тогда так? Он ведь при полном оборудовании едет, хоть бы что!

– Звезда!.. Что звезда нонче значит? По-твоему, как погон – так и белый, а как звезда – так и красный. Али позабыл, как буденовцы погоны надевали, ежесть насчет разведки по тылу нужда какая. Это, брат, тоже понимать нужно!

И он многозначительно кашлянул, давая почувствовать, что он-то понимает в данном случае всю сущность дела до самого основания.

VI

– Господин ротмистр дома? – спросил вахмистр, остановив коня.

«Уже приехали!» – сообразил Сергей.

Он думал почему-то, что это должно случиться несколько позже. И решил твердо и без колебаний, сейчас же, когда все будут слезать, броситься в сторону. Но вышло все не так.

– Его нет! – слышался чей-то ответ. – Он скоро будет.

– Мы подождем! – сказал Сергей. – Зайдем к нему!

И он соскочил с лошади. Соскочил и вахмистр.

– А мы-то чего? – раздались недовольные голоса казаков. – Нам чего дожидаться? и так не жрамши!

– Поезжайте домой! – решил, после некоторого колебания, вахмистр. – Скворцов, скажешь хозяйке, чтобы самовар поставила. Я скоро!

Казаки уехали. Сергей и вахмистр взошли на крыльцо. Впереди перед ними были темные сенца. Сергей был с карабином, сбоку в кобуре у него висел наган. Но вахмистр в темные сенца пропустил его вперед. Стрелять было нельзя. Казаки только что отъехали, а кругом бродили солдаты. Сергей вошел в сени и, как бы отыскивая дверь, незаметно повернулся.

– Что там, али не найдете? – спросил тревожно конвоир, если не заметив, то почувствовав его маневр. И Сергей ясно услышал тихий металлический щелк от повернувшегося барабана и взводимого курка.

– Не... не найду! – ответил он и ударил прикладом перед собой. Но удар пришелся плохо, плашмя, однако вахмистр покачнулся все же, ухватился за стену и выронил револьвер, который, падая, гулко выстрелил.

– Постой!..

Но Сергей уже выбежал на улицу, вскочил на чужого коня и рванул поводья.

Две, три минуты он мчался спокойно, но потом сзади послышался топот, выстрелы и крики. Очевидно, за ним гнались вернувшиеся на выстрел казаки.

«Куда я лечу?.. Совсем не в ту сторону!» – подумал Сергей, заметив прямо перед собой невядалеке огни Батайска.

Он хотел было свернуть с дороги в сторону, но чуть не перелетел через голову, потому что бока у шоссе были круты, а внизу плескалась какая-то вода.

Тогда он выбросился снова наверх и помчался, не рассуждая, дальше.

Однако теперь он потерял несколько минут, и крики догоняющих стали на много ближе.

Навстречу ему попадались телеги, солдаты, иногда даже конные, но, еще не понимая, в чем дело, сразу его не останавливали, а когда спохватывались, то было уже поздно. Как бешеный, ворвался Сергей на железнодорожные пути вокзала, но поворотить в сторону не успел, потому что срезанная шальной пулей его лошадь тяжело грохнулась. И он полетел вниз, ударился головой о рельс и выпустил из рук карабинку. Однако тотчас же вскочил, прыгнул налево и закружился посреди забитых составами бесчисленных путей станции.

Выстрелы гремели сначала сзади, потом уже перекинулись куда-то вперед и затрещали беспорядочно со всех сторон.

Где-то близко слышались голоса. Как загнанный зверь, отскочил Сергей и очутился посреди каких-то двух эшелонов. Впереди мелькнул убегающий огонек, должно быть испуганного железнодорожника.

Теперь уже почти рядом, не дальше чем через два пути, кто-то кричал громко:

— Давай сюда!.. Черти-ии!

— Неужели же конец? — с тоской подумал Сергей. — Куда теперь бежать?

Взгляд его упал на приоткрытую дверь товарного ва-

гона. Не раздумывая, не соображая, Сергей проскочил туда, захлопнул за собою дверь и спрятался в угол, за какие-то ящики.

Почти что в тот же момент, мимо с топотом пронеслось несколько человек, и кто-то выстрелил. В первую секунду Сергей подумал, что это в него. Но стреляли, должно быть, уже просто так, с досады.

Через четверть часа все стихло.

Потом опять слышались шаги.

Сергей совсем съежился за ящиком. Дверь вагона вдруг приоткрылась, и луч желтоватого света скользнул по полу.

– Пропади они все пропадом! Как начали стрелять, так я думал, что зеленые на станцию наступают.

– Убежал у них кто-то. Должно, так и не поймали.

– И мы-то с вами хороши, – вагон отпертым бросили!

– Провались он и вагон! Я даже щипцы с пломбами побросал. Один фонарь только захватил, чтобы видели в случае чего, что железнодорожник.

Дверь захлопнули, слышался стук закидываемого запора, потом еще какой-то негромкий металлический звук.

«Пломба!» – мелькнуло в голове у Сергея.

Все стихло, прошло минут пятнадцать, двадцать. «Как странно! – подумал Сергей. – Я цел, – но где? Как же я отсюда теперь выйду? Ага, через окошко, они ведь отпираются изнутри. Только не сейчас, ночью, когда все успокоится».

От удара у него сильно болела и кружилась голова. Он прилег на что-то мягкое в углу и впал в полусознательное

состояние. Все качалось, качалось возле него, и, вздрагивая поминутно, незаметно для себя он как-то странно, тяжело заснул.

Когда он открыл глаза, то никак не мог себе дать отчета, – в чем же дело? Потом понемногу начал восстанавливать в памяти все случившееся. Он бежал, спрятался в вагон, и теперь надо уходить через окно.

«Но постой! – сообразил он вдруг. – Постой! почему же кругом так все шумит? Почему дрожат стенки вагона?»

– Ааа!..

Впереди могучей сиреной заревел паровоз, эшелон давно уже мчался куда-то, ускоряя и ускоряя ход, и колеса сердито перестукивались с рельсами.

VII

В вагоне было темно. Сергей попробовал было продвинуться к окну, но сразу же попал ногой в какую-то щель и едва-едва из нее высвободился.

– Черт его знает, что тут такое наворочено, – бормотал он. – Это ножка от стула. А это... это, кажется, перевернутый диван. Эвакуировались спехом, понабросали в беспорядке всякой дряни полный вагон.

К окошку пробраться оказалось невозможным. Весь вагон был забит мягкой мебелью, коврами, картинами и еще чем-то. В то время, когда в Ростове белые оставили много всякого невывезенного снаряжения и военного имущества, кто-то по протекции вывозил всю эту громоздкую и ненужную дребедень.

«Нет! – решил Сергей, тщетно попытавшись обойти

какой-то большой полированный предмет (по-видимому, рояль). – Придется ждать до утра».

Он забрался в угол и довольно удобно расположился на перевернутом диване. Голова еще продолжала болеть, но уже меньше. К своему удивлению он заметил, что настроение у него сейчас не тревожное и гнетущее, а какое-то безразлично-равнодушное.

«Ну и черт с ним со всем! – думал он. – Выберусь как-нибудь».

Вагоны стучали мерно и ритмично, диван пружинил, покачиваясь, и на Сергея напала дремота, перешедшая скоро в крепкий сон.

Проснулся он, когда лучи яркого солнца, пробившись через мелкие щелки, заиграли зайчиками на темных стенках.

Теперь он принялся за работу и, пробравшись (не без труда все же) вперед, стал раздвигать все в стороны, неторопливо разбирая дорогу к окну.

Провозившись с полчаса, он разбил какую-то фарфоровую статуэтку и продавил ногой большую картину.

«Вандализм! – подумал он, усмехнувшись. – Может, это какой-нибудь Рубенс или Микель-Анжело, а у меня все прахом идет. Ну и черт с ним, не до того теперь».

И, схвативши за ноги безголовую статуэтку, он принялся отколачивать ею приржавевшую задвижку окошка. Наконец-то она подалась.

«Открыть или нет?»

Эшелон, постояв только что на какой-то станции, быстро шел вперед.

«Открою!» – решил Сергей и выпустил окошко из рук.

Сноп теплых, пригревающих по-весеннему лучей, разом ворвался и осветил вагон.

Широкий простор открывался перед его глазами. Дымилась слегка обеснеженная земля, синел убегающий горизонт, и далеко в стороне темнели какие-то не то деревни, не то станицы.

«Весна!.. хорошо-то как!» – вот первая мысль Сергея. И он улыбнулся, довольный.

Высоко, высоко по небу плыла стая журавлей и таяла на его глазах в ласковой утренней синеве.

По сыроватой, черной дороге продвигалась кучка всадников и остановилась у шлагбаума, пропуская поезд. Инстинктивно Сергей хотел было податься назад, но рассмеялся и, высунув голову, с любопытством окинул взглядом забрызганные грязью бурки всадников.

Промелькнул вскоре семафор, и Сергей захлопнул окошко.

Днем состав не трогали, и Сергей решил уже, что это его конечная станция, но к вечеру сильным толчком ударил по вагонам прицепившийся паровоз.

Мучили Сергея голод и жажда, но до ночи приходилось терпеть. Да и что будет ночью?

Карабинки у него теперь не было. Она отлетела далеко в сторону, когда он ударился об рельс. Но наган был при нем, и Сергей не без удовольствия попробовал правым локтем твердый кобур.

«Это надежный товарищ, с ним-то мы ни за что не расстанемся».

И добавил мысленно:

«Он у меня без осечки, на все случаи!»

Часов около одиннадцати колеса застучали по бесчисленным стрелкам, вагоны бросало из стороны в сторону. Замелькали огни, и зашипели паровозы.

«Екатеринодар! – понял Сергей. – Наконец-то!»

Вскоре эшелон остановился, но, судя по тишине, которая водворилась вокруг, где-то далеко от главных путей и позади других составов.

Прошло около часа. – «Пора! – подумал он. – Медлить нечего».

Осторожно спустил окошко, чтоб не хлопнуло, высунул ноги вперед, повис на руках и, легко соскочив, остановился.

«Куда итти? А! все равно, подальше только отсюда».

И он осторожно зашагал в сторону. Шел минут двадцать, потом вдруг остановился. Впереди него, из-под железнодорожного забора, вынырнула какая-то тень и скрылась в темноте, потом он услышал легкий свист. Сергей отошел в сторону и расстегнул кобуру. Прошла минута... другая, – ничего. Тихонько пошел дальше и опять остановился. Откуда-то издалека доносился протяжный отчаянный крик... еще... еще... – снова смолкло все. Вдруг, через некоторое время, уже с другого конца города раздался выстрел, другой, и сразу, перекатываясь эхом посреди ночи, одновременно загрохотали десятки – точно били пачками.

«Что это такое?.. Что это все значит?» – подумал Сергей, изумленный и совершенно сбитый с толку столь странной встречей.

Выстрелы сразу оборвались, и мертвая тишина показала еще резче и загадочнее.

Сергей шагнул в темноте раз, другой, наткнулся на какую-то решетку и отступил даже назад от изумления. Внизу, черноватым отблеском отсвечивало море, и волны плескались о каменную набережную.

... «Новороссийск! – догадался он. – Вот что!»

VIII

Ночь была глухая и темная, несколько случайных мокрых снежинок опустилось Сергею на разгоряченное лицо. С моря дунул теплый ветер.

Сергей забился за какими-то ящиками и досками, нагроможденными возле железнодорожного забора.

«Куда я сейчас к черту пойду? – думал он. – Должно быть, у них тут военное или осадное положение. Попадешься как раз. Да и не видать ничего, куда же итти, где улицы, где город? Путаница какая-то».

Позади его стоял не то завод, не то какое-то станционное сооружение. Вокруг него было все завалено разной поломанной дребеденью. Здесь, запрятавшись укромно, закрывшись какими-то известковыми рогожами, продремал Сергей до самого утра.

«Ну! – подумал он, поднимаясь. – Теперь надо решать, что делать? Прежде всего, долой с папахи звезду. Потом документы. – Он вынул целую кипу из полевой сумки. – Порвать надо! – Но рвать все было жалко, особенно партбилет и украшенное яркой пятиконечной звездой выпускное свидетельство краскома. Он остановился в нерешительности. – Нет... жалко! Попробую лучше спрятать. Но куда?» Через несколько минут нашел и место. Один из

толстых столбов забора был пробит насквозь. Сергей свернул трубочкой оба документа, засунул их туда, и отверстие заложил кусочком сухого цемента. «Ну, а остальные? Остальные можно побросать». – И он быстро перебрал их напоследок руками. Сводки, карты, полевая книжка, еще какие-то заваливавшиеся бумаги. Он только что хотел порвать их, как взгляд его остановился на маленьком голубом конверте.

– Это что? – Сел опять на бочку и вынул чистенькие, плотные листки.

Все теми же крепкими духами пахнуло на него. Он перечитал с начала до конца и улыбнулся, что-то сообразив. – Ерунда! – недоверчиво ответил он себе. Но сейчас же нахмурил лоб, над чем-то усиленно раздумывая.

«Письмо передано с нашим хорошим...», – думал он.

– А что если попробовать?

«Жрать хочется, как собаке» – думал Сергей, очутившись в центре города.

От дверей всевозможных шашлычных кабачков и подвальчиков несло запахом съестного. Ноздри Сергея шевелились.

Повсюду сновали офицеры с крестами и без крестов, с повязками и без повязок. Солдат было мало вовсе. Изящные сестры с красными крестами выглядывали из проносившихся мимо экипажей. Проезжали кавалеристы.

– Помогите несчастному солдату, принявшему муки за родину от большевистской чрезвычайки... – услышал Сергей позади себя голос.

– ...Усечены все пять пальцев на руке, безжалостно гнусным способом. Помогите во имя патриотизма.

Обернувшись, Сергей увидел какого-то весьма подозрительного субъекта, протягивающего к нему руку. «Новый способ выпрашивания», – подумал он. Но помочь «во имя патриотизма» не мог, да и не имел ни малейшего желания.

Наконец, он нашел толкучку, шумную и крикливую, где продавалась разная разность и больше всего обмундирование, английские плащи, ботинки, все вплоть до разворванных казенных седел и вещевых мешков.

– Беру франки и доллары! – подскочил к нему некто в сером. – Имеете, господин?

– Купите часы, – отвечал Сергей.

– Часы? Кажите. Эти? Сколько?

– Тысячу рублей.

– Пятьсот желаете?

– Давай пятьсот, – усмехнулся Сергей.

С деньгами в руках он зашел в первый попавшийся кабачок. На пороге же его оглушил чей-то пьяный басыстый голос, оравший: – Давай национально Российский марш... Сукин сын, большевистская твоя башка...

Было душно, накурено, и пахло затхлостью. Хрипел граммофон. Поев, Сергей поспешно вышел.

На оставшиеся четыреста рублей купил две пары офицерских погон, иголку и ниток.

Хозяин лавчушки, торговавший всяким барахлом, с особенным любопытством посмотрел на Сергея и даже усмехнулся.

Должно быть, ему странным показалось, для чего это солдату в серой шинели понадобились подпоручиковы погоны.

На всякий случай Сергей поспешно смешался с народом, завернул за угол и торопливо пошел, разыскивая укромное местечко, где он мог бы преобразиться.

Через час, немного волнуясь, он, как офицер Добровольческой армии, шел по улице, отыскивая необходимый ему дом.

Нашел. На дверях медная дощечка и на ней:

«Присяжный поверенный Г. К. Красовский».

– «Это теперешний каратель, – решил Сергей. – Ну, что же, войдем».

И он нажал кнопку электрического звонка.

IX

Четвертый день, как живет Сергей в удобной, но совсем непривычной для него обстановке крепкотелой буржуазной семьи.

Встретили его по письму даже приветливо, – как своего человека.

– Скажите, но почему вы так запоздали? – с легким укором спрашивала его хозяйка. – Ведь письмо вам было передано уже давно.

– Ничего не поделаешь, знаете, служба. Предполагал выехать раньше, но задержали.

Ему отвели комнату небольшую, но уютную, обставленную тяжелой мебелью и широким кожаным диваном, служившим ему вместо кровати.

И вот каждый день, по утрам, Сергей уходит, инсценируя «дела службы». Возвращается к обеду, а вечера проводит за чаем в столовой, посреди кружка друзей и близких знакомых Красовского.

Семья была выдержанная и даже тонкая. Видно было, что ее внутренний механизм работает ровно и без перебоев, а жизнь течет плавно, своим чередом, как будто ничего особенного вообще и не происходит.

Во всяком случае, если где-то в стороне кипело, бушевало, разбивалось, рушилось, то непосредственно Красовских не задевало и на семейном уюте ничем не отражалось.

Красовские как бы умышленно закрывали глаза на все кругом происходящее, в лучшем случае считая все это каким-то недоразумением, неприятным инцидентом, а в худшем – беспорядком, который скоро уляжется, утихомирится для того, чтобы уступить дорогу плавному течению, прежней спокойной жизни. Как-то раз, обиняком, Сергей задал хозяйке вопрос – не думает ли она, что в конце концов пора бы изменить теперешний уклад жизни?

– Ну, а как же может быть иначе? – пожав плечами, ответила она. – Ну, я понимаю, в верхах там, другой образ правления, парламент, конституция. Но зачем же личную-то жизнь ломать?

И в голосе ее было столько неподдельного удивления и непонимания, что Сергей промолчал и перевел разговор на другую тему.

Однажды он лежал на диване, когда слышался женский голос:

– Константин Николаевич! Идите чай пить!

«Ах, ты черт, – мысленно обругал себя, вскакивая с дивана, Сергей. – Да ведь это меня же».

И ответил поспешно:

– Сию минуту, Ольга Павловна! Зачитался, что даже не слышу.

За чаем собралось несколько человек. Ольга Павловна, – женщина лет тридцати пяти, в меру подкрашенная и подведенная, ее брат – тучный господин с жирным баском и лаконическими резкими суждениями обо всем. Чья-то не то племянница, не то крестница, куколкой наряженная, Лидочка. И еще какой-то субъект неопределенной категории, с козлиной бородкой, весьма интеллигентным лицом и тщательно отутюженными складочками брюк. Он был тощ и желчен; фамилии его Сергей не расслышал.

– Сегодня доллар поднялся ровно в два раза, – громко проговорил тучный господин, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Это грабеж, форменный! Неслыханная вещь! За один день на сто процентов!

– Удивительно, – проговорил Сергей. – Что бы это значило?

– А то, что плохо работаете, господин офицер. Все отступления да отступления.

– Но постой, мой друг! – вмешалась хозяйка, очевидно, желая смягчить его резкость. – Почему же ты так говоришь Константину Николаевичу, точно это от него зависит.

– На это есть причины чисто стратегического характера, – ответил Сергей. – И я думаю никто не сомневается в том, что в конце концов Добровольческая (он чуть-чуть не сказал было Красная) армия сумеет разбить эти банды.

– Не сомневаются? – И тот иронически посмотрел на него. – Нет, сомневаются, раз доллар вверх скакнул. Отчего он скачет, вы знаете?

– Нет! – откровенно сознался Сергей.

– Ну, то-то! А скачет он оттого, что спрос на него большой. А спрос почему? Да потому, что уши наострили

все, как бы чуть что, так и до свидания. С нашими-то цветными тряпками за границу не уедешь. А вы говорите, — не сомневаются. Нет, уж у меня доллар на этот счет лучше всякого барометра.

— Константин Николаевич! — перебила их Лидочка, которой надоел этот разговор. — Вы на фронте были?

— А как же? Был, конечно.

— И красных видели? Пленных? — добавила она. — Расскажите, какие они?

— Какие? Вот, право, затрудняюсь сказать. Люди как люди. Все больше крестьяне и рабочие.

— А вы... вы их не расстреливали? Сами, конечно?

— Нет, не расстреливал, — ответил он несколько насмешливо.

— А-а! — разочарованно протянула она. — А я думала почему-то, что вы сами. Скажите, а вы видели, как это их?..

— Лидочка, перестань, что это ты за чаем о каких неприятных вещах говоришь, неэстетично даже, — молодая девушка и вдруг — такие разговоры.

Лидочка немножко обиделась: мало ли что не эстетично, а раз интересно.

В комнате было чисто и тепло. Сверху из-под абажура лился ровный, мягкий свет, и бисерные нити спускающейся бахромы играли огоньками разноцветно.

Тощий господин, просмотрев газету, отложил ее в сторону и сказал, обращаясь к Сергею:

— Читали?.. Нет? Какую новость еще выкинули. Все просоциализировали — и дома, и имущества, и храмы, — кажется, больше нечего было. Так нет, решили еще социализировать женщин! — проговорил он раздельно и едко

усмехаясь. – Женщин от шестнадцати лет и выше. Вот смотрите, официальное сообщение.

Сергей посмотрел, – точно официальное сообщение в виде вырезки из «Правды» было налицо.

– Может быть, здесь преувеличивается несколько, – осторожно заметил он. – Вряд ли они могли решиться на такую меру. Ведь это вызвало бы целый бунт.

– Э! Одним бунтом больше, одним меньше. Не все ли им равно? А что это правда, так я и не сомневаюсь. Например, знаете, у них там для Совнаркома некая госпожа Коллонтай есть. Шикарная, конечно, красавица, брильянты, меха и все такое прочее. – Он посмотрел искоса на скромно опутившую глаза Лидочку и добавил с некоторым раздражением. – Да неужели же не слыхали? Ведь об этом все говорят.

– Да, слыхал что-то, – уклончиво ответил Сергей. – Только верно ли это?

– Враки все, – прислушавшись, проговорил другой. – Разве всему, что у нас в газеты попадает, верить можно? Всякой дрянью столбцы заполняют, а про то, что нужно – ничего. У меня, вон, фабрика в Костроме, так хоть бы строчка была, как там и что. Все на один лад. Все, пишут, поломано, растащено, камня на камне не осталось. А встретил я недавно человека. Ничего – говорит – все на месте стоит, одно отделение работает даже понемногу.

– Ах, оставьте, Федор Павлович! – возразил ему первый. – Нельзя же все о ваших фабриках. Нужно, так сказать, всесторонне осветить бытие этих банд. Это в конце концов необходимо для истории.

– Враки! – упрямо повторил тучный господин. – А если

не враки, то и у нас не лучше. Декрета не издавали, а что кругом господа офицеры делают! Стыдно сказать. Публичный дом какой-то!

Лидочка вспыхнула и снова потупила глазки, размешивая ложечкой простывший чай, — должно быть, не слышала.

— Оставь, Федор! — опять вмешалась хозяйка. — Ты всегда что-нибудь... такое скажешь.

И она неодобрительно покачала головой. Сергей неторопливо грыз сухарь и слушал, как горячо доказывал что-то субъект с козлиной бородкой.

— Нет, нет! Я не согласен, чтобы эта социализация, чтобы посягали на мои убеждения, на имущества... на благоприобретенную собственность! Я не могу согласиться... Я протестую, наконец!

— Ну и протестуйте! Пожалуйста! Сколько вам хочется! Да что толку-то в этом? Это все равно, что во время землетрясения кричать во все горло: «Я протестую против землетрясения». Но что толку в этом протесте? Другое дело, когда за ним сила была бы. Тогда бы я тоже... У меня вон фабрика. А так-то, что впустую.

Но тощий господин с этим помириться не мог. Он только что хотел с желчью обвинить своего собеседника в том, что его взгляды отзываются большевистским духом, когда хозяйка, заметившая, что спор начинает принимать острый характер, оборвала разговор.

— Бросьте, господа! Всегда у вас политика. С чего бы ни начали, все на нее свернете. Лидочка, ты бы сыграла что-нибудь!

«Протестую против землетрясения, — усмехался, лежа в

постели, Сергей. – А хорошо сказано, право. Протестуй сколько хочешь, до бешенства, до иступления, а все-таки все колышется, рушится и грохочет».

И почему-то ему ярко представился карикатурный, маленький интеллигент с козлиной бородкой, который стоит и беспомощно протестует против бушующей огневой стихии Революции.

Из гостиной доносились звуки рояля, – тихие, пряные. В комнате пахло книгами и коврами. Комоды блестели лаком, – крепкие, кряжистые, годами вросшие в паркетные квадратики. С письменного стола фарфоровые амурчики поглядывали глупо. Равно тикали стенные часы. – Покой, уют, благополучие.

«Иллюзия благополучия, – подумал Сергей. – Скоро, скоро придет и сюда, может быть грубая, жестокая, но освежающая буря Революции. И сметет она этот теплый покой и пошлый уют. К черту, кверху ногами перевернет эту равномерно налаженную жизнь. И засмеется над испуганным недоумением и бессильной ненавистью этих маленьких, протестующих человечков».

Х

Сергей собирал, где мог, сведения, намереваясь при первом же случае убежать к партизанам. Он ежедневно слышал толки о том, что их в городе, как собак, полно, что их переодетые шпионы партиями снуют повсюду, по улицам и базарам, всматриваясь и вслушиваясь во все.

– Но где же они прячутся, далеко где-нибудь? – как-то спросил он одного из своих новых знакомых.

– Далеко! – усмехнулся тот, – вон видите те сопки?

И он указал на горы, возвышающиеся недалеко за рабочим поселком.

– Так я ручаюсь, что если бы вы, один, конечно, попробовали подняться туда, то попались бы живо.

– Но почему же тогда не принимают никаких мер? Ну, отряд бы хотя послали.

– Посылали! – и тот безнадежно махнул рукой. – Да что толку! Кругом у них шпионы. Эти! – он указал на окраину, – сами полубандиты, покрывают, предупреждают, ну, те смываются чуть что и дальше. А по горам гоняться тоже удовольствия мало.

Сергей возвращался домой. Он был в задумчивости, когда вдруг заметил, что очутился посреди большой толпы, запрудившей улицу. Вперед – солдаты стоят и никого не пропускают. У всех ворот тоже солдаты.

Квартал был оцеплен командой от коменданта города. Проверяли документы.

– Всем, всем, господа, предъявлять! Никто не освобождается! Военнослужащие тоже! – услышал он чей-то громкий голос.

– Константин Николаевич! – и кто-то тронул за рукав Сергея.

Обернувшись, он увидел госпожу Красовскую.

– Как хорошо, что я вас встретила. Пойдемте вместе, а то я паспорт из дома не захватила.

«Ах, чтоб тебе провалиться! – мелькнуло в голове у него, – тут и сам не знаешь, как выбраться».

– Вы постойте тут, пожалуйста, – торопливо освобождая руку, ответил он, – тут очередь большая, а я сейчас все устрою.

И, оставив ее, немного удивленной такой поспешностью, он скрылся.

Самое лучшее в этих случаях действовать как можно спокойней и решительней. Сергей знал это по опыту. Способ верный. Так и тут – заметив, что возле одного из проулков толпа слишком наседает на постового солдата, он подошел, ругаясь сразу:

– Ты что, безмозглая башка, бабой стоишь! Тебя зачем сюда поставили? Смотри, тебе скоро на шею сядут. Не подпускать к себе никого на десять шагов!

И, пока растерявшийся солдат отгонял высовывающихся, он спокойно прошел мимо и, очутившись по ту сторону, смешался с любопытными, завернул за угол и быстро пошел прочь.

«Ну! – думал он, очутившись уже далеко, – теперь кончено, ворочаться домой нельзя. Но что же делать, что? Сейчас проверка там, потом может быть здесь. Куда теперь итти?»

И он остановился, раздумывая. Поднял голову, и перед его глазами, одна за другой громоздились вершины загадочных сопок.

– Туда! – решил он – Туда!..

У самой подошвы гор, кривыми узенькими улочками раскинулся какой-то небольшой, захудалый поселок; в нем маленькие домики низко вросли окнами в землю. Плохо сколоченные заборы, через которые можно было заглядывать с дороги, шатались, как пьяные или усталые. А деревянные крыши многих лачужек, точно отягощенные какою-то непосильной ношей, выгнулись в середине.

Народу не было видно вовсе, все точно повымерли или

попрятались куда. Но, проходя мимо, Сергей чувствовал на себе из ворот и окошек несколько десятков недоброжелательных взглядов. Один раз, завернув за угол, он столкнулся лицом к лицу с какой-то молодой женщиной, должно быть работницей. Она отступила на шаг, окидывая его удивленно-враждебным взглядом, и потом поспешно, как бы испугавшись, бросилась вперед.

Сергей миновал крайний домик и остановился возле старого, должно быть кирпичного, сарая. Сорвал с плеч погоны и отбросил их в сторону.

Взглянул мельком, как блеснула вблизи мишурная позолота и усмехнулся, вспомнив только что брошенный на него полный ненависти взгляд. — Это к ним!

Гора была не так близка, как казалась. Прошло не менее часа, когда Сергей добрался до ее основания и начал медленно подниматься узенькой и изгибающейся по крутым склонам тропочкой. Земля была сыроватая и скользкая; шел он долго, поднимаясь все выше и выше. Уже смеркалось, подходил день к концу; расплывались резкие контуры, кустарник и леса затемнели впереди черными массами.

А Сергей все шел и шел. Несколько раз останавливался перевести дух, но не надолго. И лишь добравшись, наконец, до вершины первой горы и увидав впереди поднимающиеся новые и новые громады, он сел, тяжело дыша, на одну из широких каменных глыб. Прислонился, охватив руками покрытый мхом и трещинами торчащий из земли обломок и взглянул усталый и удивленный перед собой.

Зашло солнце, бледными огоньками зажигался город и мерцал тусклыми звездочками по земле далеко внизу.

Широкий простор убегающего моря поблескивал темными полосками чуть заметно. Было тихо... спокойно... Лишь едва слышный шум, смутный и беззвучный, точно шорох, доносился с порывами ветра из оставленного Сергеем города и замирал, растаяв.

С непривычки немного кружилась голова. И странное, странное ощущение охватило Сергея.

Казалось ему, что он, огромный и могучий, сидит здесь и смотрит туда, где все, кроме него, маленькие, незаметные и неважные. Неважные эти ютящиеся внизу люди и домики, слившиеся в город, небольшим черным пятном видневшийся на темном фоне земли.

Засмеялся громко. Отголоски покатались по сторонам, удесятирив силу его голоса. И, раскатившись, попрятались и пропали за темными уступами.

– Ого-го-го!.. – широко и сильно крикнул Сергей, вставая.

И каждый камень, каждая лощинка, каждая темная глубина между изгибами гор ответили ему приветливо и раскатисто:

– Го-ooo!..

И вздрогнул, насторожившись, Сергей. Тихо, но ясно, откуда-то сверху, издалека, донеслось до его слуха.

– Оо-ooo!..

– Отвечает кто-то. Уж не они ли?

Он обернулся, всматриваясь, и увидел далекий огонек, должно быть, одного из горных домиков.

...И пошел, спотыкаясь, опять. Долго еще он шел. Два раза падал, разбил колено, но, не чувствуя даже боли, шел на огонек. Он то мерцал, то пропадал за деревьями, но вот вынырнул от него близко, близко, почти рядом.

Впереди залаяла собака, злобно и подвывающе. Сергей продвинулся еще немного, вышел на какую-то покрытую кустиком лужайку и остановился, услышав впереди у забора голоса.

Разговаривали двое.

– Он давно ушел?.. – спрашивал один.

– Давно! – ответил другой. – Давно, а не ворочается.

– Может, попался?

С минуту помолчали, потом один бросил докуренную цыгарку и ответил неторопливо:

– Не должно бы, не из таких! Слышал я, как кричал давеча кто-то внизу.

«Они!» – решил Сергей и, выступив, окликнул негромко:

– Эй, не стрелять чур! Свой, ребята!

Оба повскакали разом, лязгая затворами.

– А кто свой? Стой! стой! Не подходи, а то смажем!

– Свой! Из города к вам, в партизаны.

– К нам? – подозрительно переспросили его. – А ты один?

– Один!

– Ну, подожди тогда. Да смотри, если соврал!

Сергей подошел вплотную.

– Вон ты какой! – проговорил первый, оглядев его. – Ну, пойдем, коли к нам, в хату до свету.

Вошли во двор. Яростно залаяла, бросаясь, собака, но один ткнул ее прикладом, и она отскочила. Распахнули дверь, и Сергей вошел в ярко освещенную комнату, в которой сидело несколько человек.

– Вот, Лобачев, – проговорил один из вошедших, указывая на Горинова, – говорит, к нам пришел в партизане.

Сергей поднял глаза. Перед ним стоял высокий, крепкий человек в казачьих шароварах, в кубанке, но без погон, и на груди его была широкая малиновозеленая лента со звездой и полумесяцем.

XI

«Какой странный значок! – подумал Сергей. – Почему бы не просто красный?»

Человек, по-видимому, очень торопился. Он задал Сергею несколько коротких вопросов. – Кто он? Откуда? И как попал сюда?

– Я из красных, попал к белым и бежал...

– К зеленым?

– Ну да! К партизанам! – утвердительно ответил Сергей и пристально посмотрел на спрашивающего.

– А вы не коммунист? – как бы между прочим спросил тот.

И что-то странное в тоне, которым предложен был этот вопрос, почувствовалось Сергею. Как будто за ним была какая-то скрытая враждебность. Он взглянул опять на ленточку, на холодное интеллигентное лицо незнакомца и ответил, не отдавая даже себе отчета, почему, отрицательно.

– Нет, не коммунист.

– Хорошо! Зотов, возьмешь его, значит, к себе, – проговорил незнакомец, обращаясь к одному, и добавил Сергею: – завтра я вас еще увижу, а сейчас мне некогда.

Он поспешно вышел. В комнате осталось несколько человек. Сергей сел на лавку. Несмотря на то, что нако-

нец-то он был у цели, настроение на него напало какое-то неопределенное, потому что все выходило совсем не так, как он себе представлял.

«Глупости! – мысленно убеждал он себя. – Чего мне еще надо? Право, я как-то странно веду себя. Зачем, например, соврал, что не коммунист?»

И он даже рассмеялся про себя над этим чудным поступком.

В горах раздался выстрел, другой, потом затрещало несколько сразу. Через несколько минут стихли.

– Это кто? – спросил Сергей одного из партизан.

– А кто его знает! – довольно равнодушно ответил он. – Должно, красные балуются, они больше в тех концах бродят.

– Какие красные?.. С кем балуются?

– Пей чай! – вместо ответа предложил ему партизан, – а то простынет.

Сергей налил себе кружку и с удовольствием выпил ее, заедая большим ломтем хлеба.

Присмотревшись, он увидел на рукаве у одного из сидевших все ту же яркую ленту.

– Что она означает? – спросил он.

– Кто?

– Лента? Значок этот!

– А! Разное означает. Зеленый – лес и горы, где мы хоронимся, месяц со звездой – ночь, когда мы работаем.

– А малиновый?

– А малиновый! – посмотрел на него тот, несколько удивленно, – так малиновый же наш исконный казачий цвет.

«Что за чертовщина? – думал Сергей... – Что такое?»

– Ты у красных был? – опять спросил его собеседник.

– Был!

– Ну, нам наплевать! – раздумывая, отвечал казак. – Хуть красный, хуть кто... А не коммунист ты?

– Нет!

– И не жид?

– Да нет же! Разве так не видишь?

– Оно конечно! – согласился тот. – По волосьям видно, по разговору тоже!

И, вспомнив что-то, он усмехнулся.

– А то у нас штука такая была: прибежал как-то жидок к нам... Такая поганая харя. Ваське Жеребцову как раз попался. «Товарищи» – кричит, – свой! свой! Ворот от рубашки распорол, а там документ, что комиссар да партейный. РадуетсЯ сдуру, сам в лицо бумажку сует. Повели его, оказывается, белые к расстрелу, а он и удул, сукин сын.

– Ну? – спросил Сергей, чувствуя, как он холодеет. – Ну, что же?

– Как взяли мы его в работу! А! Комиссар, песье отродье? А! Коммунист, жидовская башка! Ты-то нам и нужен. Так живуч как черт был. Покуда башку прикладом не разбили, не подыхал никак.

И, вздохнув, рассказчик добавил:

– Конечно! Ошибка у него, видно, вышла. Кабы он к Сошникову, либо Семенову попал, тогда другое...

Сергей побледнел, содрогаясь при мысли о том, как недалек был он от того, чтобы разделить участь какого-то замученного несчастного комиссара.

«Бежать! – мелькнуло в голове. – Бежать скорей!.. дальше отсюда. Чтобы они сдохли, эти зеленые собаки».

– Ложись спать! – предложил ему один. – А то завтра вставать рано. Домой пойдем. Днем-то мы здесь не бываем, – опасно.

– Оправиться схожу, – сказал, потягиваясь и стараясь казаться как можно более равнодушным, Сергей и направился к двери.

– Постой, дай и я с тобой. А то на дворе собаки.

«Ах, ты, сволочь! – изругался про себя Сергей, заметив, что тот захватил с собой винтовку. – Это еще зачем?»

Они вышли и остановились на высоком крылечке, оправляясь. Конвойный стоял на самом краю.

Сергей со всего размаху спихнул его в сторону. Зеленый с криком полетел, хлопнувшись в грязь. А Сергей рванулся через забор и помчался к деревьям. Почти что вслед искрами засверкали выстрелы, завизжали пули.

– Убегу! – крикнул себе твердо Сергей. – Убегу!

В то же время огнем рвануло ему плечо, и он пошатнулся.

– Все равно! – И Сергей, стиснув зубы, пересилив боль, прыгнул куда-то в чащу, под откос.

ХII

Всю ночь плутал Сергей.

Взошла луна. Пошатываясь, ходил он по рощам и полянам. Со склона невысокой горы увидел он впереди огни, должно быть на море. Потом спустился куда-то и побрел снова. На рассвете услышал как будто отголосок далекого выстрела. Бросился бежать, но никого не встретил. Остановился, прислушался...

Никого!.. Никого!.. Разгоряченный, обливающийся потом, испытывая мучительную боль, бросился он на землю. Долго лежал, вбирая в себя ее освежающий холод. Звезды гасли.

Но, чу! близко, почти рядом, раздался звонкий, раскатистый выстрел.

«Неужели... неужели наши?! – подумал, вскакивая, Сергей. – Или, может быть, опять какие-нибудь зеленые, голубые, розовые. – Будь они все прокляты!» – Он бросился и закричал громко во весь голос:

– Кто-о там... Где-ее!..

Прислушался. Не отвечал никто... Шумел по верхушкам деревьев ветер.

– Кто-оо! – закричал он уже с отчаянием. – Кто-оо!

– Чего зеваешь? – раздался вдруг позади него грубый голос. – Кого надоть?

Обернувшись, Сергей увидел выходящих из-за кустов трех вооруженных человек.

И у одного из них, наискось рваной черной папахи тянулась тряпичная ярко-красная лента.

ХІІІ

Их было трое. Один – невысокий, крепкий, с обрывком пулеметной ленты через плечо и с красной полоской на папахе. Он смотрел на Сергея хмуро и недоверчиво.

Другой – длинный, тонкий, в старой чиновничьей фуражке, на зеленом околыше которой была карандашом нарисована кривобокая, пятиконечная звезда, и в рваном драповом пальто. Винтовку этот держал наготове, при-

смаатриваясь к незнакомцу. Третий, тот, который только что окликнул Сергея, – коренастый, широкий, с корявым мужицким лицом, обросшим рыжеватой бородой, – смотря на Сергея с любопытством, проговорил негромко:

– Ишь ты... гляди-ка!..

– Ты кто такой? – строго уставившись из-под лохматых бровей и не сдвигаясь с места, спросил первый.

– Вы партизаны?.. Красные?..

– Куда уж больше? с головы до ног, на левую пятку только краски не хватило, – усмехнувшись, ответил второй.

– Держи язык-то... брехло! – растягивая слова, перебил третий и спросил Сергея грубоватым, но не сердитым голосом:

– Ты што за человек будешь? Пошто кричал-то?

– Я тоже красный! – ответил лихорадочно и взволнованно тот. – Я убежал из города в горы, но попал к каким-то бандитам. Ночью опять убежал, они стреляли...

– А ты не врешь? – хмуро оборвал его первый. – Может, ты шпион какой от белых или офицер переодетый.

И, впившись в него глазами испытующе, добавил холодно и жестоко:

– Смотри тогда! У нас расправа короткая...

Но, должно быть, что-то искреннее было в словах Сергея, третий укоризненно ответил за него:

– Оставь, Егор! Будет тебе... Разве не видишь, что человек правду говорит! И какая у тебя дубовая башка! Чать, я думаю, различить сразу можно.

От усталости, от перенесенных волнений и от физической боли Сергей пошатывался и еле-еле стоял на ногах.

– Верно!.. – проговорил он тихо. – Верно, товарищи, я врать не буду...

– Смотри-ка! Да у него кровь! – воскликнул молчавший до сих пор длинный партизан и, забросив винтовку за плечо, подошел к Сергею, у которого темно-красное пятно расплылось возле плеча по серой шинели.

– Откуда это?

– Откуда! Я же говорю, что они стреляли...

Все трое обступили его участливо. Прежняя недоверчивость как-то сразу исчезла, и даже Егор сказал, насколько мог мягче:

– Так ты видно, брат, и вправду из наших?

– Ах ты... шток им окоянным пришлось! – засуетился мужичок. – Ты дойти-то, парень, можешь? Тут не далеко. Там бы Федька перевязал.

– Могу! Не в ногу попало.

– Ну, все же. Пойдем, ты обопрись на меня. Яшка, возьми мою винтовку. Пусть он обопрется.

– Не надо, не надо! – запротестовал Сергей. – Всю ночь проштался, а теперь уж что.

Но Силантий настоял на своем. Сергей прислонился к нему правой рукой, хотя итти по буграм от этого было нисколько не легче.

Шли недолго, с полчаса. Яшка шел впереди и тащил обе винтовки.

– Дядя Силантий, а дядя Силантий! – проговорил он, оборачиваясь на ходу. – Ребята-то на нас накинута сейчас – во-о!..

– Чего мелешь?

– Не мелю, а белого, подумают, поймали. Даеть, мол, к ногтю!

– Скажешь! Как язык-то у тебя не отсохнет!

Они вышли на полянку, повернули за гору, и на небольшой площадке под крутым скатом Сергей увидел две прикорнувшие книзу землянки. Около них стояли и сидели несколько человек.

Пришедших окружили с любопытством.

– Го! Кого привели, ребята? – спросил невысокий, пожилой партизан, с наганом за поясом. По татуированным рукам Сергей угадал в нем матроса.

– Наш, – коротко ответил Егор и выругался крепко. – Чего, дьяволы, рты-то разинули? Федька, ты где?

– Здесь!

– Валяй, тащи чего-нибудь. Неужели не видишь, что у человека плечо прострелено? Доктор хреновский!

– Так заходите же в землянку тогда. Не тут же ему раздеваться.

Землянка оказалась вместительной. Посередине стояла железная печка, а по сторонам, прямо на земле, лежали охапки сухих листьев. Стола не было вовсе.

Сергею подставили обрубок.

Прибежал Федька, маленький, черный, суетливый человек. В германскую войну он служил санитаром, а у партизан «доктором».

Притащил сумку, все содержимое которой заключалось в бутылке йоду и нескольких бинтах, после чего приступил к делу.

С Сергея стащили шинель, гимнастерку и залитую кровью нижнюю рубаху.

– Отойдите от света-то, черти! Чего носы суете, – степенно сказал Федька.

Он долго осматривал рану, потом объявил, что пуля прошла насквозь, пониже плеча через мякоть.

– Кости, кажись, не задела. А впрочем, кто ж ее знает?

– Кто ее знает? А еще доктор!

– Тебе бы, брат, не доктором, а сапожником быть.

– Пойдите к черту! – не сердясь сказал Федька.

– Егор, вымети-ка это дурачье!

– Выкатывайся, ребята! – возгласил Егор. – Посмотреть?.. Нечего тут смотреть! Вот сам получишь, тогда и посмотришь.

– Взвоешь, брат, сейчас, – предупредил, подходя с бутылкой, Федька. – Ну ничего, я скоро... самую малость.

– Не буду! – улыбаясь, ответил Сергей.

– Ой ли! Ну смотри...

И он прямо из горлышка влил ему в оба отверстия раны черноватой, жгущейся жидкости. Сергей сдержал крик, вынес боль молча.

– Эх молодец! – заговорил Федька. – А у нас этого ёду бояться, – страсть! Кулику нашему просадили намерзлый ног. Так две версты в гору прополз, винтовку не бросил и не пикнул даже. А как ёду, – то никак! Со скандалом каждый раз, хуже бабы.

– Кто же это тебя? Не пойму я все-таки толком, – спросил матрос.

– Я и сам не знаю. Бандиты какие-то! Я думал, это партизаны, а вышло вон как. Значок у них малиновый с месяцем...

– Пилуковцы! – резко сказал Егор. – Казачья сволочь! Это ихний.

– Что за пилуковцы? – спросил Сергей.

– Кубанцы-самостийники. Пилук там в ихнем правительстве был. Ну, дак, он у них атаманом. Возле Соч они больше путаются.

Веки Сергея отяжелели, глаза закрывались. Голова горела.

– Ляг! – сказал ему матрос. – Вон тебе в углу на листьях постлали. Укройся моей шубой.

Сергей лег, закрыл глаза. Партизаны вышли. Ему было жарко, но в то же время пробирала мелкая нервная дрожь. Рука теперь тяжело ныла и повернуться, даже чуть-чуть, было больно. Он чувствовал, как покраснелось его лицо и как горячая кровь толчками била где-то близко под кожей.

«Хорошо! – подумал он – Хорошо, что все-таки я у своих...»

И когда через несколько минут в землянку вошел Егор, то он увидел, как, разметавшись, тяжело дышит, но все-таки спит новый партизан.

XIV

Прошло две недели с тех пор, как убежал из города в горы Сергей. Рука еще болела, и двигать ею было трудно.

Партизан кругом было много, но отрядами держались они небольшими, чтобы скрываться удобнее. Вокруг Сошникова сгруппировалось человек тридцать-сорок. Народ боевой и видавший виды. Сам Сошников матрос, из тех, от которых еще в феврале пахло октябрем, был старым партизаном, еще со времен германской оккупации Украины. Он не был хорошо развит политически, не был даже как следует грамотен. Но это не мешало ему быть хорошим

профессионалом-повстанцем, ненавидеть до крайности белых и горячо защищать Советскую власть. Он крепко ругался, крыл и в «бога» и во все, что угодно; но при случае, не видел ничего зазорного в том, чтобы в меру выпить. Самую сильную бранью считал он слово «соглашатель».

Потом Егор. Озлобленный донельзя и жестокий до крайности ко всем, кто принадлежал к «тому» лагерю, независимо от профессии, пола и возраста.

Когда-то давно он был рабочим литейного цеха, про который вспоминал с ненавистью, который, как он говорил, «прожег и прокоробил его до последней жилы».

Прямо с завода он попал в солдаты. За какую-то провинность оттуда — в дисциплинарный батальон. Озлобленность постепенно нарастала. А тут еще война, и, даже не заехав домой, он угодил на фронт.

— Всю жизнь промотался хуже собаки, — говорил он. — Другому хоть что-нибудь, передышка какая, ну хоть обман какой-нибудь на время, а у меня — ни черта!

— А пропади они все пропадом! — отвечал он с озлоблением, когда матрос или еще кто-нибудь из товарищей старался удержать его от излишней жестокости.

Он дружил с Сошниковым и считался его помощником.

Близко узнал еще Сергей Силантия Евстигнеева, или, попросту, дядю Силантия. Это был простой мужик иногородний, как назывались крестьяне в казачьих станицах. У него где-то «там» была своя немудрящая хатенка, хозяйствышко, баба и девчонка Нюрка, о которой он очень тосковал. Ему совсем не по нутру были все эти сражения... выстрелы... войны... и все его мечтания были всегда возле «землишки», возле «спокоя». Раньше забитый и эксплуа-

тируемый, он верил в то, что большевики принесли с собой «правду», и что скоро должно все хорошо «по-божьи» устроиться. Но вышло все как-то не так. Пришли белые, и первые плети он получил за то, что ходил за офицером и доказывал ему, что никак нельзя ему без отобранной лошаденки. Потом пришли красные, и на квартиру к нему стал комиссар. Потом пришли опять белые, и ему всыпали шомполами уже за комиссара и поводили «в холодную». Из «холодной», испугавшись, как бы не было еще чего хуже, он убежал и с тех пор бродит с партизанами, скучает по дому, по хозяйству и по Нюрке.

Был еще Яшка, который где только не шатался. Служил полотером, работал грузчиком и собачником, а в дни революции одним из первых ушел в славную Таманскую армию.

И черный, как смоль, грузин Румка, спокойный и медлительный.

Как-то раз Сергей стоял и разговаривал с Егором.

– Румка! пойди сюда! – позвал тот.

– Зачѐм? – не вставая отвечал Румка.

– Пойди, когда говорят!

Румка встал лениво и медленно подошел.

– Ну?

– Вот, смотри! – сказал Егор, отворачивая у того ворот рубахи. – Хорошо?

И Сергей увидел, что вся шея у него исчеркана глубокими, недавно только зажившими шрамами.

– Что это? – с удивлением спросил он.

– Офыцэр рубал, – ответил флегматично Румка. – Шашкой рубал на спор.

Офицер, оказывается, был пьян, а у Румки больше виноградного не было. Офицер рассердился и сказал, что будет Румке рубить голову пять раз. Если срубит, то его счастье, а нет – так Румкино. Офицер был здорово пьян, попадал не в одно место и свалился скоро под стол, так и не отрубив головы. Счастье было, безусловно, Румкино.

И много других, таких же, как эти, было в отряде. Озлобленные на белых – уходили к красным. И горе казаку, горе офицеру, попадавшему в их руки. Жестока была партизанская месть.

XV

Яшка сидел на камне, недалеко от костра, над которым в котле варилась обеденная похлебка. Он наигрывал что-то на старой затасканной гармонии. Играть, собственно, Яшке сейчас не хотелось, а хотелось есть. Но до обеда надо было чем-нибудь убить время.

– Ты подкидывай дров-то побольше! – предложил он, – эх ты, карашвиля несчастная!

Румка, исполнявший обязанности кашевара, посмотрел на него лениво и ответил равнодушно.

– Играй сэбэ! Сами знают.

Яшка положил гармонию и подумал, что хорошо бы попросить у Румки поглотать мосол из котла. Но сообразив, что тот не даст наверное, потому что попросят другие, вслух обругал его «жадюгой» и пошел прочь.

Подошел к Силантию, который, сидя на чурбаке, подшивал к своему сапогу поотставшую подошву. Тот работал сосредоточенно и внимательно, точно делал дело большой

важности. Да и еще бы! Сейчас немного, потом побольше, и начнет тогда рваться. А где же возьмешь другие?

И потому он с неудовольствием посмотрел на Яшку, который толкнул его в спину.

– Ты чего?

– Так! Жрать надо бы, да не спело еще. Вот и хожу.

– Так ты не пхайся тогда. Видишь, што человек делом занят.

– Форсишь все! Утром портки зашивал, теперь сапоги.

Дядя Силантий откусил конец суровой нитки, заскорузлыми пальцами завязал узелок и ответил, продолжая работу.

– Одежу, милой, беречи надоть. Нешто как у тебя, парень, штаны-то вон новые, а все в дырках.

– Пес с ними с дырками! Вот кокну офицера, либо буржуя какого и опять достану.

– Из-за штанов-то? – И Силантий укоризненно посмотрел на него.

– Не из-за штанов, а так вообще...

– Разве, что воопче... Да и то, милой, хорошево-то мало. Хочь из-за чево!

– Ну нет, не мало. Так им гадюкам и надо! – присвистнув, ответил Яшка и добавил, передразнивая: – «Хочь из-за чево!» А на прошлой неделе кто стражника убил, не ты сам, что ли?

– Убил! – сокрушенно вздохнул Силантий и, отложив даже работу, взглянул на Яшку маленькими голубовато-серыми глазами. – Верно говоришь, парень. Да што же мне делать было, когда они втроем на Епашкина навалились. Пропадал ведь человек-то... сво-оой!.. Убил, верно!

Так мне хоть радости-то от этого нету. По нужде только. А ты вот каждый раз плясать готов. Ровно тебе светлый праздник.

– На то они и буржуи, чтобы их бить, – убежденно сказал Яшка. – Такая уж пора пришла...

– Дядя Силантий! – совершенно неожиданно перескочил он совсем на другое. – Ты вот что, положи-ка мне за платочку... Ей богу!.. А то перед маленько лопнул. Чего тебе стоит? Валяй! Я за тебя черед отнесу или что еще придется...

– Ну тебя к лешему! Рук у самого нет, что ли! – отвечал тот, несколько огорошенный таким внезапным переходом.

– Нет уж ты, право! Смотри... тут самая малость...

И, всучив тому свой сапог, Яшка поспешно куда-то ретировался.

– Ах ты, лодырь!.. Провались он со своим сапогом!.. Думает и взаправду чинить буду! – и Силантий даже отпихнул его.

Свой у него был готов. Он надел его и посмотрел – крепко! Теперь еще хоть полгода носи. – Потом иголку воткнул в затасканную шапчонку, а клубочек ниток сунул в карман.

Подошел к котлу, посоветовал Румке закрыть котел, чтобы лучше упрело, и стал думать, что бы это еще теперь сделать. Мужик он был хозяйственный и сидеть сложа руки не любил. Привычки не было – хоть что-нибудь, хоть какой пустяк, а все же. Он подошел к Егору, который чистил винтовку, потом к кучке, резавшейся засаленными картами в «козла», и пошел назад. Винтовка его была давно вычищена, а в карты играть не умел, да и не было интереса.

Проходя мимо того места, где он только что работал, увидел все еще валяющийся Яшкин сапог.

– Вот непутевый, бросил и хоть бы что!

Он поднял, осмотрел его.

– Ишь ты! Где это его так угораздило? Врет, что лопнул, об гвоздь должно быть. Теперь пойдет рваться.

Он, раздумывая, поглядел на дырку, потом обругал еще раз Яшку лодырем и принялся накладывать заплату.

XVI

Осмелели партизаны. На дворе стало теплее: наступила мягкая южная весна. Теперь заночевать можно было под каждым кустом, и частые набегі начали делать ребята. То стражников обезоружат, то казака снимут, то ночью, подбравшись к самому городу, обстреляют патрули и скроются моментально, прислушиваясь, как позади них впустую поднимут стрельбу из винтовок и пулеметов подоспевшие отряды.

Ползли всевозможные слухи. Но никто точно не знал даже, где проходит линия фронта. Поговаривали, что где-то уже совсем близко, чуть ли не возле Екатеринодара.

Однажды город был разбужен грохотом орудийных выстрелов. Испуганные и ошарашенные этим новым сюрпризом, повскакали с постелей обыватели. Что? откуда? Но вскоре волна смятения улеглась. Это английские суда с моря обстреливали тяжелой артиллерией, где-то возле Туапсе, зеленых.

Каждый день прибывали теперь с севера партии новых и новых беженцев к последнему оплоту, к последнему

клочку, не поглощенному еще красной стихией, – Новороссийску.

XVII

Там, где кусты колючей ажины переплетались причудливо из-за серого истрескавшегося и поросшего мхом камня, как раз в то время, когда последний луч заходящего солнца скользнул по верхушке кряжистого дуба и исчез в горах, насторожившийся чутко Яшка услышал доносящийся издалека, еще тихий, но ясный металлический звук – так-та! Так-та!

Он осел сразу корпусом книзу, чуть выставил из-за веток голову и прислушался.

– Подковы! Мать честная! Да неужели ж казаки?

От волнения сперло дыхание.

– Эх, вот была бы удача-то!

Впереди из-за поворота, по широкой, тянущейся вдоль гор, дороге, показалось несколько всадников, человек пять-шесть. Яшка кубарем скатился вниз и помчался назад, пригнувшись и отмахивая длинными ногами саженные прыжки. Сергей видел, как пронесся он стремительно мимо них и скрылся за кустами, забираясь проворно туда, где с главной частью отряда засел матрос.

Топот приближался, каждый из партизан зашевелился, чтобы принять наиболее удобное положение.

– Ребята! – не своим, металлическим голосом предупредил Егор. – В последний раз говорю... Сдохнуть мне на этом месте, если я не разобью башку тому, кто выстрелит безо времени!.. Замрите как могилы!

И ребята, действительно, замерли; даже дыхания не слышно стало, потому что приникли их головы плотно к сыроватой, пахучей земле.

Конный дозор проехал близко, почти рядом, ничего не заметив, и у Сергея мелькнула мысль, что хорошо бы можно в упор отсюда одной пулей ссадить двоих, а то и троих сразу.

Прошло несколько минут. Но вот показался и весь отряд. Человек около сорока пехоты. За ним тянулись какие-то экипажи, повозки и телеги.

«Что бы это значило?» – подумал Сергей и взглянул вопросительно на Егора.

– Беженцы в Сочи и к грузинам! – шепотом на молчаливый вопрос ответил тот и усмехнулся едко.

Рядами проходили солдаты. Впереди офицера не было, но зато возле повозок, из которых раздавался звонкий женский смех, на конях гарцевало целых три. Несколько мужчин в штатском, которым надоело, очевидно, сиденье в медленно ползущих за отрядом экипажах, шли рядом, разговаривая.

Молодая девушка, с развевающимся ярким шелковым шарфом, легко соскочила на ходу из шарабана, остановила одного из всадников и, взобравшись на седло, смеясь, поехала, свесив ноги на одну сторону.

До слуха Сергея донеслось несколько слов, вырванных из оживленного разговора. Потом кто-то, проезжая мимо, мягким и красивым тенором запел модную в то время песню:

*Плачьте, красавицы, в горном ауле,
Правьте поминки по нас.
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.*

— Но черт! — оборвался вдруг голос. — Чего храпишь, дура!

И слышно было, как слегка отскочила пришпориваемая лошадь.

*Грудью за родину честно сражаясь,
Многие пали в бою-у-у!..*

И вдруг, сразу нарушив спокойную тишину, загрохотали выстрелы, и дикий визг смешался с перекатывающимся эхом.

Растерявшись, расстреливаемый в упор отряд шархнулся назад, но встреченный отсюда огнем Егоровой засады, заметался, кидаясь из стороны в сторону. Некоторые пробовали было отстреливаться, но они стояли открытые, как на ладони, и, не выдержав, через несколько минут, охваченные ужасом, бросились в кусты, преследуемые рванувшимися партизанами.

Яшка сразу же напоролся на офицера, который, прислонившись к какой-то повозке, садил пулю за пулей в их сторону.

— Брось, гадюка! — закричал он, но в ту же секунду ему пулей разбило винтовку в щепья, а офицер отпрыгнул.

— Тебя-то мне, голубчик, и нужно! — процедил вывернувшийся сбоку Егор и прикладом со всего размаха ударил офицера по голове.

Разгоряченные партизаны носились повсюду. Яшка орудовал уже новой подобранной винтовкой. Матрос, догнав какого-то субъекта, хотел полоснуть его из нагана, но, пожалев патрона, сбил его ударом кулака на землю, где тот и валялся до тех пор, пока его не пристрелил кто-то из пробегающих. Даже вялый грузин Румка пришел в ярость и набросился, как зверь, на какого-то штатского, оцарапавшего ему выстрелом из браунинга кожу на руке.

– А! Убивать хотэл!.. Рук попадал!..

И, подмяв того под себя, он до тех пор пырлял его своим острым, длинным кинжалом, пока тот не перестал под ним возиться.

Егор, ожесточившись, метался и поспевал повсюду; заметив что-то мелькнувшее в сторону, он закричал вдруг, кинувшись в кусты:

– Стой! стой! курвы! Стой, так вашу мать! Не хотите... А!..

И он, не целясь, прямо с руки выстрелил в убегающих, но, промахнувшись, бросился вдогонку сам. Сначала не увидал никого, повернул направо, сделал несколько шагов, как вдруг столкнулся лицом к лицу с какими-то двумя женщинами.

Одна – высокая, черная, с разорванным о кусты ярким шелковым шарфом, та самая, которая еще так недавно беспечно смеялась, забравшись на верховую лошадь. Она смотрела на Егора широко раскрытыми темными глазами, в которых отражались растерянность и безграничный ужас. Другая – совсем молодая, белокурая, тоненькая, застыла, по-видимому, не соображая ничего, рукою ухватившись за ветку.

Несколько мгновений они простояли молча.

– Аа! – проговорил Егор. – Так вы вот где!.. Убежать хотели!.. Офицеровы жены, что ли?..

Те молчали.

– Спрашиваю, офицеровы, что ли? – повторил Егор, повышая голос.

– Да! – беззвучно прошептала одна.

– Нет! – одновременно с ней другая.

– И да и нет! – усмехнулся Егор и крикнул вдруг громко и злобно:

– Буржуазия... белая кость! Думаете, что раз бабы, так на вас и управы нет?.. А, сукины дочери!..

И он, выхватив обойму, стал закладывать ее в магазинную коробку.

– Большевик!.. – с отчаянием и мольбой прошептала черная женщина. – Большевик!.. товарищ!.. мы больше не будем...

– Сдохнете, тогда не будете! – и все так же усмехаясь, Егор лязгнул затвором, не обращая внимания на то, что белокурая, пошатнувшись, еще крепче ухватила за ветку, с ужасом впила взглядом в винтовку, потом, вскрикнув, упала и задергалась вся от плача.

– Оставь, Егор! – проговорил подходя сзади матрос.

– Пойди ты к черту! – злобно изругался на него тот.

– Оставь! – хмуро и твердо повторил матрос, – будет на сегодня.

Егор посмотрел на него с насмешкой и легким презрением.

– Эх, ты!..

И отошел в сторону.

Победа партизан была полная. Два офицера и человек двадцать солдат остались на земле. Человек около десяти из тех, которые сразу же побросали винтовки, были захвачены в плен. Среди них, каким-то образом, остались в живых двое штатских. Хотели было пристрелить и их, но кто-то предложил:

– Черт с ними! Пуцай расскажут, как с ихним братом. А то и знать-то другие не будут!

Надо было торопиться. С захваченных спешно снимали шинели и поотобрали патроны.

Егор подошел к кучке пленных.

– Ну, стервецы! – сказал он, – пострелять бы вас, как собак, надобно. Против кого идете? Против своего брата-мужика. Адмиралы вам нужны, да генералы. Каиново племя, счастье ваше, что время такое... Валяйте к ним опять, когда хотите. Все равно сдыхать им скоро... Вы, господа хорошие, и вы, мадамы! по заграницам, должно, разъедетесь... больше вам деваться некуды. Так смотрите! Чтоб навек сами помнили и другим рассказать не забыли... Вот, мол, как с нами!.. вот, как нас в России!.. Пусть знают тамошние гадюки, что и им то же самое когда-нибудь будет!

Он остановился и гневно добавил, переводя дух:

– Ну, а теперь всего хорошего... Убирайтесь к черту! Да бегом чтобы, а кто отставать будет, вдогонку получит!

– Товарищи! А не постреляете? – робко и недоверчиво переспросил кто-то.

– Постреляем, если долго еще глаза мозолить будете, – крикнул матрос, – ну, раз... два... три! Да живо, сволочи, во всю прыть!..

И когда те кучею понеслись, толкаясь и обгоняя друг друга, приказал:

– А ну-ка, поддайте им пару, ребята! Дай несколько раз поверху... Вот так!.. Вот так!.. Ишь как припустились.

Винтовки, повозки, ящики, свалили в одну кучу. Обложили сеном из тарантасов и подожгли, – чтобы не досталось никому. Костер запылал, затрещал по сухому дереву, взметываясь в небо ярко.

– Хвееерверк! – сказал кто-то.

– Люминация... Как в царский день...

– Эх, наяривает, должно в городе видно.

– Пес с ним, что видно. Его, и город бы, да со всех четырех концов!

– Зачем город? Так наш скоро будет! – говорил возбужденный удачей матрос. – Скоро, ребята!

И окрикнул громко:

– Дашь теперь в горы, ребята! Собирайся живей, скоро отряды примчатся и пешие и конные. Гоняться будут со злостью, и день и ночь. Черт с ними, пускай гоняются... Ведь напоследок!..

XVIII

Темно-синяя ночь спустилась над горами. Не шепчутся деревья в безветренном просторе; не плывут облака по мерцающему огнями небу; замерло все кругом... спит.

Горит костер на лужайке. Не горит, а тлеет, поблескивая угольками, золоченым кругом раскинувшись по отдыхающей земле. Возле него кучкой несколько человек. Говорят негромко, вполголоса, стараясь не нарушить тишину ночи.

– Нет, Егор, нет! Как ты хочешь, а это, брат, лишнее. Баба – она баба и есть... спрос с нее небольшой. Нехорошо ты делаешь, право! Ну что от нее вреда? Нуль! Другое, когда б она тебе сделала что-нибудь. А так...

– Сделала! – коротко и твердо отвечал Егор. – Сделала! – тебе мало, что она офицера жена? Мало! Ну уж ты, как хочешь, а для меня много. Может быть, по-твоему, если бы я сейчас, при случае, встретил жену нашего заводчика, Карташева... тоже ее пальцем бы тронуть не надо? Да, да!.. Ты не перебивай! Тоже тронуть не надо, потому что не она сама, а он с нас за полтинник жилу тянул. А с него кто денег требовал, а за чей счет к ейным именинам там разные ожерелья да черторелья... Ну, так ты и молчи! Одна шайка, одна лавочка была. Все распределено – кому что!

– Смотри! Попадешь и ты когда-нибудь, – вставил кто-то, – ох, взгребут тогда тоже!

– А попаду, милости Христа-ради тоже просить не буду! Не думай!

Яшка хлопнул себя по рваным коленям и ответил, усмехаясь:

– Конево дело, он не попросит. Потому, хоть проси, хоть молчи – один каюк!

И добавил уверенно:

– Ни черта! Теперь недолго. Через недельку и товарищи будут. Все целы останемся.

Сергей почувствовал, что его кто-то тихонько дернул за рукав. Обернувшись, он увидел, что Силантий лежит на спине, уставившись куда-то далеко в небо.

– Ты что? – спросил он, подвигаясь к тому.

Тот поднялся на руку, потом сел, поджав ноги под себя, и сказал, как бы раздумывая, спросить или нет:

– Смеются вот они надо мной... Скажи, парень, как по-твоему, есть бог или нет?

– По-моему нет.

– Нет! А отчего тогда звезды светят? Ну хоть одна какая, а то тыщи звезд и все светят!

– Звезды тут не при чем, дядя Силантий!.. – ответил Сергей, несколько озадаченный такой постановкой вопроса.

– Нет при чем! – убежденно перебил его тот. – При чем! Должен же быть кто-нибудь старшой-то?!

– Его хлебом не корми, только подай ему старшого, – вставил Егор, – вот уж правда – кому что!

Дядя Силантий промолчал, потом спросил опять, обращаясь только к Сергею:

– Придут товарищи, может тогда спокой настанет?

– Конечно, настанет, – подтвердил Сергей.

– У меня, парень, хатенка есть... хозяйствишко, баба тоже, и девчонка. Сына-то нет, давно еще помер... А девчонка есть... Такая шустрая – Нюркой зовут. Чать повзросла, полгода как не видал.

Он замолчал и долго думал о чем-то, улыбаясь изредка.

Эх, партизан, партизан! Знал ли он, что давно уж прошел по станицам, с черным черепом на трехцветном флаге, особый отряд; что развеялся и пепел от сожженной хатенки, что запорота нагайками баба. Уведена на казенный котел коровенка, и бродит где-то по селам... да и не бродит уж, должно быть, маленькая голубоглазая Нюрка.

Встал матрос и сказал:

– Ну, ребята, полно! смотри-ка, все давно уж дрыхнут.

Поднялся за ним Егор. Разошлись и остальные. Ушел за

горы на пост новый часовой. Утихло все. Где-то в темных кустах переливчато журчал ручеек и булькал пузырьками мирно.

Крепко, спокойным сном, окутавшись тишиной, отдыхала земля. Чутко... Тревожно спали люди.

XIX

На море, у города, корабли Антанты дымили трубами, ревели сиренами могуче, сверкали огнями ярко. Дни и ночи работали, забирая накипь и хлам революции.

Толпились люди, толкались. Бесконечными вереницами, как потоки мутной, бурливой воды, вливались в обширные трюмы и вздыхали облегченно под защитой молчаливых пушек и бросали взгляды, полные бессильной злобы, страха и тоски, на оставленную ими землю, на восток, где алые зарницы, предвестницы надвигающихся пожаров революции, вспыхивали все ярче и ярче.

Стояли спокойно капитаны на рубках. Глядели с высоты своего величия на встревоженных и мечущихся растерянно, оставляющих свою страну, людей. На десятки тысяч хорошо вооруженных солдат, покидающих почему-то поля сражений; на хаос, на панику, на бессильную горькую ненависть побежденных.

И карандашом по блокнотам складывали и множили что-то, чуть-чуть удивленные, капитаны, прикидывая пачками цифр, точно. Разве мало орудий, патронов, пулеметов и снарядов привозили они?

Росли тогда под привычной рукой колонки; единицы к единицам, нули к нулям... Говорили длинные строчки

цифр, ясно и несомненно, предрешая победу. И были поэтому смутны и непонятны причины поражений спокойным капитанам с чужих кораблей.

Ибо непонятна, загадочна и неучтена ими была разбушевавшаяся стихия революции, с ее беспредельной силой, с ее беззаветным порывом, перед которой склониться и в котором утонуть должно было все.

Расхаживали офицерские отряды, с бесшабашно-пьяными песнями по улицам города.

Чтобы убить чем-нибудь время, от корабля до корабля, которые то скрывались за морским горизонтом, то появлялись опять за новым грузом, — охотились по горам за зелеными, на них напоследок срывая злобу за неудачи, за проигрыш, за все.

А с фронта лучшие части, цвет и гордость контрреволюции, казаки, дроздовцы, корниловцы, марковцы — бежали, бежали, разбитые, деморализованные, потерявшие всякую веру в свое дело, в себя и в своих вождей.

Впервые над городом сегодня коршуном прокружился красный аэроплан и, обстрелянный со всех сторон, точно издеваясь, плюнул вниз, засверкавшими серебром на солнце, тысячами беленьких листовок и улетел спокойно, исчезнув за горами на востоке.

А люди с окраин, люди с подвалов нетерпеливо поджидали, когда спустятся на землю долгожданные вести с того края, и, осторожно оглядываясь, прятали листки по карманам. А дома, собираясь кучами, долго и жадно читали.

В этот день, споткнувшись, Егор зашиб о камень ногу.

– Пес его тут приткнул! – с досадою говорил он, прихрамывая. – Только недоставало, чтобы в теперешнее время сиднем сесть.

– Пройдет, Егор Кузьмич, – утешал его Федька.

И на том основании, что все равно скоро товарищи придут и «медикаментов» можно не экономить, выкрасил тому почти всю ногу в темно-коричневый цвет, истратив на это последние полпузырька йоду.

– Пройдет! – уверял он. – Ежели после эдакой порции как рукой не снимет, уж тогда и не знаю что!

Ходили последние дни ребята сами не свои. Чем ближе подвигались красные, тем с большим нетерпением ожидали их партизаны, потому что каждый надеялся отдохнуть тогда, хоть немного, от волчьей жизни. Узнать о судьбе оставленных на произвол во вражьей среде родных и близких. Увидать окончательный разгром белых и долгожданную Советскую власть.

– Ты куда ж тогда, милай, деваешься? – спрашивал матроса добродушный Силантий.

– Когда?

– А как товарищи придут!

– В море уйду, – отвечал тот, потряхивая головой. – В море, брат, широко, привольно. Даешь тогда во всех краях революцию бунтовать! Я ведь при радио-машинах раньше служил. Знаешь ты, что это такое?

– Нету! – говорил тот, прислушиваясь с любопытством.

– Это, брат, штука такая. На тыщи верст говорить мо-

жет. Захотел ты, скажем, в Англию, или Францию работать, что сказать, повернул раз, а уж там выходит: «Товарищи! Да здравствует всемирная революция!» Захотел буржуазию подковырнуть, наворачнул в другой, а уж те читают: «чтоб вы сдохли, окаянные, придет и на вас расправа». Или еще что-нибудь такое.

Дядя Силантий слушал удивленно, потом спросил, немного недоверчиво, у Сергея, к которому всегда обращался со своими сомнениями.

– А не хвастает он зря, парень?

– Нет, не хвастает, – подтвердил тот, – верно говорит!

Вечерело. Заходило солнце. Точно вспугиваемый, то налетал, то снова прятался мягкий ветер.

– А что! – сказал матрос, – не пора ли, ребята, за хлебом?

– Пора, – ответил Егор. – Ребята сегодня последние корки догрызли.

– Ну вот! А то завтра, чуть свет, к Косой горе, я думаю. С кем вот послать только. У тебя нога болит. С Васькой разве?..

– Дай я пойду, – предложил Сергей.

– Ты?

– Ну!

– Ступай, пожалуй. Человек с десятка с собой возьми. Они там тебе покажут, у кого.

Назначенные в фуражировку, за хлебом, который был отдан на выпечку в один из домиков, близ города, наскоро поужинали и собрались.

– Смотрите! – говорил матрос, – хоть и далеко, а все же, чтобы к рассвету, как уходить, из-за вас задержки не было.

– Хлеб-то дорогой не пожрите! – предупредил кто-то.

– Пошли!

Сергей ушел со своей командой, оставшиеся покалякали еще около часу. Солнце уже скрылось, лишь последние лучи его, откуда-то уже из-за земли, отражались густо-красноватым блеском на тучных облаках.

Пора было спать. Завтра чуть свет надо было подниматься. Но не могли еще утихнуть оживленные разговоры. Все строили всевозможные планы и предположения на будущее. Кто собирался снова идти на землю, на заводы, кто в Красную армию. Спорили и смеялись над Яшкиным описанием картины, как:

– ...Сошников на коне впереди, по Серебряковской... а все буржуи, какие только если останутся, по панели во фронт стать должны...

– Зачѐм буржуй? – запротестовал Румка. – Буржуй не надо оставлять... Рабочий на панэл встречать будет... флаг махать. А буржуй затылка пуль пускать надо...

Захохотали и решили, что Румка говорит дело.

Вдруг недалеко впереди послышался сильный и резкий свист.

Смех сразу оборвался. Разговоры затихли.

– Что это такое? – прислушиваясь, вскочил матрос. – Постовой?

Свист повторился, повскакали все, бросились к винтовкам – патронташей же и так никогда не снимали. Из-за деревьев выбежал один из партизан, запыхавшись.

– Ребята! – проговорил он, еле переводя дух. – Внизу белые... Много... Прут прямо в нашу сторону...

– Далеко?

– С версту.

– Ладно! Смеются! – крикнул матрос. – Все равно не догонят!

– Утекать?

– Ясно! Скорей, ребята, за мною... Слушай! – крикнул он, останавливая одного из пробегающих. – Слушай, Семка! Крой во весь дух, сколько только есть мочи... За нашими... за ребятами. Скажи, черт с ним с хлебом! Пускай прямо к Косой горе пробираются. Там ожидать будем.

– Ладно! – ответил тот, бросаясь в сторону.

– Да держи правей! – крикнул он ему вслед.

Но тот уже не слышал.

Через несколько минут лихорадочной спешки отряд быстро и бесшумно уходил в горы.

– Я знаю их повадку, – говорил на ходу матрос прихрамывающему Егору. – Они теперь по верхам лазить будут. А мы возле дороги, кого ни то, навернем.

Начинало совсем темнеть. Сзади далеко где-то послышалось несколько выстрелов.

XXI

Посланный вдогонку за Сергеевым отрядом, Семка, пригнувшись, стрелой полетел и исчез, извиваясь, как угорь, между деревьями. Он перескакивал через камни. Чуть-чуть не кубарем покатился вниз по склону и, взметнувшись на какой-то гребень, оцепенел на мгновение, увидав перед собой каких-то поднимающихся солдат.

– Белые!..

И, невзирая на крики «стой!», на затрещавшие вы-

стрелы, преследуемый бегущими за ним людьми, он бросился назад и в сторону.

Густые сумерки падали на землю. Сливались под одну тень. Может быть, и ушел бы легко партизан.

Может быть, свернув, исчез бы где-нибудь, притаившись за кустом или камнем. Но не то оступившись, не то полетев в какую-то яму, упал он со всего размаха. И когда, вскочив, он почувствовал, что кто-то ухватил его за ворот, рванулся Семка с такой силой, что почти совсем был опять на свободе. Но вражеская рука успела вцепиться ему в спину, и другая рука выворачивала из рук партизана винтовку.

«Ээх!.. – подумал только Семка, – Ээх...»

Когда Семку секли плетьюми, и каждый удар казачьей нагайки оставлял широкую темно-красную полосу вдоль спины, он молчал. Молчал стиснув зубы, пока рубцы не слились в одно кровавое пятно, а у офицера устала стегать рука.

Когда, измученного и избитого, его положили на лавку и стали вывертывать руки, он застонал от невыносимой боли и попросил убить его, или хоть дать передохнуть немного.

Но его не убили и передохнуть ему не дали.

– Скажет собака! – спокойно проговорил, отирая пот со лба, офицер. – Скажи, куда ушли! Дай-ка сюда штык!

И когда Семка обезумел, когда почти потерял сознание и перестал понимать что-либо, кроме острого желания быть убитым, в полубреду – он сказал.

Он не был изменником, не был предателем. Он был хорошим партизаном. Готов был отдать и отдал жизнь за революцию. И все-таки он сказал.

Слава тем, кто крепок телом и духом, кто до конца смог вынести муки и пытки за свое дело! Много было и их, замученных, с печатью молчания на губах и умерших с проклятием, брошенным в лицо врагу. Но... что сильный не отдаст, то у слабого можно вырвать. И не его в том вина. Весь позор, весь стыд все равно упадет только на головы тех, кто в годы революции, в годы великих событий способны были быть только палачами.

– С-собака! – процедил опять, сплевывая, офицер и приказал отряду спешно собираться.

– А с этим что делать, господин поручик? – спросил кто-то, толкая бесчувственного Семку ногой.

– Ясно что! Взять с собой. Еще проверим, а то, может быть, снова придется.

На носилках из двух винтовок и одной шинели, четверо солдат понесли его, переругиваясь. Но тащить им скоро надоело. За каким-то кустом они остановились на минуту, что-то поправляя. Потом с трудом догнали остальных.

– Ваше благородие! – доложил немного спустя один побойчее. – Он сдох, кажися. Что в нем, мертвом, толку-то?

– Я вот вам дам, сукины дети, сдох! Отделаться хотите!

И поручик чиркнул спичкой. – Глаза Семки были широко открыты и безжизненны.

– Вот стервец! – изругался офицер.

Потом, посмотрев на солдат подозрительно, приказал выбросить.

И тело замученного партизана, упав грузно на сыроватую землю, покатилося по склону и, приткнувшись к кусту распускающегося шиповника, замерло без движения навеки.

Долго ждал не подозревающий нависшей над ним опасности отряд.

– И чего только копается? – ругал матрос Сергея.

Впереди по шоссе показалась большая часть белых. Партизаны попрятались по кустам. Солдат проходило много, нападать было опасно, и их пропустили мимо. Не прошло и получаса, как впереди показались опять солдаты.

«Куда это их прет столько?» – подумал матрос и приказал ребятам лежать под кустами не шелохнувшись.

Вдруг где-то с тылу раздался выстрел.

– Черти! Сволочи! – закричал он, вскакивая и предполагая, что выстрелил кто-либо нечаянно из своих. – Все дело испортили!

Но оттуда же слышались громкие крики и стрельба. Их обошел первый миновавший отряд. Сзади с шоссе тоже засвистели пули.

– Обошли! – панически крикнул кто-то.

– По бугру!.. По бугру!.. – бегал, раскидывая по гребню растерявшихся вначале ребят, Егор. Зарокотал пулемет и, точно косой, срезал верхушки нескольких кустов над головами.

Из-за прикрытия оправившиеся партизаны открыли сильный ответный огонь.

Два раза белые пробовали занять сопку и оба раза осаживали, оставляя убитых и раненых.

Через полчаса – первые зловещие фразы:

– Егор! Патрон мало!

– Две обоймы!.. Последняя!..

Видел матрос, что плохо дело. Забрались белые еще выше на соседний бугор и оттуда поливают из пулемета. Упал Кошкарев, медленно мешком осел Румка, и закорчились, судорожно хватаясь за землю, еще несколько человек. Слышал он, что редуют выстрелы и что кончаются патроны.

«Пробиться! – мелькнуло у него в голове. – Может хоть кто живым выйдет. А так пропадут».

– Сошников! – кричит Егор. – Кончено дело! Стрелять нечем!

– Эх! – решил он, – все равно пропадать!

И загудел во весь голос.

– Товарищи! За мной!..

И первым скатился под откос, на дорогу, за ним ринулись оставшиеся, человек двадцать.

Выстрелы сразу оборвались. Тонкая цепь как будто дрогнула, но из-за поворота, лязгнув железом подков о землю, вылетел и врубился откуда-то взявшийся полуэскадрон.

«Точка! – решил матрос и наган с последнею пулей взметнул к виску. – Нет! – мелькнула мысль. – Пусть сами, а она им». – Выстрелил в упор в грудь какого-то кавалериста и упал рядом с ним, бессильно откинув назад разрубленную голову. Через несколько минут все было кончено. По дороге валялись зарубленные, а человек восемь были захвачены живыми. Среди них Егор... Силантий... Яшка... Васька... Их оставили для допроса.

XXIII

Егор стоял хмуро и вызывающе. Когда офицер, заметив это, ударил его кулаком по лицу, он проговорил холодно, сплевывая на траву кровь:

– Бей! Теперь твоя взяла! Бей, сволочь! Попался бы ты ко мне, я с тебя совсем шкуру спустил бы!

– А, м-мерзавец!.. – завопил в бешенстве офицер и только что замахнулся на него снова...

Как вдруг... далеко, далеко за горами глухо загудели взрывы. И видно было, как выражение тревоги и растерянности невольно появилось на лицах белых.

– Товарищи идут! – громко и убежденно крикнул Яшка.

Единодушный вздох облегчения вырвался у всех пленников. А Силантий, широко, по-детски улыбнувшись, перекрестился даже.

– Я вам покажу!.. Я вам дам товарищей! – закричал опять офицер.

– Ничего ты, подлец, не покажешь, – угрюмо и с насмешкой опять сказал Егор. – Вам самим убираться надо. Разве что только по пуле пустить сумеете!

Должно быть, и правда некогда стало белым, потому что они отказались даже от допроса.

– Только не возле дороги! – говорил старший офицер поручику. – Здесь наши же проходить будут.

Партизан отвели на несколько сот шагов как раз к самому берегу моря.

– Прощайте, ребята! – сказал Егор.

И, должно быть, впервые разгладились морщины на его хмуром лице, и он улыбнулся.

– Прощайте! Знали мы, что делали, знаем, за что и отвечаем.

Треснул залп. Крикнуло эхо. Испуганные взметнулись чайки. Упали люди.

– Готовы!

– Следующие...

По щеке у Яшки катились слезы. Его старая чиновничья фуражка с выцветшим околышем и кривобокой звездой съехала на бок. Рубаха была разорвана. Он хотел что-то сказать, но не мог.

Остальные замерли как-то безучастно. Только Силантий, сняв шапку, стоял спокойно, уставившись куда-то мимо прицеливающихся в него солдат, и тихо молился.

– Господи! – шептал он. – Пошли на землю спокойствие... и что б во всех краях, какие только ни есть, товарищева сила была... И не оставь Ньюрку!

XXIV

Уже широко бледная полоса наступающего рассвета залегла на востоке. И предутренним сырым холодком повеял ветер с моря, когда, нагруженные буханками, не предупрежденные Семкой, ребята Сергеева отряда приближались к своему укромному убежищу в горах.

«Запоздали немного, – думал Сергей, – и то еще торопились. Всего какой-нибудь час передохнули».

И он с удовольствием вспомнил, как в крохотной хибарке старика сторожа за это время он успел узнать все последние новости города.

... «Белым не хватает кораблей... Самый главный их-

ний уехал... Должно вот-вот придут товарищи... Все рабчие ожидают».

– Володьку увижу!.. Кольку увижу!.. Вот уж не думают-то!

На душе становилось хорошо и весело. Точно мягко колыхалось что-то широкими волнами... Вниз – вверх... вниз – вверх...

Позади ребята смеялись громко, потому что у Севрюкова вырвалась буханка и покатила колесом, высоко подскакивая на выбоинах, вниз по скату.

– А ты, окаянная! – закричал он.

Но нагнал ее только тогда, когда она сама остановилась, прокатившись сажен с пятнадцать.

– Что это, вроде как гарью пахнет? – заметил кто-то.

Сергей только что хотел спросить сам об этом.

– От костра, должно быть.

– Больно уж здорово!

Подошли к стоянке совсем близко. «Тихо-то как! – подумал Сергей. – Они, должно быть, еще спят, голубчики. Хороши тоже! И постового на месте что-то не видать».

Он сделал еще несколько шагов и, заметив что-то неладное, бросился вперед. Крик невольного изумления вырвался из его груди.

На полянке никого не было. Землянки пообвалились. Синеватый угарный дымок поднимался от обуглившихся головешек. Костер с треножником был разметан. А по середине валялся, разбитый пулею, чугунный котел.

В первую минуту все отскочили назад, опасаясь, как бы на что-нибудь не нарваться.

– Были белые! – единственно, что ясно сразу стало всем.

Оправившись немного от первоначального изумления и не заметив кругом ничего подозрительного, принялись осматриваться.

– Может быть, их и поубивали всех сонных! – высказал предположение кто-то.

– Хреновину городишь! Где же они убитые-то?

– Я так думаю и боя-то не было. Наши должно смотались вовремя, да и уткли. Посмотри, вокруг ни одной стреляной гильзы не валяется, кроме той, что котел разбили.

Присмотревшись внимательно, следов боя не нашли никаких. И Сергей пришел тоже к такому заключению, что отряд успел своевременно убраться. Кроме того, если бы белые их застали, то разве стали бы они вместо преследования заниматься этим разгромом. Но куда же они тогда ушли?

– К Косой горе! – уверенно сказал Севрюков.

– Обязательно туда! Вчера еще матрос говорил.

– Когда не все там, так кого-нибудь поставили. Чать знают, что нам больше негде их искать.

– Далеко это?

– Верст пять будет горами!

– Пойдем туда!

Хлеб побросали, не до него теперь было.

Вдруг, далеко, далеко позади, сначала тихо, потом ясней и ясней слышались глухие удары... Утихли...

– Орудия! – крикнул кто-то.

И заколотились сердца тревожно, волнующе и сладко до боли. – «Может быть... – думал каждый. – Может быть уже скоро?»...

И, окрыленные новой надеждой, понеслись они во весь дух к своим.

Когда, часа через два, спускались они усталые, но бодрые к морю, из-за гор взошло солнце теплое и яркое. И тяжелые, темные волны загорелись сразу голубоватым призрачным блеском.

Вышли на шоссе.

– Вон! – указал один на кусты, рассыпанные по буграм над дорогою. – Самое засадистое место.

– Они сюда хотели?

– Сюда! Сейчас кто-нибудь покажется. Потому они наблюдают.

Подошли поближе. Никто не показывался.

– Гляди-ка! – говорил один, останавливаясь возле кучки темных камней. – Кровь!..

– Вон еще.

Подошли вплотную, – никого. Двое полезли наверх, другие остались поджидать внизу. Кто-то дернул Сергея за рукав. Он обернулся и увидел Севрюкова, с ужасом смотревшего на него.

– Ты что!.. – спросил Сергей удивленный. – Да говори же!..

– Они там... – беззвучным, оборвавшимся голосом ответил Севрюков, показывая куда-то на море. – ... На берегу!..

Тут и Сергей увидел на берегу трупы расстрелянных белыми товарищей. И пошел туда.

Стоял Сергей задумчиво. Сняв шапки, стояли оставшиеся с ним партизаны, склонившись над трупами товарищей. Шуршало море гальками. Тихо всплескивая, набе-

гала голубоватая прозрачная волна на берег и, прильнув ласково к откинутой руке Яшки, уходила обратно.

– Не дождались! – сказал кто-то, вздохнув тяжело.

– Нет!..

XXV

И все рухнуло. Заметались беспомощно тысячами солдаты, беженцы, офицеры. Бросились с отчаяньем к морю. Чуть не с оружием врывались на переполненные суда. Ждали с лихорадочным нетерпением новых. Новых не было. Старые уходили. Начиналась паника. Разбежались все от орудий, от пулеметов, от обозов. Пехотинцы кидали на улицах винтовки. Кавалеристы пускали лошадей, сбрасывали шашки. Повсюду метались офицеры. Срывали погоны... Проклинали всех и все.

На окраинах, около цементных заводов, раздавалась беспорядочная трескотня.

– Большевики в городе! – слышались крики. У набережной кто-то испуганно взвизнул.

И почти что в самую гущу вылетел откуда-то небольшой кавалерийский отряд и, не обращая ни на кого внимания, умчался, трепыхая красным значком, дальше.

Вскоре и весь город был занят.

Сергей с винтовкой в руках бежал по улицам. Он уже знал, что его бригада здесь, и разыскивал свой полк. Но посреди сумятицы и шума добиться толком ничего не мог.

Кто-то сказал ему, что полк, кажется, на вокзале.

Кинулся бежать туда и вдруг столкнулся, совершенно неожиданно, со знакомым красноармейцем из команды связи своего полка.

– Петров!.. Где наши? – крикнул он.

– Горинов!!.. – отскочил даже тот. – Откуда?

– После!.. После! Где наши?

– Наши везде. И на станции и в порту.

– А разведка?

– Вон! Видите пристань... Так они там охраняют что-то.

Стрелой полетел туда. Ну, конечно, они... Вон Владимир, кричит что-то и бежит, расставляя людей. Вон Дройченко, возле громадной кучи тюков со снаряжением.

– Володька! – кричит Сергей. – Володька! Здравствуй!..

Повернувшись, тот замер от изумления, потом бросился к нему. Со всех сторон бежали красноармейцы его команды. Откуда-то стремительно, как и всегда, вылетел Николай и завопил от радости что-то совсем несуразное.

Сергея расспрашивали, – он расспрашивал. Ему тискали руки, – он жал руки.

– Я говорил! – перебивая всех, кричал Николай. – Я говорил, что будет!..

И смеялись кругом все громко, искренно и весело.

Рухнул белый юг. Разгром был полный. Тысячи офицеров, десятки тысяч солдат были взяты за последние дни в плен. А уж об остальных нечего и говорить. Орудия, пулеметы, бронемашины, бронепоезда...

– Смотрите, товарищи! – говорил Сергей, когда все немного успокоилось. – Пришел и наш черед. Сегодня вся армия... вся Республика... сегодня мы празднуем победу.

Кругом была жизнь ключом. Носились кавалеристы. Проходили отряды с песнями, и откуда-то доносились бодрые, приподнимающие звуки боевого марша.

А на море, у далекого синего горизонта, чуть заметные
темные точки, – корабли Антанты дымили трубами...

...Корабли Антанты покидали Советскую страну.

Аркадий Гайдар

БУМБАРАШ (ТАЛИСМАН)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бумбараш солдатом воевал с Австрией и попал в плен. Вскоре война окончилась. Пленных разменяли, и поехал Бумбараш домой, в Россию. На десятые сутки, сидя на крыше товарного вагона, весело подкатил Бумбараш к родному краю.

Не был Бумбараш дома три года и теперь возвращался с подарками. Вез он полпуда сахара, три пачки светлого офицерского табаку и четыре новых полотнища от зеленой солдатской палатки.

Слез Бумбараш на знакомой станции. Кругом шум, гам, болтаются флаги. Бродят солдаты. Ведут арестованных матросы. Пыхтит кипятильник. Хрипит из агитбудки облезлый граммофон.

И, стоя на грязном перроне, улыбается какая-то девчонка в кожаной тужурке, с наганом у пояса и с красной повязкой на рукаве.

Мать честная! Гремит революция!

Очутившись на привокзальной площади, похожей теперь на цыганский табор, Бумбараш осмотрелся – нет ли среди всей этой прорвы земляков или знакомых.

Он переходил от костра к костру; заглядывал в шалаши, под груженные всяким барахлом телеги, и наконец за углом кирпичного сарая, возле мусорной ямы, он натолкнулся на старую дуру – нищенку Бабуниху.

Бабуниха сидела на груди битых кирпичей. В руках она держала кусок колбасы, на коленях у нее лежал большой ломоть белого хлеба.

«Эге! – подумал изголодавшийся Бумбараш. – Если здесь нищим подают колбасою, то жизнь у вас, вижу, не совсем плохая».

– Здравствуйте, бабуня, – сказал Бумбараш. – Дай бог на здоровье доброго аппетита! Что же вы глаза выпучили, или не признаете?

– Семен Бумбараш, – равнодушно ответила старуха. – Говорили – убит, ан живой. Что везешь? Подай, Семен, Христа ради... – И старуха протянула заграбастую руку к его сумке.

– Бог подаст, – отодвигая сумку, ответил Бумбараш. (Ишь ты, как колбасу в мешок тыркнула.) – Нету там ничего, бабуня. Сами знаете... что у солдата? Ремень, бритва, шило да мыло. Вы мне скажите, брат Василий жив ли?.. Здоров? Курнаковы как?.. Иван, Яков?.. Варвара как? Ну, Варька... Гордеева?

– А не подашь, так и бог с тобой, – все так же равнодушно ответила старуха. – Брат твой по тебе давно панихиду отслужил, а Варвара... Варька твоя в монастырь не пошла... Лежа-ал бы! – протяжно и сердито добавила старуха и ткнула пальцем Бумбарашу в грудь – А то нет!.. Поднялся!.. Беспокойный!

– Слушайте, бабуня, – вскидывая сумку, ответил озадаченный Бумбараш, – помнится мне, что дьячок вам однажды поломал уже ребра, когда вы слезали с чужого чердака. Но... бог с вами! Я добрый.

И, плюнув, Бумбараш отошел, будучи все же обеспо-

коен ее непонятными словами, ибо он уже давно замечал, что эта проклятая Бабуниха вовсе не так глупа, какой прикидывается.

До села, до Михеева, оставалось еще двадцать три версты.

Попутчиков не было. Наоборот, оттуда, с запада, подъезжали к станции всё новые и новые подводы с беженцами.

Говорили, что банда полковника Тургачева и полторы сотни казаков идут напролом через Россошанск, чтобы соединиться с чехами.

Говорили о каком-то бешеном атамане Долгунце, который разбил Семикрутский спиртзавод, ограбил монастырь, взорвал зачем-то плотину, затопил каменоломни. Рубит головы направо и налево. И выдает себя за внука Стеньки Разина.

«Хоть за самого черта! – решил Бумбараш. – А сидеть и ждать мне здесь нечего».

Верст пять он прокатил на грузовой машине, которая помчалась в Россошанск забирать позабытые бочонки с бензином.

У опушки, на перекрестке, он выбросил сумку и выскочил сам.

Подпрыгивая на ухабах, отчаянная машина рванула дальше, а Бумбараш остался один перед тем самым веселым лесом, который с детства был им исхожен вдоль и поперек и который сейчас показался ему угрюмым и незнакомым.

Он прислушался. Где-то очень-очень далеко грохали орудия.

«А плевал я на красных, на белых и на зеленых!» – решил Бумбараш и, стараясь думать о том, что он скоро будет дома, зашагал по притихшей лесной дороге.

Смеркалось, а Бумбараш прошел всего только полпути. Но он не беспокоился, так как знал, что уже неподалеку должна стоять изба кордонного сторожа.

Навстречу Бумбарашу мчалась подвода. Лошадь неслась галопом. Мужик правил. На возу сидели две бабы.

Бумбараш, выскочив из-за кустарника, закричал им, чтобы они остановились. Но тут та баба, что была помоложе – рыжеволосая, без платка, – вскинула ружье-двустволку и не раздумывая выстрелила.

Заряд дробы со свистом пронесся над головой Бумбараша. И Бумбараш с проклятием отскочил за ствол дерева.

«Это не наши! – решил он, когда телега скрылась за поворотом. – Нашей бабе куда!.. Вот проклятый характер! Это, наверно, с Мантуровских каменоломен. Ишь ты, чертовка!.. Стреляет!»

Сумка натерла плечо, он вспотел, устал и проголодался. Он поднял палку и свернул с дороги. Кордонная изба была рядом.

Миновав кустарник, он прошел через огород. Было тихо, и собаки не лаяли. Бумбараш кашлянул и постучал о деревянный сруб колодца. Никто не откликнулся.

Он подошел к крыльцу. Перед крыльцом валялась разбитая стеклянная лампа, и трава пахла теплым керосином. Дверь была распахнута настежь.

Откуда-то из-за сарая с жалобным визгом вылетел черный лохматый щенок и, кувыркаясь, подпрыгивая, кинулся Бумбарашу под ноги.

– Эх обрадовался! Эх завертелся! Да стой же ты, дурак! Ну, чего пляшешь?

Бумбараш вошел в избу. Изба была пуста. Видно было, что покинули ее совсем недавно и что хозяева собирались наспех.

В углу валялась разорванная перина. По полу были разбросаны листы газет, книги; на столе лежала опрокинутая чернильница. Вся глиняная посуда в беспорядке была свалена в кучу. Печь была еще теплая, и на шестке стояла подернувшаяся салом миска со щами.

Бумбараш постоял, раздумывая, не лучше ли будет обратиться отсюда подальше.

Он заглянул в окно. Ночь надвигалась быстро, и небо заложили тучи. Он отодвинул заслонку печки. Там торчала позабытая крынка топленого молока.

Тогда Бумбараш сбросил сумку и скинул шинель.

– Ну, ты, черный! – сказал он, подталкивая собачонку носком рыжего сапога. – Раз хозяев нет, будем хозяйничать сами.

Он вынул из сумки ковригу хлеба, достал крынку молока и поставил на стол миску со щами. Ложка у него была своя – серая, алюминиевая, вылитая из головки шрапнельного снаряда.

– Ну, ты, черный! – пробормотал он, кидая собачонке кусок размоченного в молоке хлеба. – Мы ни к кому не лезем, и к нам пусть никто не лезет тоже.

По крыше застучал дождь. Бумбараш захлопнул окно, запер на задвижку дверь. Лег на рваную перину. Положил сумку под голову. Накрылся шинелью и тотчас же уснул.

Черная собачонка вытащила из-под печки рванный

башмак. Потрепала его зубами, поворчала, уронила ко- чергу, испугалась и притихла, свернувшись у Бумбараша в ногах.

Вероятно, потому, что в избе было тепло и тихо, по- тому, что не мозолило бока жесткими досками вагонных нар и его не трясло, не дергало, не осыпало пылью и не обжигало искрами паровозных топок, спал Бумбараш очень крепко.

И, когда наконец его разбудил собачий лай и быстрый стук в окошко, он вскочил как ошалелый.

– Что надо? – заорал он таким голосом, как будто был здесь хозяином и его сон потревожил назойливый нищий или непрошенный бродяга.

– Командир здесь? – раздался из-за окна нетерпеливый скрипучий голос.

– Здесь! Как же! – злобно ответил Бумбараш. – Что надо?

– Бумагу возьми! – и чья-то рука протянулась к окошку.

– Какую еще бумагу?

– А черт вас знает, какую еще бумагу! Приказано пе- редать – и все дело!

– Давай, чтоб ты провалился! – нехотя ответил Бумба- раш и, просунув руку в фортку, получил измятый шер- шавый пакет. – Давай! Да проваливай!

– «Проваливай»! – передразнил его обиженный голос.

Потом затарахтела телега, и уже издалека Бумбараш услышал:

– Я вот скажу ему, что ты пьяный нарезался, лежишь и дрыхнешь. Я все расскажу!

Бумбараш повертел пакет. Но ни свечки, ни лампы в избе не было.

– Носит вас по ночам! Не дадут человеку и выспаться! – проворчал Бумбараш и цыкнул на собачонку, чтобы не гавкала.

Он зевнул, потянулся, по солдатской привычке сунул пакет за обшлаг рукава шинели и снова завалился спать. Долго ворочался он, но теперь ему не спалось.

В окошке уже брезжил рассвет, а вставать Бумбарашу не хотелось.

Он потянулся за махоркой, закурил, услышал, как под крышей застрекотали сороки. И вдруг, как-то разом, очнулся. Он вспомнил, что до родного села, до Михеева, осталось всего-навсего только десять коротких верст.

Он вскочил, сполоснул голову возле дождевой кадки и снял со стены осколок зеркала.

Лицо свое ему не понравилось. Нос был обветренный, красный, щеки шершавые и заросшие бурой щетиной. Кроме того, под левым глазом еще не разошелся синяк. Это кованым каблуком ему подсадил в темноте отпускной артиллерист, пробиравшийся через головы спящих к двери вагона.

– Морда такая, что волков пугать, – сознался Бумбараш. – А уезжал... провожали... Эх, не то было...

Он утешил себя тем, что придет домой, выкупается, побреется и наденет синие диагоналевые пиджак и брюки – те, что купил он, когда сватался к Вареньке, как раз перед войной.

По привычке Бумбараш пошарил глазами, не осталось ли в покинутой избе чего-нибудь такого, что могло бы ему

пригодиться. Забрал для раскурки лист газетной бумаги, вынул из кочерги палку и вышел на дорогу.

«Изба, – думал он, – раз. Жениться – два. Лошадь с братом поделить – три. А земля будет. Земли нынче много. Революция».

Занятый своими мыслями, он быстро отсчитывал версты, не обращая внимания на черную собачонку, которая бежала за ним следом, тыча носом в бахромчатую полу его пропахшей дымом шинели. Чему-то иногда улыбался. И что-то веселое бормотал.

Часа через два он вышел из лесу и остановился перед мельничной плотиной.

На кудрявых холмах, в дымке утреннего тумана, раскинулось село Михеево.

– Будьте здоровы! – приподымая серую папаху, поклонился Бумбараш. – Провожали – плакали. Не виделись долго. Чем-то теперь встретите?

С любопытством осматривал Бумбараш знакомые улицы.

Мост через ручей провалился. Против трактира – новый колодец. У Полуваловых перед избой раскинулся большой палисадник, а сарай и заборы новые... На месте Фенькиной избы осталась одна закопченная труба – значит, погорела.

Акации под церковной оградой, где часто сидел он когда-то с Варенькой, сплошной стеной раздались вширь.

Бумбараш завернул за угол и, вытаращив глаза, остановился. Что такое? Вот он, пожарный сарай. Вот она, изба Курнаковых. Вот он и братнин дом со старой липой под окнами. Однако справа, рядом с братниным домом, ничего не было.

Перед самой войной Бумбараш затеял раздел и начал строиться. Он поставил пятистенный сруб и подвел его уже под крышу. Уходя в солдаты, Бумбараш наказал брату, чтобы тот забил окна, двери, сохранил гвозди, кирпич, стекла и присматривал, чтобы тес не растащили.

А сейчас не только тесу, но и самого сруба на месте не было. Да что там сруба – даже того места! Как провалилось! И все кругом было засажено картошкой.

Сердце вздрогнуло у Бумбараша, он покраснел и, не зная, что думать, прибавил шаг.

Он распахнул дверь в избу и столкнулся с женой брата – Серафимой. Серафима дико взвизгнула, уронила ведра и отскочила к окну.

– Семен! – пробормотала она. – Господи помилуй! Семен! – И она крепко вцепилась рукой в скалку для теста, точно собираясь оглоушить Бумбараша.

Бумбараш попятился к порогу и наткнулся на подоспевшего брата Василия.

– Что это? Постой! Куда прешь? – закричал Василий и схватил Бумбараша за плечи.

Бумбараш рванулся и отшвырнул Василия в угол.

– Чего кидаешься? – сердито спросил он. – Протри глаза тряпкой. Здравствуйте!

– Семен! Вон оно что! – пробормотал, откашливаясь, Василий. – А я, брат, тебя не того... Серафима! – заорал он на оцепеневшую бабу. – Уйми ребят... Что же ты стоишь, как колода! Не видишь, что брат Семен приехал!

– Так тебя разве не убили? – сморщив веснушчатое лицо, плаксивым голосом спросила Серафима и подошла к Бумбарашу обниматься.

– На полвершка промахнулись! – огрызнулся Бумбараш. – Одна орет, другой – за шиворот. Ты бы еще с топором выскочил!

– Нет, ты... не подумай! – сдерживая кашель и торопливо отыскивая что-то за зеркалом, оправдывался Василий. – Серафима, куда письмо задевали? Говорил я тебе – спрячь. Голову оторву, если пропало.

– В комоде оно. От ребят схоронила. А то недавно Мишка квитанцию на лампе сжег... У-у, проклятый! – выругалась она и треснула притихшего толстопузого мальчишку по затылку.

– Нет, ты не подумай, – торопился оправдываться Василий. – Тут не то что я... а кто хочешь!.. Мне староста... Как раз Гаврила Никитич, – сам письмо принес. Смотрю – печать казенная. «Что же, – спрашиваю я, – за письмо?» – «А то, что брат твой Семен, царство ему небесное, значит... на поле битвы...»

– Как так на поле битвы! – возмутился Бумбараш. – Быть этого не может...

– А вот и может! – протягивая Бумбарашу листок, сердито сказала Серафима. – Да ты полегче хватай! Бумага тонкая – гляди, изорвешь.

И точно: канцелярия 7-й роты 120-го Белгородского полка сообщала о том, что рядовой Семен Бумбараш в ночь на восемнадцатое мая убит и похоронен в братской могиле.

– Быть этого не может! – упрямо повторил Бумбараш. – Я – живой.

– Сами видим, что живой, – забирая письмо, всхлинула Серафима. – У меня, как я глянула, в глазах помутилось.

– Избу мою продали? – не глядя на брата, спросил Бумбараш. – Поспешили?

Василий кашлянул и молча развел руками.

– Чего же поспешили? – вступилась Серафима. – Раз убит, то жди не жди – все равно мертвый. Да и за что продали! Нынче деньги какие? Солома. Гавриле Полувалову и продали. Баню новую он ставил... сарай... Варька-то Гордеева за него замуж вышла. Поплакала, поплакала да и вышла.

Бумбараш быстро отвернулся к окошку и полез в карман за табаком.

– О чем плакала? – помолчав немного, хрипло спросил он сквозь зубы.

– Известно о чем! О тебе плакала... А когда панихиду справляли, так и вовсе ревмя редела.

– Так вы и панихиду по мне отмахали? Весело!

– А то как же, – обидчиво ответила Серафима. – Что мы – хуже людей, что ли? Порядок знаем.

– Вот он где у меня сидит, этот порядок! – показывая себе на шею, вздохнул Бумбараш. И, глянув на свои заплатанные штаны цвета навозной жижи, он спросил:

– Костюм мой... пиджак синий... брюки – надо думать, тоже продали?

– Зачем продали, – нехотя ответила Серафима. – Я его к пасхе Василию обкоротила. Да и то сказать... материал – дрянь. Одна слава, что диагональ, а раз постирала – он и вылинял. Говорила я тебе тогда: купи костюм серый, а ты – синий да синий. Вот тебе и синий!

Бумбараш достал пару белья, кусок мыла. Ребятишки с любопытством поглядывали на его сумку.

Он дал им по куску сахару, и они тотчас же молча один за другим повывлетали за дверь.

Бумбараш вышел во двор и мимоходом заглянул в сарай. Там вместо знакомого Бурого коня стояла понурая, вислоухая кобылка.

«А где Бурый?» – хотел было спросить он, но раздумал, махнул рукой и прямо через огороды пошел на спуск к речке.

Когда Бумбараш вернулся, то уже пыхтел самовар, шипела на сковородке жирная яичница, на столе в голубой миске подрагивал коровий студень и стояла большая пузатая бутылка с самогонкой.

Изба была прибрана. Серафима приоделась.

Умытые ребятишки весело болтали ногами, усевшись на кровати. И только тот самый Мишка, который сжег квитанцию, как замороженный стоял в углу и не спускал глаз с подвешенной на гвоздь Бумбарашевой сумки.

Вошел причесанный и подпоясанный Василий. Он держал нож и кусок посоленного свиного сала.

Как-никак, а брата нужно было встретить не хуже, чем у людей. И Серафима порядок знала.

В окошки уже заглядывали любопытные. В избу собирались соседи. А так как делить им с Бумбарашем было нечего, то все ему были рады. Да к тому же каждому было интересно, как же братья теперь будут рассчитываться.

– А я смотрю, кто это прет? Да прямо в сени, да прямо в избу, – торопилась рассказать Серафима. – «Господи, думаю, что за напасть!» Мы и панихиду отслужили, и поминки справили... Мишка недавно нашел где-то за комо-

дом фотографию и спрашивает: «Маманька, кто это?» – «А это, говорю, твой покойный дядя Семен. Ты же, паршивец, весь портрет измуслякал и карандашом исчирикал!»

– Будет тебе крутиться! – сказал жене Василий и взялся за бутылку. – Как, значит, вернулся брат Семен в здравом благополучии, то за это и выпьем. А тому писарю, что бумагу писал, башку расколотить мало. Замутил, запутал, бумаге цена копейка, а теперь сами видите – вот, раздвываясь как хочешь!

– Бумага казенная, – с беспокойством вставила Серафима. – На бумагу тоже зря валить нечего.

Самогон обжег Бумбарашу горло. Не пил он давно, и хмель быстро ударил ему в голову.

Он отвалил на блюде две полные пригоршни сахару и распечатал пачку светлого табаку.

Бабы охнули и зазвенели стаканами. Мужики крякнули и полезли в карманы за бумагой.

В избе стало шумно и дымно.

А тут еще распахнулась дверь, вошел поп с дьячком и прямо от порога рявкнул благодарственный молебен о благополучном Бумбараша возвращении.

– Варька Гордеева мимо окон в лавку пробежала... – раздвигая табуретки и освобождая священнику место, вполголоса сообщила Серафима. – Сама бежит, а глазами на окна зырк... зырк...

– А мне что? – не поворачиваясь, спросил Бумбараш и продолжал слушать рассказ деда Николая¹, который ездил на базар в Семикрутово и видел, как атаман Долгунец разгонял мужской монастырь.

---

¹ отца Серафимы. – Ред.

– ...Выстроил, значит, Долгунец монахов в линию и командует: «По порядку номеров рассчитайся!» Они, конечно, монахи, к расчету непривычны, потому что не солдаты... а дело божье. К тому же оробели, стоят и не считаются... «Ах, вон что! Арихметику не знаете? Так я вас сейчас выучу! Васька, тащи сюда ведро с дегтем!»

На что ему этот деготь нужен был – не знаю. Однако как только монахи услышали, ну, думают, уж конечно, не для чего-либо хорошего. Догадались, что с них надо, и стали выкликаться.

В аккурат сто двадцать человек вышло. Это окромя старых и убогих. Тех он еще раньше взашей гнать велел.

«Ну, говорит, Васька, вот тебе славное воинство. Дай ты им по берданке. Да чтобы за три дня они у тебя и штыком, и курком, и бонбою упражнялись. А на четвертый день ударим в бой!»

Те, конечно, как услышали такое, сразу и псалом царю Давиду затянули – и в ноги. Только двое вышли. Один росошанский – булочника Федотова сын. Морда – как тыква, сапогом волка зашибить может. Он еще, помнится, до монашества квашню с тестом пуда на три мировому судье на голову надел... А другой – тощий такой, лицо господское, видать – не из наших.

Долгунец велит: «А подайте им коней!» Гаврилка как сел, так и конь под ним аж придохнул. А другой подобрал ряску да как скочит в седло, чуть только стремя коснулся.

Тогда Долгунец и говорит: «Васька, таких нам надо! Выдай им снаряжение, а ряссы пусть не снимают... А вы, божьи молителы, – это он на остальных, – поднимайтесь да скачите отсюда куда глаза глядят. Кого на дороге встречу –

трогать не буду. А если кого другой раз в монастыре застану – на колокольню загоню и велю прыгать... Васька, вынь часы, сядь у пулемета. И как пройдет три минуты пять секунд – дуй вовсю по тем, кто не ускачет».

А Васька – скаженный такой, проворный, как сатана, – часы вынул да шасть к пулемету.

Так что было-то! Как рванули табуном монахи. До часовни Николы Спаса одним духом домчали, а там за угол да врассыпную...

Монахов Бумбараш и сам недолюбливал. И рассказ этот ему понравился. Однако он не мог понять, что же этому Долгунцу надо и за кого он воюет.

– Натуральный разбойник! – объяснил Бумбарашу священник. – Бога нет, совести нет. Белых ему не надо, на красных он в обиде. Разбойник, и повадки все разбойничьи. Заскочил в усадьбу к семикрутовскому управляющему. Обобрал всё дочиста, а самого-то с женою, с Дарьей Михайловной, в одном исподнем оставил и говорит: «Изгоняю вас, как господь Адама и Еву из рая. Идите и добывайте в поте лица хлеб свой насущный... Васька, стань у врат, как архангел, и проводи с честью». Васька, конечно, – тьфу, мерзость! – шинель крылами растопырил и машет, и машет и пляшет, а сам поет матерное. В одной руке у него пистолет, в другой – сабля. Ну те, конечно, – что будешь делать? – так в исподнем и пошли.

– У Адама и Евы хоть вид был! – вставил охмелевший дед Николай. – А это же люди в теле. Срамота!

И этот рассказ Бумбарашу понравился, однако он опять-таки не понял, куда этот Долгунец гнет и что ему надо. Мимо окон рысцой проскакали пятеро всадников. Одежда вольная, сабель нет, но за плечами винтовки.

– Это красавинские... – объяснил Бумбарашу священник. – Самоохрана называется. Молодцы парни! И у нас тоже есть. Гаврила Полувалов за главного. К нему, должно, и поехали.

– Руки и ноги им поотрывать надо! – неожиданно выкрикнул охмелевший дед Николай. – Ишь что сукины дети затеяли...

– Молчал бы, старый пес!.. – огрызнулся кто-то.

– А что молчать? – поддержал деда щуплый, кривой на один глаз дьячок. – Да и вы-то, батюшка: говорить говорите, а к чему это – неизвестно. Наше дело – раздувай кадило и звони к обедне. Помилуй, мол, нас, господи. А вы вон что!

Надвигалась ссора. В избе переглянулись. Василий поспешно взялся за бутылку. Звякнули стаканы. Кругом зачихали, закашляли. Разговор оборвался.

– Яшка Курнаков идет, – пробормотала Серафима. – Принесло черта...

Быстро в избу вошел высокий парень в заплатанной голубой рубашке. На нем были потертые галифе, заправленные в сапоги. Смуглое, как у цыгана, лицо его было выбрито. Кепка сдвинута на затылок. Левая рука наспех завязана тряпицей.

– Семка! – засмеялся он и крепко обнял Бумбараша. – Ах, ты черт бессмертный! А я сижу наверху, крышу перебираю. Идет Варька. Я смотрю на нее. «Семен, говорит, вернулся». Я ей: «Что ты, дура!..» Она – креститься. Я рванулся. А крыша, дрянь, гниль, как подо мной хрустнет, так я на чердак пролетел.

Мать из избы выскочила.

– Что ты, – кричит, – дьявол! Потолок проломишь...

Я схватил тряпку, замотал руку да сюда...

– Эк тебя задергало! – сердито сказала Серафима. – Батюшке локтем в ухо заехал. Да не тряси стол-то! Еще самовар опрокинешь...

Священник, и без этого обиженный грубыми словами кривого дьячка, поднялся, перекрестился, и за ним один по одному поднялись и остальные.

Когда изба опустела, Яшка Курнаков схватил Бумбараша за руку и потащил во двор. Мимо огорода прошли они к обрыву над рекой. Там, в копне на лужайке, где еще мальчишками прятались, поедая ворованный горох, огурцы и морковку, остановились они и сели.

Бумбараш рассказывал про свои беды, а Яшка его утешал:

– Придет пора – будет жена, будет изба! Дворец построим с балконом, с фонтанами! А Варьке голову ты не путай – раз отрублено, значит, отрезано. За тебя она теперь не пойдет. А чуть что Гаврилка узнает, он ее живо скрутит. Он теперь в силе. Видал, верховые к нему поскакали?

– Охрана?

– Банду собирают. Я всё вижу. Это только одна комедия, что охрана. На прошлой неделе под мостом в овраге упродкомиссара нашли: лежит – пуля в спину. Недавно у мельницы Ваську Куликова, матроса, из воды мертвого вытащили, мне и то ночью через окно кто-то из винтовки как саданет! Пуля мимо башки жикнула! Посуду на полке – вдрызг, и через стену – навывлет. Скоро хлебную разверстку сдавать. Ну вот и заворочались.

– А красные что? Они где заняты?

– А у красных своя беда. На Дону – Корнилов. Под Казанью – чехи.

Яшка зажмурился. Точно подыскивая трудные слова, он облизал губы, пощелкал пальцем и вдруг напрямик предложил:

– Знаешь, Семен! Давай, друг, двинем в тобой в Красную Армию.

– Еще что! – с недоумением взглянул на Яшку озадаченный Бумбараш. – Да ты, парень, в уме ли?

– А чего дожидаться? – быстро заговорил Яшка. – Ну, ладно, не сейчас. Ты отдохни дней пяток-неделю. А потом возьмем да и двинем. Нас тут еще трое-четверо наберется: Кудрявцев Володька, Шурка Плюснин, Башмаковы братья. Я уже все надумал. У Шурки берданка есть. У меня бомба спрятана – тут на станции братишка у одного солдата за бутылку молока выменял. Ему рыбу глушить, а я забрал... Ночью подберемся, охрану разоружим, да и айда с винтовками.

От таких сумасшедших слов у Бумбараша даже хмель из головы вылетел. Он поглядел на Яшку – не смеется ли? Но Яшка теперь не смеялся. Смуглое лицо его горело и нахмуренный лоб был влажен.

– Так... так... – растерянно пробормотал Бумбараш. – Это, значит, из квашни да в печь, из горшка да в миску. Жарили меня, парили, а теперь – кушайте на здоровье! Да за каким чертом мне все это сдалось?

– Как – за чертом? Чехи прут! Белые лезут! Значит, сидеть и дожидаться? – И Яшка недоуменно дернул плечами.

– Мне ничего этого не надо, – упрямо ответил Бумбараш. – Я жить хочу...

– Он жить хочет! – хлопнув руками о свои колени, воскликнул Яшка. – Видали умника! Он жить хочет! Ему жена, изба, курятина, поросятина. А нам, видите ли, помирать охота. Прямо хоть сейчас копай могилы – сами с песнями прыгать будем... Жить всем охота. Гаврилке Полуwalову тоже! Да еще как жить! Чтобы нам вершки, а ему корешки. А ты давай, чтобы жить было всем весело!

– Не будет этого никогда, – хмуро ответил Бумбараш. – Как это – чтобы всем? Не было этого и не будет.

– Да будет, будет! – почти крикнул Яшка и рассмеялся. – Я тебе говорю – дворец построим, с фонтанами. На балконе чай с лимоном пить будешь. Жену тебе сосватаем... Красавицу! Надоест по-русски – по-немецки с ней говорить будешь. Ты, поди, в плену наловчился. Подойдешь и скажешь... как это там по-ихнему? Тлям... Блям. Флям: «Дай-ка я тебя, Машенька, поцелую»... Как – не будет? погоди, дай срок, все будет.

Яшка умолк. Цыганское лицо его вдруг покривилось, как будто бы в рот ему попало что-то горькое. Он тронул Бумбараша за рукав и сказал:

– Позавчера на кордоне сторожа Андрея Алексеевича убить хотели. Не успели. В окно выпрыгнул. Ты мимо сторожки проходил, не заглянул ли?

– Заглянул, – ответил Бумбараш. – Изба брошена. Пусто!

Он хотел было рассказать о ночном случае, но запнулся и почему-то не сказал.

– Значит, скрылся... – задумчиво проговорил Яшка. – А оставаться ему там нельзя было. Он партийный...

Яшка хотел что-то добавить, но тоже запнулся. И смолчал. Разговор после этого не вязался.

– Ты подумай все-таки! – посоветовал Яшка. – Сам увидишь: как ни вихляй, а выбирать надо. А к Варьке смотри не ходи, как друг советую. Да! – Яшка виновато замялся. – Ты смотри, конечно, не того... помалкивай...

– Мое дело – сторона, – ответил огорченный Бумбараш. – Я разве против? Я только говорю – сторона, мол, мое дело.

– «Сторона ль моя сторонушка! Э-эх, широко-окая, раздо-ольная...» – укоризненно покачивая головой, потихоньку пропел Яшка. – Ну вставай, пролетарий! – опять рассмеявшись, скомандовал он самому себе и одним толчком вскочил с травы на ноги.

Однако Бумбараш Яшкиного совета не послушался и в тот же вечер попер к Вареньке.

Вернувшись домой, чтобы отряхнуться от невеселых мыслей, он допил оставшиеся полбутылки самогона. После этого он сразу повеселел, подобрел, роздал ребятишкам еще по куску сахара, которые, впрочем, Серафима тотчас же у всех поотнимала, и подумал, что вовсе ничего плохого в том, что он зайдет к Вареньке, не будет. Он даже может зайти и не к ней, а к Гаврилке Полувалову. Дружбы у них меж собой, правда, не было, однако же были они почти соседи да и в солдаты призывались вместе. Только Бумбараш скоро попал в маршевую, а Гаврилке повезло, и он зацепился младшим писарем при воинском начальнике.

Бумбараш побрился, оцарапал щеку, потер палец о печку, замазал мелом синяк под глазом и, почистив веником сапоги, вышел на улицу.

У ворот полуваловского дома хрустели овсом оседланные кони. Бумбараш заколебался: не подождать ли, пока эта кавалерия уедет восвояси? Но, услышав через дверь знакомый Варенькин голос, он привычным жестом провел рукой по ремню, одернул гимнастерку и вошел на крыльцо.

В избе за столом сидели шестеро. В углу под образами стояли винтовки, на стене висела ободранная полицейская шашка – должно быть, Гаврилкина.

«Эк его разнесло! – подумал Бумбараш. – А усы-то отпустил, как у казака».

Увидав Бумбараша, Варенька, которая раздувала Гаврилкиным сапогом ведерный самовар, не сдержавшись, вскрикнула и быстро закрыла глаза ладонью, притворившись, что искра попала ей в лицо.

Гаврила Полувалов посмотрел на нее искоса. Обмануть его было трудно. Однако он не моргнул и глазом.

– Заходи, коли вошел! – предложил он. – Что же стоишь? Садись. Пей чай – вино выпили.

Варенька вытерла сапог тряпкой, подала его мужу. С Бумбарашем поздоровалась, но в лицо ему не посмотрела.

«Похудела! Похорошела! Эх, золото!» – не чувствуя к Вареньке никакой злобы, подумал Бумбараш.

Но молчать и глядеть на нее было неудобно. И он нехотя стал отвечать на вопросы, где был, как жил, что видел и как вернулся.

– Лучше было тебе и вовсе не ворочаться, – сказал Полувалов. – Такой вокруг развал, разгром, что и глядеть тошно. – И, пытливо уставившись на Бумбараша, он спросил! – С Яшкой Курнаковым видался? Он, собачья душа, поди-ка, тебе все уже расписал?

– Что Яшка! – уклончиво ответил Бумбараш. – Я и сам всё вижу.

– А что ты видишь? – насторожившись, спросил Полувалов. – Варвара, глянь-ка там за шкафом, не осталось ли чего в бутылке? Дай-ка, мы с ним за встречу выпьем.

Пить Бумбараш уже не хотел, но, чтобы задержаться в избе подольше, он выпил.

Красавинские охранники, не разгадав еще, что Бумбараш за человек и как при нем держаться, сидели молча.

– Дак что же ты видишь? – продолжал Полувалов. – Говори, послушаем. Мы-то тут ходим, тычемся носом, как слепые. А тебе со стороны, может, и виднее...

– Что Яшка! – опять уклонился от вопроса осторожный Бумбараш. – У Яшки – свое, а у тебя – свое.

– Что же это у меня за «свое»? – враждебно спросил Полувалов, отыскав в словах Бумбараша вовсе не тот смысл, что Бумбараш вкладывал. – Что мне «свое»? Своего мне и так хватит. Я за всех вас, подлецы, стараюсь... У-у, погань! – скрипнув зубами, пробормотал он и смачно сплюнул, вероятно, опять вспомнив ненавистного Яшку.

«Нет, ты не слепой тычешься! – глянув на перекосившееся Гаврилкино лицо и вспомнив рассказ Яшки о пуле, пробившей окошко, подумал Бумбараш. – Таким слепцам на пустой дороге не попадайся!»

– Гаврила Петрович! – закричал снаружи бабий голос. – Беги-ка скорей в волсовет, там какая-то бумага пришла. Тебя ищут.

– Пропasti на них нет! То-то Гаврила Петрович да Гаврила Петрович! А чуть что – все в кусты! А в ответе опять один Гаврила Петрович... Идем! – поднимаясь с

лавки, сказал он Бумбарашу. – Теперь не дожدهшься... я долго... – И, пропустив Бумбараша в сени, он, обернувшись к охранникам, сказал вполголоса: – А вы подождите. Что там за бумага? Я – скоро.

Только что Полувалов скрылся за углом, как Бумбараш быстро шмыгнул через калитку во двор, а оттуда – через коровник в сад, что раскинулся над оврагом.

Ждать ему пришлось недолго. Варенька стояла рядом и с испугом глядела ему в лицо.

– Ты что, Семен? – вздрагивающим шепотом спросила она. – Ты уходи.

– Сейчас уйду, – сжимая ее похолодевшую руку, ответил Бумбараш. – Как живешь, Варенька?

– Как видишь! Так тебя не убили?..

– Бог миловал. Да, смотрю, напрасно... Горько мне, Варенька! Что же ты поторопилась?

– Я не торопилась. А что было делать? Изба сгорела. Мать на пожаре бревном зашибло... Тебя убили... Господи, да кто же это такое придумал, что тебя убили! Уходи, Семен! В избе гости, мне идти надо...

– Сейчас уйду. Ты его любишь, Варенька?

– Не знаю. Страшный он. Беда будет... – бессвязно ответила Варенька. – Беги, Семен, он сейчас вернется!

– Он не вернется. Он сказал, что долго.

– Нет, скоро! Я сама слышала! Он хитрый... господи! – с мукой в голосе повторила Варенька. – Да кто же это такое придумал, что тебя убили!

Теплая слеза упала в темноте Бумбарашу на ладонь. Бумбараш покачулся и почувствовал, что голова его

быстро пьянеет. Луна слепила ему глаза, и мимо ушей свистел горячий ветер.

– Варенька! – сказал он, плохо соображая, что говорит. – Ты брось его... Уйдем вместе.

– Полоумный! – отшатнулась Варенька. – Что ты мелешь? Как уйдем? Куда?... Под пулю?..

«И точно, куда уйдем? – подумал Бумбараш. – Уходить некуда...»

Варенька вырвалась и насторожилась.

– Беги, Семен! Кто-то идет! Сюда не приходи. Не надо!

Она отпрыгнула и скрылась за калиткой. Слышно было, как в коровнике звякнули ведра, и Варенька поспешно вбежала на крыльцо.

Бумбараш стоял, опустив голову, и ничего не соображал.

На крыльце опять послышались шаги. Если бы Бумбараш не был пьян, если бы он не был ослеплен луною и оглушен свистом ветра, то по тяжелому топоту он сразу бы угадал, что это идет не Варенька – и не один, а двое.

Он шагнул к калитке и нарвался на Гаврилку Полувалова и старшего из красавинской охраны, которые, чтобы их разговора никто не слышал, шли в сад.

– Стой! – крикнул Гаврилка и схватил Бумбараша за рукав.

Бумбараш двинул Гаврилку коленом в живот, отскочил в кусты и тотчас же получил сам тяжелый удар по голове – должно быть, железным кастетом.

Он зашатался... выровнялся, шагнул к оврагу... опять зашатался... хватаясь за ветви, выпрямился, остутился и, цепляясь за колючки, покатился под откос в овраг.

...Очнулся он не сразу. Голова ныла. Лоб был мокрый – очевидно, в крови. Где-то рядом журчал ручей, Но луна скрылась, и пробраться через колючки к воде он не сумел. Кое-как выбрался он наверх и задами пошел к дому.

Через огород он вышел к себе во двор. Дома еще не спали. Он торкнулся – дверь была заперта. Он подошел к окошку: в избе сидели Василий, Серафима и ее отец – старик Николай. Говорили, очевидно, о нем – Бумбараше, – об избе, о костюме и о лошади...

– Добрые люди! – говорила Серафима. – Да разве же мы виноваты? У нас бумага.

– Печку растопить этой бумагой! А он скажет: «Вынь деньги да положи!» А где их возьмешь, деньги? Продали, прожили...

– Господи, вот принесла нелегкая! Ему что – он один. Куда хочешь пошел да нанялся. Хоть бы ты чего-нибудь, папанька, сказал, а то сидит бороду чешет! Вино для людей поставили – ан, старый сын, и навалился, и навалился!

Бумбараш постучал в окно. Разговор разом оборвался. Вскочила Серафима.

– Дай-ка мне воды умыться, – не выходя на свет, попросил Бумбараш.

– Ты заходи в избу, там умоешься.

– Дай, говорю, сюда! И захвати полотенце, – настойчиво повторил Бумбараш.

– Давай полью! – сердито сказала Серафима, вынося полотенце и ковшик. – Да куда ты прячешься? Подайся к свету... Батюшки! – тихо вскрикнула она, рассмотрев на лбу Бумбараша струйку запекшейся крови. – Семен, кто это тебя? – И, вдруг догадавшись, она спросила: – Ты у нее был? Гаврилка?..

– Серафима, – сказал Бумбараш, – я под окном все слышал... Вы с братом будете ко мне хороши, и я к вам хорош... буду. Смотрите, чтоб никому ни слова!.. Кинь мне что-нибудь на сеновале. Я там лягу.

– Да зайди хоть в избу!

– Не надо, – заматывая голову полотенцем, отказался Бумбараш. – А отцу скажи – захмелел, мол, Семен и на сеновал спать пошел. А больше смотри ничего...

На следующий день Бумбараш с сеновала не слазил. Если бы Гаврилка Полувалов увидел его голову, то сразу догадался бы, кто это был вчера в саду, и тогда Вареньке пришлось бы плохо.

Бумбараш решил отлежаться, а наутро чуть свет уйти в Россошанск и там переждать с недельку у дяди, который был жестянщиком.

Несколько раз с новостями прибегала на сеновал Серафима.

– Полувалов к окошку подходил, – сообщила она. – Тебя спрашивал. «Он, говорю, на хутор к крестной пошел». – «Домой вечор от меня он не пьяный воротился?» – «Да нет, говорю, как будто бы в себе. Поиграл на Васькиной балалайке да и спать лег».

А на селе, Семен, что-то беспокойно. Охранники шмыгают туда-сюда. Люди болтают, будто приказ вышел – охраны больше не нужно и винтовки сдать на станцию. А Гаврилка будто бумагу эту скрывает. Кто их знает? Может быть, и враки? Разве теперь разберешь...

После обеда Серафима появилась опять:

– Варьку у колодца встретила. Вдвоем мы были.

Больше никого. Вытянула она ведро да будто невзначай опрокинула. «Набирай, говорит, я передохну». А сама стоит и смотрит и, видать, мучается, а спросить боится... Я ей говорю: «Ты, Варвара, от меня не прячься... Семен дома. На сеновале лежит». У ней, видать, дух захватило. «А что так?» – «Да голова у него малость побита и на лбу ссадина. Тебя выдать боится». – «Серафима! – шепчет она, а сама чуть не в слезы. – Христом богом тебя молю: скажи ты ему, чтобы схоронился он отсюда подальше. Вижу я, что к худому идет дело».

Тут она замолчала, ведро из колодца тянет. Руки, вижу, дрожат, а сама бормочет: «Пусть Семен Яшке Курнакову скажет: беги, мол, и ты, а то беда будет...»

А что за беда, я так и недослышала. Схватила Варька ведра да домой, чуть не бегом.

К вечеру Серафима рассказывала:

– Яшка Курнаков приходил. Тебя ищет. Я ему говорю: «Дома нету, кажись, в рощу, на пасеку к крестному, пошел. Не знаю – вернется, не знаю – там заночует... Яшка, – говорю ему, – ты берегись. Люди думают, как бы тебе от Гаврилки плохо не было».

Как плюнет он на землю, сам озирается, а руку из кармана не вынимает. «Ой, думаю, в кармане у тебя не семечки...»

– Яшке сказаться надо было, – подсадовал Бумбараш. – Если еще придет, ты его сюда пошли.

– А кто тебя знает! Говорил – молчи, я всех и отваживаю. Оставь ты, Семен, не путайся с ними!.. Я вот ему, паршивцу, я вот ему, негоднику! – зашипела вдруг Серафима, увидав через щель крыши, что пузатый Мишка

поймал серого утенка и ловчится засунуть его в мыльное корыто. – И этот тебя весь день тоже ищет, – тихонько рассмеялась Серафима. – «Где дядька? Дядька, говорит, богатый, с сахаром». Ты будешь уходить, Семен, оставь сахару сколько ни то. Сладкого-то у них давно и в помине нету.

– Ладно, ладно! – поморщился Бумбараш. – Вы только глядите помалкивайте...

– Господи, что мы – чужие, что ли? Я уж, кажись, и так – как могила.

Перед тем как лечь спать, он захотел пить, но нечаянно опрокинул чашку с квасом на сено. Спуститься вниз он не решился. В углу крыши зияла широкая дыра, над которой раскинулись ветви густой яблони. Бумбараш встал, сорвал на ощупь яблоко, сунул его в рот и раздвинул влажные листья.

Перед ним раскинулось звездное небо, – и среди бесчисленного множества он теперь сразу нашел те три звезды, из-за которых он попал в плен, болел тифом, цингой, потерял избу, костюм, коня и Вареньку...

Это случилось при отступлении от Ломбежа на Большую Мшанку.

Бумбараш заскочил в хату батальонного штаба, чтобы спросить вестовых, куда, к черту, провалилась восьмая рота. Бородатый офицер, кажется прапорщик, сидя на корточках, кидал в печку остатки бумаг и, чтобы быстрее горели, ворошил их почерневшим клинком шашки.

Он всучил оторопевшему Бумбарашу перевязанный телефонным проводом сверток, вывел на крыльцо и острием шашки показал на горизонт.

– Подними морду и смотри левее, – приказал он. – Иди до околицы, там свернешь вон на эти три звезды: две рядом, одна ниже. Дальше идти прямо, пока не наткнешься на саперный взвод у переправы. Там найдешь адъютанта третьего батальона. Передашь сверток, возьмешь расписку и отдашь ее командиру своей роты.

Бумбараш повторил приказ и, проклиная свою несчастную долю, которая подтолкнула его заскочить в хату, попер полем, время от времени задирая голову к небу.

Он был голоден, потому что шрапнельный снаряд разбил ротную кухню как раз в ту минуту, когда кашевар отвинчивал крышку котла с горячими щами.

Но всего только час назад ему посчастливилось стянуть из чужой каптерской повозки банку с консервами. Банка была без этикетки, и вместе с голодом его одолевало любопытство – рыбные это консервы или мясные?

Выбравшись в поле, он опустился на траву, достал кусок кукурузного хлеба, снял штык и пробил в жестяной крышке дырку. Чтобы не потерять ни капли, он быстро опрокинул банку ко рту.

Липкая, едкая, пахнувшая бензином краска залила ему губы, ударила в нос и обожгла язык. Отплевываясь и чертыхаясь, он вскочил и понесся отыскивать воду.

Долго полоскал он рот, скреб язык ногтем, вытирал рукавом губы и жевал траву.

Наконец, убедившись, что дочиста все равно не отмоешь, еще более голодный и усталый, чем раньше, он зашагал по полю. Надо было торопиться.

Он поднял голову, разыскивая свои путеводные звезды, однако там, куда он смотрел, их не было.

Он вертел голову направо-налево. Ему попадались созвездия, раскинувшиеся и крючками, и хвостами, и ковшами, и крестом, и дыркою... Но тех трех звезд – две рядом, одна пониже – он не мог разыскать никак. Тогда он пошел наугад и через час нарвался в упор на головную заставу австрийской колонны.

Бумбараш съел яблоко и взялся поправлять свое измятое логово. Глухой взрыв ударил по ночной тишине.

Бумбараш вскочил на ноги.

«Бомба! – сразу же догадался он. – Для снаряда слабо, для винтовки крепко. Кто бросает?..»

Почти следом раздались три-четыре выстрела. Потом стихло. Потом уже не переставая, то приближаясь, то удаляясь, редкие выстрелы защелкали с разных сторон.

«Чтоб вам и на том свете не было покою! – обозлился Бумбараш. – И когда это все кончится!»

Он кинулся на сено, укрылся шинелью и решил назло спать, хотя бы на улицах дрались в штыковую.

– Хватит! – бормотал он. – Я к вам не лезу. Отвоевался...

Однако для спанья время он выбрал плохое. Кто-то забежал во двор и тихонько постучал в форточку. Вскоре на сеновал взобралась запыхавшаяся Серафима.

– Семен! – позвала она. – Вставай, Семен! Скорее!

– Что надо? – огрызнулся Бумбараш. – Убирайтесь вы к черту! Я спать хочу!

– Вставай, очумелая башка! – ахнула Серафима. – Слезай! Бери сумку. Внизу Варька.

Одним махом Бумбараш слетел на кучу навоза, и тотчас же из темноты к нему подскочила Варенька.

– Беги! – зашептала она. – Тебя ищут! Яшка Курнаков бросил бомбу. Забрали три винтовки... Шурку Плюснина убили... Гаврилка думает, что ты с ними заодно. Найдут – убьют!

– погоди! – вскидывая сумку за плечи, пробормотал разгневанный Бумбараш. – Я еще вернусь! Я ему убью! Дай только разобраться...

Выстрелы раздавались все ближе и ближе. Но стреляли, очевидно, наугад, без толку.

– Ну, бог с тобой, уходи, уходи! – заторопила Серафима. – Мимо воробьевской бани ступай, прямо через речку, вброд – там мелко.

– Через мельницу не ходи, – прошептала Варенька, – там наши... банда. Пусти, Семен, теперь уже нечего!

Она вырвалась и убежала.

В избе захныкали потревоженные ребятишки.

Бумбараш выломал из плетня жердь и, не сказав ни слова, зашагал через огородные грядки к спуску на речку.

Серафима перекрестилась и юркнула в избу.

Через минуту в окошко застучали. Серафима молчала. Тогда забарабанили громче и загрохали прикладом в ка-литку.

Серафима с яростью распахнула окно и плюнула прямо кому-то в морду.

– Ах ты, бесстыжая рожа! – взвизгнула она на всю улицу. – Ты, Пашка, чего безобразишь? С постели соскочить не дают! Мужик больной, детей до смерти перепугали! Ты бы еще оглоблей в стену!.. Ну, чего надо? Нету, говорю, Семена! Так вам с утра еще было и сказано. Идите ищите! Нам он и самим как прошлогодний снег на голо-

ву... Да что ты мне своим ружьем в грудь тычешь? Так я твоей пули и испугалась!

Проснулся Бумбараш под стогом сена верстах в десяти от Михеева и в тридцати – от Россошанска.

Утро было теплое, солнечное. На речке гоготали гуси. Под горою, на лугу, ворочалось коровье стадо.

По дороге тарахтели телеги, и с котомками за плечами шли мирные путники.

И чудно было даже вспомнить и подумать, что по всей этой широкой, спокойной земле, куда ни глянь, куда ни кинь, упрямо разгоралась тяжелая война.

Бумбараш подошел к ручью, умылся, напился, а позавтракать решил в деревне Катрёмушки, до которой оставалось уже недалеко.

И странное дело... Шагая по мягкой проселочной дороге, пропуская обгонявшие его подводы, здороваясь с встречными незнакомыми пешеходами, под лучами еще не жаркого солнца, под свист, треньканье и бренчанье лесных пичужек, впервые ощутил Бумбараш совсем неведомое ему чувство – безразличного покоя.

Впервые за долгие годы он ничего не ждал и сам знал точно, что и его нигде не ждут тоже. Впервые он никуда не рвался, не торопился: ни с винтовкой в атаку, ни с лопатой в окопы, ни с котелком к кухне, ни с рапортом к взводному, ни с перевязкой в лазарет, ни с поезда на подводу, ни с подводы на поезд. Все, на что он так надеялся и чего хотел, – не случилось. А что должно было случиться впереди – этого он не знал. Потому что не был он ни ясновидцем, ни пророком. Потому что из плена вернулся он недавно и то, что вокруг него происходило, понимал еще плохо.

Вот почему, подбитый, небритый, одинокий, Бумбараш шагал ровно, глядел если не весело, то спокойно и даже насвистывал, скривив губы, австрийскую песенку о прекрасной герцогине, которая полюбила простого солдата.

На перекрестке, там, где дорога расходилась влево – на Семикрутово, прямо – на Россошанск, вправо – к станции, – не доходя с версту до деревни Катремушки, стояла на холме прямая, как мачта, спаленная молнией береза.

Береза была тонкая, гладкая, почти без сучьев, и было совсем непонятно, как и зачем у самой обломанной вершины ее кто-то сидел.

– Эк куда тебя занесло! – останавливаясь возле дерева и задирая голову, подивился Бумбараш. – Глядите, какой ворон-птица!..

То ли ветер качнул в это время надломленную вершину, то ли «ворон-птица» не так повернулся, но только он по-человечьи вскрикнул, и неподалеку от Бумбараша упал на траву железный молоток.

«Плохо твое дело! – подумал Бумбараш. – Эк тебя занесло! Теперь возьми-ка, спускайся...»

– Дядька, здравствуй! – раздался сверху пронзительный голос. – Дядька, подай мне молоток!

– Дура! – рассмеялся Бумбараш. – Что я тебе, обезьяна?

– Я бечевку спущу, а ты привяжи...

– Если бечевку, тогда дело другое, – согласился Бумбараш и, скинув сумку, стал дожидаться.

Прошло несколько минут, пока бечевка с сучком на конце опустилась и остановилась сажени за две до протянутой руки Бумбараша.

– Не хватает! – крикнул Бумбараш. – Спускай ниже.

– Сейчас, погоди. Надвяжу пояс.

Сучок опустился еще немного, но и этого было мало.

– Не хватает! – опять закричал Бумбараш. – Спускай ниже, а то уйду...

– Сейчас! – донесся встревоженный голос.

Видно было, как мальчуган, осторожно перехватываясь за корешки сучьев, снял рубашку и надвязал пояс к рукаву.

– Все равно не хватает. Давай, что еще есть!

– Что же мне – штаны скидывать, что ли? – послышался сердитый ответ.

– Да ты давай сам подлезь маленько.

– Еще не было нужды!

Однако и на самом деле обидно было не достать конец бечевки, до которой оставалось не больше чем два аршина.

Бумбараш скинул шинель и, вспомнив солдатскую гимнастику, полез вверх.

Сунув молоток в петлю, обдирая гимнастерку и руки, он соскользнул на землю.

– Дядька, спасибо! – поблагодарили его сверху. – Куда уходишь? До свиданья!..

Но Бумбараш не уходил еще никуда. Просто опасаясь, как бы сорвавшийся молоток не брякнулся ему на голову, он отошел к опушке и сел на пенек, собираясь посмотреть, чем же теперь все это дело кончится.

Видно было, как мальчишка прижимает телом вдоль ствола какой-то темный жгут и как, раскачиваясь на ветру, он ловко орудует молотком.

Вот он забил последний гвоздь, торжествующе вскрикнув, опустил жгут, и большое полотнище красного флага с треском взметнулось по ветру.

Зачем на перекрестке лесных дорог должен был торчать флаг – этого Бумбараш не понял никак. Так же как не поняла, по-видимому, и проезжавшая на возу баба, которая всплеснула руками и поспешно ударила вожжой по коняшке, очевидно рассуждая, что раз тут затевается что-то непонятное, то лучше убраться – от греха подальше.

Не дожидаясь, пока мальчишка слезет, Бумбараш двинул дальше и скоро очутился в деревне Катремушки, которая, как он увидел, была занята отрядом красноармейцев.

Красным Бумбараш ничего плохого не сделал, и потому он смело зашел в дом, где жила знакомая старуха.

Но старуха эта, оказывается, давно померла, и дома была только рябая баба – жена ее сына, которая занималась сейчас стиркой. Бумбараша она не знала.

Он спросил у нее, можно ли остановиться и отдохнуть.

– Чай, хлеб, баба, твой, – сказал Бумбараш, – сахар мой, а пить будем вместе.

Услыхав про сахар, баба вытерла о фартук мыльные руки и в нерешительности остановилась.

– Уж не знаю как, – замялась она. – В горнице у меня какой-то начальник стоит. Да и углей нет. Разве что лучиной?

– Эка беда – начальник! – возразил Бумбараш. – Что мне горница, я попью и на кухне. А лучину наколоть долго ли? Это я и сам мигом.

– Уж не знаю как, – оглядывая с ног до головы грязного Бумбараша, все еще колебалась баба. – Да ты, поди, и про сахар не врешь ли?

– Я вру? – доставая из сумки пригоршню и потряхивая ею на ладони, возмутился Бумбараш. – Да мы, дорогая моя королева, внакладку пить будем!

Рябая баба рассмеялась и пошла за самоваром.

Вскоре нашлись и теплая вареная картошка, и хлеб, и молоко... Бумбараш позавтракал, напился чаю и почувствовал, что его клонит ко сну.

В самом деле, всю ночь, мокрый и грязный, он был на ногах, заснул у стога сена только под утро и спал мало.

«Торопиться некуда. Дай-ка я посплю, – решил он. – А пока сплю, пусть баба выстирает гимнастерку и брюки. Хоть к дядьке приду человек человеком. Да пускай заодно и воротник у шинели иглой прихватит, а то болтается, как у богатого».

Он пообещал бабе десять кусков сахара, и она показала ему во дворе плетеную клетушку с сеном.

– Тут и спи, – сказала она. – А в чем же ты спать тут будешь? Нагишом, что ли?

– Давай поищи что-нибудь из старья мужниного. Спать – не на свадьбу.

Баба покачала головой. Долго рылась она в чулане. Наконец достала такую рванину, что, разглядев ее на свету, и сама остановилась в раздумье.

– Уж не знаю, чего тебе. Разве вот это?

– Не нашла лучше! Пожадничала... – пробурчал Бумбараш, напяливая на себя штаны и пиджак, до того изодранные, излохмаченные, что годились бы разве только огородному пугалу.

– Экий ты стал красавец! – забирая одежду, рассмеялась баба. – Ложись скорей, а то вон начальник идет. Глянет да испугается.

Спал Бумбараш долго. Когда он проснулся, то во дворе

рябой бабы уже не было. Рядом с клетушкой, у скамьи под яблоней, разговаривали двое – командир и мальчишка.

– Дурак ты был, дураком и остался, – со сдержанной досадой говорил командир. – Ну скажи: зачем тебя понесло на дерево и зачем ты приколотил флаг? Вот прикажу сейчас красноармейцам, чтобы достали и сняли.

– Разве же кто долезет? – усмехнулся мальчишка. – Да им в жизнь никому не долезть! Там наверху сучья хрупкие. Как брякнется, так и не встанет.

– Это уж не твоя забота. Раз я прикажу, значит, достанут... Ну что ты тут вертишься? Добро бы, какой сирота был. Иди домой! Ты думаешь, у нас всё гулянки? Вот пойдут бои, на что ты тогда нам сдался?

– Вот еще! Дали бы мне винтовку, и я бы с вами. Я смелый! Спросите у Пашки из третьего взвода. Он говорит: «Дай-ка я над твоей головой раза три из винтовки бахну – сразу штаны станут мокрые». А я говорю: «Хоть все пять, пожалуй!» Стал я у стенки. Он раз – бабах! Два, три! А я стоял и даже не моргнул глазом.

– Я вот ему покажу, сукину сыну! – рассердился командир. – Я ему дам штук пять не в очередь! Тоже, балда, нашел дело!

– Наврал я про Пашку, – помолчав немного, ответил мальчуган. – Это я вас хотел раззадорить. Думаю: может, разойдется. «Ах, скажет, была не была, давай приму».

– Куда приму?

– Известно куда. К вам в отряд.

– Опять на колу мочала, начинай сначала. Меня твоя мать о чем просила? «Гоните, говорит, его прочь, пусть лучше делом займется, а не шатается, как безродный».

– Так ведь она же глупая, товарищ командир! Разве же ее переслушаешь?

– Это ты на родную мать-то... глупая? Хорош гусь! Пошел с моих глаз долой! Слушать тебя и то противно.

– Конечно, глупая, – упрямо повторил мальчуган. – Недавно зашел к нам на квартиру какой-то комиссар, что ли, а с ним девка с бумагами. «Сколько, – спрашивает он, – детей? Да кто был муж? Да сколько денег получаешь?» А она стоит и трясется. Я ей говорю: «Мама, ты чего трясешься? Это же советский». Все равно трясется. А чего бояться! Вот вы, например, начальник, однако же я стою и не боюсь.

– Послушай, ты, – помолчав немного, спросил командир, – как тебя зовут?

– Иртыш, – подсказал мальчик.

– Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

– То поп назвал, – усмехнулся мальчишка. – А теперь не надо. Ванька! И название-то какое-то сопленосое. Иртыш лучше!

– Ну ладно, пусть Иртыш. Так вот что, Иртыш – смелая голова, в отряд я тебя все равно не возьму. А вот, если хочешь сослужить нам службу, я тебе дам пакет. Беги ты назад в Россошанск и передай его там военному комиссару.

– Да вы, поди, там напишете какую-нибудь ерунду. Так только, чтобы от меня отделаться, – усомнился Иртыш. – А я и понесусь как дурак, язык высунувши.

– Вот провалиться мне на этом месте, что не ерунду, – побожился командир. – Так, значит, сделаешь?

– Ладно, – согласился Иртыш. – Только, если обманете, я вас все равно найду. Стыдить буду.

Когда они ушли, заспанный Бумбараш вылез из своей берлоги. Надо думать, что вид его был очень страшен, потому что, увидев его, бежавшие по двору ребяташки с воем бросились врассыпную.

– Отоспался? – высовываясь из окна, спросила его рябая баба. – Заходи в избу, щей налью. Мы отобедали.

Бумбараш сел за стол и вытащил свою ложку.

– Ушел командир? – спросил он, прислушиваясь к тиканью часов в горнице. – Командир, я смотрю, у вас добрый.

– Добрый, – согласилась баба. И, зевнув, она добавила: – На кого как. Вчера вечером у нас тут под оврагом шпиёна одного расстреляли. Хлюпкий такой шпиён, а в мешке три бомбы...

На кухню вошел красноармеец, но судя по нагану у пояса, тоже какой-нибудь старшой.

– Командир здесь?

– Нету. Сказал, что скоро придет.

Красноармеец сел на лавку и внимательно посмотрел на хлебавшего щи Бумбараша.

– Это что же, здешний? – не вытерпев, наконец спросил он.

– Нет. Прохожий, – ответила баба.

– А...

Опять посидели молча.

– А это чья? – спросил красноармеец, показывая на висевшую в углу шинель.

– Моя шинель, – ответил Бумбараш. – А что надо?

– Ничего. Так спрашиваю.

Баба выдернула из стены иголку и сняла шинель, собираясь зашить порванный воротник.

– Экая у тебя шинель поганая! – укоризненно сказала она, – выворачивая грязные карманы и обшлага. – Такую шинель только перед порогом постлать на подтирку... Это что у тебя за рукавом, бумага? Нужная?

Бумбараша передернуло. Это был тот самый пакет, который бог знает зачем взял он от мужика ночью в кордонной избушке. А кому был этот пакет и что еще в нем было написано – этого он так и не знал.

– Нет, – грубо ответил он. – Брось на растопку.

Красноармеец быстро поднял с шестка пакет и распечатал.

Лицо его сразу же покрылось потом, он читал про себя, по складам, не переставая наблюдать за движениями Бумбараша и не спуская руки с расстегнутой кобуры нагана.

– Поднимайся! – сказал он таким хриплым голосом, как будто бы его душили за горло.

Баба взвизгнула и уронила шинель. Бумбараш хотел было объяснить, кто он и откуда, но красноармеец глядел на него глазами, горевшими такой дикой ненавистью, что Бумбараш смолчал и решил, что лучше будет держать ответ перед самим командиром.

Он взял сумку и, в чем был, так и пошел впереди вынужденного своего наган конвоира, возбуждая всеобщий страх и любопытство.

У крыльца штаба была привязана верховая лошадь. На ступеньках, облокотившись о винтовку, сидел молодой красноармеец.

– Проходи! – скомандовал конвоир Бумбарашу. – Встань, Совков, дай дорогу!

– К командиру нельзя! – не поднимаясь, ответил крас-

ноармеец. – Командир заперся с каким-то партийным. Видишь, лошадь...

– Сам ты лошадь! Видишь, дело важное!

– Ну иди, коли важное. Он тебе шею намылит.

Конвоир замялся.

– Совков, – сказал он, – покарауль-ка этого человека. А я зайду сам, доложу. Да смотри, чтобы не убег.

– Пуля догонит, – самоуверенно ответил Совков. – Давай проходи. Да глянь на часы – много ли время.

Не поворачивая головы, Бумбараш зорко осматривался. Ворота во двор штаба были приоткрыты. Забора на той стороне не было, недалеко за баней начинался кустарник, потом овражек, потом опять кустарники – уже до самого леса.

«А кто его знает, – как еще рассудит командир? – с тревогой подумал Бумбараш, вспомнив рассказ хозяйки о расстрелянном шпионе. – Да и пойдик-ка докажи ему, что пакет не твой. Доказать трудно... А пуля не догонит, – решил он, приглядываясь к лицу красноармейца. – Не та у тебя, парень, ухватка!»

Он наклонил голову, поднес ладонь к глазам, как будто бы протирали веки, и, вдруг выпрямившись, ударил красноармейца ногой в живот.

Научили Бумбараша австрийские пули и прыгать зайцем, и падать камнем, и катиться под гору колобком, и, втискивая голову меж кочек, ползти ящерицей.

И оказался он под стеклом командирского бинокля уже возле самой опушки. Видно было, как он остановился, поправил сумку и, пошатываясь, ушел в лес.

Опасаясь погони, он не пошел по Россошанской дороге и долго плутал по лесу, пока не вышел на ту, что вела в Семикрутово.

Уже совсем стемнело. Через дыры его лохмотьев про-никал сырой ветер. На траву пала роса. Нужно было думать о ночлеге, о костре, а тут еще, как нарочно, оказалось, что оставил он не только шинель, но и в кармане ее – спички.

Он шел, зорко оглядываясь по сторонам – не попадетс-я ли хотя бы стожок сена, и вот заметил далеко, в стороне от дороги, мигающий огонек костра.

«Раз костер – значит, и люди», – раздумывал Бумбараш.

Однако, вспомнив, что за все последнее время, начиная от лесной сторожки, каждая встреча приносила не одну, так другую беду, он решил подобраться незаметно, чтобы узнать сначала, что там у костра за люди и чего от них можно ожидать плохого.

Добравшись до мелкой дубовой поросли, он опустился на четвереньки и вскоре подполз вплотную к костру, возле которого – как он разглядел теперь – сидели два монаха.

«Семикрутовские! – решил Бумбараш. – От Долгунца бегают».

И он затих, прислушиваясь к их неторопливому разгово-ру.

– Ты еще этого не помнишь, – говорил черный монах рыжему. – Был у нас некогда пекарь – брат Симон. Чело-век, надо сказать, характера тихого, к работе исправный, но пил.

– Помню я, – отозвался рыжебородый. – Он из просфорной два куля муки стянул да осколок медного ко-локола цыганам продал.

– Эх, куда хватил! То был Симон-послушник, вор, бродяга! Его после, говорят, в казанской тюрьме за разбой повесили... А этот Симон был уже в летах, характера тихого, но, говорю, пил. Бывало, игумен, тогда еще отец Макарий, ему скажет: «Симон, Симон! Почто пьешь? Терплю, терплю, а выгоню».

А брат Симон кроткий был. Как сейчас вот помню: стоит он пьяненький, руки на животе вот так сложит, а в глазах мерцание... этакое сияние. «Прости, говорит, отец игумен, к подвигу готовлюсь». А отец Макарий характера был крутого. «Если, говорит, сукин сын, все у меня к подвигу через пьянство будут готовиться, а не через пост и молитву, то мне возле трапезной кабак открывать придется».

Рыжебородый монах ухмыльнулся, подвинул свои короткие ноги в лаптях к огню и покачал плешивой, круглой, как тыква, головой.

– А ты не осуждай! – строго оборвал его рассказчик. – Ты раньше послушай, что дальше было. Вот стоим мы единожды у малой вечерни с каноном. Служба уже за середку перевалила: уже из часослова «Буди, господи, милость твоя, яко же на тя уповаем» проскочили. Вдруг заходит брат Симон, видать – выпивши, и становится тихо у правого крылоса.

А надо сказать, что крепко-накрепко было игуменом наказано, что если брат Симон не в себе – не допускать в храм спервоначалу увещеванием, а ежели не поможет, то гнать прямо под зад коленкой.

И как он смело через дверь прошел – уму непостижимо. А от крылоса гнать его уже неудобно. Шум будет. Стою я и думаю: «Ну, господи, только бы еще не облевал!»

А служба идет своим чередом. Только возгласили ирмос: «Ты же, Христос, господь, ты же и сила моя», как наверху треснет, как крякнет! Стекла, как дождь, на голову посыпались. А у нас снаружи на лесах каменщики работали. Возьми леса да и рухни! Одно бревно, что под купол подводили, как грохнуло через окно и повисло ни туда ни сюда. Висит, качается... Как раз над правым приделом. А сорвется – а под ним икона – все сокрушит вдрызг. Мы, братья, конечно, кто куда, в стороны. Смалодушествовали...

Вдруг видим, брат Симон – к алтарю, да по царским вратам, с навеса на карниз, да от того места, где нынче расписан сожской великомученицы Дарьи лик, – и пошел, и пошел...

Карниз узкий – только разве кошке пробраться, а он лицом к стене оборотился, руки расставил – в движениях легкость такая, как бы воспарение. Сам поет: «Тебя, бога, славим». И пошел, и пошел... Господи! Смотрим – чудо в яви: добрался он до окна, чуть бревно подтолкнул, оно и вывалилось наружу. Постоял он, обернулся, видим – качается. Вдруг как взревет он не своим голосом да как брякнется оттуда о пол! Тут он и богу душу отдал. Так потом сколько верующих на леса к тому карнизу лазили! Один купец попытался. «Дай, говорит, я ступлю». Ступил раз-два да на попятную... «Нет, говорит, бог меня за плечи не держит... Аз есмь человек, но не обезьяна, а в цирке я не обучался». Дал на свечи красненькую и пошел восвояси.

Рыжебородый опять покачал головой и усмехнулся.

– Чего же ты ухмыляешься? – сердито спросил черный.

– Да так... сияние... воспарение... Вот, думаю, заста-

вил бы Долгунец всех нас подряд с колокольни прыгать – поглядел бы я тогда, какое оно бывает, воспарение... Господи, помилуй! Кто там?

Тут оба монаха враз обернулись, потому что из-за кустов выполз лохматый, рваный, похожий на черта Бумбараш.

– Мир вам, – подвигаясь к костру, поздоровался Бумбараш. – Слышал я нечаянно ваш рассказ. У нас на деревне в старину с цыганом тоже вроде этого случилось.

– И тебе тоже, – ответил рыжебородый. – Говори, чего надо? Если ничего, то проваливай дальше.

– Земля широка, – подхватил другой. – Места много... а мы тебя к себе не звали.

На коленях у рыжебородого лежал тяжелый посох, а рука черного очутилась возле горящей с одного конца головешки.

– Мне ничего не надо, – злобно ответил Бумбараш. – Глядим мы с товарищами – горит огонь. Говорят мне товарищи: «Пойди узнай, что там за люди и что им здесь на нашей земле надо».

Монахи в замешательстве переглянулись.

– Садись, – поспешно освобождая место у костра, предложил чернородый. – А кто же твои товарищи и на чью землю мы попали?

Бумбараш усмехнулся. Он развязал сумку, достал оттуда позолоченную пачку табаку – такого, какого давно в этих краях и в глаза не видали. Свернул сигарку и только тогда неторопливо ответил:

– А земля эта вся на пять дорог – Россошанскую, Семикрутовскую, Михеевскую, на Катремушки и до Манту-

ровских хуторов – дана во владение нашему разбойничьему атаману, храброму Ивану Иванюку, над которым нет другого начальника, кроме самого преславнейшего Долгунца.

Монахи еще в большем замешательстве переглянулись. Рыжебородый опрокинул вскипевший чайник, черный быстро глянул на свои пожитки, тоже собираясь сейчас же вскочить и задать тягу.

И только похожий на черта Бумбараш важно сидел, поджав ноги, выпуская из носа и рта клубы пахучего дыма, и был теперь очень доволен, что он так ловко поджал хвосты негостеприимным монахам.

– Ты скажи им, – медленно подбирая слова, заговорил чернобородый, – что мы с братом Панфилием двое странствующие. Добра у нас никакого нет – вот две котомки да это – он показал на черный сверток –... монашья ряса – от брата нашего Филимона, который скончался вчера, свалившись в каменоломную яму, и был сегодня погребен. А через это задержались мы и не дошли, где бы постучаться на ночлег. И скажи, что тут бы пробыть нам только до рассвета. А чуть свет пойдут, мол, они с божьей помощью дальше.

– Ладно, – вытягивая из костра печеную картошку, согласился Бумбараш. – Так и скажу.

Но пока он, обжигая пальцы, счищал обуглившуюся кожуру, рыжебородый, который все время сидел и вертел головой, вдруг подмигнул черному и незаметно помахал толстым пальцем над своей плешивой головой. Очевидно, им овладело подозрение. И хотя курил Бумбараш табак из золоченой пачки, но был он для разбойника слишком уж

худо одет, оружия при нем не было. Кроме того, для владетельного разбойника с пяти дорог с очень уж он большой жадностью поедал картошку за картошкой.

– А где же твои товарищи? – осторожно спросил рыжебородый.

И Бумбараш увидел, что толстый посох опять очутился у рыжего на коленях, а рука черного снова оказалась возле обуглившейся головешки.

– Да, – подхватил черный, – а где же твои товарищи? Ночь темная, прохладная, а ни костра, ни шуму...

– Вон там, – неопределенно махнул рукою Бумбараш и уже подтянул сумку, собираясь вскочить и дать ходу.

Но на этот раз счастье неожиданно улыбнулось Бумбарашу. Далеко, в той стороне, куда наугад показал он рукой, мелькнул вдруг огонек – один, другой... Шел ли это запоздалый пешеход и чиркал спичкой, закуривая на ветру сигарку или трубку. Ехали ли телеги, шел ли отряд, но только огонек, блеснув два раза яркой сигнальной искрой, потух.

И снова монахи в страхе глянули один на другого.

– Вот что, святые отцы, – грубо сказал тогда Бумбараш, забирая лежавший рядом с ним широкий подрясник покойного отца Филимона, – я ваши ухватки все вижу! Но уже сказано в священном писании: как аукнется, так и откликнется.

Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Озорное эхо откликнулось ему со всех концов леса, и не успели еще ошеломленные монахи опомниться, как он скрылся в кустах.

Но этого ему было мало. Отойдя не очень далеко, он

загогокал протяжно и глухо... Потом засвистел уже на другой лад... потом, перебравшись далеко в сторону, приложил руки ко рту и загудел, подражая сигналу военной трубы, затем поднял чурбак и принялся колотить им о ствол дуплистой сосны.

Наконец он утомился. Переждал немного и крадучись вернулся к костру. Монахов возле него не было и в помине. Он набросал около костра травы, положил в изголовье сумку, укрылся просторным подрясником и, утомленный странными событиями минувшего дня, крепко уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С пакетом за пазухой, с ременной нагайкой, которую он нашел близ дороги, Иртыш – веселая голова смело держал путь на Россошанск.

В кармане его широких штанов бренчали три винтовочных патрона, предохранительное кольцо от бомбы и пустая обойма от большого браунинга. Но самого оружия у Иртыша – увы! – не было.

Даже по ночам снились ему боевые надежные трехлинейки, вороненые японские «арисаки», широкоствольные, как пушки, итальянские «гра», неуклюжие, но дальноточные американские «винчестеры», бесшумно скользящие затвором австрийские карабины и даже скромные однозарядные берданы. Все они стояли перед ним грозным, но покорным ему строем и нетерпеливо ожидали, на какой из них он остановит свой выбор.

Но, мимо всех остальных, он уверенно подходил к русской драгунке. Она не так тяжела, как винтовки пехоты, но и не так слаба, как кавалерийский карабин. Раз, два!.. К бою... готовься!

Иртыш перескочил канаву и напрямик через картофельное поле вошел в деревеньку, от которой до Россосанска оставалось еще верст пятнадцать. Здесь надо было ночевать.

Он постучался в первую попавшуюся избу. Ему отворила красивая черноволосая, чуть постарше его, девчонка с опухшими от слез глазами.

— Хозяева дома? — спросил Иртыш таким тоном, как будто у него было очень важное дело.

— Я хозяйка, — сердито ответила девчонка. — Куда же ты лезешь?

— Здравствуй, коли ты хозяйка! Переночевать можно?

— Кого бог принес? — раздался дребезжащий голос, и дряхлая, подслеповатая старушонка высунула с печки голову.

— Да вот какой-то тут... переночевать просится.

— Заходи, батюшка! Заходи, милостивый! — жалобным голосом взывала старуха. — Валька, подай прохожему табуретку. Ох, и беда у нас, батюшка!.. Садись, дорогой, разве места жалко...

— Дак он же еще мальчишка! — огрызнулась на старуху обиженная Валька. — Ты глаза сначала протри, а то... батюшка да батюшка! Вон табуретка — сам сядет!

Но старуха, очевидно, была не только подслеповата, но и глуховата, потому что она не обратила никакого внимания на Валькину поправку и продолжала рассказывать про свое горе.

А горе было такое. Ее сын – Валькин отец – поехал еще позавчера в Россошанск на базар купить соли и мыла и по сию пору домой не вернулся. На базаре односельчане его видели. Видели и в чайной уже незадолго до вечера. Однако куда он потом провалился – этого никто не знал. А время было кругом беспокойное. Дороги опасные. Вот почему бабка на печи охала, а у Вальки были заплаканы глаза.

– Вернется! – громко успокоил Иртыш. – Он, должно быть, поехал в Мантурово, покупать телку. Или в Кожухово, сменить у телеги колеса. Ведь телега-то у вас, поди, старая?

– Старая, батюшка! Это верно, что старая! – радостно завопила обнадеженная бабка и от волнения даже свесила ноги с печки. – Достань, Валька, из печки горшок... миску поставь. Ужинать будем.

Валька подернула плечами, бросила на Иртыша удивленный, но уже не сердитый взгляд и, забирая кочергу, недоверчиво спросила:

– Что же это он колеса менять бы вздумал? Он когда уезжал, про колеса ничего не говорил.

– А это уже характер у него такой, – важно объяснил Иртыш. – Станет он обо всем с вами разговаривать!

– Не станет, батюшка, – слезая с печи, охотно согласилась старуха. – Это верно, что характер у него такой крутой, натурный. Валька, слазь в подпол, достань крынку молока. Ах ты боже мой! Вот послал господь утешителя!

Утешитель Иртыш самодовольно улыбнулся. Он помог Вальке открыть тяжелую крышку подпола, наточил тупой нож о печку и вежливо попросил Вальку, чтобы она подала ему воды умыться.

Валька улыбнулась и подала.

После ужина они были уже почти друзьями.

Бабка опять залезла на печку. Валька насухо вытерла стол и сняла со стены жестяную лампу. Иртыш взял с подоконника Валькину тетрадь и огрызок карандаша.

– Хочешь, я тебя нарисую? – предложил он. – Ты сиди смирно, а я раз-раз – и портрет будет.

– Бумагу-то портить! – недоверчиво ответила Валька. А сама быстро поправила волосы и вытерла рукавом губы. – Ну, рисуй, если хочешь!

– Зачем же портить? – самоуверенно возразил Иртыш. И, окинув прищуренным глазом девчонку, он зачертил карандашом по бумаге. – Так... Ты сиди, не ворочайся!.. Вот и нос готов... сюда брови... Вот один глаз, вот другой... Глаза-то у тебя опухли, заплаканные...

– А ты не опухлые рисуй! – забеспокоилась Валька. – Ты рисуй, чтобы было красиво.

– Я и так, чтобы красиво... Ты кончик языка убери. А то так с языком и нарисую! Ну вот волосы – раз... раз, и готово! Смотри, пожалуйста, разве не похожа? – И он протянул ей портрет красавицы с тонкими губами, с длинными ресницами и гибкими бровями.

– Похоже, – прошептала Валька. – Эх, как ты здорово! Только вот нос... Он как-то немного кривой... Разве же у меня кривой? Ты посмотри поближе... Подвинь лампу.

– Что нос? Нос – дело пустяковое. Дай-ка резинку... Нос я тебе какой хочешь нарисую. Хочешь – прямой, хочешь – как у цыганки с горбинкой... Вот такой нравится?

– Такой лучше, – согласилась Валька. – Ой, да ты же мне и сережки в ушах нарисовал!

– Золотые! – важно подтвердил Иртыш. – Постой, я в них сейчас бриллианты вставлю! Один бриллиант – раз... другой – два... Эх, ты! Засверкали! Ты в городе бываешь, Валька?

– Бываю, – не отрываясь от портрета, тихо ответила Валька. – С отцом на базаре.

– Тогда найду!.. А вон и ворота скрипят. Беги, встречай батьку!

– Ты колдун, что ли? Ой! А ведь правда, кто-то подъехал.

В избу вошел отец. Он был зол.

Вчера в лесу его встретили четверо из долгунцовской банды, вскочили на телегу и заставили свернуть на Семикрутово...

Против двухсот пехотинцев, полусотни казаков и двух орудий у города Россошанска было только восемьдесят два человека и три пулемета.

Однако отбивался Россошанск пока не унывая. Стоял он на крутых зеленых холмах. С трех сторон его охватывали поросшие камышом речки Синявка и Ульва. А с четвертой – от поля – на самой окраине торчала каменная тюрьма с четырьмя облупленными башенками.

День и ночь тут дежурила сторожевая застава. Пули за каменными бойницами были ей не страшны, а тургачевские орудия по тюрьме не били, потому что сидели в ней заложниками жена Тургачева и ее сын Степка.

Было еще совсем рано, когда Иртыш подбежал к ограде и застучал в окованные рваным железом ворота.

– Что гремишь? – спросил его через окошечко надзиратель. – Кого надо?

– Трубников Павел в карауле? Отворите, Семен Петрович. Беда как повидать надо!

– Эх, какой ты, молодец, быстрый! А пропуск? Это тебе, милый, тюрьма, а не церква.

– Так мне же нужно по самому спешному и важному! Вы там откиньте слева крючок, а засов ногою отпихните. Я быстренько. Мне только к Пашке Трубникову... к брату...

– К брату? – высовывая бородатое лицо, удивился надзиратель. – А я тебя, молодец, спросонок и не признал. Так это, говорят, ваша компания у меня в саду две яблони-скороспелки наголо подчистила?

– Бог с вами, Семен Петрович! – хлопнув рукой об руку, возмутился Иртыш. – С какой компанией? Какие яблоки? Ах, вот что! Это вы, наверно, приходили недавно в сад. Где яблоки? Нет яблок. А все очень просто! Когда в прошлую пятницу стреляли белые из орудий, он – снаряд – как рванет... В воздухе гром, сотрясение!.. У Каблуковых все стекла полопались, трубу набок свернуло. Где же тут яблоку удержаться? Яблоки у вас сочные, спелые, их как потрянет – они, поди, и посыпались...

– То-то, посыпались! А куда же они с земли пропали? Сгорели?

– Зачем сгорели? Иные червь сточил, иные ёж закатал. А там, глядишь, малые ребятишки растащили. «Дай, думают, подберем, все равно на земле сопреет». А чтобы мы... чтобы я?... Господи, добро бы хоть яблоко какое – анисовка или ранет, а то... фють, скороспелка!

– Мне яблок не жалко, – отпирая тяжелую калитку, пробурчал старик. – А я в нынешнее время жуликов не уважаю. Люди за добрую жизнь головы наземь ложут, а вы

вон что, шелапутники!.. Ты лесом бежал, белых не встретил?

– У Донцова лога трех казаков видел, – проскальзывая за ограду и не глядя на старика, скороговоркой ответил Иртыш. – Ничего, Семен Петрович... мы отобьемся!

– Вы-то отобьетесь! – закидывая тяжелый крюк, передразнил Иртыша старик. – Ваше дело ясное... Направо иди, мимо караулки. Там возле бани, где солома, спит Пашка.

В проходе меж двумя заплесневелыми корпусами дымила походная кухня. Тут же, среди дров, валялись изрубленные на растопку золоченые рамы от царских портретов, мотки колючей проволоки и пустые цинки из-под патронов. На заднем дворике сушились возле церковной решетки холщовые мешки и поповская ряса.

В стороне, возле уборной, разметав железные крылья, лежал кверху лапами двуглавый орел.

Кто-то из окошка, должно быть нарочно, выкинул Иртышу на голову горсть шелухи от вареной картошки. Иртыш погрозил кулаком и повернул к бане.

Раскидавшись на соломенных снопах, ночная смена еще спала. Иртыш разыскал брата и бесцеремонно дернул его за полу шинели.

Брат лягнул Иртыша сапогом и выругался.

– Давай потише, – посоветовал отскочивший Иртыш. – Ты человек, а не лошадь!

– Откуда? – уставив на Иртыша сонные глаза, строго спросил брат. – Дома был? Где тебя трое суток носило?

– Всё дела, – вздохнул Иртыш. – Был в Катремушках. Ты начальнику скажи – совсем близко, у Донцова лога, трех я казаков видел.

– Эка невидаль! Трех! Кабы триста...

– Трехсот не видал, а ты скажи все же. Дома что? Мать, поди, ругается?

– Бить будет! Вчера перед иконой божилась. «Возьму, сказала, рогаль и буду паршивца колотить по чем попало!»

– Ой ли? – поежился Иртыш. – Это при советской-то?

– Вот она тебе покажет «при советской»! Ты зачем у Саблуковых на парадном зайца нарисовал? Всё шарлатанишь?

Иртыш рассмеялся:

– А что же он, Саблуков, как на митинге: «Мы да мы!» – а когда в пятницу стрельба началась, смотрю – скачет он через плетень да через огород, через грядки, метнулся в сарай из сарая – в погреб. Ну чисто заяц! А еще винтовку получил! Лучше бы мне дали...

– Про то и без тебя разберут, а тебе нет дела.

– Есть, – ответил Иртыш.

– А я говорю – нет!

– Есть, – упрямо повторил Иртыш. – А ты побежишь, я и тебя нарисую.

– И кто тебя, такого дурака, сюда пропустил? – рассердился брат. – В другой раз накажу, чтобы гнали в шею. Постой! Матери скажи, пусть табаку пришлет. За шкапом, на полке. Да вот, котелок захвати. Скажи, чтобы еды не носила. Вчера мужики воз картошки да барана прислали – пока хватит.

Иртыш забрал котелок и пошел. По пути он толкнул ногой железного орла, заглянул в пустую бочку, поднял пустую обойму, и вдруг из того же самого окна, откуда на голову ему свалилась картофельная шкурка, с треском

вылетела консервная жестянка и ударила по ноге, забрызгав какую-то жидкой дрянью.

Сквозь решетку Иртыш увидел вытиравшего о тряпку руки рыжего горбоносого мальчишку лет пятнадцати.

– Барчук! Тургачев Степка! – злобно крикнул Иртыш, хватая с земли обломок кирпича. – Где твое ружье? Где собака? Сидишь, филин!

Камень ударился о решетку и рассыпался.

– Стой! Проходи мимо! – закричал Иртышу, выбегая из-под навеса, часовой. – Не тронь камень, а то двину прикладом... Уйди прочь от решетки, белая гвардия! – погрозил он кулаком на окошко. – Ты смотри, дождешься!

Из глубины камеры выскочила такая же рыжая горбоносая женщина и рванула мальчишку за руку.

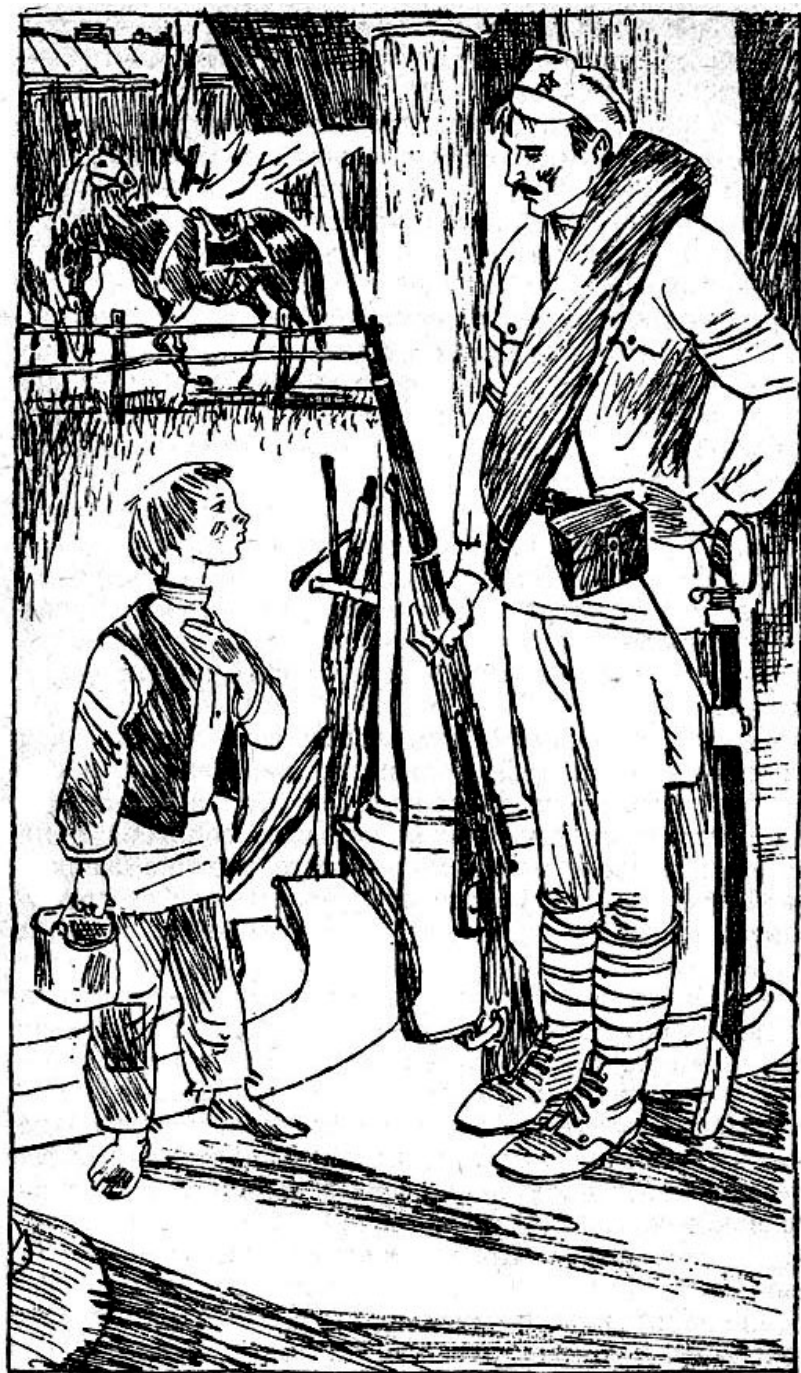
– Врет, он не выстрелит, – отдергивая руку, огрызнулся мальчишка. – Нет ему стрелять приказа!

Он плюнул через решетку, показал Иртышу фигу и нехотя отошел.

– Ишь, белая порода! Ломается! – выругался часовой. – То-то, что нет приказа. А то бы ты у меня сунулся!.. Беги, малый, – сердито сказал он Иртышу. – Видел господ? Мы вчера всухомятку кашу ели. А он, пес, фунт мяса да полдесятка яиц слопал. Не хватает только пирожного да какава!

– За что почет? – спросил Иртыш. – Жрали бы хлеба.

– Боится комиссар – не сдохли бы с горя. Разобьет тогда Тургачев тюрьму пушками. Она, тюрьма, только с виду грозна. А копнуть – одна труха. В церкви на стене писано – еще при Пугачеве строили. Сорви-ка лопух да штанину сзади вытри. Эк он тебя, пес, дрянью избрызгал.

– Я его убью! – пообещался Иртыш. – Мне бы только винтовку достать. У вас тут нет лишней?

Часовой усмехнулся:

– Лишних винтовок нынче на всем свете нет. Все при деле. Беги, герой! Вон разводящий идет, смена караула будет.

Отбежав на бугорок в сторону, Иртыш видел, как сменялись часовые. Старый сказал что-то новому и показал на Иртыша, потом на окошко.

Новый злобно выругался и вскинул винтовку к плечу. Разводящий погрозил новому пальцем и кивнул на караулку – должно быть, обещал пожаловаться начальнику. Новый скривил рот, вероятно показывая, что начальника он не испугался. Однако, когда разводящий поднес к губам свисток, новый сердито ударил прикладом о землю, скинул шинель, повесил ее на гвоздь под деревянный навес, молча стал на пост.

Старого часового Иртыш не знал. Новый, Мотька Звонарев, истопник и кухонный мужик с тургачевской усадьбы, был Иртышу немного знаком. Когда Мотька хоронил дочку Саньку, которая утонула в пруду, испугавшись тургачевских собак, Иртыш был на похоронах и даже нес перед гробом крест.

С пригорка Иртышу был виден подкравшийся к решетке Степка Тургачев. Иртыш постоял, любопытствуя – высунется теперь Степка из окна или нет. Степка постоял, посмотрел, но когда Мотька поднял голову, то он быстро отошел прочь.

Иртыша выпустили за ворота. Он решил выйти на свою улицу напрямик, через луг и огороды, и быстро шагал по мокрой, росистой траве.

«Давно ли? – думал он. – Нет, совсем еще недавно, всего только прошлым летом, его поймали в Тургачевском парке, где он ловил в пруду на удочку карасей. По чистым песчаным дорожкам, меж высоких пахучих цветов, его провели на площадку, и там перед стеклянной террасой, сидя в плетеной качалке, вот эта самая важная горбоносая женщина кормила из рук булкой пушистого козленка. Она объяснила Иртышу, что он потерял веру в бога, честь и совесть и что, конечно, уже недалеко то время, когда он попадет в тюрьму...»

Иртыш обернулся и посмотрел на грозные тюремные башенки.

– А как повернулось дело? – задумчиво пробормотал он. – Трах-та-бабах! Революция!

Ему стало весело. Он глотал пахнувший росой и яблоками воздух и думал: «Столб, хлеб, дом, рожь, больница, базар – слова всё знакомые, а то вдруг – Революция! Бейте, барабаны!» Он поднял щепку и громко забарабанил в закопченное днище солдатского котелка:

*Бейте, барабаны,
Трам-та-та-та!
Смотри, не сдавайся
Никому никогда!*

Получалось складно

*Бейте, барабаны.
Военный поход!
В тысяча девятьсот
Восемнадцатый год!*

Одинокая пуля жалобно прозвенела высоко над его головой. Иртыш съежился и скатился в канаву.

Высунувшись, он увидел, что это стреляют свои. С тюремной башенки часовой-наблюдатель показывал рукой, чтобы Иртыш не бродил полем, а шел дорогой.

Иртыш запрыгал и замахал шапкой, объясняя, что ему нужно пройти огородами. Часовой посмотрел – увидал, что мальчишка, и махнул рукой. Иртыш свистнул и уже без песен помчался через грядки.

Высоко над землею сияло солнце. Звенели над пустыми полями жаворонки.

Прятались в логах злобные казаки. Приготовились к удару тургачевские пушки. И все на свете веселому Иртышу было ясно и понятно.

Это был июль 1918 года. Сады, заборы, загородки для выпаса скота были оплетены ржавой колючей проволокой. Лучину на растопку утюгов, самоваров щепали военными тесаками. Крупу, пшено, махорку скупно отмеряли на базарах походным котелком. А гремучие капсюли, головки от снарядов, латунные гильзы, обоймы, шомпола, а то и целую бомбу – на страх матерям – упрямо тащили ребяташки домой, возвращаясь с походов по грибы, по ягоду, по орехи.

Спасаясь от собаки и разорвав штанину о проволоку, Иртыш выбрался через чужой огород на улицу и на стене каменной часовенки увидел рыжее, еще сырое от клейстера объявление, возле которого стояло несколько человек. Это был, кажется, уже четвертый по счету приказ ревкома

населению – сдать под страхом расстрела в 24 часа все боевое, ручное и охотничье огнестрельное оружие.

Иртыш, не задерживаясь, пробежал мимо. Он уже знал заранее, что все равно никто ничего не сдаст.

Было еще рано, но осажденный городок давно проснулся. Неуклюже ворочая метлами, под присмотром конвоира буржуи подметали мостовую. Неподалеку от пожарной каланчи, наполовину разбитой снарядами, городская рабочая дружина – человек двадцать пять – наспех обучалась военному делу.

По команде они вскидывали винтовки «на плечо», «на руку», «на изготовку», падали на булыжник и, распугивая прохожих, с криком «ура» скакали от забора к забору.

Мимо разрушенных и погоревших домов, сданных к брошенных купцами лавок Иртыш подошел к розовому двухэтажному дому купца Пенькова, где стоял теперь военный комиссариат.

У крыльца уже толкались люди; из окна, выбитого вместе с рамой, торчал пулемет. Пулеметчик, сидя на широком каменном подоконнике, грыз семечки и бросал шелуху в пузатую, как бочка, золоченую урну.

У главного входа, возле каменного льва, в разинутую пасть которого был засунут запасной патронташ, стоял знакомый часовой. И он пропустил Иртыша, когда узнал, что Иртышу надо.

Иртыш прошел по шумным коридорам и наконец очутился в комнате, где уже несколько человек ожидали комиссара. Какой-то бойкий военный молодец, а вероятно всего-навсего вестовой, потянулся к Иртышу за пакетом.

– Нет! – отказался Иртыш. – Отдам только самолично.

– «Отлично самолично»! – передразнил его молодец. – Да что же ты, дурак, прячешь за спину? Дай хоть подержать в руках.

– Вон умный – возьми да подержись, – указывая на дверную медную ручку, ответил Иртыш. – А это тебе не держалка!

Зашуршала и приоткрылась тяжелая резная дверь – кто-то выходил и у порога задержался.

По голосу Иртыш узнал комиссара – товарища Гринвальда. Другой голос, хрипловатый и резкий, тоже был знаком, но чей – Иртыш не вспомнил.

– Как наставлял наш дорогой учитель Карл Маркс, – говорил кто-то, – то знайте, товарищ комиссар, что я готов всегда за его идеи...

– Карл Маркс – это дело особое, а бомбы зря бросать нечего, – говорил комиссар. – То разоружили бы мы Гаврилу Полувалова втихую, а теперь подхватил он свою охрану – да марш в банду. Иди, Бабушкин, зачисляю тебя командиром взвода караульной роты. Постой! Я что-то позабыл: семья у Гаврилы большая?

– Сам да жена. Жена у него, надо думать, товарищ комиссар, его злобному делу не сочувствует.

– Это мы разберем – сочувствует или не сочувствует.

Дверь отворилась, вышел комиссар Гринвальд, а за ним – коренастый, большеголовый человек в старенькой шинели, с винтовкой, у которой вместо ружейного ремня повязывал огрызок собачьей цепи.

Иртыш сразу узнал михеевского мужика Капитона Бабушкина, которого в прошлом году за грубые слова драгуны сбросили вниз головой с моста в Ульву.

— Посадить дуру, конечно, следует, — согласился Капитон Бабушкин. — Как завещал наш дорогой вождь Карл Маркс, трудящийся — он и есть труженик, а капитал — это явление совсем обратное. И раз родилась она бедного происхождения, то и должна, значит, держаться своего класса. Я эти его книги три месяца подряд читал. Цифры и таблицы пропускал, не скрою, но смысл дела понял.

Капитон вышел. Комиссар оглянулся.

— Эти двое не к вам, — объяснил вестовой. — В канцелярии сидят по вызову, а к вам коммерсант с жалобой да вон — мальчишка...

— Что за коммерсант? А-а... — нахмурился комиссар, увидев бородатого старика, который, опираясь на палку, стоял не шелохнувшись. — Садись, купец Ляпунов. Я тебя слушаю.

— Ничего, я постою, — не двигаясь, ответил старик. — Совесть, говорю я, в нашем городе уже давно не ночевала. Конtribusiю мы вам дали. Лошадей дали. Хлеба двести пудов для пекарни дали. Дом мой один под приют забрали — хотя и беззаконие, ну, думаю, ладно — приют дело божье.

А сегодня, смотрю, в другом доме на откосе рамы выставили, в стенах ломом бьют дыры, антоновку яблоню да две липы вырубили. Говорят, якобы для кругозора обороны. «Что же, — кричу им, — или вы слепые? Вон гора рядом. Бери заступы, рой окопы, как честные солдаты, строй фортификацию. А почто же в стенах бить дырья?»

Мы с вами по-хорошему. В других городах народ за ружье хватается, бунт вскипает. Мы же сидим мирно, и как оно будет, того и дожидаемся. Вы же разор чините, злобу. Заложников десять человек почти взяли. У людей от такой

невидали со страху язык отнялся. Семьи сирые плачут. Вдова Петра Тиунова на чердаке удавилась. Это ли есть правое дело?

– Врет он, Яков Семенович! – ляпнул из своего угла Иртыш. – Вдову Тиунову они сами удавили. Она была... как бы сказать... блаженная, ей петлю подсунули, а теперь по всем базарам звонят!

Старик Ляпунов опешил и замахнулся на Иртыша палкой.

Иртыш отпрыгнул.

Комиссар вырвал и бросил палку.

– Ты кто? – строго спросил комиссар у Иртыша.

– Иртыш Трубников. Гонец с пакетом от командира Лужникова.

– Сиди, гонец, пока не спросят... Вот что, папаша, – обернулся комиссар к Ляпунову, – тебя слушали, не били. Теперь ты послушай. Хлеба дали, контрибуцию дали – подумаешь, благодетели!.. Врете! Ничего вы нам не давали. Хлеб мы у вас взяли, контрибуцию взяли, лошадей взяли.

Где нам рыть окопы, где бить бойницы – тут вы нам советчики плохие. Заложников посадили, надо будет – еще посадим. Сорок винтовок офицер Тиунов из ружейных мастерских ограбил. Сам убит, а куда винтовки сгинули – неизвестно! Отчего вдова Тиунова на другой день на чердаке оказалась – неизвестно. Однако догадаться можно...

А чью ночью через Ульву лодку захватили? А кто спустил воду у мельницы, чтобы дать белым брод через Ульву?.. Я?! Он?! (Комиссар ткнул пальцем на Иртыша.) Может быть, ты?.. Нет?.. Николай-угодник!..

Иди сам, сам запомни и другим Расскажи. Да, забыл! Что это у вас в монастыре за святой старец объявился? Поет, как ангел... сияет... проповедует. Я не бандит Долгунец. Монастыри громить не буду. Но старцу посоветуй лучше убраться подальше.

Прочти ему что-нибудь из священного писания, иже, мол, который глаголет *всуе*² разные словесы насчет того, какая власть от бога, а какая от черта, то пусть лучше отыдет подальше, дондеже³ не выгнали его в шею или еще чего похуже. Ступай!..

Там тебе я утром сегодня повестку послал. Сорок пар старых сапог починить надо. Достаньте кожи, набойки, щетины, дратвы.

— Где? Откуда?

— Поищите у себя сначала сами, а если уж не найдете, то я своих пошлю к вам на подмогу.

— Бог! — поднимая палец к небу и останавливаясь у порога, хрипло и скорбно пригрозил Ляпунов. — Он все видит! И он нас рассудит!

— Хорошо, — ответил комиссар, — я согласен. Пусть судит. Буду отвечать. Буду кипеть в смоле и лизать сковородки. Но кожу смотрите не подсуньте мне гнилую! Заверну обратно.

Старик вышел.

Комиссар плюнул и взял у Иртыша пакет и сердито повернулся к дверям своего кабинета.

Иртыш побледнел.

---

² Глаголет *всуе* (*церк.-слав.*) — говорит без надобности. — Ред.

³ Дондеже (*церк.-слав.*) — доколе, покуда. — Ред.

Отворяя дверь, комиссар уже, вероятно, случайно увидел точно окаменевшего, вытянувшегося мальчугана.

– Что же ты стоишь? Иди! – сказал он и вдруг грубовато добавил: – Иди за мной в кабинет.

Иртыш вошел и сел на краешек ободранного мягкого стула. Комиссар прочел донесение.

– Хорошо, – сказал он. – Спасибо! Что по дороге видел?

– Трех казаков видал у Донцова лога. Два – на серых, один – на вороном. Возле Булатовки два телеграфных столба спилены... Да, забыл: из Катремушек шпион убежал. По нем из винтовок – трах-ба-бах, а он, как волк, закрутился, да в лес, да ходу... Дали бы и мне, товарищ комиссар, винтовку, я бы с вами!

– Нет у нас лишних винтовок, мальчик. Самим нехватка. Дело наше серьезное.

– Ну, в отряд запишите. Я пока так... А там как-нибудь раздобуду.

– Так нельзя! Хочешь, я тебя при комиссариате рассылным оставлю? Ты, я вижу, парень проворный.

– Нет! – отказался Иртыш. – Пустое это дело.

– Ну, не хочешь – как хочешь. Ты где учился?

– В ремесленном учился на столяра. Никчемная это затея – комоды делать, разные там барыням этажерки... – Иртыш помолчал. – Я рисовать умею. Хотите, я с вас портрет нарисую, вам хорошую вывеску нарисую? А то у вас какая-то мутная, корявая, и слово «комиссар» через одно "с" написано. Я знаю – это вам маляр Васька Сорокин рисовал. Он только старое писать и умеет: «Трактир», «Лабаз», «Пивная с подачей», «Чайная». А новых-то слов он совсем и не знает. Я вам хорошую напишу! И звезду нарисую. Как огонь будет!

– Хорошо, – согласился комиссар. – Попробуй... У тебя отец есть?

– Отца нет, от вина помер. А мать – прачка, раньше на купцов стирала, теперь у вас, при комиссариате. Ваши га-лифе недавно гладила. Смотрю я, а у вас на подтяжках ни одной пуговицы. Я от своих штанов отпороть велел ей, она и пришила. Мне вас жалко было...

– Постой... почему же это жалко? – смутился и покраснел комиссар. – Ты, парень, что-то не то городишь.

– Так. Когда при Керенском вам драгуны зубы вышибли, другие орут, воют, а вы стоите да только губы языком лижете. Я из-за забора в драгун камнем свистнул да ходу.

– Хорошо, мальчик, иди! Зубы я себе новые вставил. Иным было и хуже. Сделаешь вывеску – мне самому покажешь. Тебя как зовут? Иртыш?

– Иртыш!

– Ну, до свиданья, Иртыш! Бей, не робей, наше дело верное!

– Я и так не робею, – ответил Иртыш. – Кто робеет, тот лезет за печку, а я винтовку спрашиваю.

Иртыш побежал домой в Воробьеву слободку. С высокого берега Синявки пыльные ухабистые улочки круто падали к реке и разбегались кривыми тупиками и проулками.

Все здесь было шиворот-навыворот. Убогая колокольня Спасской церкви торчала внизу почти у самого камыша, и казалось, что из сарая бочара Федотова, что стоял рядом на горке, можно было по колокольне бить палкой.

С крыши домика, где жил Иртыш, легко было пробраться к крыльцу козьей барабанщицы, старухи Говорухи, и оттуда частенько летела на головы всякая шелуха и дрянь.

Но зато когда Иртыш растоплял самовар еловыми шишками, дым черным столбом валил кверху. Говорухины козы метались по двору, поднимая жалобный вой. Высовывалась Говоруха и разгоняла дым тряпкой, плевалась и ругала Иртыша злодеем и мучителем.

Жил на слободке народ мелкий, ремесленный: бондари, кузнецы, жестянщики, колесники, дугари, корытники. И еще издалека Иртыш слышал знакомые стуки, звоны и скрипы: динь-дон!.. дзик-дзак!.. тиу-тиу!..

Вон бочар Федотов выкатил здоровенную кадку и колотит по ее белому пузу деревянным молотком... Бум!.. Бум!..

А вон косой Павел шаркает фуганком туда-сюда, туда-сюда, и серый котенок балуется и скачет за длинной кудрявой стружкой.

«Эй, люди, — подумал Иртыш, — шли бы лучше в Красную Армию».

Он отворил калитку и столкнулся с матерью.

— А-а! Пришел, бродяга! — злым голосом закричала обрадованная мать и схватила лежавшую под рукой деревянную скалку для белья.

— Мама, — сурово ответил Иртыш. — Вы не деритесь. Вы сначала послушайте.

— Я вот тебе послушаю! Я уже слушала, слушала, все уши прослушала! — завопила мать и кинулась к нему навстречу.

«Плохо дело!» – понял Иртыш и неожиданно сел посреди двора на землю.

Этот неожиданный поступок испугал и озадачил мать Иртыша до крайности. Разинув рот, она остановилась, потрясая скалкой в воздухе, тем более что бить по голове скалкой было нельзя, а по всем прочим местам неудобно.

– Ты что же сел? – со страхом закричала она, уронив скалку, беспокойно оглядывая сына и безуспешно пытаясь ухватить его за короткие и жесткие, как щетина, волосы. – Что ты сел, губитель моего покоя. У тебя что – бомба в ноге? Пуля?

– Мама, – торжественно и печально ответил Иртыш. – Нет у меня в ноге ни бомбы, ни пули. А сел я просто, чтобы вам на старости лет не пришлось за мной по двору гоняться. Бейте своего сына скалкой или кирпичом. Вот и кирпич лежит рядом... вон и железные грабли. Мне жизни не жалко, потому что скоро все равно уже всем нам приблизится смерть и погибель.

– Что ты городишь, Христос с тобой! – жалобно спросила мать. – Откуда погибель? Да встань же, дурак. Говори толком!

– У меня горло пересохло! – поднимаясь с земли и направляясь к столу, что стоял во дворе под деревьями, ответил Иртыш. – Был я в деревне Катремушки. И было там людям видение... Это что у вас в кастрюле, картошка?.. И было там людям видение... подвиньте-ка, мама, соли!.. За соль в Катремушках пшено меняют... Пять фунтов на пуд... Ничего не вру... сам видал. Да, значит, и было там людям видение – вдруг все как бы воссияло...

– Не ври! – сказала мать. – Когда воссияло?

– Вот провалиться – воссияло!.. Воссияло!.. Ну, сверху, конечно. Не из погребка... Вот вы всегда перебиваете... А я чуть не подавился... Вам Пашка котелок прислал – возьмите. Табаку спрашивает. Как нету?.. Он говорит: «Есть на полке за шкапом. Без табаку, – говорит, – впору хоть удавиться». Говорили вы ему, мама: «Не кури – брось погань!», а он отца-матери не слушался, вот и страдает. А я вас слушался – вот и не страдаю...

– Постой молоть! – оборвала его мать... – Ну, и что же – видение было?.. Глас, что ли?

– Конечно, – протягивая руку за хлебом, ответил Иртыш. – Раз видение, значит, и глас был. Я, мама, к вам домой бежал, торопился – за проволоку задел, штанина вдрызг... Вон какой кусок... Вы бы мне зашили, а то насквозь сверкает, прямо совестно... Хотел было вам по дороге малины нарвать... да не во что!..

Помните, как мы с отцом вам однажды целое решето малины нарвали. А вы нам тогда чаю с ситным... А жалко, мам, что отец помер. Он хоть и пьяница был, но ведь бывал же и трезвый... А песни он знал какие... «Ты не стой, не стой на горе крутой!» Спасибо, мама, я наелся.

– Постой! – вытирая слезы, остановила его мама. – А что же видение – было?.. Глас был?.. Или все, поди, врешь, паршивец?..

– Зачем врать?.. Был какой-то там... Только что-то неразборчиво... Одни так говорят, другие этак... А иной, поди, сам не слыхал, так только зря брешет. Дайте-ка ведра, я вам из колодца воды принесу, а то у вас речная, как пойло.

И, схватив ведра, Иртыш быстро выскользнул за калитку.

Мать махнула рукой.

– Господи, – пробормотала она. – Отец был чурбан чурбаном. Сама я как была пень, так и осталась колода. И в кого же это он, негодный, таким умником уродился? Ишь ты... видение... сияние...

Она вытерла слезы, улыбнулась и начала среди барахла искать крепкую ткань своему непутевому сыну...

1936-1937

Павел Бляхин

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

ОТ АВТОРА

Юные друзья мои, читатели! Повесть «Красные дьяволята» была написана мною в 1921 году в вагоне-теплушке по дороге из Костромы в Баку. Вместо трех дней я ехал ровно месяц. На самодельном столике наготове лежал маузер...

Гражданская война подходила к концу, но грабежи и налеты бандитских шайек на поезда и продбазы продолжались. Нам не раз приходилось по тревоге хвататься за оружие и выскакивать из вагона. Поезда часто останавливались: не хватало топлива для паровозов, и пассажиры сами помогали добывать дрова, уголь. Страна изнемогала от голода, разрухи и болезней. Но советский народ терпеливо переносил все невзгоды и героически сражался с остатками интервентов и контрреволюции. Вместе со старшим поколением билась за власть Советов и наша молодежь, юноши и девушки и даже дети-подростки. Сотнями и тысячами шли они добровольцами в ряды Красной Армии, показывая образцы невиданной храбрости и любви к Родине.

В 1920 году я не раз встречался с такими орлятами. Об их отваге и самоотверженности рассказывали поистине чудеса.

О боевых делах и приключениях тройки юных героев, прозванных «красными дьяволятами», я и написал свою

первую повесть. Она была издана в Баку в 1922 году. Это была одна из первых книг о гражданской войне, кровавый след которой еще не успел остыть. Наши юные читатели горячо приняли книгу.

В 1923 году вышел в свет кинофильм «Красные дьяволята», поставленный в Грузии по моей повести и сценарию режиссером И. Перестиани.

Советские зрители, особенно молодежь и дети, встретили фильм с восторгом и немедленно отозвались сотнями писем на имя командарма Первой Конной армии С. М. Буденного с просьбами принять их добровольцами, как «красных дьяволят». Многие просили товарища Буденного сообщить им и точные адреса этой тройки. В некоторых клубах появились группы «красных дьяволят».

В свое время кое-кто упрекал меня в том, что боевые дела и приключения «красных дьяволят» порой кажутся невероятными и непосильными для таких юнцов (16-17 лет). Но вот двадцать лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, я опять встретил «дьяволенка» нового поколения – это Вася Бобков. Васе пятнадцать лет. Он в форме солдата. Через плечо автомат. На груди орден Красной Звезды. Вася Бобков – отличный стрелок и храбрый воин. Он не раз ходил в разведку. В бою заменял при случае пулеметчика. Мог быть и хорошим наводчиком орудия. На его счету было двадцать пять убитых гитлеровцев! Ну, разве этот юный вояка не мог быть четвертым «дьяволенком» в моей повести?! А сколько таких пареньков было на разных фронтах Великой Отечественной войны!

Правда, в повести есть элементы некоторой фантастики

и преувеличений, но они выражают героические настроения нашей молодежи, готовой положить и жизнь свою за дело коммунизма, за счастье народа.

НАБЕГ

Темная южная ночь тихо таяла. Бледнели и гасли звезды. За черной полосой леса розовел восток. Словно огромная чаша горячего борща, курилась туманами жирная украинская земля. Приближалось утро.

Но село Яблонное все еще спало крепким мужицким сном. Дремал даже старик-сторож, стоя у дверей церкви с колотушкой под мышкой. Вокруг все было тихо и спокойно, как в доброе старое время. Только неугомонные петухи певуче перекликались из конца в конец беспечного села.

Ой, не спать бы вам в эту ночь, мужики!..

На опушке леса на горячем вороном коне появился маленький всадник в мохнатой папахе, заломленной на затылок. Приподнявшись на стремянах, он, как вор, огляделся по сторонам. Хищное лицо его с черными колючими глазками настороженно вытянулось, ноздри раздулись, словно у хорька, почуявшего дичь. Он вдруг выхватил шашку и со свистом рубанул ею воздух.

— Гей, за мной, хлопцы!

Из леса тотчас вылетел отряд конников и, веером рассыпавшись по широкому полю, ринулся на село.

Тяжело загудела земля. Стаи испуганных птиц взвились к небу.

Церковный сторож уронил колотушку и в страхе перекрестился:

– Що такэ, мать божья? Ратуйтэ, православные!..

Но уже было поздно: стреляя на скаку, лавина всадников с диким воем и свистом неслась по улицам злосчастного села. Захваченные врасплох селяне в панике выбегали из хат и тут же падали, сраженные пулями или зарубленные шашками. Бандиты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

– Бей! – бабьим голосом визжал маленький всадник, размахивая шашкой.

Бандиты врывались во дворы и хаты, грабили пожитки, свертывали головы гусям и курам, угоняли овец и коров.

Но, странное дело, хаты кулаков и деревенских богатеев налетчики не трогали. Не тронули и дом священника отца Павсикакия.

Вскоре пламя пожарища озарило страшную картину разгрома.

Верный своему долгу, старик-сторож поднялся на колокольню и ударил в набат.

Маленький всадник, видимо, атаман шайки, помчался к церкви. За ним скакали длинный, как жердь, бандит с помятым цилиндром на голове и мрачный рябой детина с обрезом за спиной...

Набат гудел, усиливая тревогу, призывая на помощь...

В церкви уже орудовали грабители: они рвали на части парчовые ризы, обдирали золотые иконы, набивали сумки церковной утварью.

Атаман шайки на всем скаку ворвался в распахнутые настежь двери храма.

– Вон! Сто чертив вашему батьку! – заорал он, награждая своих соратников ударами плети. – Вон, а то рубать буду!

Ворча и ругаясь, бандиты бежали к выходам.

В алтаре из-под престола выскочил перепуганный насмерть священник. С крестом в руках он подбежал к атаману и приложился к его ноге, как к иконе:

– Отец родной... батька наш... дай тебе боже доброго здоровья! Спас дом божий...

– Но-но, нечего мед разливать, – проворчал атаман, поворачивая коня к выходу. – Своих попов мы не трогаем, пригодятся.

Поп чуть не захлебнулся от восторга и преданности;

– Да боже ж мий!.. Да я... да мы...

– Ну и баста! – отрезал бандит. Шутя хлестнул попа плетью по спине и вылетел из церкви.

Поп почесал ушибленное место, истово перекрестился.

– Слава тебе, господи, слава тебе!.. Вот, собака!

Набат внезапно оборвался...

Два бандита с трудом оторвали старика-сторожа от колокола, схватили его за ноги и за руки, бросили с колокольни. Он упал под ноги вороного коня. Конь шарахнулся в сторону, едва не выбив из седла атамана.

Глянув на убитого старика, он расхохотался;

– Что, дозвонился, старый пес?

В этот момент к атаману подлетел крайне встревоженный конник:

– Беда, батько, – у Совета перепалка! Голова незаможников⁴ отстреливается – Ванька Недоля!

Атаман взвыл:

– Живьем, живьем взять! Шкуру спущу!..

---

⁴ Председатель Комитета деревенской бедноты.

Осажденные толпой, отец и сын Недоля стреляли из окон дома. Трое убитых уже валялись у крыльца. Решив, что взять сельсовет штурмом не удастся, бандиты обложили здание соломой и подожгли.

Когда к месту боя прискакал атаман, сельсовет уже был объят пламенем со всех сторон.

Через несколько минут дверь дома распахнулась, и вместе с клубом дыма на крыльцо выскочил могучий старик с винтовкой в правой руке. Левой он поддерживал тяжело раненного сына-матроса.

Шайка встретила их торжествующим ревом, лавой окружив крыльцо.

– Живьем, живьем взять! – завизжал атаман. – Я им Покажу Советскую владу⁵!..

Взяв винтовку за конец ствола и действуя ею, как дубиной, грозный старик двинулся прямо на толпу. Бандиты и страхе расступились по обе стороны.

– Сдавайся, старый черт! – ревели они, пятась от старика.

Матрос тяжело опирался на руку отца, с трудом передвигал ноги. Лицо его было залито кровью.

Первый смельчак, попытавшийся приблизиться к старику, грохнулся на землю с разбитой головой.

Рев усилился, но круг стал шире.

По знаку атамана рябой бандит заехал сзади и прямо с седла метнул шашку в спину старика. Тот упал навзничь:

– Да здравствует власть Советов!

Упал и матрос.

---

⁵ Влада – власть.

Шайка ринулась на беззащитных уже бойцов.

– Назад, хлопцы! – приказал атаман. – Матроса взять в лес, а с отцом я сам поговорю...

Бандиты неохотно расступились. Атаман спрыгнул с седла, подошел к истекающим кровью пленникам. Старик лежал неподвижно, как мертвый, не выпуская из рук винтовки.

– Подох, собака! – зло прошипел атаман. – А то бы я показал тебе незаможных селян...

Вдруг откуда-то сверху два камня со свистом пронеслись в воздухе. Один камень больно царапнул щеку атамана, а другой попал в холку вороного коня. В то же время на другом конце села раздались испуганные крики;

– Партизаны! Партизаны!..

Бандиты поспешно вскочили на коней и, стреляя куда попало, понеслись вон из села.

По приказанию атамана рябой бандит поднял матроса на седло и умчался вслед за шайкой в лес.

Вскоре село опустело. На улицах валялись только трупы убитых, да бегали взад и вперед перепуганные овцы.

С крыши ближайшего к сельсовету дома проворно свалились двое ребят и с криком бросились к могучему старику, лежавшему посредине дороги, у сгоревшего здания сельсовета:

– Ой, батька наш, батька!

ДВЕ МАСКИ

Страна Советов пылала в огне гражданской войны. Со всех сторон к сердцу России – Москве – двигались мно-

гочисленные орды контрреволюции, С востока, севера и юга угрожали иностранные интервенты, снабжавшие белые армии оружием и продовольствием. В Крыму засел Врангель, войска которого прорывались на Украину, в район Екатеринославщины.

А здесь, в тылу молодой Красной Армии, бесчинствовали кулацкие шайки, возглавляемые разными батьками и атаманами.

Городские рабочие и деревенская беднота самоотверженно боролись за Советскую власть, помогали Красной Армии и нашим партизанам всем, чем могли. Сотни и тысячи молодых добровольцев пополняли ряды славных бойцов за дело свободы и социализма.

В эти грозные годы, в кольце врагов, советскому народу жилось тяжело, голодно и холодно. После войны промышленность была разрушена, поля не засеяны, хлеба не хватало даже для снабжения Красной Армии. Деревенские кулаки-богатеи прятали свой хлеб и продукты в ямах и потаенных местах, занимались спекуляцией и жестоко грабили городское население, спускавшее за хлеб и картошку последние пожитки.

В те дни, к которым относится действие нашей повести, такое же положение было и в городе Екатеринославе.

В Гуляй-Поле и по всей Екатеринославской губернии разгуливали и грабили мирных жителей банды знаменитого на Украине батьки Махно. Действуя в тылу Красной Армии, эти банды приносили неисчислимый вред советскому народу: устраивали еврейские погромы, грабили базы снабжения, убивали советских работников, особенно большевиков и красных партизан. Деревенские богачи и

буржуи всячески помогали им в борьбе против Советской власти. Они хотели вернуть старый режим, царя и помещиков.

Был вечер. На густо-красном горизонте тяжело громоздились и лезли к зениту грозовые тучи. По широкому шляху из Екатеринослава длинной вереницей тянулись мужицкие телеги и тачанки. Они возвращались с большого воскресного базара. На возах громоздились пустые кадушки и макитры⁶, кухонная посуда, граммофонные трубы, зеркала и ведра, столы и стулья – словом, все, что можно было выменять у голодающих горожан за хлеб, молоко и картошку.

Крестьяне явно спешили домой. Не желая остаться в одиночестве, задние возчики усердно нахлестывали и поносили криками своих коней:

– Та ну, швыдче, ковуры!

– Гей, Петро! Чи здыхае твоя кобыляка, чи шо?

– Трохым, геть со шляху, чого став, бач, лис близко!

Грозовые сумерки уже ползли по земле, окутывая дорогу зловещим полумраком.

Подъезжая к лесу, мужики незаметно вытаскивали из-под соломы короткие куцаки⁷, иные нащупывали за пазухой револьверы, готовили ножи. Они явно чего-то опасались, со страхом поглядывая на темные овраги и в сторону леса.

Только одна расписная тачанка, запряженная парой коней и нагруженная до отказа разным барахлом, не то-

---

⁶ Макитра – большой глиняный горшок для замеса теста.

⁷ Куцак – винтовка с обрезанным дулом, обрез.

ропясь катилась в хвосте обоза. На ее задке, увязанное веревками, гулко громыхало старое пианино.

Лениво пошевеливая вожжами, конями правил здоровенный мужичище, с красным заплывшим лицом и толстой золотой цепочкой на рыхлом брюхе.

Рядом, словно курица на яйцах, сидела его жена. С первого взгляда было ясно, что это почтенные и богатые люди,

Вероятно, по случаю выгодной спекуляции мужик изрядно выпил и теперь беспечно насвистывал украинские песенки. Это очень беспокоило его жинку, которая то и дело тыкала «чоловика» кулаком в спину:

– Та ну, красный пес, гони швыдче! Бач, як тэмно?!

– Тэмно? А нехай соби тэмно, – невозмутимо отвечал «красный пес» и не думал торопиться, – мини що: дорогу я знаю, село знаю, ворота знаю – усе знаю. Хиба ж я пьян, чи що? Бач, у мэнэ яка цидуля е?

Пьяный кулак выразительно шлепнул ладонью по пустой кубышке, из которой торчала ручка нагана;

– Хлоп, и в голове дырка.

Жинка разъярилась еще больше:

– Вот дурна дитына! Хиба ж ты не чув, що тут сам Махно гуляе? Гони, кажу, швыдче!..

– Батько Махно? – живо отозвался мужик. – А нехай соби гуляе, дай ему боже... Вин же на радяньску владу идэ, щоб ий кишки повытягло!

И кулак разразился забористой бранью по адресу Советской власти. Наругавшись вдоволь, он вдруг бросил вожжи, смачно шлепнул ручищей по жирной спине своей жинки:

– А хошь, Олена, я для батьки Махно «Боже царя» спою? Хошь? Ей-богу, спою и на музыке натрынькаю...

Мужик повернулся к пианино и лихо забарабанил кулаками по крышке:

– Бо-о-о-же, царя храни, сильный дер...

– Стой!

– Стой!..

– Руки вверх! – внезапно загремело над ухом кулака. И его кони в мгновение ока оказались свернутыми в обочину, а перед глазами блеснуло черное дуло револьвера. – Оружие и деньги! – грозно крикнул незнакомец, направляя пистолет в лоб кулаку.

В ужасе воздев руки к небу, мужик растерянно забормотал:

– Деньги?.. Яки деньги?.. – Но, глянув в лицо грабителя, он вдруг увидел красную маску, разрисованную белыми полосками и черными пятнами.

– О, боже ж мий! Нэчиста сила! – взревел суеверный мужик, мешком падая на свою половину.

А перепуганная Олена уже лежала ничком, спрятав голову в большую макитру с остатками сметаны.

У тачанки появился еще один грабитель в такой же страшной маске.

– Да они совсем окачурились от страха, – сказал первый, опуская дуло пистолета. – А ну-ка, обыщи их, Овод!

Второй грабитель проворно обшарил воз и кулака.

– Есть оружие, брат Следопыт! – радостно крикнул он, выхватывая из кубышки наган.

– Даешь поход! – отозвался грабитель, названный Следопытом, и тотчас спрыгнул с колеса тачанки.

Две красные маски мгновенно исчезли в ближайшем овраге, а перепуганная чета еще долго лежала на месте, боясь шелохнуться. Наконец мужик осторожно приподнял голову и огляделся по сторонам. Вокруг все было тихо.

– Дэ ж воны? – изумился он, крестясь. – Мабуть наваждение було, чи оборотень який? Дывысь, Олена!..

И только теперь мужик заметил, что на плечах его жинки, вместо головы, торчала огромная макитра:

– Олена! Гей, Олена! Та дэ ж твоя дурна голова? Ты казылась, чи шо?..

Услышав знакомый голос, Олена медленно подняла голову вместе с макитрой. По ее груди и шее стекала сметана.

Мужик невольно расхохотался;

– Бачтэ, яка штука!

Олена с трудом стащила свой нелепый колпак. Но, увидев хохочущего мужа, она побагровела от ярости и с такой силой трахнула его макитрой по голове, что черепки разлетелись во все стороны.

– Жинку чуть не заризали, а вин регоче, рыжий сатана!

Однако, опомнившись, они оба сразу схватились за вожжи и, нахлестывая коней, понеслись по шляху, прочь от страшного места.

КТО ОНИ?

Глухая ночь спустила на мир свой черный полог. Вдали угрожающе ворчал гром, вспыхивали белые молнии, словно от страха, трепетали вершины дубов...

Но что это?..

Далеко над лесом пролетела красная горящая искра, за ней другая, третья... В темной чаще заиграли языки пламени.

Кто же дерзнул зажечь огонь в этом угрюмом лесу в такую тревожную ночь и так далеко от жилых селений?..

У костра под могучим дубом сидели на корточках уже знакомые нам грабители в страшных масках.

– Слушай, брат Следопыт, – сказал один, подбрасывая сухие сучья в огонь, – для чего ты крикнул: «Оружие и деньги!», когда нам нужно было только оружие? Мы же не грабители.

Второй засмеялся:

– А так страшнее. Видал, как кулак глаза выкатил? Я думал, он лопнет от страха. Военная хитрость, брат Овод.

– Ну, нет, это он твоего пистолета испугался...

– Да, пистолет лихой, – согласился тот, кого звали Следопытом, и бросил в огонь большой черный «пистолет», дубовый ствол которого походил на детскую пушку.

Овод снял маску. Она оказалась простой красной тряпкой, разукрашенной белилами и ваксой, с двумя дырками для глаз.

– Не пора ли, брат, начать совет вождей? – спросил он, засовывая револьвер за пояс штанов. – В поход мы, кажись, готовы.

– Ну, что ж, начинать так начинать, – ответил Следопыт и тоже сорвал с лица маску.

При колеблющемся свете костра теперь уже можно было разглядеть безусые лица двух подростков, ничуть не похожих на лесных грабителей. Один из них, названный Следопытом, был одет в красную рубашку, подпоясан

простой веревочкой. На ногах большие, видимо, отцовские, сапоги. Крепкий, широкий в плечах и груди, он казался сильным не по летам. Рыжие волосы буйными вихрами торчали во все стороны, а живые серые глаза смотрели дерзко и весело.

Второй паренек был, видимо, слабее первого, но ловкий и гибкий, как лоза. Черные волосы то и дело сползали на его высокий, умный лоб, заставляя частенько встряхивать головой. Мягкое красивое лицо и особенно светлая улыбка годились бы скорее для девушки, чем для парня с револьвером за поясом. Одет он был так же, как Следопыт, обут в опорки на босу ногу.

Следопыт, не торопясь, вытащил из-за голенища сапога длинную резиновую кишку с трубкой на конце.

– Для начала выкурим трубку мира, брат Овод, – важно сказал он, набивая трубку чем-то вроде табака.

Овод молча кивнул головой.

Следопыт закурил. Выпустил первый клуб дыма и так закашлялся, что на глазах выступили слезы.

– Тьфу ты, пакость какая! Аж в нос шибануло!

– Ничего не поделаешь, – отозвался Овод, – таков порядок в совете вождей. Твое слово, брат Следопыт...

Следопыт вытер глаза рукавом рубахи и начал:

– Слушай, брат Овод. Одиннадцать лун тому назад Черный Шакал вырыл томагавк войны, а проклятая Голубая Лисица разоряет наши родные вигвамы и села. Бледнолицые собаки не щадят ни жен, ни детей наших и даже стариков предают лютой смерти у столба пыток. Не пора ли и нам взяться за томагавки? Или мы трусливые бабы, что сидим дома у костров мира? Смерть бледнолицым собакам!

Оратор грозно потряс кулаком в воздухе и передал конец кишки своему приятелю. Тот в свою очередь глотнул дыму и тоже закашлялся.

— Голубая Лисица замучила нашего брата Федю у столба пыток, — сказал он. — Мы должны разыскать ее хоть на дне моря, заковать в железные цепи и отправить на суд Великого Вождя краснокожих...

— Ой, нет, сначала мы всыпем ему пятьдесят горячих, а потом уж и в цепи, — перебил Следопыт. — Я обещал батюшке...

— Можно и так, — согласился Овод. — Значит, завтра в поход?

— Урра-а, в поход! — подхватил Следопыт и, совсем как мальчишка, перевернулся через голову, ударив каблуками сапог по костру.

Сноп золотых искр взвился к небу, осветив на мгновение и дуб, и полянку, и юных вояк. А затем тьма стала еще гуще и ночь чернее.

Так неожиданно закончился совет вождей... Однако пусть читатель не думает, что все это лишь простая игра юных фантазеров «в индейцев» или еще что-нибудь в таком же роде. Не всякому понятное решение совета вождей явилось началом таких дел и приключений, что они составят все содержание нашей повести. А впрочем, вернемся немного назад и расскажем, как эти ребята задумали свой поход и что их толкнуло на отчаянный трюк с красными масками...

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

Отец наших героев Иван Недоля жил в селе Яблонном на Украине. Все его имение состояло из старой лакомившейся хатенки да худой сивой кобылы. Зимой он ходил на заработки, а летом ковырялся на своем жалком клочке земли и батрачил у деревенских кулаков. В 1914 году он вместе со старшим сыном Федором ушел на войну бить немца.

Домой Недоля вернулся уже после Октябрьской революции. Он пришел на село в рваной шинели, заметно прихрамывая на левую ногу, но с винтовкой в руках. На его широченной груди сияли два георгиевских креста, а за пазухой лежала пачка большевистских газет и первые декреты Советской власти о земле и мире. С этого дня Иван стал самым горячим большевистским агитатором на селе.

– Земля – народу! – кричал он на сельских сходках, Потрясая винтовкой. – Хлеб – Красной Армии! Смерть – белякам и буржуям!..

В разгар гражданской войны на Украине он организовал Комитет незаможных селян и крепко взял в переделку кулаков-мироедов.

Федор попал на флот.

Семья Ивана – жена и двое ребят-близнецов – по-прежнему ютилась в кособокой хатенке. Ребята – Дуняша и Мишка – старались быть похожими на отца и на свой лад помогали ему в борьбе за власть Советов.

Гражданская война разбила село на два враждебных лагеря: на бедняков и кулаков, на красных и белых, на тех, кто за Советскую власть и против нее,

Дети бедноты и кулачества тоже разделились на две партии и отчаянно воевали между собой, шли «стенка на стенку».

Мишка и Дуняша чуть не каждый день возвращались домой, покрытые синяками.

Старушка мать плакала. Отец посмеивался:

– Так-так, хлопцы, значит, вам опять всыпали?

– Всыпали своими боками, – хмуро отвечал Мишка. – Мы им тоже наклюкали, дай боже...

– А кто ж это вас разукрасил так?

– Кулачье разное да Митька Косой – попов сын.

– А вы что? Пятки казали?

Мишка вспыхивал от обиды:

– Ну, это ты брось, батька, я им такие фонари наставил!

– И я тоже, – подхватывала Дуняша, показывая отцу рваную кофточку, – мы вместе бьем их...

– За что ж вы воюете, хлопцы мои? – продолжал допрашивать отец уже серьезно.

– А они нас «красными дьяволятами» обзывают. Ну, мы и... того, в кулаки их...

– А потом они Советскую власть ругают и тебя тоже.

Отец был доволен:

– Молодцы, ребята! За Советскую власть всем беднякам биться надо! И «красные дьяволята» – хорошая кличка, лишь бы не белые...

Мать горестно всплескивала руками:

– Что ж ты делаешь, старый, дети в крови приходят, а он еще нахваливает!

Но «дети» давно уже решили воевать за Советскую власть по-настоящему, с оружием в руках, как взрослые.

Под руководством отца они изучали военный строй, ружейные приемы, стрельбу из винтовки и револьвера.

К великому удовольствию Ивана, в стрельбе Мишка скоро превзошел его. Из револьвера на десять шагов он попадал в яблоко, а из винтовки почти не знал промаха. Неплохо «рубал» он и старенькой шашкой, одним махом срезая голову «белогвардейцу», слепленному из глины. Но из всех военных дел Мишке больше всего нравилась разведка. Всерьез готовясь к этому делу, он исползал на животе окрестности села, порвал все свои штаны и рубашки, по голым стволам лазил на вершины самых высоких сосен, часами сидел там, «выслеживая врага» и корректируя воображаемый огонь Красной Армии

Дерзко поправ обычаи своего пола, Дуняша мало в чем уступала своему брату и была с ним неразлучна, как тень.

Ребята помогали и матери по хозяйству: ходили в лес за дровами и хворостом, таскали воду с реки, обрабатывали огород, чистили картошку... Впрочем, кроме картошки, у Недоли ничего и не было. Хлеб пополам с мякиной и лебедой они получали из сельсовета по осьмушке на человека да изредка по фунту муки через Комитет незаможных селян.

Так же, как отец, ребята не унывали. Они свято верили в светлое будущее трудящихся, в окончательную победу Советской власти и всей душой любили Владимира Ильича Ленина, о котором так много рассказывали им отец и брат Федор. Ленин представлялся им как добрый отец всего трудового народа, как великий вождь и чудо-богатырь земли русской. Недаром между собой они называли его Великим Вождем краснокожих воинов...

У брата и сестры были две страсти; война и книги. Читали они запоем все, что подвертывалось под руку. Но больше всего любили книги о боевых подвигах и приключениях, о путешествиях за моря и океаны, о героической борьбе краснокожих индейцев Америки за свою свободу и независимость.

Любимыми героями Мишки были «последний из могикиан» – Ункас и старый охотник – Следопыт. А так как Следопыт был замечательным разведчиком, Мишка присвоил себе и его кличку.

Дуняша долго не могла найти для себя подходящего имени. Но однажды сельский учитель, охотно снабжавший их книгами, подарил Дуняше чудесный роман Войнич «Овод». Ребята прочитали его залпом и были потрясены необыкновенным мужеством и самоотверженностью Овода. На истрепанные страницы, где описывалась трагическая смерть Овода, не раз падали горькие слезы Дуняши, а Мишка отворачивался в сторону, подозрительно посапывая носом. Как настоящий мужчина, он старался скрывать свою слабость.

Чтение этой книги закончилось тем, что Дуняша дала Мишке клятву быть такой же самоотверженной, как Овод, и так же, как он, мужественно встретить смерть, если придется погибнуть в борьбе за власть Советов, за свободу. Мишка торжественно одобрил клятву сестры и тут же назвал ее Оводом.

В сознании ребят современные события и герои гражданской войны так причудливо переплетались с книжными образами, что они уже и сами не знали, где кончается чудесная сказка и вымысел, а где начинается подлинная су-

ровая жизнь. В разговорах между собою они создали даже свой особый язык, заимствованный у индейцев Фенимора Купера и Майн Рида, понятный только им одним. Красноармейцев они называли краснокожими воинами, белых контрреволюционеров бледнолицыми собаками. Белогвардейский генерал Врангель получил кличку Черного Шакала, бандита Махно окрестили именем злого и коварного апача – Голубой Лисицей. Знаменитый командарм Первой Конной армии Буденный носил у них имя храброго предводителя одного из индейских племен – Красного Оленя и т. п. А Ленина, как мы уже говорили, иначе и не называли, как Великий Вождь краснокожих воинов: в их представлении это была высшая степень любви и уважения.

Время шло. Гражданская война разгоралась. Ребята продолжали готовиться к боевым делам и уже стали осаждать своего батьку просьбами отпустить их добровольцами в армию краснокожих воинов. Разумеется, они войдут под начало только самого Красного Оленя, то есть Буденного. В то время слава Первой Конной уже гремела по всей России, заражая сердца молодежи жаждой подвига.

Отец одобрительно посмеивался, но все же советовал ребятам подрасти еще немного, а потом уж...

Дуняша и Мишка ждали этого дня с величайшим нетерпением. Но тут случилось событие, сразу опрокинувшее все их надежды и планы. С фронта неожиданно прибыл старший брат – матрос Федор, чтобы организовать на селе заготовку хлеба для Красной Армии. Отец, как председатель Комитета незаможных селян, пришел ему на помощь и при содействии бедноты стал выкачивать у богатеев-кулаков припрятанный хлеб.

И вот в тот день, когда продотряд выехал в соседнюю деревню и в Яблонном не осталось никого из вооруженных, в село ворвалась уже известная читателю банда и учинила кровавый разгром. Это была одна из шаек злейшего врага Советской власти – батьки Махно. Тогда они увезли раненого Федора в лес и там замучили насмерть.

Получив тяжелую рану в спину, отец наших героев все же оправился и через два месяца встал на ноги. Его хатенка сгорела. Иван Недоля устроил свою семью у знакомого рабочего в городе Екатеринославе, а сам решил уйти к красным партизанам.

Прощаясь с Мишкой, отец сказал:

– Вот что, сынок, если я сам не встречу и не убью Махно, то постарайся разыскать его хоть ты и всыпь ему таких горячих, чтобы он вовек не забыл нашей деревни...

Неизвестно, шутил ли отец или говорил всерьез, но Мишка гневно блеснул глазами и сурово ответил:

– Не бойся, батька, это ему даром не пройдет. Я найду его хоть под землей! Скажи только, сколько ему всыпать?

Отец невольно улыбнулся:

– Да влепи хоть полсотни, и то будет добре.

– И я с Мишкой пойду! – вмешалась Дуняша, бросаясь на шею отцу. – Махно замучил нашего Федю.

Напоминание о смерти старшего сына передернуло старика. Он расцеловал детей и плачущую жену, смахнул с ресницы тяжелую слезу и быстро вышел вон, прихватив винтовку.

С тех пор отец как в воду канул – ни слуху ни духу. Все думали, что он погиб. Только жена не хотела верить и ждала его домой изо дня в день, полная тоски и горя.

После ухода отца ребята решили, что они уже достаточно выросли и вполне готовы для боевых дел (а как же, ведь им уже перевалило за пятнадцать лет!). Одна беда – у них не было оружия. Винтовку и револьвер забрал отец, а старенькая шашка в расчет не принималась. «Не оружие, а бабье веретено», – уверял Мишка. Как же быть? После долгих споров и обсуждений ребята решили отобрать оружие у какого-нибудь кулака или бандита, а потом двинуться в «поход». Как и чем закончилась эта попытка, читатель уже знает из предыдущей главы.

Костер на полянке догорал. Ребята сидели под дубом, обсуждая разные детали предстоящей военной кампании.

В первую очередь они решили пробраться в лагерь Красного Оленя – Буденного, недельку-другую повоевать с бледнолицыми собаками, поработать для практики разведчиками, а потом уж направиться на поиски проклятой Голубой Лисицы, то есть Махно, и разделаться с ним по-своему.

Как видно, ребята затеяли нешуточное дело. Они свято верили, что все пойдет как по маслу и врагам революции несдобровать! Жаль только, что им не удалось достать пару хороших маузеров, с которыми, по их мнению, можно было победить весь мир: шутка ли – двенадцать пуль в одной обойме! Да вот нехорошо еще, что старуха мать одна остается дома. Захиреет с горя.

– Тяжело будет нашей матке-то, – грустно заметил Овод, вытирая полый рубахи заплаканные глаза, – не выдержит она голодухи, зачахнет без нас...

– Не зачахнет, – сурово возразил Следопыт, чувствуя, что и сам вот-вот разревется. – Экая ты беспонятливая,

война-то ведь не кухня, не с горшками драться. Солдаты всегда уходят, а матери остаются...

– Да я что же, я ничего... Я говорю только, что тяжело будет старухе, – оправдывался Овод, стараясь приободриться.

– Значит, завтра чуть свет в поход?

– Уже сегодня. Вишь, светает.

– Руку, товарищ!..

Ребята крепко обнялись. А затем дали клятвенное обещание всегда быть вместе, не оставлять друг друга в беде и биться за власть Советов не на жизнь, а на смерть.

Сидя плечом к плечу и продолжая мечтать о будущих подвигах и приключениях на красном фронте, они незаметно задремали.

Костер давно погас... Ночная тьма поднялась к небу, черные тучи рассеялись, и огненные мечи восходящего солнца торжественно возвестили спящему миру: «Пора вставать, идет утро!..»

У КРАСНОГО ОЛЕНЯ

На берегу извилистой речонки, по оврагам и деревушкам, раскинулся лагерь Конной армии Буденного. После многодневного утомительного марша бойцы и кони отдыхали. Впрочем, этот отдых был вынужденным: на пути конницы встретились сильные части белогвардейской пехоты, окопавшейся вдоль опушки леса с артиллерией и пулеметами.

Штаб армии расположился в крестьянской хате на окраине села. На крыльце стояли два буденовца с винтов-

ками – это охрана. В штаб то и дело пробегали ординарцы с донесениями или с приказами, выскакивали обратно, садились на коней и неслись прочь.

В хате за большим столом, склонившись над полевой картой, сидели сам Буденный и могучий седовласый полковник с пышными и длинными усами, похожий на гоголевского Тараса Бульбу.

– Так вы говорите, полковник, что фланг противника – самое слабое место? – спросил Буденный, скосив глаза на старого казака.

– Эге ж, – коротко ответил тот, тряхнув чубом. – Ось тут такая низина, по которой можно ударить в конном строю. – Он ткнул пальцем в отметку на карте.

Буденный усмехнулся:

– А вот здесь, на холмике, стоят «максимки» и могут порезать твоих коней, как коса траву.

Полковник почесал в затылке:

– Ось тут?.. Могут поризать... Як же буде?..

– Ударим в лоб, – решил Буденный, – вот по этой долине.

Полковник удивился:

– В лоб? Ни, так не можно.

– В лоб! – повторил Буденный, вставая. – Это слишком дерзко, зато неожиданно для врага. А для конницы внезапный удар – половина победы. Ваш полк махнет первым перед рассветом. Еще раз пошлите разведку...

– В лоб так в лоб, – спокойно согласился полковник и, вынув из кармана коротенькую трубку, стал набивать ее махоркой.

В дверь кто-то постучал.

– Войдите! – крикнул Буденный.

Дверь распахнулась, и brave казак, взяв под козырек, вытянулся в струнку у входа.

– Ты что, Гарбузенко?

– Шпиёнов привели, товарищ командующий.

– Шпионов? Вот кстати. Где ж вы их схватили? – живо спросил Буденный.

– В лесу, около речки.

– А почему вы думаете, что это шпионы?

– Да вони дюже подозрительны: кажут, шукалы Буденного, и такое балакают, що не дай боже. Мабуть, вони пьяны, чи шо, – отвечал, переходя на украинский язык, красноармеец,

– Вы обыскали их?

– А то як же!

– Что ж нашли?

– Та оцю книжку та наган.

– Хорошо, давайте их сюда.

– Слухаю! – буденовец повернулся на каблуках и, приоткрыв дверь, позвал: – Гей, Петро, тяги их до командира!

В палатку, подталкиваемые сзади, вкатились два старичка с длинными бородами неопределенного цвета. Один походил на деда мороза, слепого детскими руками: низенький, квадратный, с всклокоченной бородой, немного съехавшей набок; второй был тощий и прямой, как палка. Старички подошли к столу и с любопытством стали оглядывать палатку.

На столе рядом с картой лежал маузер.

При виде оружия квадратный старичок живо толкнул в бок тощего, шепнув вполголоса:

– Гляди-ка, маузер!

– Маузер, – тоже шепотом ответил тот, сделав еще шаг к столу.

Полковник, зорко следивший за каждым их движением, быстро схватил маузер и чему-то ухмыльнулся.

Окинув старичков пытливым взглядом, Буденный оперся подбородком на эфес своей сабли и сухо спросил:

– Вы откуда, старики, пожаловали в наши края?

– Мы-то? – переспросил квадратный старичок, оправляя бороденку. – А кому какое дело? Мы ж не такие дурни, чтобы всякому болтать, как и что.

Буденный изумленно вскинул брови:

– Вот это номер!.. Вас же арестовали около самого штаба!..

– А ну что ж, – отрезал старичок. – мы пробирались к Красному Оленю, а нас и цапнули эти чудаки...

– Что за вздор, какой олень?

– Красный.

Тоший старичок дернул квадратного за рукав и на ухо шепнул:

– Они же не знают!..

– И верно! – спохватился квадратный. – Мы, значит, к Буденному шли и вот – влопались.

– Ну так говорите, что вам нужно от него. Я и есть Буденный.

Старички ахнули в один голос:

– Сам Буденный?

– А ведь похож! Ей-богу, он! – обрадовался квадратный, подталкивая вперед тощего. – Ну, валяй, рассказывай, брат Овод, а то я опять наверчу что-нибудь.

Тощий старичок подвинулся ближе к Буденному:

– Вы на нас не сердитесь, товарищ Буденный. Мы, вот я и мой братень Следопыт, то есть Мишка, из села Яблонного, а батька наш Иван Недоля ушел в партизаны, брата Федора замучили бандиты Голубой Лисицы, значит Махно, а мы с Мишкой решили вступить добровольцами к вам...

– В ряды краснокожих воинов, – вставил квадратный старичок.

– Не перебивай, пожалуйста, – отмахнулся тощий и продолжал:

– Под вашей командой мы хотим немного попрактиковаться в военных делах...

– Побить бледнолицых собак, – опять не утерпел квадратный, – а потом разыщем проклятую Голубую Лисицу и всыпем ей полсотни горячих. Пусть знает, гадюка, как села жечь! Во!..

– Вы что-нибудь понимаете здесь, полковник? – сердито спросил Буденный. – Красный Олень, бледнолицые собаки. Голубая Лисица... Что за тарабарщина такая?..

Овод хотел уже разъяснить, в чем дело, но тут старый буденовец подошел к старичкам и, вдруг схватив их за бороды, дернул вниз:

– Бачтэ, яка кумедия!

И перед изумленными взорами красных конников и Буденного во всей красе предстали наши герои – Следопыт и Овод. Все прыснули со смеху, а за ними рассмеялись и ребята.

– Это еще что за фокусы?! – прикрикнул Буденный.

Ребята сразу притихли, не совсем понимая, почему сердится Красный Олень, когда все получилось так великолепно.

– Никакого тут фокуса нет, – робко возразил Овод, – мы это для отвода глаз прицепили и вот явились к вам...

– А на что вы мне нужны? – отрезал Буденный. – У вас еще молоко на губах не обсохло, а вы воевать задумали.

– Как, на что? – удивился Следопыт, выступая вперед. – А кто вам Голубую Лисицу поймает?..

– И потом, иметь такого разведчика, как Следопыт, – вовсе не худо, – поддержал Овод. – Он может проползти на пузе хоть двадцать верст, а шашкой рубает не хуже любого казака.

Мишка сердито фыркнул и задрал голову вверх.

Буденный не выдержал:

– Вот забавные хлопцы! Куда ж мы их денем, полковник?

– Принять на службу и отдать под мою команду, – невозмутимо посоветовал полковник, – а я их прощупаю.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – согласился Буденный. – Только проверьте сначала, что это за сорванцы такие.

– Слухаю! Гайда за мной, хлопцы!

– А где ж наше оружие? – спросил Мишка. – Мы его в бою взяли...

– Возвратить! – коротко бросил Буденный, снова наклоняясь над картой.

По-военному отдав честь Буденному, ребята вышли вслед за полковником.

Ю-Ю

Был уже вечер, и на голубом небе одна за другой зажигались звезды.

Ребята шли по деревне, полные радости и надежд, – они станут буденовцами!

Мишка старался идти в ногу с полковником, который молча посмеивался, наблюдая за юнцами. Мимо них то и дело проносились верховые. Во дворах ржали и фыркали кони. Порой слышался лязг штыка или шашки, окрики патрульных, лихая песня. Там и сям горели костры, вокруг которых сидели на корточках воины в ожидании ужина. Лагерь глухо рокотал и гудел, словно гигантский улей.

По пути ребята увидели несколько хат, снесенных до основания артиллерийским огнем. Только черные остовы труб и печей зловеще торчали среди кучи развалин, производя жуткое впечатление.

У наших героев невольно сжались сердца: вот она где, настоящая-то война! Вот они, настоящие красные бойцы и тот самый фронт, куда тянуло их с такой неодолимой силой!

Пройдя развалины, Мишка и Дуняша увидели кучку деревенских ребят. Они шумели и над кем-то громко смеялись. Центром внимания оказался молодой китаец с буденовкой на голове, который старался выбраться из толпы.

– Ходя! Ходя! Косолапый ходя! – кричали озорники, дергая его за полу длинной шинели. А когда китаец поворачивался, чтобы схватить обидчика, они с хохотом отскакивали прочь.

Желтое лицо китайца посерело от гнева. Он яростно метался в куче озорников.

Овод возмутился издевательством над китайцем и тотчас шепнул что-то на ухо Мишке.

– Есть, дать взбучку! – ответил Мишка. И не успел

полковник сообразить, в чем дело, как наши приятели с криком «ура» врезались в толпу ребят, раздавая удары направо и налево. От быстроты и неожиданности натиска толпа в испуге разлетелась в разные стороны.

Опрокинув двух-трех озорников, Мишка и Овод подбежали к китайцу и в воинственной позе стали по бокам.

– Прочь, бледнолицые собаки! – крикнул Мишка, хватывая револьвер. – Не будь я Следопыт, если не влеплю кому-нибудь пулю в лоб! А ну, подходи, кто желает!..

Желающих не оказалось...

– Молодцы, хлопцы! – смеясь, похвалил старый казак. – Быть вам буденовцами! Ведь это кулацкое отродье напало на Ю-ю.

– Рады стараться, товарищ полковник! – по-военному гаркнули ребята.

Прижимая руки к груди, китаец низко кланялся своим заступникам и почтительно лопотал:

– Спасибо, капитана!.. Караша, капитана, моя твоя товалиса!

Он схватил руку Мишки и крепко встряхнул ее в знак дружбы и преданности. Потом резко обернулся вслед убежавшим озорникам и погрозил кулаком:

– Твоя шайтан! Моя твоя бить будет!

– Как тебя звать, товарищ? – спросил Овод, в свою очередь пожимая руку китайцу.

– Моя звать Ю-ю, товалиса, Ю-ю...

Из разговора с полковником выяснилось, что Ю-ю давно уже находился в армии Буденного, исполняя различные поручения штаба полка, а иногда бывая и в разведке. До прихода в армию он работал в китайской пра-

чечной в Москве, потом был акробатом в цирке и даже уличным фокусником при старом шарманщике. Гражданская война пробудила в нем страстное желание покинуть свою неблагодарную работу и броситься в огонь кровавых событий. Он смутно понимал, что борьба русских крестьян и рабочих за Советскую власть есть дело всех угнетенных, и стихийно потянулся к красным, под знамена свободы и революции.

По просьбе наших ребят полковник согласился устроить их всех вместе и взять под свое покровительство. Задорные юнцы сразу полюбили суровому воину, известному среди буденовцев под кличкой Деда. Особенно понравился ему Овод, поразительно похожий на его красавца сына, сложившего голову в борьбе с белобандитами.

Все направились к хате, занимаемой полковником.

– Следуй за нами! – приказал Мишка Ю-ю. – Теперь ты будешь моим оруженосцем.

– Слюхай, капитана! – охотно отозвался Ю-ю, взяв под козырек.

Вскоре все четверо уже сидели за большим столом в хате полковника.

– Ну-с, хлопцы, что ж мы будем делать? – начал полковник, попыхивая трубкой и оглядывая своих гостей.

– Воевать! – решительно отрезал Мишка. – А пока не худо бы поесть досыта...

– Мы уже пять дней одними сухарями пробавлялись, – подтвердил и Овод, стараясь смягчить слишком прямой ответ Мишки.

– Добре, хлопцы, можно и поснидать.

На столе вскоре появился незатейливый солдатский ужин, который голодные ребята мигом уничтожили.

На первый случай судьба им улыбнулась, и все устраивалось так, как мечталось. Было решено, что некоторое время они «попрактикуются» в военном деле, поучатся у опытных красноармейцев, как держать себя в бою, как ходить в разведку, ухаживать за конями и прочее.

На другой день ребятам уже выдали старенькое военное обмундирование и короткие драгунские винтовки. Правда, все это было немножко великовато и смешно топорщилось во все стороны, но юнцы сразу почувствовали себя настоящими боевыми буденовцами, готовыми идти в огонь и воду. Теперь они были уверены, что обещание, данное отцу, будет скоро выполнено.

Оглядев себя в боевом наряде, Мишка уверенно сказал Оводу:

– Теперь берегись, Голубая Лисица, душу вытрясем! Во!..

– Не говори «гоп», пока не перескочишь! – охладил пыл Мишки более благоразумный Овод. Однако и он не мог предвидеть, какие трудности и беды ждут их на пути к заветной цели.

Так началась боевая жизнь юных фантазеров.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

В суровой, полной опасностей и лишений обстановке время летело незаметно. Прошла неприятная, мокрая, с непролазной грязью осень 1919 года. Прошла и страшная зима с ее лютыми морозами и почти непрерывными боями против многочисленных полчищ белых, наседавших со всех сторон, проникших до Орла и Воронежа. Это были

самые критические дни гражданской войны, когда Конная армия под командованием бывшего унтер-офицера самоучки Буденного разгромила два корпуса белых генералов Мамонтова и Шкуро, шесть лучших конных кубанских корпусов генерала Павлова, очистила от белых весь Дон, Кубань, Северный Кавказ, проделала воистину легендарный тысячеверстный переход до Киева, захваченного белополяками, а по пути беспощадно уничтожала бандитские шайки Махно и других «батьков».

Невозможно описать все героические подвиги Конной армии в эти памятные дни и нельзя представить себе те бедствия и трудности, которые пришлось ей пережить и преодолеть. Это не столько битвы с врагами, сколько голод и жуткие морозы, паразиты и болезни, невылазная грязь и бездорожье.

Все это видели и перенесли наши юные герои. Правда, они заметно похудели и загрубели, обтянулись их лица, руки стали жесткими, но зато они закалились телом и духом, окрепли, возмужали. Теперь они поняли, что война — это не только славные подвиги, но и бесконечно трудное и страшное дело, требующее много сил, ума, железной стойкости и самоотверженной любви к своей Родине.

За эти дни все трое не раз участвовали в боях, ходили в разведку с опытными буденовцами, научились прекрасно владеть конями и ухаживать за ними. Их боевые успехи, выносливость и отвага поражали даже старых вояк. А полковник души в них не чаял и всякий раз, когда начинались бои, дрожал за жизнь ребят, словно это были его собственные дети.

Теперь Конная армия проходила по украинской земле,

где бесчинствовали банды Махно, и в Мишке снова вспыхнула надежда разыскать и поймать Голубую Лисицу. Но, перед тем как отправиться на поиски, ребята решили добиться от полковника самостоятельного поручения, чтобы проверить свои силы и способности как разведчиков. Дед долго упирался, но, наконец, уступил и обещал при первом же случае удовлетворить их желание. Такой «случай» не заставил себя долго ждать.

Однажды полк Деда получил приказ выбить противника из небольшого леска на левом фланге Конной армии. Перед наступлением надо было основательно прошупать позиции белых глубокой разведкой, чтобы нанести удар в наиболее уязвимое место. И вот одновременно с группой опытных разведчиков полковник, скрепя сердце, решил отправить в самостоятельную разведку и нашу тройку.

– Только смотрите, хлопцы, зря не храбритесь, – напутствовал их Дед, – ходите так, чтобы вас даже заяц не слышал. Разнюхайте, где там у них пушки стоят, где пулеметы, да подсчитайте их, а мимоходом гляньте, не прячется ли где белая конница, и живо назад...

Получив боевое задание, друзья, по установившемуся обычаю, немножко поспорили, как его лучше выполнить. В качестве Следопыта Мишка, естественно, принял командование первой самостоятельной разведкой, тем более, что он обладал каким-то особенным нюхом и удивительной способностью быстро ориентироваться в обстановке и применяться к местности.

За час до рассвета, в сопровождении неутомимого и преданного Ю-ю, друзья отправились в путь, вооруженные с головы до ног. Кроме винтовок и револьверов, каждый имел по несколько ручных гранат.

Все живое спало крепким предутренным сном. Даже хищные ночные птицы редко нарушали покой природы, беззвучно пролетая над головами разведчиков и мгновенно исчезая во мраке. Густой туман, словно седые космы старой ведьмы, тянулся по сырой земле и кустарникам, мутной пеленой заволакивал лес, скрывал овраги и рытвины, превращал все вокруг в клубящуюся пустыню, полную загадок и страха. За каждым кустом, в каждой яме и рытвине, казалось, притаился кто-то враждебный, подстерегающий красных разведчиков. Но Следопыт отважно шагнул впереди с наганом наготове. Не отставая ни на шаг, за ним шел Овод, а сзади с «карабаем» в руках скользил, как тень, Ю-ю. Его пояс был весь увешан гранатами.

В таком порядке без всяких приключений ребята прошли последние караулы и посты нашего расположения и вскоре оказались между двумя неприятельскими армиями.

Пройдя таким же смелым, уверенным шагом еще с полверсты, Мишка вдруг остановился. Овод тотчас ткнулся носом в его затылок, а Ю-ю налетел на Овода.

– Тихо! – приказал Мишка. – Садись!

Ю-ю и Овод тотчас опустились на сырую траву.

Мишка осмотрелся по сторонам, проверил направление и стал искать ориентир, по которому можно было бы двигаться дальше, без риска заплутаться.

Вокруг простиралась голая степь, кое-где пересеченная оврагами. Вдали виднелся какой-то темный холм, за ним тянулась полоса леса. Мишка решил идти прямо на этот холм, а оттуда наметить новый ориентир.

– Ложись и следуй за мной! – шепотом скомандовал Мишка.

Все трое приникли к земле и беззвучно, как настоящие пластуны, поползли друг за другом.

Время от времени Мишка останавливался, приподнимая голову, и острым взглядом озираал окрестности. Видимо, подражая своему герою Следопыту, он изредка падал на траву и, приложив ухо к земле, чутко ловил все звуки и шорохи, стараясь угадать их источник.

Овод в точности копировал Мишку, а Ю-ю просто ложился на живот и терпеливо ждал дальнейшей команды. Он полагал, что его дело – точно и быстро исполнять приказания, а об остальном должен заботиться его бесстрашный «капитана», в таланты которого он верил свято и нерушимо.

Но все было тихо и сумрачно.

Таинственный холм, до которого добрались, наконец, разведчики, оказался большой купой деревьев и кустарника. Дальше виднелся лес, а перед ним предполагалась первая линия обороны противника.

– Передохнем, – тихо скомандовал Мишка, скользнув, как ящерица, в кустарник.

Так же бесшумно за ним прошмыгнули остальные.

Осторожный Мишка тщательно обследовал ближайшие кусты и, наткнувшись на большую яму, решил расположиться в ней.

Разведчики еще не успели занять «позиции», как Мишка, чуть слышно шикнув, припал ухом к земле.

Все притаились в яме, с замиранием сердца ловя звуки. Однако ни Ю-ю, ни Овод не слышали ничего подозрительного. С легким шумом перелетали с ветки на ветку певчие птицы. Где-то далеко трещал коростель, из глубины леса доносилось страстное воркование горлинки.

Через минуту Мишка поднял голову:

– Нишкни, ребята! Я слышу какой-то подозрительный шорох, – он указал в сторону леса, – а потом что-то стукнуло, будто железка о железку задела. На всякий случай приготовьтесь к делу.

Овод и Ю-ю расположились справа и слева от своего командира, положив карабины на край ямы и приготовив гранаты.

Мишка неподвижно лежал на животе, всматриваясь в гущу тумана. Вдруг он проворно схватил карабин и снова скомандовал:

– Готовьсь к бою! Без команды не стрелять!

Овод прильнул щекой к холодному ложу. Ю-ю, как Будда сидевший на дне ямы, невозмутимо положил руку на затвор «карабая». Ни один мускул не дрогнул на его желтом лице. Только в щелках глаз блеснул опасный огонек.

Непонятный шорох приближался к яме. У притаившихся ребят пробежал по коже неприятный холодок, жутью сжимались сердца.

Что бы это значило?

Но вот справа от ямы, в трех-четыре шагах от ребят, вынырнула из тумана серая фигура солдата с винтовкой в руке. Стараясь не шуметь, солдат быстро полз на животе. За ним тускло блеснул штык, другой, третий...

Разведчики не успели еще сообразить, в чем дело, как все исчезло в тумане, словно это были призраки. И опять стало тихо.

– Как это понимать? – прошептал Овод на ухо Следопыту.

– Очень просто, – зло ответил Мишка. – Мы опоздали с

наступлением. Бледнолицые собаки предупредили нас. Это прошла первая цепь. Вот так влипли в историю! – Следопыт в затруднении почесал затылок.

Когда создавалось запутанное положение, Овод обычно находился скорее и нередко выручал из беды. Так случилось и на этот раз.

– Вот что, брат Следопыт, – тихо сказал он, – во что бы то ни стало мы должны предупредить наших, предупредить сию же минуту, иначе наш полк разгромят бледнолицые собаки.

Следопыт сердито фыркнул:

– Это и я знаю. Но как предупредить – вот вопрос? Впереди идет цепь, за ней ползет другая, а потом...

– А вот как, – возразил Овод, – я и Ю-ю останемся здесь и, как только вторая цепь пройдет мимо нас, ударим вслед огнем из карабинов и пуганем гранатами... И тут начнется такой тарарам...

– Ну, а дальше что? – нетерпеливо перебил Следопыт.

– Дальше ты сию же секунду поползешь за первой цепью, во время паники проскользнешь к нашим и...

– Есть! – отрезал Следопыт, хватая карабин. – Принимай команду, Овод, и действуй...

И он мгновенно исчез вслед за цепью неприятельских солдат.

Ю-ю хотя и плохо понял, о чем говорили его друзья, сохранял полное спокойствие, ожидая приказаний нового начальника.

Вскоре появилась вторая цепь белых.

Овод приказал Ю-ю открыть огонь по левому флангу, а сам ударил по правому.

– Трах-тах-тах! – внезапно прокатился залп из двух карабинов, сразу разорвав тишину и как бы пробудив спящую землю.

– Бах! Б-бах!..

Несколько беляков справа и слева с воем завертели на земле. Вторая цепь, не ожидавшая нападения сзади, в ужасе заметалась, не понимая, кто и откуда стреляет.

Беглым огнем выпустив по обойме, Овод и Ю-ю засыпали бегущих солдат гранатами.

Услышав пальбу и взрывы позади себя, первая цепь сразу остановилась. Солдаты решили, что обойдены красными с тыла, в панике повернули назад и открыли беспорядочный огонь по второй цепи белых. Те начали отстреливаться, отходить обратно к лесу.

Началась невообразимая паника. В густом тумане люди бестолково носились взад и вперед, сталкивались, били друг друга, стреляли в упор белые в белых, катались по земле. Там и здесь злобно лязгали штыки, сверкали шашки, слышались предсмертные стоны и крики.

Бегущих беляков Овод и Ю-ю встречали гранатами.

Через пару минут обе цепи прокатились обратно к лесу, сея панику в глубине неприятельского расположения.

Овод тотчас сообразил, что путь свободен, и дал знак Ю-ю прекратить пальбу и следовать за собой. Ребята бегом помчались в обратный путь.

Вскоре отряд буденовцев ураганом налетел на белых и окончательно смял их ряды. Потом с шашками наголо ринулась уже целая лава конников.

– Ура! – крикнул Овод. – Следопыт сделал свое дело...

– Караша капитана! – одобрил и Ю-ю, высоко подбросив вверх свой карабин и ловко поймав его за ствол.

Вдали тяжело загромыхали пушки, затрещали пулеметы. Лес опоясался огнем, пылью и дымом.

Буденовцы заняли позиции противника, разбив два полка белых, захватив пленных и богатый обоз.

К полудню боевая тревога улеглась окончательно. Полк начал готовиться к дальнейшему походу. Наши друзья остались целы и невредимы. Только фуражка Следопыта оказалась простреленной в двух местах, да Ю-ю получил пулевую царапину в ногу, на что он плюнул самым пренебрежительным образом.

Старый полковник с гордостью рассказал бойцам о первом подвиге юных разведчиков.

Буденовцы тотчас разыскали ребят, с криками «ура» подняли на руки и так лихо «качнули», что едва не потрясли их внутренности.

Вечером ребят позвали в штаб.

Широко улыбаясь, их встретил сам Буденный и каждому в отдельности крепко пожал руку.

— Молодцы, казаки! — и, обращаясь к полковнику, спросил вполголоса: — Чем бы наградить этих орлят?

— А мы награды не требуем, — ответил за всех Овод, вытянув руки по швам, — мы за Советскую власть стараемся, товарищ командующий.

Полковник просиял:

— Бачтэ, яки мои хлопцы?

Похвалив ребят за преданность Советской власти, Буденный многозначительно заметил:

— Но, я полагаю, вы не откажетесь получить по маузеру?

— Вот это дело! — воскликнул Следопыт. — Какой же буденовец откажется от порядочного оружия!

Таким образом, давняя мечта юных вояк осуществилась: все трое получили по маузеру. Впрочем, Ю-ю отказался, полагая, что лучше «карабая» оружия не бывает.

Эти события еще выше подняли авторитет наших героев. Они стали получать задания все более важные и ответственные.

Однажды буденовцы заметили, что их любимая тройка куда-то скрылась. Проходили дни, а ребята не возвращались. В разведку, что ли, ушли?..

На вопросы любопытных полковник только покачивал головой да хитро ухмылялся:

– Откуда мне знать?

Куда же, в самом деле, пропали молодые разведчики?

ШПИОН

Темной ночью по глухим лесным тропам и дорогам двигались черные фигуры вооруженных всадников. Лишь изредка фыркали боевые кони, да поскрипывали на ухабах плохо подмазанные тачанки, нагруженные оружием и съестными припасами. Видимо, чего-то опасаясь, люди говорили и даже переругивались вполголоса, сердито шикали друг на друга.

Отряд остановился в глубине леса и быстро раскинулся лагерем на большой круглой поляне, примыкавшей к обрывистому оврагу.

Вокруг, словно на страже, стояли могучие дубы. Посредине поляны возникла холщовая палатка для командира. Всадники спешили и расположились прямо на земле, под кустами и деревьями. Костров не зажигали.

У входа в палатку стояли двое с шашками наголо.

– Слышь, Перепечко, – полушепотом заговорил один, обращаясь к соседу, – сегодня наш батько зол, як черт.

– Будешь зол, коли половина войска зарублена красными, – отозвался Перепечко.

– Балакають, що у нас измена появилась, або шпиен який.

– Мабуть, и так. Воны так швыдко налетели, що сам батько еле ноги унис...

– Тс-с-с! Вот он идет!..

Мимо часовых с толстым портфелем в руке быстрыми семенящими шажками прошел маленький человек в черной мохнатой папахе, надвинутой на лоб. Вслед за ним, согнувшись вдвое, полез в палатку длинноногий, как аист, бандит с цилиндром на голове.

Войдя в палатку, батька сердито швырнул портфель под ноги часового, стоявшего около черного знамени:

– Стеречь, как маму! Иначе – душа вон, и баста!

Часовой ловко подхватил портфель, сунул его в железный сундук и снова вытянулся у знамени с шашкой на плече.

Бандит в измятом цилиндре проворно сел за походный стол и тотчас вынул карандаш и толстую записную книжку:

– Я слушаю, батько, диктуйте...

– Пшел к чертям! – огрызнулся батька, шагая взад и вперед по палатке с плетью в руке. – Ты, скотина, мой адъютант и не видишь, что у тебя делается под носом.

– А что у меня там делается, батько? – испуганно спросил адъютант, шмыгнув пальцем по верхней губе.

– А то, что в нашем войске засел шпион, сто чертив твоему батьку!..

– Шпион?! – всполошился адъютант. – Быть того не может! У нас хлопцы все на подбор...

– Цыть, когда я говорю! – прикрикнул Махно, бросая на стол скомканную бумажку. – Накануне разгрома у меня пропала важная депеша, а на ее месте я нашел вот эту чепуху.

Адъютант проворно развернул бумажку и прочитал вполголоса: «Берегись, коварная Лисица! Твой лохматый скальп скоро украсит вигвам Великого Вождя краснокожих воинов. Мы тебе покажем, как села жечь, бандитская морда! За красных дьяволят – Следопыт».

– Что за дьявольщина такая! – развел руками адъютант. – Значит, за нами в самом деле кто-то следит и доносит красным о каждом движении. А ты уверен, батько, вон в том казачке, что охраняет нашу казну? – кивнув в сторону часового, прошептал адъютант на ухо атаману.

– Цыть, Голопуз! – оборвал его Махно. – Этот мальчишка – сын убитого красными старшины и предан нам, как собака.

– Молчу, молчу! – осекся Голопуз, захлопывая рот ладонью. – Я ж только сообщаю...

Махно остановился посредине палатки и, по-наполеоновски сложив на груди руки, приказал:

– Пиши, адъютант!

Голопуз поспешно схватил карандаш.

– Атаману Черняку от батьки Махно братский привет, – начал диктовать атаман, ощупывая свои карманы. – Слухай, Черняк: живо собирай свое войско и ровно к пяти

часам утра будь у Чертова дуба, да хорошенько сховайся. Ударим сразу с двух сторон!..

– Однако где же его донесение? – вдруг оборвал себя Махно, продолжая обшаривать карманы... – Ах, вот оно! Ишь ты, забыл, куда засунул.

Махно выхватил из заднего кармана брюк маленькую бумажку и вдруг побледнел, в ужасе выкатив глаза.

– Эт-то что такое?.. Эт-то ж не то?!

Трясущимися руками он расправил бумажку и вполголоса прочитал: «Сегодня ночью атаман Черняк будет разбит красными. На днях получишь хорошую баню и ты, проклятая Лисица, не будь я Следопыт»...

– Опять он, сатана бесхвостый! – неистово заорал взбешенный бандит. – Шкуру спущу! Засеку насмерть и баста!

И Махно так хватил плетью по столу, что Голопуз подскочил, как ужаленный, выронив из рук карандаш и тетрадку.

– Как попала ко мне в карман эта пакость?! Я вас научу охранять своего атамана, прохвосты! Вон, глиста поганая!..

Голопуз ринулся к выходу. Махно толкнул его ногой в спину и сам выскочил из палатки.

Когда палатка опустела, казачок осторожно шагнул к выходу и, чуть-чуть приподняв уголок полотнища, выглянул наружу.

Вокруг было спокойно. Часовые стояли на месте.

Двигаясь, как тень, казачок вернулся к знамени, проворно открыл железный сундук и, вынув портфель Махно, сунул его в свою сумку:

– Теперь пора тикать. Кажется, этот длинный журавль что-то пронюхал.

Схватив бумажку, казачок быстро набросал записку: «До скорого свидания, грозный атаман. Как ни вертись, а от нас не уйдешь, грабитель. По поручению Следопыта – Овод – Мельниченко».

Заранее радуясь предстоящему бешенству бандита, Овод свернул записку треугольником и положил в железный сундук – пусть повеселится!

Костры давно уже погасли. Часовые сладко дремали.

Весь лагерь спал крепким сном.

Бесшумно шагая между спящими бандитами, Овод благополучно пересек поляну и по узкой тропке направился в глубину леса. Здесь он без труда нашел тачанку атамана и, смело подойдя к караульному, сказал:

– Слушай, Сероштан, оседлай живее пару лучших коней: батка требует.

– Чего там седлать, – лениво отозвался казак, – два коня у нас всегда наготове, вон они под дубом стоят.

Бандит хорошо знал махновского казачка и, ничего не подозревая, неторопливо отвязал коней и передал их Оводу.

– Бери и тикай!

Овод мигом вскочил в седло, взял второго коня за повод и шагом поехал в сторону лагеря. Зная пароль, он без особого риска миновал последнюю стражу и вскоре исчез в лесной глуши...

Сероштан между тем возвратился к тачанке, раза два зевнул, позавидовал тем, кто спал, и предался воспоминаниям...

Но как Овод очутился в «казачках» у самого Махно – вот вопрос? К сожалению, сейчас уже нет времени для от-

вета. Оводу дорога каждая секунда. Его вот-вот могут хватиться и, конечно, пошлют погоню...

ПОГОНЯ

Проехав шагом около полуверсты и выбравшись на знакомую дорогу, Овод пустил коней крупной рысью. Вот уже близко опушка леса, меж деревьев просвечивает небо. Овод натянул поводья и, осмотревшись по сторонам, крикнул, подражая филину.

В ответ из лесной глуши зловеще закаркал ворон. через минуту у самой морды лошади, словно из земли, вырос Следопыт, а за ним появился и Ю-ю с карабином в руках. При виде Овода он широко и радостно улыбнулся.

Лошади в испуге шарахнулись в сторону, едва не сбросив седока.

– Экий ты, леший, как кошка ходишь, – рассмеялся Овод, бросая повод второй лошади Следопыту. – Принимай скорее, и марш!

– Что, погоня? – хладнокровно спросил Мишка, одним махом вскакивая в седло.

– Погони еще нет, но она будет. Голубая Лисица в таком бешенстве, что перебьет всю свою банду, если мы не будем пойманы.

– Тогда летим. Садись за мной, Ю-ю.

– Караша, капитана, – тихо отозвался Ю-ю, вскакивая на круп коня позади Мишки.

– За мной, – скомандовал Мишка, взмахнув плетью.

Горячие кони помчались по дороге, взметая вихри пыли.

Лес вскоре кончился. Впереди извилистой лентой тянулся сердитый Днепр.

Беглецы круто повернули вверх, по течению, к известному им броду. По расчетам Мишки, до него оставалось пять-шесть верст, не более. И, если им удастся благополучно перебраться на ту сторону реки, дело будет выиграно, там уже недалеко до военной зоны красных.

Быстроногие махновские кони понравились Мишке, и он на скаку крикнул Оводу:

– Если увидишь Голубую Лисицу, передай ей спасибо за хороший подарок!

Овод рассмеялся:

– Я оставил ей благодарственную записку, будет довольна!

Над Днепром поднялась огромная багровая луна.

– Эка вынесло тебя не вовремя, – сердито проворчал Мишка, стегнув коня, – за десять верст заметят!

В ушах засвистел ветер, из-под копыт лихих коней сыпались искры. Но вскоре Мишка замедлил бег и стал искать грудку камней, обозначающую брод.

Луна, как назло, спряталась за облако, и густая тьма сразу окутала реку.

Не заметив брода, ребята промчались еще с версту вдоль берега. Но вдруг Мишка так круто осадил лошадь, что она взвилась на дыбы, а Овод оказался на десяток шагов впереди.

– Что случилось? – тревожно спросил он, равняясь с Мишкой.

– Тихо! – Мишка прислушался. – Погоня!

А луна, словно издеваясь над ребятами, во всей красе

снова выплыла из-за облака, заливая Днепр и все вокруг чудесным сиянием.

– Вон брод! – радостно вскрикнул Мишка, показывая на знакомую кучу камней, мимо которой они промчались в темноте. Но позади уже слышался топот многочисленных копыт, а через мгновение ребята увидели бешено мчавшийся отряд бандитов. Скакать дальше вдоль берега не имело смысла: рано или поздно нагонят. Единственный выход – первыми перейти брод и попытаться задержать погоню. Все это Мишка сообразил в одну секунду и отдал команду:

– Сыпь до брода!..

Беглецы вихрем промчались навстречу врагам и, круто повернув коней, ринулись в воду.

Заметив ребят, махновцы пронзительно взвизгнули и тоже устремились к броду. Однако беглецы уже были на том берегу.

Вылетев из воды на кручу, Мишка отчаянно свистнул и дал шпоры коню:

– Вперед, буденовцы!

Но в этот момент махновцы с седел дали залп по беглецам.

Обе лошади грохнулись на землю, отбросив в сторону своих седоков.

– Вот когда мы влопались! – сердито проворчал Мишка, вскакивая на ноги и хватаясь за маузер.

– Ну, нет, – возразил Овод, – мы еще посмотрим. Во всяком случае, махновские бумаги мы должны спасти во что бы то ни стало

Во всем подражая Мишке, Ю-ю спокойно снял с плеч

свой «карабай». Он редко принимал участие в обсуждении обстановки, но действовал всегда решительно и мужественно, точно выполняя любое приказание командира.

– Ложись, и за мной! – скомандовал Мишка.

Он прополз шагов пятьдесят вдоль берега и залег за огромным камнем. Ю-ю и Овод последовали его примеру.

– Так как же быть с бумагами? – спросил Следопыт, лежа на животе и зорко наблюдая за противником.

Овод снял сумку с плеча и, передавая ее Ю-ю, сказал:

– Эту сумку Ю-ю немедленно доставит нашим, а мы задержим бандитов у переправы.

– Да, ты прав, всем спастись не удастся, – тотчас согласился Следопыт. – Но не лучше ли тебе самому пойти с бумагами, а мы с Ю-ю дадим бой...

– Нет-нет! – решительно перебил Овод. – Ведь мы дали клятву не покидать друг друга в беде... а беда уже надвигается, – и он кивнул головой в сторону брода.

Махновцы заметили свалившихся коней, дали по ним еще три-четыре залпа и смело пустились в реку, идя по два в ряд.

Мишка пожал руку Оводу и приказал Ю-ю немедленно отправляться в путь:

– Умри, но сумку доставь нашему полковнику или самому Буденному!

– Слюхай, капитана! – Ю-ю с некоторым колебанием взял таинственную сумку. Он понял, что ему велят оставить своих друзей в самый опасный момент, когда его «карабай» мог бы пригодиться. Но приказ есть приказ. Козырнув командиру и поклонившись Оводу, он молча перебросил сумку через плечо и быстро пополз прочь от берега.

Проводив Ю-ю теплым взглядом. Овод вздохнул:

– Какой он славный товарищ... Прощай, дорогой!..

– Ну-ну, – нахмурился Следопыт, – рано прощаться. Готовься к бою, видишь – идут!

Первая пара махновцев была уже на середине реки. Мишка насчитал шесть пар «с хвостиком», значит, тринадцать здоровенных бандитов против двух буденовцев.

– Пора начинать музыку, – сказал Мишка, прицеливаясь, – надо снять первую пару: ты правого, я левого... Пли!..

Гулкий залп прокатился над рекой.

Оба махновца свалились в воду. Раздался крик. Бандиты сразу остановились, открыв беглый огонь по мертвым коням, за которыми, как им казалось, спрятались беглецы,

Маневр Мишки оказался удачным. В то время как махновцы один за другим падали с седел, ребята, невредимы, лежали за камнем.

Потеряв еще двух убитыми, бандиты в панике повернули обратно.

– Ослы! – заметил Мишка, выпуская им вслед одну пулю за другой. – Им надо было переть напролом, потеря было бы столько же, а нас бы, конечно, пристукнули.

– Не беспокойся, Мишук, мы, кажется, и так не уйдем: гляди-ка, что там творится.

На помощь бандитам примчался еще один отряд. Он сразу спешил и вместе с остатками первого отряда открыл по невидимым юнцам ожесточенную стрельбу, осыпая градом свинца большой отрезок берега. Пули запели и над камнем, скрывавшим ребят. Они не отвечали.

– Да, пожалуй, ты прав, – признался Мишка, – пешком

нам не уйти: впереди – голая степь, а наши кони на том свете... А тут еще эта дурища светит во все лопатки!

Он сердито погрозил кулаком в небо, по которому величаво и медленно катилась луна.

Обстрел вскоре прекратился. Бандиты снова сели на коней и редкой цепью двинулись через переправу.

– Теперь они уже перейдут реку, как пить дать, – проговорил Мишка. – Ну, начинай, брат...

И буденовцы опять открыли огонь по бандитам. Однако те не остановились, а только пришпорили коней и вскоре выбрались на берег. Здесь они выхватили шашки и с диким воем устремились к трупам коней. Бандиты надеялись захватить там отчаянных юнцов.

– А ловко мы их надули! – засмеялся Мишка, словно не понимая опасности. – Кажется, штук семь отправили раков ловить.

Бандиты покружились вокруг мертвых коней, а потом рассыпались в разные стороны в поисках притаившихся ребят. Часть ринулась к камню.

Друзья поняли, что смерть или постыдный плен неизбежны. Овод порывисто поцеловал Мишку:

– Прощай, братишка мой, умрем вместе.

– Зачем умирать, мы еще подеремся, – ответил Мишка, закладывая последнюю обойму в маузер. – За Советскую власть!... За Ленина! Пли!

Двое бандитов, близко подскакавших к камню, слетели с седел. Испуганные кони шарахнулись прочь, волоча по камням своих хозяев.

Беглецы были обнаружены.

С торжествующим ревом махновцы, сверкая шашками, всей ордой двинулись на двух подростков.

Овод еще раз обнял своего храброго брата и приставил дуло маузера к сердцу.

– Прощай!..

Все это произошло так быстро и неожиданно, что Следопыт успел лишь подхватить свою сестру на руки, уронив маузер. Разъяренная банда махновцев обрушилась на безоружных, нанося им удары, кто чем мог...

– Стой, хлопцы! – спохватился командир отряда, вспомнив, что ему приказано поймать и доставить беглецов живьем.

С большим трудом ему удалось разогнать взбесившихся головорезов и прорваться к ребятам. Они лежали неподвижно, как мертвые, залитые кровью, в растерзанных одеждах.

– Собакам собачья смерть! – злобно проворчал рябой бандит. – Однако кто же из них шпион? Они оба так изучены, что и разобрать трудно.

– Взять обоих! – приказал командир. – Но сначала отберите портфель с бумагами.

Бандиты осмотрели сумку Следопыта, со всех сторон ощупали Овода, но никаких бумаг не нашли.

– Бумаг нет.

– Как, нет? – растерянно пролепетал командир. – Ну, быть беде: батька всем нам шкуру спустит.

Рассыпавшись вдоль берега, махновцы осмотрели седла мертвых коней, каждый камень, каждый кустик, но бумаги исчезли.

Рябой бандит обмыл лица ребят водой и только тогда опознал Овода – Мельниченко. Командир велел везти его с особой осторожностью, на случай, если он окажется жив.

– А что делать с этим щенком? – спросил рябой, свирепо толкнув сапогом безжизненное тело Мишки. – Приколоть, что ли, на всякий случай?

– Взять и его в лагерь, а там разберем.

И отряд махновцев отправился в обратный путь, захватив пленников.

Рябой грубо бросил Следопыта поперек седла и медленно двинулся вслед за бандой. Изредка поглядывая на бледное лицо юноши, он злобно ворчал:

– Я тебя довезу, гадюка!

Переехав брод, он незаметно отстал от отряда и, наконец, остановился на крутом обрыве. Слез с лошади и, сбросив беспомощного Мишку на землю, раздел его догола:

– Я тебе покажу, красная собака, как махновцев бить!

С этими словами бандит схватил голого Мишку на руки и, раскачав, бросил с обрыва в кипящие буруны.

– Катись, дьяволенок!

И, словно желая проверить, куда упало тело, бандит нагнулся над обрывом и глянул вниз...

В то же мгновение какая-то черная фигура беззвучно выросла за его спиной. В воздухе сверкнул кинжал, и бандит свалился в Днепр вслед за своей жертвой.

КТО СКОРЕЕ

Оставив своих друзей, Ю-ю торопливо полз к молодому дубку, одиноко стоявшему у проселочной дороги, в стороне от реки. На его спине болталась сумка с махновскими бумагами. Время от времени Ю-ю останавливался, осто-

рожно приподнимал голову, оглядывался назад. Его мучило сознание, что пришлось покинуть товарищей в такую страшную минуту. А он так привязался к ним, что ради спасения отважного «капитана» и его удивительной сестренки готов был положить свою голову.

Да, Ю-ю случайно открыл их тайну и теперь смотрел на Дуняшу с глубочайшим уважением и восторгом. Однако китайчонок ни единым движением не выдавал своих чувств, оставаясь с виду все таким же невозмутимо спокойным и молчаливым. И вот он вынужден уходить, оставив на растерзание бандитам своих славных соратников.

– Никараша, капитана, никараша, – укоризненно шептал он, покачивая головой. – Зачем такое?.. Ай, никараша...

Добравшись до дубка, он прилег под ним и стал наблюдать за ходом боя. Он видел, как падали в воду махновцы и в какой панике они бросились обратно, к берегу.

– Маладца капитана! – одобрил Ю-Ю.

Но каков был его ужас, когда второй отряд, невзирая на меткие пули друзей, все-таки перебрался через реку и всей массой набросился на ребят.

Ю-ю мгновенно вскочил на ноги и хотел уже бежать на помощь друзьям, но сумка с бумагами свалилась с плеча, напомнив о суровом приказе Следопыта – доставить ее во что бы то ни стало полковнику.

Ю-ю был в отчаянии. А когда на его глазах началось дикое избиение ребят; он в бессильном гневе разорвал свою гимнастерку и, потрясая карабином, кричал по адресу махновцев:

– Собака! Бандит! Мой карабай на твой башка стреляй будет!..

К счастью, за шумом свалки криков Ю-ю никто не слышал. Вскоре он увидел, как неподвижные тела его товарищей были брошены в седла и вся банда отправилась в обратный путь.

Ю-ю понял, что его верные друзья и защитники погибли. Сердце бедного юноши сжалось от тоски и горя. Захлебываясь от рыданий, он упал на траву и долго и горько жаловался кому-то на свою жестокую судьбу.

– Ай, капитана, мой карош капитана! – повторял он, катаясь по земле. – Пропал наш Овод!.. Совсем пропал!.. Зачем остался Ю-ю?..

Ю-ю казалось, что вместе с друзьями погас последний луч, который так тепло согревал его душу. Но вдруг, пораженный какой-то новой мыслью, Ю-ю ударил себя ладонью по лбу и вскочил на ноги.

– Ай, никараша мой башка! – С этими словами он схватил свой карабин и бегом пустился к броду.

Пока командир был жив, Ю-ю считал невозможным нарушить его приказ, но теперь он убит, и ему уже все равно, дойдет бумага немедленно или немножко позже... А главное, надо узнать о дальнейшей судьбе товарищей, быть может, кто-нибудь жив еще, и тогда...

Рискуя каждую минуту сорваться в бурную пучину или попасться на глаза бандитам, Ю-ю с трудом перебрался через брод и издали последовал за отрядом. Вскоре он заметил, что один из махновцев почему-то задержался у обрыва и слез с коня. Ю-ю тоже остановился, спрятавшись за куст.

Бандит снял с седла безжизненное тело и, положив его на землю, присел на корточки. Ю-ю подполз ближе и осторожно приподнял голову. В предутренних сумерках он смутно видел, как бандит сорвал с человека одежду и, приподняв обнаженное тело на руки, подошел к самому краю обрыва. Вот он качнул его и бросил в Днепр. Ю-ю весь содрогнулся: ему показалось, что в воздухе промелькнула всклокоченная голова Мишки.

Выхватив кинжал, Ю-ю одним прыжком очутился за спиной бандита, а через мгновение тот, пораженный насмерть, уже летел вслед за своей жертвой. Ю-ю глянул с обрыва. Внизу пенились и ревели волны, разбиваясь об отвесную скалу.

Ю-ю бегом спустился к берегу и, внимательно оглядывая каждый камень, пошел вдоль излучины вниз по течению. Здесь река, сделав крутой поворот, катилась спокойно. Поиски не дали результатов: на пути встречались только голые камни, скатанные водой. Ю-ю тяжело опустился на землю и, полный отчаяния, уставился неподвижным взглядом в темные воды Днепра.

Что делать?

Но вдруг ему почудилось, что кто-то тихо стонет вблизи. Он живо вскочил на ноги и осмотрелся по сторонам — никого нет... Через секунду стон повторился, казалось, он шел из самой глубины реки.

По спине суеверного Ю-ю пробежал холодок: уж не утопленник ли подает голос?

Преодолевая страх, Ю-ю подошел к самой воде и за большим серым камнем увидел чье-то голое тело, омываемое волнами. Мокрая голова лежала на мелкой гальке,

лицом вверх. До слуха онемевшего на месте Ю-ю донесся шепот:

– Овод... где Овод?..

Дрожа от волнения, Ю-ю бросился в воду, схватил Мишку на руки и, выйдя на берег, осторожно уложат его на песок.

– Мой тавалиса... мой капитана, – радостно лопотал он, насухо вытирая друга.

Мишка постепенно приходил в себя. Наконец он приподнял голову и мутными глазами уставился в лицо Ю-ю, видимо, не узнавая его:

– Где Овод?.. Где Дуняша? – еле слышно спросил он.

Ю-ю беспомощно развел руками:

– Моя не знай, капитана, бандит пришел, взял...

Следопыт долго не мог понять, что с ним случилось, где он находится и почему он голый. Только острая боль в раненой ноге вдруг напомнила ему о расправе бандитов и самоубийстве Овода. Он вспомнил, как нежно обняла его Дуняша, прощаясь перед смертью, как она приставила дуло маузера к своей груди, но дальше все пропадало в тумане. Какой-то вой, крики, страшный удар в голову...

В первое мгновение ему захотелось плакать от сознания своего бессилия. Но мысль о том, что Овод захвачен в плен и, быть может, еще жив, и ждет его помощи, заставила Мишку собрать последние силы. С трудом приподнявшись на локте, он стал расспрашивать Ю-ю обо всем, что он видел.

Из короткого рассказа китайца Мишка узнал только, что их долго били, потом бросили на коней и увезли через Днепр, а жив ли Овод – неизвестно...

Глаза Следопыта вспыхнули гневом. Надо не плакать, а действовать! Если Овод не умер, проклятый Махно предаст его таким пыткам, каких не выдержит даже взрослый человек, а ведь она еще девочка...

При помощи Ю-ю Следопыт поднялся на ноги, осмотрелся и тщательно ощупал свои ребра и голову – кажется, все цело.

– Вот идиоты! – заметил он. – Двадцать ослов не могли одного Мишку убить!.. Вот только нога что-то того... Далеко не убежишь...

Покрытая ранами правая нога Мишки опухала. Ю-ю тотчас разорвал свою рубашку и ловко перевязал ногу. Но при новой попытке двинуть раненой ногой Следопыт побледнел и свалился на руки Ю-ю. Тот подхватил его и понес к оставленной бандитом лошади.

Придя в себя и увидев перед носом морду коня, Мишка изумился:

– А это что за привидение?

Ю-ю скупно рассказал о стычке.

– Молодец, Ю-ю! – похвалил Следопыт своего славного оруженосца.

Ю-ю счастливо улыбнулся и подал Мишке его одежду, сорванную бандитом. Мишка оделся.

Но как быть дальше? Гнаться сейчас за Оводом – дело совершенно безнадежное, тем более, что каждую минуту бандиты могли хватиться отставшего махновца и начать поиски. Идти пешком не давала больная нога...

Немного подумав, Следопыт решительно скомандовал:

– На коня!

Преодолевая мучительную боль, при помощи Ю-ю Следопыт взобрался в седло. Ю-ю уселся за его спиной.

– Ну, а теперь вперед! – приказал Мишка. – Загони коня, но доставь меня к нашему полковнику живым или мертвым. Если буду кричать, не обращай внимания. Только держи крепче и не давай падать.

– Есть, капитана! – Ю-ю понял, что от быстроты бега зависит жизнь несчастной Дуняши, попавшей в руки свирепых бандитов. Он изо всей силы хлестнул и без того горячего коня плетью. Тот бешено рванулся вперед. Мишка скрипнул зубами от боли. И они лихим карьером понеслись вдоль Днепра к броду.

Луна бледнела. Ночная тьма быстро таяла, отступая в лесную глушь.

Далеко за Днепром вихрилась пыль. словно стрела, выпущенная из лука, боевой конь летел навстречу ветру, раздувая ноздри. левой рукой Ю-ю поддерживал Мишку, правой нахлестывал коня и пронзительно кричал на всю степь:

– Га-га-ааа!..

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В то время как наши друзья мчались в лагерь Буденного, батко Махно нервно бегал по поляне. Он был взбешен до последней степени: какой-то молокосос так ловко водил за нос грозного атамана, что его банда дважды подряд оказалась жестоко битой. Это ли не конфуз! На сей раз мнимый сын старшины Мельниченко захватил важную переписку Махно с атаманами других банд и план общего наступления на Екатеринослав. Если беглец не будет пойман и бумаги попадут к красным, провал этой кампании неизбежен.

Махно, как волк в клетке, носился взад и вперед, до крови кусая губы. Он ждал бумаг. Наконец до его слуха донесся топот коней.

– Скорей позвать есаула! – нетерпеливо крикнул Махно, хлестнув по цилиндру подвернувшегося адъютанта.

– Я здесь, батько!

И молодой командир отряда вытянулся перед Махно, взяв под козырек.

– Бумаги! Подай бумаги! – потребовал атаман, протягивая руку.

– Бумаг нет, – дрожа всем телом, ответил побелевший есаул.

– Что ты сказал? Не-е-ет?! – неистово заревел атаман. – Запорю насмерть! Семь шкур спущу, мерзавец!..

Вспыхнув от гнева и незаслуженной обиды, есаул дерзко ответил:

– Забываешься, батько! Я дворянин и не позволю орать на меня!

– Цыть, мальчишка! Взять его!..

На крик Махно явился мрачный одноглазый бандит с толстой плетью за поясом – палач банды. Он мигом скрутил есаулу руки назад и, как щенка, потащил в лес.

– Всыпать ему сто горячих! – крикнул вслед Махно.

Вскоре из леса послышался свист плетей, яростные проклятия и угрозы есаула.

Один из бандитов принес на руках окровавленного Овода и бросил его к ногам атамана, как победный трофей экспедиции.

При виде неподвижного тела мнимого Мельниченко Махно снова вспылil:

– Как, убит? Я ж приказал доставить живьем!

– Хиба ж я знаю? Може, сдох, а може, и живой, – спокойно возразил бандит, – я ж не дохтур...

– Та-а-ак, – зловеще протянул Махно, разглядывая бледное лицо Овода, – если этот змееныш окажется мертвым, половину вашего отряда вздерну на деревья.

– Та воны ж настоящие дьяволята, трясця их матэри! – оправдываясь, выругался бандит. – Двое щенят семерых казаков угробили та трех поранили.

Этот неприятный сюрприз заставил Махно подскочить на месте и разразиться такой забористой бранью, что даже у выдавших виды бандитов глаза полезли на лоб.

– А где же второй щенок? – спросил Махно, немного отдышавшись. – Ты говоришь, их было двое.

– Того Сероштан вез. Гей, Сероштан, тyani к батьке своего шибеника!

На крик никто не отозвался.

Каково же было изумление всей банды, когда стало известно, что и Сероштан и пленник бесследно пропали.

– Вот нечистая сила! – в страхе ворчали суеверные махновцы, не знали, чем объяснить таинственное исчезновение. – Мабуть, то переворотень був який, чи шо...

А Махно настолько растерялся, что велел немедленно связать и без того неподвижного Овода и под усиленной охраной отправить на новую стоянку. Хитрый бандит понял, что пропажа бумаг и неизвестного мальчишки может привести к неожиданному нападению, и решил тотчас переменить место.

Вскоре вся шайка мчалась по тайным тропам и дорогам в указанный атаманом район.

ТЯЖКОЕ ИСПЫТАНИЕ

Овод очнулся в какой-то темной конуре. Снаружи слышался непонятный рокот. Открыв глаза и озирая мокрые, покрытые плесенью стены, он долго не мог сообразить, что с ним произошло. Но постепенно мысли Овода прояснились. Он понял, что каким-то чудом уцелел в страшной свалке у переправы и теперь, видно, находится в плену у лютого атамана: от него уж не будет пощады. Жалко, не удалось покончить с собой. В горячке боя он забыл вложить в револьвер новую обойму и упал не от собственной пули, а от удара бандита.

Овода охватила тревога за брата. Где он? Жив ли? Может быть, и он в плену? Тогда их обоих ждет лютая пытка и смерть на виселице.

Овод содрогнулся. Он хорошо понимал, что ему предстоит такие страшные муки, каких, быть может, не знал и действительный Овод, прекрасный образ которого встал теперь перед ним. Да, он постарается умереть так же мужественно, без слез и мольбы о пощаде. Ведь он умирает за Советскую власть, за ту власть, которая принесет свободу и счастье всем беднякам его милой Родины... И Мишке, и Ю-ю... Если они еще живы.

Вдруг огромная лягушка прыгнула на голые ноги Овода. Он испуганно метнулся в сторону и, пронзенный с головы до ног мучительной болью, снова потерял сознание.

Очнувшись, Овод снова не мог понять, что же еще случилось? Может быть, это сон? А может быть, это... свобода? Весь забинтованный и отмытый от крови, он лежал на чистой постели в белой уютной комнатке. Как

вестник жизни и счастья, светлый луч утреннего солнца падал из маленького окна на глиняный пол. Ну, конечно, это свобода. Он у своих.

Открылась дверь. В комнату вошла высокая стройная девушка и ласково склонилась над Оводом:

– Не хочешь ли пить, солдатик? – спросила она, подавая кружку с холодной водой.

Дрожащими губами Овод жадно припал к кружке, чувствуя, как вместе с водой в его тело вливаются новые силы.

– Где я? – еле слышно спросил он, словно боясь спугнуть чудесное видение.

– Ты у друга, – так же тихо ответила девушка, глядя на Овода теплыми карими глазами. – Но дальше не спрашивай: я не в силах помочь тебе...

Только теперь Овод услышал уже знакомый ему странный рокот за окном: значит, он находится в том же месте и в тех же руках.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился сам батька Махно в сопровождении одноглазого бандита.

Злой, тусклый глаз палача заставил Овода содрогнуться: он вдруг ясно понял, что его раны перевязаны лишь для того, чтобы возвратить его к жизни на новые муки, а может быть, и на смерть.

– Прошу оставить нас, красавица, – вежливо поклонившись девушке, сказал Махно.

Бросив тоскливый взгляд в сторону Овода, девушка молча вышла.

Атаман сел на широкую дубовую скамью около Овода

и молча оглядел его с головы до пят: так смотрит сытый кот на пойманную мышь.

Сняв с плеча кожаную сумку, одноглазый бросил ее в угол и молча встал у двери.

В сумке что-то зазвенело...

– Итак, – зловеще спокойным тоном начал Махно, – с кем я имею удовольствие разговаривать? Надо полагать, не с Мельниченко?

– Нет, я дочь бедняка-крестьянина из села Яблонного, которое сожгла ваша банда, – просто ответила девушка, решив выдержать испытание до конца.

Махно, словно ужаленный, вскочил на ноги:

– Как!? Ты... ты... девчонка?! И ты осмелилась проникнуть в мой штаб? А знаешь ли ты, что ждет тебя за шпионаж?

– Пытка и смерть, – спокойно ответила Дуняша.

– Ты не ошиблась, гадюка. У нашего одноглазого дьявола давно уже не было работы.

Дуняша невольно глянула на палача. Отвратительно ухмыляясь, он сидел на корточках и корявыми, как клешни, руками рылся в кожаной сумке. Его сверлящий глаз тускло поблескивал. У Дуняши упало сердце. Но она тотчас взяла себя в руки и отвернулась к стене.

– Ну, так вот что, подлая девчонка, – снова заговорил Махно, хватая Овода за волосы и поворачивая лицом к себе. – Если ты хочешь быть повешенной сразу без особых хлопот и неприятностей, сейчас же сообщи нам, куда делись украденные тобой бумаги и тот мальчишка, который был вместе с тобой.

– Как? – вскричала девушка. – Следопыт бежал?!

Дуняша ликовала: Мишка жив, на свободе!.. Теперь она готова на любые муки...

Услышав ненавистное имя Следопыта, Махно понял, что его бандиты упустили самого главного врага шайки. Он задрожал от ярости:

– Отвечай, звереныш, иначе из твоей спины вырежут кожу для моих сапог!

– Да что ж тут отвечать! – воскликнула девушка. – Ваши бумаги в надежных руках, а где теперь Следопыт, спроси у ветра в поле...

Лицо Махно позеленело.

– А... ты еще смеешься, змея! Эй, кривой черт, поучи-ка ее, как надо отвечать атаману... Только смотри не зарежь насмерть, а то сам угодишь в Черную балку.

– Слухаю, батько. Я буду дергать по ниточке, так что не умрет даже муха, а толк будет...

Привычным движением палач подхватил Дуняшу на руки и, положив на скамью, захлестнул широкими ремнями. Потом, не торопясь, вынул из своей страшной сумки острый блестящий клинок странно изогнутой формы.

– От этой штуки и не такие щенки были, – ворчал палач, хватая девушку за кисть руки.

Дуняша закрыла глаза...

Махно быстро отошел к окну и закурил папиросу. Жадно затягиваясь и выпуская изо рта кольца дыма, он следил за каждым движением крабьих рук палача. Тяжкие муки беззащитной жертвы, видимо, доставляли ему наслаждение. Его серое лицо подергивалось судорогой, на тонких губах застыла кривая усмешка.

Время шло. пытка продолжалась. Палач глухо ворчал,

изрыгая проклятия. Но ни единого звука, ни слова мольбы о пощаде не услышал Махно от девушки. Только побелевшее лицо ее покрылось холодным потом, да искусанные губы залились кровью...

– Довольно! – прохрипел пораженный стойкостью девушки Махно. – Пшел вон!

Он боялся, что Дуняша умрет, не открыв своей тайны. Ворча, как побитый пес, одноглазый отошел.

Дуняша очнулась и, тяжело вздохнув, застонала от невыносимой боли...

Махно довольно улыбнулся:

– Ну, что, красный дьяволенок, будешь отвечать батьке Махно?..

– Буду, – еле слышно ответила девушка.

– Вот и добре, – похвалил бандит. – Если ты честно ответишь на мои вопросы и расскажешь, где теперь находится штаб Буденного, ты будешь помилована. Катись ко всем чертям... и баста!..

Дуняша с трудом повернула голову, тяжело глянула в испитое лицо мучителя и твердо сказала:

– Убей меня, но своих братьев я не выдам бандиту!

В то же мгновение над головой Дуняши сверкнула шашка взбешенного Махно.

– Стойте! Стойте! – раздался вдруг испуганный крик, и девушка, которая поила Овода, бросилась в ноги Махно: – Пощадите! Пощадите его, милый атаман, – умоляла она, хватая за руки обезумевшего от ярости бандита.

Описав над Дуняшей кривую, шашка медленно опустилась и ткнулась концом в пол.

Мрачное лицо Махно прояснилось. Он торопливо поднял девушку за плечи и, заглянув ей в глаза, сказал:

– Хорошо, моя красавица. Ты дашь мне выкуп, и я помилую эту дерзкую девчонку...

– Что вы сказали? Это – девчонка?! – гневно сверкнув глазами, воскликнула девушка. – Неужто грозный атаман воюет с такими младенцами?!

Махно снова потемнел:

– Я уже сказал, что дарую ей милость: она будет просто повешена, как военный шпион... и баста! – Он сделал знак палачу: – На Черную балку!

– О, какой же ты зверь! – простонала девушка, загоразживая Дуняшу. – Нет-нет! Я не дам ее!..

– Не плачь, сестра, – прошептала Дуняша, – мне смерть не страшна. Я умираю за святое дело. Прощай!

Девушка прильнула губами к тонкой бессильной руке Дуняши, залилась слезами.

Палач грубо оттолкнул ее, схватил пленницу на руки и понес из комнаты...

Дверь за ними захлопнулась, как крышка гроба.

В ЧЕРНОЙ БАЛКЕ

Теплый летний день тихо угасал. Ветерок приносил из степи крепкий аромат трав. Невозмутимый покой царил над миром.

Но люди-звери продолжали творить свое злое дело. На дне глубокого темного оврага, именуемого Черной балкой, под корявым сучком обожженного молнией дуба лежал бедный Овод. Из мрачной глубины балки он видел только кусочек угасающего неба, и его душа тоскливо тянулась вверх, в эту синюю даль, полную красоты.

И впервые за всю свою боевую жизнь стойкий и крепкий Овод почувствовал себя маленькой, беззащитной девочкой, попавшей в неумолимое колесо кровавой войны, и вот теперь, сию минуту, она будет безжалостно раздавлена вдали от родных мест, на дне черной ямы. А ведь она желала народу добра и счастья. Она мечтала о том, чтобы знамя Советов засияло над миром, возвещая всем угнетенным зарю свободы и братства... Как чудесно заживут бедняки, когда придет этот желанный час!

И, забыв на мгновение о неотвратимой казни, Дуняша счастливо улыбнулась, вспомнив милого своего Мишку и верного друга Ю-ю с его неразлучным «карабаем». Вспомнила и живо представила себе их безутешное горе, когда дойдет до них весть о ее смерти. А что будет с доброй их матерью, которая ждет не дождется своих дорогих птенцов?!

И тяжкие слезы сами собой покатались по исхудавшим щекам измученной девушки. Ей так страстно хотелось жить.

— Ну, пора, — словно сквозь сон слышала она пропитой голос, — надо спешить...

И огромная туша склонилась к расprostертой на земле Дуняше. Одноглазый палач продел ее голову в веревочную петлю. Потом она увидела, как конец веревки перекинули через сук. Сук был заметно потерт посередине.

«Знать, не меня одну вешали здесь проклятые бандиты», — гневно подумала она, машинально поправляя петлю, съехавшую на подбородок. И только теперь Дуняша остро почувствовала, что ее минуты сочтены, что она никогда больше не увидит ни знойного летнего солнца, ни голубого

неба, ни пестрых пахучих цветов, ни верных друзей. Ее сердце сжалось предсмертной тоской и сознанием полного бессилия.

Никакой надежды на спасение не было. Помощник палача – плюгавый низкорослый бандит – лениво переваливаясь с ноги на ногу, уже подходил к своей жертве... А через минуту мертвое тело будет одиноко качаться над этой ужасной ямой, слетятся хищные птицы и...

– Крррр! Крррр! – донеслось до ее слуха зловещее карканье ворона.

Услышав знакомый сигнал, девушка встрепенулась и, как эхо, отозвалась криком филина.

Палач отпрянул:

– Что это? С ума, что ль, она спятила?..

– Мабуть, и так, – спокойно отозвался помощник, поднимая руку, чтобы достать конец веревки, перекинутой через сук.

Дуняша подняла голову и глянула в направлении звука. Но вокруг никого не было, только на противоположной стороне оврага что-то серое шмыгнуло в кустах, слегка шелохнув ветку.

«Что ж это? Неужели вороны уже слетаются к оврагу в предчувствии легкой добычи?» – тоскливо подумала Дуняша, вновь поднимая глаза к небу, где уже загорались бледные звезды.

– Прощайте, звезды! – тихо прошептала Дуняша. – Приласкайте за меня рыжего Мишку, поцелуйте Ю-ю...

– Та ну же, тягни! – сердито крикнул палач. – Какого дьявола канителишься, каракатица!

Помощник лениво подпрыгнул, но конец веревки повис так высоко, что он коснулся его только концом пальца.

– А, будь ты проклята, змеюка! С ней и перед смертью морока...

Он подпрыгнул еще раз:

– Ну вот и готово!..

Веревка стала натягиваться...

Дуняша в ужасе закрыла глаза. Крик ворона повторился. Дуняша, собрав все силы, резким движением сбросила с головы петлю.

От неожиданности тянувший за веревку подручный палач потерял равновесие и свалился.

В то же мгновение в вечернем воздухе прокатился залп из двух карабинов, и оба злодея, пронзенные пулями, завертелись ужами в предсмертной агонии.

Не успела Дуняша прийти в себя, как кто-то уже крепко обнимал ее и покрывал лицо поцелуями.

– Дуняша, милая Дуняша!.. Жива!.. Да очнись же, это я, Мишка!..

Девушка обвила руками кудлатую голову брата. Она еще не верила своим глазам.

Но кривой палач лежал неподвижно под дубком. Его подручного Ю-ю проворно сваливал в ту самую яму, которая была приготовлена для Дуняши.

Поняв наконец, что она спасена от лихой смерти, Дуняша прильнула головой к широкой груди Следопыта и залилась горячими радостными слезами.

Потом она позвала к себе верного Ю-ю и крепко расцеловала его, благодаря за спасение и помощь.

Растроганный Ю-ю, не знавший никогда ласки, встал на колени перед лежавшей девушкой и, сложив на груди руки, молча поклонился ей до земли. В эту минуту он готов был

ради нее отдать себя на растерзание, пойти на самую лютую казнь. Но бедный язык Ю-ю ничего не мог выразить, и только черные блестящие глаза его подернулись влагой, и какой-то комок подкатил к горлу. Он быстро поднялся и, схватив труп палача за ноги, поволок его к яме...

– Брось эту погань! – сердито буркнул Мишка. – Пусть их вороны хоронят. Нам пора в путь!..

– Да-да! – подхватила Дуняша. – Возьмите меня скорее отсюда, а то бандиты могут хватиться!..

Мишка лукаво улыбнулся и, посмотрев на часы, сказал:

– Не бойся, Овод, через полчаса здесь заварится такая каша, что им будет не до нас.

– Что за каша?

– Да ничего особенного, я привел с собой десятка три добровольцев, которые согласились потрепать махновскую шайку... А теперь марш, марш в дорогу!

– Но как вы меня возьмете, ведь я еще не могу ходить?

– Не беспокойся, это уже наше дело. Ну что, Ю-ю, готово?

– Есть, капитана! – отозвался Ю-ю, подавая носилки, сделанные им из ветвей того дуба, на котором махновские бандиты хотели повесить Овода.

Осторожно уложив больную, наши герои медленно пошли по дну оврага, прочь от страшного места.

На этот раз ночь им благоприятствовала: небо сердито хмурилось, угрожая дождем.

Овраг кончился.

Следопыт тихонько свистнул. Из-за темной купы ближайших деревьев появился буденовец с винтовкой в руках:

– Несете, хлопцы?

– Несем.

– Жив ли?

– Жив.

– Вот будет рад наш Дед! Давай скорей на тачанку.

Красноармеец подошел к носилкам, радостно поздоровался с Оводом и вместе с Ю-ю понес его к тачанке.

– Сено положено? – спросил Следопыт.

– Целый ворох.

– Тогда едем!

Овод и Мишка, у которого еще побаливала нога, устроились на тачанке, а неугомонный Ю-ю и боец, взяв винтовки на ремень, пошли следом.

Проехав верст семь-восемь по глухим местам, они услышали позади себя отчаянную ружейную трескотню.

– Ну, началась потеха! – радостно потирая руки, воскликнул Мишка. – Дальше мы можем ехать спокойно. Голубая Лисица решит, что она попала в капкан, и даст тягу к старому лесу, где им знакома каждая тропинка.

И действительно, вскоре перестрелка стала затихать, удаляясь, а затем и совсем прекратилась.

Дорогой Мишка подробно рассказывал Оводу, как он с помощью Ю-ю вырвался из лап бандитов, как они мчались в полк Деда, как проследили потом шайку Махно и разыскали, наконец, Черную балку...

А Овод особенно подробно рассказал о девушке, осмелившейся заступиться за него перед зверем Махно.

– А где это было? – заинтересовался Следопыт.

– На водяной мельнице. Я узнала об этом, когда палач вынес меня из комнаты.

Следопыт в раздумье почесал затылок:

– Так ты говоришь, девушка назвала себя твоим другом?

– Назвала...

– А Махно обругала зверем?

– Зверем.

– И тот не убил ее?

– Нет, даже назвал ее милой красавицей.

– Гм... странная штука. Тут что-то есть этакое, – нахмутив лоб, изрек Мишка, – А девка все-таки молодчага. И смазливая, говоришь?..

– Как в сказке, – улыбаясь, ответил Овод.

– Ишь ты...

Путники незаметно продвигались вперед и к восходу солнца уже нагнали свой полк.

Трудно себе представить радость и удивление старого полковника и буденовцев, когда они услышали о возвращении уже похороненного всеми Овода. Узнав подробности о пытке и геройском поведении Овода, его пришел навестить сам Буденный. А вскоре он послал рапорт высшему командованию с просьбой о награждении орденами наших героев.

На другой день Конная армия Буденного всеокрушающей силой двинулась вперед, очищая от врагов советскую землю. К великому огорчению Деда, Овод был еще так слаб, что его пришлось оставить в ближайшем госпитале, а вместе с ним остались, конечно, и его друзья – Следопыт и Ю-ю.

Расставаясь с ребятами, старый полковник обнял и расцеловал каждого по очереди.

– Берегите себя, хлопцы, – наказывал он, моргая по-

красневшими глазами, – зря на рожон не лезьте и бейте беляков с умом. Я вас в партизанский отряд сдам. Нас уж вы не догоните...

Любимый буденовский полк ушел вместе с армией, ушел и Дед...

И опять трое юных бойцов-разведчиков закружились в кипящем котле кровавой войны.

А пока три друга ищут свое место в строю, расскажем читателю, как Овод попал в штаб Махно.

Во время одной из стычек буденовцев с махновскими бандитами Овод заметил на поле боя тяжелораненого деревенского парня: он горько плакал над трупом старого бандита. Парень был без оружия, в крестьянской одежде. На вид он казался не старше Овода. Из допроса в штабе полка выяснилось, что это сын убитого старшины Мельниченко, верного друга и соратника Махно. Он возглавлял одну из его шак, которая и была уничтожена буденовцами. Уцелел только этот парень. По его словам, отец впервые взял его с собой, с тем, чтобы передать самому Махно в качестве ординарца. По документам и письмам, найденным в кармане старого Мельниченко, рассказ парня подтвердился.

Такой случай Овод решил немедленно использовать и, посоветовавшись с друзьями, составил план действий. Нарядившись в одежду пленного парня, с документами отца явиться к Махно под именем сына убитого старшины, втереться к нему в доверие и остаться при штабе. Мишка и Ю-ю будут держать связь с полком и доставлять добытые сведения.

С некоторым сомнением и неохотой полковник одобрил план красных дьяволят.

Вскоре наши разведчики проследили банду Махно. Переодетый Овод, «весь в слезах» и проклиная красных, явился к атаману. Он просил принять его в банду, чтобы отомстить буденовцам за смерть отца.

Весть о разгроме шайки Мельниченко разъярила Махно, но просьбу его «сына» он решил удовлетворить, а в знак согласия ожег его плетью и приказал зачислить казачком при своей особе.

Скрипнув зубами, Овод стерпел «ласку» бандита и поклялся отплатить ему сторицей. А как он выполнил свою клятву, читатель уже знает.

ТАИНСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Через десять дней после описанных событий, глубокой ночью, по дороге из города выехал большой красный автомобиль. Он был изрешечен пулями, осколками снарядов, но летел, как буря, поднимая облака пыли и наполняя безбрежную степь тревожным гулом. Вслед за ним мчался отряд вооруженных всадников.

В автомобиле сидели трое военных в кожаных куртках. Один из них, небольшого роста, широкоплечий, поместился на откидной скамеечке, держа наготове маузер и зорко вглядываясь в темноту ночи. Двое за его спиной тихо переговаривались между собой:

- Признаться, я очень опасаюсь засады.
- Да. Я тоже думаю, что надо быть начеку...
- В самом деле: никому не известный бандит вызывает на свидание командира красных партизан, обещая помощь против Махно. Согласитесь, что все это очень странно и пахнет провокацией.

– На всякий случай за нами следует полуэскадрон надежных рубак...

– Это, конечно, хорошо. Впрочем, неожиданного нападения я не боюсь: с нами едет такой разведчик, о котором говорят, что он чует махновца за сто верст...

Путники смолкли. И только глухой рокот мотора да отдаленный гул лошадиных копыт нарушали тишину ночи.

Вдали показались черные контуры леса. Автомобиль спустился в ложбинку.

– Стойте, – сказал невысокий военный, приподнимаясь с сиденья.

Автомобиль остановился.

– Что случилось, товарищ?

– Надо прощупать овраг перед опушкой. Ждите сигнала: если завоюет волк, немедленно мчитесь обратно и верните отряд, а если все будет благополучно, я дам знать лично...

Говоривший бесшумно выскочил из автомобиля и сразу исчез, словно нырнул в черную воду.

– Вот дьяволенок! – воскликнул один из оставшихся военных. – Пропал, как кузнечик в траве...

– Я даже не успел заметить, в какую сторону этот парень направился...

– Недаром он носит кличку Следопыта...

– Говорят, у него есть сотрудники и такие же ловкие, как он.

– Да. И я очень доволен, что согласился принять их в наш полк. Эти отчаянные ребята так ненавидят Махно, что готовы искать его хоть на дне моря.

Беседа была прервана прибытием конного отряда.

– Приготовьтесь к бою и стойте в этой ложбине, – приказал командир красных партизан, выходя из машины.

Прошло еще минут сорок в напряженном ожидании...

– Все в порядке! – сообщил Следопыт, бесшумно вырастая за спиной командира, вздрогнувшего от неожиданности. – Садись, ребята!

Наши друзья – Овод и Ю-ю вскочили вслед за Мишкой в машину.

– Вот так штука! – удивился командир. – Да вы же настоящие невидимки!

– Вперед!

Оставив конных в засаде, автомобиль помчался к опушке леса. Из оврага навстречу им, держа руку на эфесе пашки, вышел человек в полувоенной одежде.

– Это он, – шепнул Следопыт на ухо командиру.

Автомобиль остановился. Нащупав пистолет, командир выскочил из машины и пошел к человеку.

– Я весь к вашим услугам, командир. Если угодно, я бы мог...

– Вы меня извините, – перебил командир партизан, – но вашему слову мы не можем довериться без достаточных оснований. Согласитесь сами, что есаулы не так часто изменяют своим атаманам...

– Вы правы, конечно, но, к сожалению, никаких доказательств сейчас я не могу вам представить. Вы можете проверить меня только на деле.

– Каким образом?..

– Я могу хоть сейчас дать вам самые точные сведения о предстоящих операциях шайки Махно, и вы можете разгромить ее в любое время. Меня же оставьте в качестве

заложника, а в случае предательства расстреляйте, вот и все...

– Хорошо, – согласился, наконец, осторожный командир. – Вы можете сейчас поехать со мной в город?

– Нет, этого не следует делать. Завтра утром я должен быть у Махно на приеме и освобожусь лишь часам к десяти.

– В таком случае я жду вас завтра к двенадцати часам дня.

Условившись о месте встречи, они быстро разошлись.

Усаживаясь в автомобиль, командир вдруг заметил отсутствие Следопыта:

– А куда делся ваш старший?

– Пошел проследить есаула, – ответил Овод, вместе с Ю-ю вылезая из машины, – а кстати, проведать что-нибудь о расположении банды.

– Как? Он опять полез в пасть Махно? – удивился командир. Овод улыбнулся:

– Не беспокойтесь, товарищ командир, Следопыта не так-то легко скушать.

– А вы едете с нами?

– Никак нет.. Мы с Ю-ю подождем его здесь, а завтра вечером, когда ваш полк двинется против Махно, мы будем на месте...

– Почему вы думаете, что мы выступим именно завтра? – спросил командир, не зная, чем объяснить уверенность Овода.

– А потому, что завтра шайка попытается разгромить продовольственную базу Красной Армии в Н-ском, и вы сделаете большую оплошность, если не предотвратите удара.

– Соображение верное, – согласился командир, – однако зачем нам связываться с этим подозрительным есаулом, если вы сами так хорошо осведомлены о замыслах шайки?

– Он может сообщить ценные подробности, нам еще не известные... Ну, мы уходим, товарищ командир. До свидания!.. За мной, Ю-ю!

– Есть, товалиса!

Ребята исчезли.

В сопровождении конного отряда красный автомобиль помчался обратно. Надо было немедленно готовить генеральный бой с многочисленной бандой Махно.

В партизанский отряд знаменитого командира Николы Цибули ребята попали без особых затруднений. Как только Овод покинул госпиталь, их приняли с большой охотой, ибо слава о подвигах тройки дьяволят уже вышла за пределы буденовской армии. А рекомендации старого полковника еще более подняли авторитет юных разведчиков. Они были счастливы, когда узнали, что полк Цибули получил приказ от высшего командования разгромить шайку Махно. Втайне надеясь поймать самого атамана и свести с ним свои счеты, ребята принимали горячее участие в розысках шайки и подготовке к решающему бою.

В ожидании Следопыта Ю-ю и Овод просидели в овраге до самого утра. Их начала уже одолевать тревога, Но карканье ворона, раздавшееся поблизости, возвестило о благополучном возвращении Мишки.

По установившейся традиции ребята ничем не обнаружили своих опасений и любопытства. Усевшись на траве по обеим сторонам Следопыта, они разложили перед ним

немудреную закуску. Покончив с едой, Следопыт рассказал друзьям о результатах своей экспедиции в лагерь Махно. Есаул действительно вернулся в шайку, которая расположилась за лесным массивом, в большом селении. По некоторым признакам и по подслушанным разговорам Следопыт вывел заключение, что в банде назревает раскол. Часть махновских соратников была недовольна чересчур «самодержавным» поведением Махно, который расправлялся с ними, как хотел, по любому поводу нередко засекая насмерть наиболее строптивых. Недовольны были бандиты и несправедливым распределением награбленного добра. Но наибольшее раздражение вызвали последние неудачи шайки и явная бесплодность всех попыток подорвать Советскую власть на Украине. Часть молодых махновцев поговаривала даже о переходе на сторону красных. Расправа Махно с есаулом подлила масла в огонь.

– Мне кажется, что при первой же серьезной стычке с красными часть банды покинет Махно, – заметил Следопыт, кончая рассказ. – Особенно, если увидит в наших рядах есаула...

С этими словами разведчик растянулся под деревом, решив передохнуть до восхода солнца.

– А Голубую Лисицу я все-таки высеку, – пробормотал он, уже засыпая.

Овод прилег рядом с Мишкой, а Ю-ю, как обычно, поджал под себя ноги и уселся у изголовья своих друзей с «карабаем» наготове. Он ни на минуту не смыкал глаз. Его взгляд подолгу останавливался на спокойном лице Дуняши. Острые глаза Ю-ю теплели, губы расплывались в счастливую улыбку. Он еще не отдавал себе отчета в том, как горячо и чисто любит эту девушку. Но, если спросить

его, что есть в мире самого дорогого и прекрасного, он назвал бы Дуняшу.

РАЗГРОМ

Под вечер следующего дня конный отряд красных партизан Цибули в полном вооружении, с двумя батареями полевых пушек вышел из города и быстрым маршем направился к местечку вблизи продовольственной базы.

Наши разведчики давно уже были на месте предстоящего сражения и нетерпеливо ждали прибытия полка партизан.

Обычно спокойный и сдержанный. Следопыт на этот раз нервничал. Сегодня он надеялся встретиться с Голубой Лисицей лицом к лицу и рассчитаться с ней за отца и брата, за сожженную деревню, за грабежи и убийства. Он то и дело осматривал своего боевого коня, проверял маузер и небольшую, но острую, как бритва, шашку. Рядом с ним в полной боевой готовности крепко сидел в седле невозмутимый Ю-ю. Он держал наготове свой «карабай». Овода Мишка отослал в санитарный отряд полка.

Наконец долгожданный час настал.

В сумерки партизаны прибыли на место и расположились вдоль опушки леса, укрываясь в тени деревьев.

В эту ночь Махно решил неожиданным наскоком ударить на Н-скую базу, разгромить ее и взорвать ближайший мост через реку. Это нарушило бы связь тыла с действующими против Врангеля частями Красной Армии. Он хорошо знал, что крупных воинских соединений поблизости не было и, следовательно, подмоги база вовремя не полу-

чит. Хитрый бандит действовал наверняка, заранее торжествуя победу.

Предупредив базу о грозящей опасности, командир партизан Цибуля решил укрыть свой отряд в ближайшем перелеске и в конном строю ударить в тыл махновцам.

После полуночи взволнованный Следопыт донес Цибуле, что банда Махно численностью примерно в восемьсот сабель выступила из дубовой рощи. Она шла налегке, без пулеметов и пушек, не ожидая большого сопротивления.

Цибуля задумался:

– Так, та-аак... У них восемьсот, у нас триста, да пулеметы, да пушечки, да удар в затылок... Как думаешь, Иван, побьем врага?

– Побьем так, что пух и перья полетят! – отозвался могучий всадник, выдвигаясь вперед.

Следопыт оглянулся на знакомый голос и обмер на месте:

– Батя!

Иван рванулся к Следопыту, едва не опрокинув командира:

– Мишка! Сынок!..

И помощник командира, не сходя с седла, обнял знаменитого разведчика – Следопыта. Но радоваться свиданию было некогда.

– По ко-ооня-аам! – разнеслась команда.

Через минуту весь отряд стоял в напряженном ожидании, готовый по первому сигналу двинуться на врага.

Мимо опушки промчалась батарея, потом все стихло, словно вокруг было мертвое поле.

Отец и сын встали рядом.

— Ты, сынок, держись за мной с левой руки и не отставай, — предупредил Иван, в глубине души боявшийся за жизнь Мишки. Он понимал, что бой предстоит нешуточный.

Мишка задорно тряхнул головой:

— Не бойсь, батька, мы тоже не лыком шиты!.. А ты, друг Ю-ю, держись слева от меня да гляди, чтобы я тебя не зашиб ненароком...

— Слюхай, капитана! — живо отозвался Ю-ю, тотчас выполняя приказание Следопыта.

Тяжелый гул сотен лошадиных копыт и звериный рев бандитов разорвали тишину. Выскочив из леса, шайка ураганом неслась по широкому полю прямо на базу. Махновцы были уверены, что захваченная врасплох охрана базы будет смята одним ударом, а там — разгром и богатая пожива...

Но вскоре сгоравшие от нетерпения партизаны услышали дружный залп из винтовок, треск пулеметов и беглый огонь орудий, бивших навстречу банде прямой наводкой.

Встречный огневой удар оказался таким сокрушительным, что первые ряды нападающих — и кони, и всадники — пали, как сраженные молнией, загородив путь задним. Грозный вой махновцев перешел в неистовые вопли, в стоны и проклятия.

Нетерпение Мишки и всех партизан, притаившихся в засаде, достигло высшего напряжения.

Вдруг над лесом с треском разорвалась красная ракета. Канонада сразу замолкла, будто кто-то незримый одним махом заткнул огненные глотки пушек, пулеметов и ружей.

– Карьером, марш, ма-а-арш! – скомандовал Цибуля, подняв шашку над головой...

И во фланг отступающей орде махновцев, уже расстроенной метким огнем, ринулись партизаны. Их удар был так внезапен и страшен, что шайка Махно мгновенно оказалась смятой и, завывая от ужаса, бросилась врассыпную.

В предраассветном сумраке, словно зарницы, сверкали сотни сабель, сыпались удары, падали сраженные люди, дико ржали, вздымаясь на дыбы, озверевшие кони, трещали выстрелы.

Впереди всех, рассыпая удары направо и налево, мчались трое – отец с сыном и Ю-ю. Они искали Махно.

В горячке боя Ю-ю в первые же минуты оторвался от своего «капитана» и дрался в одиночку, действуя своим «карабасом», как палицей.

– Вот он! – крикнул вдруг Иван и, пришпорив коня, помчался наперерез большой группе, скакавшей к лесу.

Мишка взвизгнул и врезался в самую гущу бандитов, сшибая их грудью своего скакуна. Кольцо бандитов дрогнуло, на мгновение расступилось и пропустило Ивана и Мишку.

– Вот где ты, собака! – крикнул Иван, взмахнув шашкой над головой скакавшего Махно. Но в то же мгновение сбоку налетел всадник, и рука Ивана вместе с шашкой покатилась на землю. Махно в страхе пригнулся и еще сильнее пришпорил коня.

Выстрелом Мишка снял с седла бандита, изуродовавшего отца, и возобновил погоню за атаманом, но подходящий момент был уже упущен: бандиты окружили Махно и плотной толпой неслись к лесу.

Увлеченный погоней, Мишка не заметил, что он один скачет за добрым десятком махновцев, размахивая своей маленькой шашкой.

Это вскоре заметили и бандиты. Внезапно повернув коней, они окружили Следопыта, и прежде чем Мишка успел сообразить, что случилось, его шашка со звоном отлетела прочь.

– Взять живьем! – раздался чей-то властный голос.

Стиснутый с обеих сторон конями и обезоруженный, Мишка, помимо воли, мчался вперед.

«Вот так штука! – думал он. – Хотел поймать Лисицу, и сам попал ей в зубы».

Увлекая за собой Мишку, банда скрылась в глубине леса.

В ЛАПАХ МАХНО

В селе Яблонном сегодня было необычайно шумно и весело. Десятки пьяных с бутылками самогона в руках шатались по улицам, горлая песни. В кулацких хатах шел пир горой, тут и там закипали ругань и драки. Что за диво? Никакого праздника, даже самого маленького, в этот день не было, а кутили так, словно праздновали «Николу зимнего». Странно было и то, что ворота бедняцких хат были закрыты, а их хозяева старались не попадаться на глаза гулякам.

Но самый богатый пир был у первого кулака на селе Митро Забубенко, куда собралась вся местная знать: бывший урядник Нечипорук, церковный староста, трое самых богатых кулаков, старый мельник и поп Павсикакий.

А вперемешку с ними на широких скамьях и в креслах сидели пестро одетые гости. Хозяева усердно накачивали их самогоном.

В центре всеобщего внимания был щуплый мужичонка с хмурым, отекившим от пьянки лицом и острым взглядом маленьких черных глаз.

Развалившись в переднем углу, он задрал ноги на край дубового стола и пил водку стакан за стаканом, как воду. Хмель, видимо, его не брал. Через головы собутыльников он смотрел в потолок и зло ворчал:

– Будь я проклят, если когда-нибудь попадался так глупо в ловушку!.. Это опять его проделка!.. Семь шкур спущу!

Он хлестнул плеткой по столу, разрезав пополам жирную кулебяку и опрокинув графин с самогоном.

Рядом с переодетым Махно (а вы уже, конечно, догадались, что это был он) сидел на конце скамейки старый мельник. Он с хитрецей поглядывал на соседа и шептал ему на ухо:

– Да что вы сердитесь, атаман. Вы еще не раз порубаете красных... А теперь бы отдохнуть малость, к нам на мельницу заглянуть.

Махно встрепнулся:

– А что? Ждет Катюха?

– Да боже мой! Ночи не спит.

– А ты не брешешь, старый пес? Коли правда, озолочу!.. Если соврал, попробуешь, чем это пахнет. – Махно сунул плетку под самый нос мельнику. Тот в испуге отшатнулся.

Махно развеселился и заверещал на всю хату:

– Гей, Голопуз, где тот щенок, что скакал за нами, как бешеный?

– Вин туточки, батько! – живо отозвался Голопуз, с трудом поднимаясь из-за стола. – В чулане лежит до твоего приказу...

– Тащи его сюда, каналью!

– Слухаю, батько!

В глазах Махно забегали злые огоньки.

– Посмотрим, что он запоеет здесь...

Гости расступились. Связанного Следопыта вывели на середину хаты и поставили перед атаманом.

Прекратив пирушку, все с интересом оглядывали его с головы до пят, как заморскую диковинку. Мишка был в потрепанном красноармейском обмундировании.

– Эй ты, сопляк, – начал атаман, не меняя позы, – кой черт тебя гнал за нами? На виселицу захотел?..

– Если я сопляк, то ты свинья, которую посадили за стол, а она и ноги на стол, – спокойно отрезал Мишка, с любопытством оглядывая странное сборище.

– Цыть, кутенок! Я – Махно! – гаркнул бандит, думая запугать пленника.

Мишка, только теперь узнавший Махно, побелел от гнева:

– Благодарю бога, что мои руки связаны, а то бы я показал тебе, как села жечь, бандитская харя!

Зная бешеный нрав Махно, гости ждали расправы.

Но пьяный бандит неожиданно расхохотался:

– Вот так гусь! А ну-ка, развяжите ему руки...

Удивленного Мишку мигом освободили от веревок. Он не торопясь стал растирать затекшие руки и только теперь, заметил, что окружавшие его «мужики» были вооружены револьверами, шашками, кинжалами. «Переодетая банда», – сообразил Следопыт.

– Ну, что ж ты не казнишь Махно? – усмехаясь, спросил бандит, кладя руку на эфес шашки. – Трусишь, каналья?

Мишка вспыхнул:

– Ты сам трус и разбойник, по которому давно виселица плачет!

Махно выхватил пистолет и, выстрелив через голову Мишки, зло усмехнулся:

– Вот это я понимаю, сам стоит под виселицей и нам же угрожает. Что с ним делать, хлопцы?..

– Повесить на первом суку, – отозвался чей-то голос.

– Зачем вешать, – возразил другой, – парубок дюжий, не робкого десятка. Нехай переходит к нам.

– Эй, малец, – крикнул третий бандит, – иди на службу к батько Махно. Удалым ребятам у нас хорошо живется.

Мишка гордо выпрямился и ударил себя кулаком в грудь:

– Я буденовец и грабить с вами народ не желаю. А Махно я выпорю при первом удобном случае...

От такой дерзости даже выдавший виды Махно на минуту опешил. А потом заорал:

– А ну, Битюк, всыпь ему полсотни горячих и повесь за ногу на ворота!.. И баста! Пусть знает, как разговаривать с атаманом.

Мишка побелел от ярости и очертя голову бросился на Махно, пытаясь схватить его за горло.

– Стой, тигра лютая!.. – Бандит, названный Битюком, схватил Мишку за ворот и потащил к порогу.

– Вот змеиное отродье, – сердито проворчал Махно, – увеличить ему порцию вдвое!

– Слухаю, батько!

– Ну, берегись, мохнатый черт! – уже стоя на пороге, кричал Мишка. – Я тебя еще найду!

Битюк толкнул его в спину:

– Катись, шибеник!

Но Мишка дал ему такую «сдачу» кулаком в бок, что казак охнул, согнувшись пополам...

Махно опять расхохотался:

– А лихо дерется петушок! Он, пожалуй, побьет твоего дурня, Битюк?..

– Ни, не побьет, – ответил казак, с трудом разгибаясь и снова хватая Мишку. – Я ему сейчас шкуру сдеру.

– Стой! Шкуру потом, – приказал пьяный Махно, – зови сюда свое отродье!..

Битюк сердито толкнул Мишку обратно к столу, а сам выскочил из хаты.

Предвкушая какую-то веселую забаву, бандиты освободили место посередине хаты и взяли Мишку в кольцо.

– Поглядим, каков ты есть в кулаке!..

– Где ему, Битюк в бараний рог его скрутит!

– А може, и нет...

Мишка настороженно озирался. У ближайшего бандита за поясом он заметил пистолет и решил при случае воспользоваться им для обороны. Нет, теперь уж он живым в руки не дастся!

– А ну, дай дорогу! – раздался окрик с порога.

Бандиты расступились, и перед Мишкой очутился здоровенный верзила лет восемнадцати. На голове копна растрепанных волос, нос картошкой. Он встал посередине хаты, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

Атаман, видимо, решил повеселиться и потешить свою побитую банду.

– Ша, хлопцы! – он еще раз хлестнул по столу плетью.
Все притихли.

Махно обратился к верзиле:

– Видишь этого чижики, Битюк?

– Бачу, – ответил парень, поворачиваясь лицом к Мишке.

– А побить его можешь?

– Кого?.. Цего?..

– Ну да, на кулаки взять!

– А на що? – удивился верзила. – Вин же воробушек.

Банда разразилась хохотом.

Мишка вспыхнул от обиды:

– Но-но, ворона, не очень задирай! В другом месте я б тебе показал «воробушка»...

– Так бей его, Битюк! – взвизгнул Махно, – Это ж буденовец!

Бандиты дружно заулюлюкали:

– Дай ему трепку!

– Ату его!

– Ну што ж, могу, – согласился молодой Битюк, не топясь снимая куртку и засучивая рукава рубахи.

Мишка заложил руки за спину:

– А я не желаю! Что я вам – цирк?..

Махно вскочил:

– Дерись, звереныш! Если ты побьешь Битюка, катись на все четыре стороны!.. И баста!

– А ты не брешешь? – усомнился Мишка.

– Что-оо? – взбеленился Махно. – Слово атамана свято, как у господи бога. Начинай, Битюк!..

– Ладно, коли так, – отозвался Мишка, вставая в боевую позицию, – только как будем драться – по правилам бокса или куда попало?..

– Бокса? – верзила вытаращил глаза, – Яка бокса? Та я ж тебя и без боксы пришибу, як червя. – Он сделал шаг вперед.

– А ну, давай, верблюд! – подзадоривал Мишка, спокойно стоя на месте. – Попробуй пришибить буденовца!

– Бей его, Битюк! – завyli бандиты, плотной стеной окружая бойцов. – Цель в ухо!..

Битюк сжал свой огромный кулачище и размахнулся изо всей силы... Мишка мгновенно пригнулся, кулак просвистел в воздухе, верзила пошатнулся и, получив крепкий удар в челюсть, отлетел в сторону.

– Получай задаток, кабан! – крикнул Мишка.

Бандиты ахнули:

– Вот так звезданул петушок!

– Давай, давай, Битюк!

– Катай его!

Разъяренный Битюк в бешенстве бросился на Мишку, нанося беспорядочные удары куда попало. Ловко отражая нападение, Мишка с поразительной быстротой бил противника по рукам, заставляя его плясать вокруг себя, как медведя на цепочке.

Махно и бандиты хохотали от удовольствия, свистом и криками подбадривая Битюка.

Но тот, уже избитый в кровь, вторично отскочил от Мишки, задыхаясь от бессильной ярости.

– Ну, я ж тебя убью, собака! – прохрипел Битюк и, наклонив мохнатую голову, быком ринулся на Мишку, направляя удар в живот.

Но Мишка, как кошка, отпрыгнул в сторону и с такой силой трахнул Битюка кулаком по затылку, что тот всей тушей грохнулся на пол и забороздил носом.

Бандиты взвыли.

Не дав противнику опомниться, Мишка вскочил ему на спину и придавил коленом шею:

– Ну что, верблюд, сдаешься, или еще наддать?..

– Та вже ж, шоб твои очи повылазили! – прохрипел Битюк.

– То-то же, вперед буденовцев не трогай!

И, толкнув Битюка ногой в зад, Мишка направился к выходу:

– До скорого свидания, разбойники!

Но Битюк-отец загородил ему дорогу:

– Куда прешь?..

– Как, куда? Ваш батька обещал мне свободу, если я побью твоего дурня.

На лице Махно появилась злорадная усмешка:

– Верно, Битюк, дай ему сотню хороших плетей и пусть уходит, если сможет... И баста!

Смертельно оскорбленный, Мишка бросился на казака с пистолетом и попытался выхватить у него оружие. Но Битюк-отец успел перехватить Следопыта и поволок его во двор.

Здесь Мишка увидел картину, достойную времен Тараса Бульбы.

Посредине двора красовалась поставленная «на попа» бочка с выбитым дном. Вдребезги пьяные бандиты, кто чем мог, черпали из нее самогон и, запрокинув головы, пили, пока не валились с ног. Трое уже спали, развалившись

посредине двора. Один отчаянно отплясывал гопака под губную гармошку. Другие во всю силу легких горланили песни.

В конце двора стоял большой сарай, около которого весело фыркали две верховые лошади гнедой масти и одна черная, как вороново крыло. Прислонившись спиной к запертой двери сарая, тяжело дремал сторож, вероятно, тоже пьяный. Сюда-то и привел Битюк Следопыта.

– Эй, Петро, отчини дверь, – потребовал Битюк, толкнув ногой сторожа.

Сторож недовольно пробурчал что-то себе под нос, с трудом нашел карман и, вынув ключ, начал возиться у замка.

– Вот проклятая дирка! – ругался сторож, тыкая ключом мимо замка. – Засорилась, чи що?

Пока пьяный сторож возился с замком, Мишка огляделся и заметил, что в десятке шагов от сарая в высоком заборе не хватает одной доски.

Сторож продолжал канителиться с замком, ругая на чем свет стоит неуловимую «дирку».

Битюк, крепко державший за руку Мишку, разозлился:

– Да ну, пьяная морда, дай сюда ключ!

Оттолкнув плечом сторожа, Битюк схватил правой рукой ключ, тем самым освободив одну руку Мишки. А через мгновение он уже опрокинулся на спину, получив страшный удар в челюсть.

Одним прыжком Мишка очутился около вороной лошади, которую давно уже держал на примете. Вскочить в седло и дать шпоры коню для него было делом одной секунды. И прежде чем Битюк очухался и поднял крик, он

уже мчался к забору, боясь только, как бы конь не задел ногами за доску. Но лошадь, словно птица, распласталась в воздухе, и, чуть коснувшись земли по ту сторону забора, понеслась дальше.

Повернувшись на лету, Мишка крикнул бандитам:

– Гей, вороны, вспоминайте Следопыта!

Вслед беглецу раздались беспорядочные выстрелы и отчаянные вопли Битюка. Но пули свистели мимо.

Когда Махно узнал, что в его руках был знаменитый Следопыт, удравший на его собственном скакуне, бандит пришел в неопишемую ярость. Он тут же, на глазах пьяной толпы, пристрелил сторожа, приказал запороть насмерть злосчастного Битюка, а в заключение так стукнул по шее попавшего под руку попа, что Павсикакий отлетел на целую сажень, с треском ударившись в забор.

О погоне не могло быть и речи; все знали, что коней, равных по силе бега махновскому, не найти по всей Украине.

ГДЕ СЛЕДОПЫТ?

Ю-ю и Овод не знали, чем объяснить исчезновение Следопыта. Вместе с сестрами и санитарями они обошли поле брани, осмотрели всех убитых и раненых, но Следопыта не нашли.

Куда он мог деваться?

Продолжая поиски, наши герои отошли далеко от центра боя и почти у самого леса увидели кучу человеческих тел и двух мертвых коней. Какой богатырь бился здесь, окруженный врагами?! Еле уловимый стон донесся до их слуха. Они бросились на голос: не Мишка ли?

В центре кучи, придавленный мертвым конем, лежал партизан могучего сложения, с красной лентой на шапке. Он был весь залит кровью, только смертельно бледное бородатое лицо его казалось чистым, словно умытым. В левой руке он держал длинную, почерневшую от крови шашку, а правая была обрублена по самое плечо. Вокруг партизана валялись трупы бандитов, рассеченные богатырской рукой.

Овод кинулся к партизану и встал на колени.

Партизан медленно открыл голубые глаза. Секунду смотрели они друг на друга, не узнавая...

– Дуняша? – прошептал вдруг партизан дрогнувшим голосом. – Ты?

Дуняша вскрикнула:

– Отец! Что они с тобой сделали? – припала к отцу и заплакала.

Иван тяжело вздохнул:

– Ничего, дочка, я тоже порубал их довольно... Прощай, моя голубушка... Умираю... за власть нашу...

– Нет, нет, папаня, ты не умрешь! – воскликнула Дуняша, выхватывая из сумки бинты. – Я перевяжу тебя...

– Поздно, – еле слышно прошептал Иван, закрывая глаза. – Обними за меня мать и Мишку... Бейтесь и вы за лучшую долю... за Советы...

С воинскими почестями похоронили Ивана Недолу в большой братской могиле, на зеленом холме, у самой кромки дубового леса.

А Следопыта все не было...

Получив отпуск из отряда и запасшись провизией, Ю-ю и Овод отправились на поиски своего вожака.

Но где его искать?

По словам Ю-ю, Мишка умчался вслед за Махно к опушке леса, а что было дальше, он не видел. Овод решил направиться в лес, хотя надежда на встречу была очень слабой. Он знал, что лес тот тянется далеко на восток, что именно в его темных дебрях бродили когда-то махновцы и что на его северной окраине раскинулось родное село Яблонное.

Взяв направление на север, ребята углубились в лес. Сначала они шли по следам банды, бежавшей с поля боя. След был хорошо виден: взбитая копытами коней земля, поломанные сучья и ветки деревьев, клочья разорванной одежды. Но вскоре следы разделились и пошли в разные стороны.

Куда ж направиться?..

Был уже поздний вечер, когда ребята вышли на широкую поляну. Здесь Овод решил устроить привал до утра: утро вечера мудренее...

Расположившись под кустом, разведчики вытащили из сумок еду, но есть не могли. Потеря отца и брата тяжело поразила Овода, а Ю-ю страдал за пропавшего «капитана» и глубоко сочувствовал горю Дуняши. Все же он не терял бдительности и, зорко озираясь по сторонам, держал карабин наготове.

Вдруг из глубины леса, с противоположного края поляны, вылетел растрепанный всадник, без фуражки, в порванной куртке, с окровавленным лицом. Он мчался прямо на ребят.

Ю-ю мгновенно вскинул к плечу карабин:

– Стой, стреляй будет!..

– Стой! – повторил и Овод, поднимая маузер.

Всадник с такой силой осадил над кустом вороного коня, что тот взвился на дыбы. А через секунду он уже был на земле и с криком: «Здорово, орлы!» – кинулся в объятия Ю-ю и Овода. Это был Мишка.

– Ты весь в крови, брат Следопыт, – встревожился Овод. – Что случилось?

– Чепуха! Лицо поцарапал, когда скакал лесом. Эх, и конь лихой! Как ветер несется!

Весть о гибели отца поразила Мишку в самое сердце. Но он не заплакал, нет. Он крепко обнял своих друзей и, как бы давая клятву, произнес:

– Жив не буду, а бандита поймаю!

ОХОТА ЗА ГОЛУБОЙ ЛИСИЦЕЙ

День был ясный, голубой. Солнце ласково припекало, но в воздухе веяло прохладой. В селе Яблонном было тихо и спокойно: от вчерашней гульбы не осталось и следа. Крестьяне были заняты своим делом. Только два плохо одетых мужичка бесцельно бродили по улицам, мимоходом заглядывали во дворы, болтали с прохожими. Если бы кто-нибудь следил за ними, он бы заметил, что странные мужички с особой осторожностью и любопытством обошли вокруг дома, где прошлой ночью кутил Махно, потом осмотрели двор попа Павсикакия и, видимо, чем-то раздосадованные, медленно пошли в конец села. Здесь они наткнулись на сожженную хату, от которой остались только развалины печи да черная труба.

Мужички остановились, сняв шапки.

– Вот наша хата, – печально сказал один, тяжело вздохнув.

– Ничего, – ответил другой, – когда прикончим белых, построим новую. А подлую Лисицу мы все-таки найдем, не будь я Следопыт...

Да, это были наши герои. Оставив Ю-ю с вороным конем в гуще леса, они решили побывать в своем селе. Следопыт надеялся застать всю банду на месте, но Махно и след простыл.

Из разговоров с крестьянами ничего определенного выяснить тоже не удалось. Одни говорили, что «батько» ушел вербовать новое «войско» на Гуляй-Поле, другие уверяли, что он махнул «под Херсон», третьи полагали, что Махно заболел и скрывается где-нибудь «у своих», а большинство сердито отнекивалось:

– А на черта вин мини здався!

Словом, след Махно затерялся.

– Настоящая лисица!.. – ворчал Мишка. – А все-таки мы его найдем!

До вечера они обошли еще одну соседнюю деревню, но и там не нашли конца ниточки, по которой можно было бы добраться до Махно.

Волей-неволей к ночи им пришлось вернуться в лес, к Ю-ю. Мишка был раздосадован неудачей, но поиски решил продолжать.

– А не сходить ли нам к Черной балке, где банда стояла лагерем? – предложил он. – Ведь Махно ушел не один...

– Нет, нет! – запротестовал Овод, содрогнувшись от ужаса. – Подальше от этих проклятых мест!

– Тиха, капитана! – прошептал вдруг Ю-ю, поднимая руку. – Там буль-буль есть... Зачем такое?..

Он указал в глубину леса. Все замолкли, напряженно прислушиваясь.

– Верно, – сказал Следопыт, – там что-то курлыкает, вроде как тетерев бурчит...

Овод усомнился:

– Нет, не похоже... Может, ветер шумит?

– Какой там ветер, – отмахнулся Мишка, – сейчас такая тишь, ни один лист не шелохнется. Во всяком случае, проверим. У меня здесь что-то наклеывается, – он покрутил пальцем вокруг лба. – За мной, ребята!

Мишка смело пошел вперед, за ним направился Овод, а Ю-ю, как всегда, замыкал шествие, ведя коня под уздцы. Местность постепенно понижалась, лес становился гуще, дохнуло холодком и сыростью. Вскоре? Мишка остановился и, подождав своих соратников, сердито фыркнул:

– Ерунда! Зря мы сюда свернули – это речонка урчит по оврагу.

– Речонка?..

Овод прислушался и вдруг схватил за руку Следопыта:

– Ой, ребята, да ведь это же мельница шумит!

– Водяная мельница? – живо отозвался Следопыт. – Уж не та ли, в которой тебя мучили?

Овод побледнел:

– Может, и та...

Следопыт хлопнул себя по лбу:

– Ну и дурак я!

– Почему? – удивился встревоженный Овод.

– Ведь эту девушку Махно называл милой красавицей?

– Называл. Ну так что?

– И он по ее просьбе не отрубил тебе голову?

– Не отрубил.

– И сам поднял девушку с колен?

– Сам...

– Да что ж ты предлагаешь?

– Я-то? – Мишка в затруднении почесал затылок. – Пошли дальше! Только тихо, как мыши. А ты, Ю-ю, немножко отстань и веди коня... Да накрой ему морду курткой, чтобы не фыркал!..

– Есть, капитана! – охотно отозвался Ю-ю.

– Ты куда это? – шепотом спросил Овод.

– На мельницу...

– Зачем?

– Авось что-нибудь выйдет... Ты говоришь, девушка назвалась твоим другом?

– Да. Она так меня называла.

– Замечательно... Пошли, пока не стемнело.

Следопыт пригнулся, раздвинул ветки кустарника и бесшумно нырнул в чащу. Овод и Ю-ю последовали за ним в прежнем порядке.

Прислушиваясь к шуму воды, они шли довольно долго вдоль какой-то низины, заросшей дубовым кустарником и ивняком. Потом спустились в извилистый овражек, по дну которого бежал ручей. Вначале им казалось, что мельница должна быть где-то совсем близко, но рокот воды то резко усиливался, то неожиданно затихал и нарастал снова.

Мишка начинал сердиться. С каждой минутой ускорял шаг. Овод едва поспевал за ним, но даже и не подумал просить передышку. Он ни в чем не хотел отставать от брата. Что же касается Ю-ю, то о нем можно было не беспокоиться. Он мог с одинаковой скоростью шагать хоть

целые сутки без передышки и никогда, не терял своего неизменного спокойствия и выдержки.

– Тсс! Кажется, совсем близко, – прошептал Следопыт, Гул водяной мельницы доносился совершенно отчетливо.

– Ждите меня здесь, а я пойду посмотрю, что там делается, – сказал Следопыт и исчез во тьме.

Мишка шел по узкой тропе, она вскоре вывела его из леса. Перед ним лежала обширная поляна, на склоне которой прилепилась маленькая деревушка.

Взяв маузер наизготовку, Следопыт направился в деревню. Но его предосторожность оказалась напрасной; деревня точно вымерла. Нигде ни единой души, ни одного огонька в хатах, ни одной собаки во дворах – ничего живого. Только ветерок печально посвистывал в разбитых окнах. Настороженно прислушиваясь и заглядывая во все дворы, Мишка беспрепятственно прошел деревню.

Где-то пропел петух...

– Странно, – подумал Мишка, – людей нет, а петух остался.

За околицей он остановился и осмотрелся по сторонам. Вдали из мрака ночи блеснул огонек.

– Ага, кто-то есть!..

Следопыт смело направился на огонек, который манил его в темную низину, где урчала речонка. Идти пришлось недолго. Внизу, у самой кромки берега, поросшего густым кустарником, показалось какое-то неуклюжее черное здание,

– Мельница! – обрадовался Следопыт.

Подойдя ближе, он заметил небольшое оконце, закры-

тое толстой ставней. Из щели струилась желтая полоска света. Следопыт ползком направился к окну. Миновав небольшую открытую площадку, он тихо поднялся на ноги и заглянул в щель.

На широкой скамье понуро сидела молодая девушка. Бледное худое лицо ее скупое освещал огонек лампочки, подчеркивая бездонную глубину карих глаз и густые соболиные брови. Длинная коса черной змеей сползала с плеч.

– Она! – прошептал Мишка, дрогнув от радости.

Девушка сидела неподвижно, в глубокой задумчивости.

Мишка невольно залюбовался ею и позабыл, зачем он сюда явился. На длинных ресницах девушки блеснула слезинка и медленно скатилась на руку.

О чем она плакала? Тоска ли одиночества грызла ее сердце, погиб где-нибудь ее милый, или кулак-отец измывается над нею?..

Мишка хотел было отойти от окна, но тут скрипнула дверь, и в комнату вошел старик, запорошенный мучной пылью.

Девушка вздрогнула и подняла голову.

– Все хныкаешь? – сказал старик, останавливаясь перед нею, – Или не нравится добрый молодец?

– Оставь меня, отец! – резко ответила девушка, – Ты хочешь погубить меня.

Мельник захихикал:

– Кого ж тебе еще нужно? Может, принца ждешь или графа? Сюда и ворон-то редко залетает...

– Никого мне не нужно... Но идти на поругание этому зверю не хочу! – Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Маленькие выцветшие глаза мельника блеснули из-под нависших мохнатых бровей:

– Эй, не дури, Катюха! Не нам с тобой рассуждать об этом. Он теперь сила и богат. – Старик пошарил за пазухой, вынул кожаный кошель и высыпал на стол с десяток золотых монет.

– Вот они! Самые настоящие, царские! А ты ревешь, дурища. В шелках ходить будешь.

– Не нужно мне его проклятого золота – оно в крови! – Девушка в гневе отшвырнула монеты и выскочила из комнаты.

Старик трясущимися руками собрал золотые, шамкая беззубым ртом, опять ссыпал их в кошель и сунул за пазуху.

Мишка отскочил от окна и двинулся в обратный путь. Он понял, что мельник против воли дочери хочет выдать ее замуж за какого-то богача. Хорошо бы помочь ей выпутаться из беды! Но как? Надо поговорить с Оводом. В таких мудреных делах он лучше разберется. Как-никак, а он тоже – девушка...

Размышляя таким образом, Следопыт возвратился в лес.

В МУЧНОМ МЕШКЕ

В то время, когда Следопыт спешил к лесу, на противоположном конце деревушки показался всадник. Он, видимо, тоже торопился и бешено нахлестывал плетью покрытого потом и пеной коня.

– Вперед, вперед, старая кляча!

Всадник рванул поводья и, едва не свалив покрытого

пенной коня, спрыгнул на землю около мельницы. Подбежав к тяжелой двери, он постучал в нее три раза рукояткой пистолета.

В ответ раздался старческий кашель, и дверь тотчас отворилась.

Униженно кланяясь гостю, мельник повел его в ту комнату, где недавно сидела девушка, так поразившая Следопыта своей красотой.

– Минуточку обождите, одну минуточку, – залебезил старик, усаживая незнакомца, – она сейчас явится.

Гость хлопнул мельника по плечу:

– Ну, как? Согласилась? Иль все еще упирается? Боится меня?..

– Зачем же бояться, хе-хе, такого красавца и вдруг бояться?.. Ждет не дождется, даже во сне видела... Браги не хотите ли с дороги? Или винца хорошего?

– Можно, можно, – благосклонно согласился гость.

Старик живо принес бутылку вина и кувшин с брагой. Потом подошел к внутренней стене комнаты и тихонько стукнул корявым пальцем.

Гость насторожился...

После долгой паузы дверь снова скрипнула и на пороге появилась дочь мельника. При виде гостя она в страхе отшатнулась и растерянно остановилась на месте.

– Что ж ты не здороваешься, Катюшенька? Или язык отнялся от радости? – ласково засюсюкал старик и, незаметно ущипнув дочь за руку, зло прошипел ей на ухо: – Смотри, дурища, изведу!..

Девушка вздрогнула и чуть слышно поздоровалась с гостем:

– Добрый вечер!

– Здравствуй, здравствуй, красавица! – Незнакомец взял девушку за руку и усадил рядом с собой на скамью.

– Я насчет закусочки побегу, а вы здесь поворкуйте...

Семеня ногами и продолжая хихикать, старик скрылся за дверью.

Гость и хозяйка с минуту молчали. Явная холодность красавицы смущала незнакомца; он не знал, с чего начать разговор, а она не поднимала головы,

Однако грубая натура взяла свое: он вдруг схватил девушку за плечи, с силой рванул к себе и поцеловал.

Задрожав от страха и отвращения, девушка отскочила в сторону:

– Не трогайте меня! Ради бога, пощадите!..

Гость на минуту смутился. Потом сердито спросил:

– Зачем же старик брал деньги? Разве я плохо наградил его? Вот получи и ты, красотка! – небрежным движением он бросил на стол кожаный кошелек, который тяжело звякнул.

– Нет! Нет! – в ужасе вскрикнула девушка. – Возьмите ваше нечистое золото, только сжальтесь надо мной и уходите.

Гость хитро прищурил маленькие колючие глазки и вынул из кармана бархатную коробочку.

– А как тебе эта штучка нравится? – В руках гостя сверкнуло богатое ожерелье.

Девушка отступила еще дальше:

– Не возьму ни за что на свете!

– Так что ж тебе нужно, черт возьми! – вспыхнул гость. – Или забыла, с кем разговариваешь? Да знаешь ли ты, что

любая красавица Украины с радостью станет женой батьки Махно!

– Я все хорошо знаю, – предчувствуя беду и бледнея, возразила девушка, – но я не могу отдать свою руку бандиту,

Махно позеленел от ярости:

– Молчать, подлая тварь! Да я тебя раздавлю, как змею, и баста! – он схватил ее за косу...

Девушка вскрикнула и без чувств повалилась наземь.

– Ладно! – зло прошипел он. – Не хотела покориться добровольно, возьмем силой...

С полумертвой девушкой на руках Махно вышел наружу и скорым шагом направился к лошади.

Чья-то легкая тень беззвучно отскочила от окна, притаившись в кустах.

Махно благополучно дошел до коня. Уложил девушку поперек седла, и стал развязывать уздечку.

За спиной бандита внезапно появились две фигуры. В то же мгновение на его голову упал широкий мешок и сразу опустился до пят. Прежде чем Махно успел сообразить, что случилось, и выхватить шашку, он уже лежал на земле, крепко скрученный веревками, задыхаясь в мучном мешке.

– Вот это лихо! – воскликнул знакомый атаману голос. – Теперь уж ты не уйдешь, бандитская харя! Возьми его, Ю-ю!

– Есть, капитана!

Махно почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили его за ноги и, как тушу барана, потащили вниз по мокрой траве.

Овод и Следопыт осторожно сняли девушку с седла и, опустив на землю, стали приводить в чувство.

Между тем Ю-ю дотянул мешок до вороного коня, стоявшего внизу у речонки, и швырнул под куст.

Махно слышал, как рядом с ним стукнул о землю приклад карабина и все смолкло. Хитрый бандит решил попробовать подкупить своего стража:

– Эй, парень! – глухо, сквозь мешок заговорил он. – Развяжи веревки и заработаешь пять золотых.

– Моя нет! – коротко отозвался Ю-ю.

– Бери десять!

– Моя нет...

– Пятьдесят!

– Пошла на черт! – отрезал страж.

– Хочешь тысячу, мошенник? – поторопился набавить Махно, полагая, что против такой суммы никто не устоит.

Ю-ю смачно плюнул:

– Тьфу на твой тыща!

– О, черта твоему батьку! – выругался Махно. – Чего ж ты хочешь, дурак?

– Дурак мешок сел!

Махно разъярился:

– Берегись, собака! Если ты меня не выпустишь, мои молодцы снимут с тебя семь шкур. И баста! Я – сам Махно!

Ю-ю засмеялся:

– Мой знал, кого мешок тащил. А твой молчать, шайтан! – и Ю-ю так сунул бандита прикладом, что тот охнул и сразу смолк.

Вскоре пришли и остальные: Мишка, Овод и дочь мельника – Катюша.

– Я повезу Катюшу, а ты возьмешь в седло мешок с бандюгой, – опять услышал странно знакомый голос Махно. – Ю-ю придется пешком пробежаться.

– Есть, капитана! – весело отозвался Ю-ю. – Мой не отстанет.

– Умоляю вас, бежим скорее! – в страхе просила дочь мельника.

– Нужно торопиться, друзья, – поддержал Овод, – скоро утро.

Жуткий холодок пробежал по спине бандита: ему почудилось, будто он слышит голос той самой девушки, которая была повешена в Черной балке по его приказанию. Нет, этого быть не может – мертвые не воскресают!

Разговор продолжался:

– Ты, Овод, поезжай пока шагом, а мы с Ю-ю останемся на минуту здесь, – приказал Мишка.

– А в чем дело? – спросил Овод, подсаживая на седло дочку мельника.

– Ничего особенного, надо старый должок отдать...

Овод с девушкой уехали вперед.

Следопыт взял плетъ и, подойдя к мешку, слегка ткнул его носком сапога:

– Ну-ка, Ю-ю, поверни его тыквой кверху.

– Есть, капитана! – с удовольствием отозвался Ю-ю, выполняя приказание.

– А теперь считай до пятидесяти, да смотри не сбейся...

Вряд ли надо рассказывать, с каким удовольствием принимал надменный атаман порцию горячих. Мишка старался изо всех сил:

– Не грабь народ! Не трожь красных дьяволят! Не лезь к буденовцам!..

Бандит закрипел зубами и разразился такой забористой бранью, что Ю-ю впервые расхохотался от всей души. А Мишка продолжал всыпать.

На тридцатом шлепке Мишка услышал крик Овода:

– Скорей по коням!..

С большим сожалением Мишка прекратил экзекуцию:

– Ладно. Двадцать штук досыплю на месте.

ПОДАРОК РЕСПУБЛИКЕ

В городе Е. было необыкновенно оживленно и шумно. К главной площади по всем улицам и переулкам двигались потоки людей. На площади стоял уже знакомый нам отряд красных партизан в полном боевом снаряжении. Сегодня он уходил на фронт бить Врангеля. Рабочие организации и граждане города провожали партизан с красными знаменами, песнями и музыкой.

Залитая потоками яркого солнца и красным заревом многочисленных знамен, площадь горела и бурлила. Людское море колыхалось вокруг высокой, наскоро сбитой трибуны.

Митинг был в разгаре.

Говорил рабочий рельсопрокатного завода:

– Советская власть, товарищи, в опасности! Черный ворон – Врангель – все еще сидит в Крыму. Если мы не сбросим его в море, он опять полезет на Украину, а за ним, глядишь, и буржуй вернется, и помещик, и прочие белые гады. Не бывать тому, товарищи!

– Бей Врангеля! – кричала в ответ толпа.

– Вот и я тоже говорю, – продолжал оратор. – Партия зовет нас под ружье! Сам Ленин зовет! Все за оружие, товарищи! Смерть буржуям! Урра-аа!

– Урра-ааа! – загремело над площадью, и громкое эхо разнеслось по всему городу.

Вслед за рабочим на трибуну поднялся командир партизанского отряда Цибуля, перепоясанный патронными лентами.

В заключение своей горячей речи Цибуля дал клятву, что его полк не вернется назад до тех нор, пока ни одного беляка не останется на родной земле. Он упомянул также и о полном разгроме махновских банд и выразил сожаление, что сам Махно все еще не пойман...

Но вдруг Цибуля прервал свою речь на полуслове.

В облаках пыли к площади во весь опор мчался вороной конь с двумя всадниками. С развевающейся по ветру косой впереди сидела девушка, которую поддерживал сзади рыжий парень в изодранной одежде. Далеко позади скакал еще один всадник с большим мешком поперек седла, а на диво всем, придерживаясь одной рукой за стремя, рядом с конем стремительно бежал буденовец.

Партизаны на всякий случай приготовились к бою. Толпа затихла. А когда приблизился вороной конь, она поспешно, раздвинулась, очищая, дорогу.

Рыжик всадник осадил коня у самой трибуны и крикнул с седла:

– Здравствуйте, товарищи!

Цибуля и партизаны увидели отчаянного Следопыта живым и невредимым!

За ним подоспел и Овод с таинственным мешком поперек седла, с неутомимым Ю-ю у стремени.

Знаменитых разведчиков встретили криками «ура». Все трое оказались в могучих объятиях друзей и товарищей.

Сам командир сбежал с трибуны и помог неизвестной девушке сойти на землю. Мишка вытянулся в струнку и громко отрапортовал:

– Дозвольте доложить: поиск проведен успешно. Мы привезли подарок Советской республике!

Цибуля улыбнулся:

– Уж не эту ли красу-царевну вы считаете подарком?

– Никак нет! Наш подарок почище будет! – Следопыт подмигнул своим друзьям.

– Где же он? – удивился Цибуля. – Я не вижу.

– В мешке сидит!

– В мешке?!

Все окружающие прыснули со смеху. Предвкушая что-то необыкновенное, народ тесным кольцом окружил разведчиков.

Командир приказал:

– В таком случае тащите ваш подарок на трибуну.

– Есть тащить на трибуну! – отозвался Следопыт. – А ну-ка, Ю-ю, отвяжи мешок!

Ю-ю мигом исполнил приказание, ловко взвалил странный мешок на плечи и понес на трибуну. За ним поднялись разведчики и командир Цибуля.

Следопыт скомандовал:

– Бросай подарок на середину!

– Есть, капитана! – Ю-ю весело улыбнулся и швырнул мешок на пол.

Мешок громко крикнул, потом зашевелился и вдруг сам собою стал подниматься.

Старушка, стоявшая рядом с трибуной, шарахнулась в сторону:

– Мать пречиста, мешок встает!..

Глухо ворча, мешок действительно встал.

Командир вспылил:

– Это еще что за шутки, медвежонка, что ли, приволокли?

– Зачем медвежонка, тут целый медведь, – невозмутимо ответил Следопыт, развязывая узел.

Любопытство толпы нарастало. Передние ряды вплотную придвинулись к трибуне, а задние полезли на плечи соседей.

Наконец таинственный мешок раскрылся и медленно пополз вниз.

Следопыт отрапортовал Цибуле:

– Вот он – подарок! Получайте, товарищ командир!

И перед изумленными взорами народа предстал какой-то немудрящий человечешка с поднятыми дыбом волосами, весь покрытый мучной пылью, растрепанный и жалкий.

– Это еще что за птица? – спросил командир, не узнавая злого врага Украины.

– Это изменник родины, бандит и грабитель – батька Махно!

Толпа ахнула:

– Махно! Махно! – как ветер, пронеслось по рядам. – Смерть бандиту!..

Махно узнал не только Следопыта, но и Овода, недавно повешенного им в Черной балке...

– Что за наваждение такое? – прохрипел он, пятясь назад. – Опять эта проклятая девчонка!

– Да-да! Это – я! – ответил Овод, подходя ближе. – Иногда и мертвые воскресают, чтобы отомстить живым...

Бандит в ужасе озирался по сторонам. Ему казалось, что он сошел с ума и теперь бредит дикими нелепыми обра-

зами: воскресшая девушка, партизаны, толпы народа, сотни знамен, шум и крики – настоящий кошмар!..

Командир пожал руки всем разведчикам и обратился к народу:

– Товарищи! Наши славные разведчики и в самом деле привезли ценный подарок Советской России: они захватили в плен одного из самых гнусных бандитов – атамана кулацкой банды Махно. Хвала и честь юным героям!..

– Урра-ааа! – загремело над площадью.

Махно готов был растерзать всех на мелкие кусочки, но мог только скрежетать зубами в бессильной ярости и злобе. А тут еще стояла дочь мельника и смотрела на его жалкую фигуру, насмешливо улыбаясь...

На трибуну вошел буденовец и передал Цибуле какую-то коробку.

– Все три здесь? – тихо спросил тот.

– Так точно, товарищ командир!

Цибуля поднял руку, призывая к порядку.

Сотни глаз впились в командира.

– Товарищи! – торжественным тоном начал он. – Я счастлив всенародно заявить здесь, что Коммунистическая партия и Советская власть высоко оценили боевые заслуги и самоотверженность наших отважных разведчиков. Разрешите от имени Республики вручить этим славным героям заслуженные награды...

Цибуля медленно вынул из коробки три блестящих ордена и поднял их над головой.

Долго сдерживаемое напряжение толпы прорвалось. Ураган рукоплесканий и криков «ура» рванулся к небу. Над головами замелькали платки, полетели вверх шапки, а ре-

бятишки, словно стая грачей, посыпались со всех столбов и заборов.

Каждый старался протолкнуться вперед, к трибуне, и хоть одним глазком посмотреть на отчаянных буденовцев, сумевших посадить в мешок самого батьку Махно. Но, кажется, больше всех радовалась дочка мельника, которая давно уже стояла на трибуне, не сводя глаз со своего спасителя – Следопыта.

А когда командир собственноручно приколот к его широкой груди орден Боевого Красного Знамени, Катюша не выдержала и на глазах толпы расцеловала смущенного Мишку.

Нет, Дуняша не решилась поцеловать Ю-ю, но девушка так крепко пожимала ему руки, так нежно поздравляла его с чудесной наградой, что на глазах их верного друга выступили слезы – слезы невыразимого счастья.

ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН

Зима 1931 года была в Гаграх необычайно суровой.

Весь декабрь шел дождь; в январе повалил снег. Это был очень странный снег, хотя так, по-видимому, и должен был выглядеть субтропический снегопад. Огромные, величиной с черешню, снежинки, нарядные, как елочные украшения, медленно опускались в неподвижном воздухе, и это медленное, монотонное падение не прекращалось ни на минуту в течение шести недель. Листья пальм не выдерживали тяжести непривычного снежного груза и ломались. Розы, которым полагалось цвести в это время, распускали свои лепестки над снежной пеленой, как лишайники севера. Так, наверное, выглядели тропические леса Европы в начале ледникового периода.

Всю зиму по Черному морю гулял шторм. На узкую полосу гагринской земли обрушивались огромные, молчаливые волны. Они двигались медленно, длинными правильными шеренгами, на очень большом расстоянии друг от друга, неся на своих гребнях толстых морских птиц. Споткнувшись о берег, валы опрокидывались, а птицы, исчезнув на миг, появлялись на гребне следующей волны. Ровный гул моря не умолкал много недель и уже не воспринимался как шум; прибой казался беззвучным, как снегопад.

Однако Гагры лишились не только тепла, солнечного блеска и благоухания цветущих садов, но также и электрического освещения. Гагринская гидростанция, равная

по мощности мотоциклету, приводилась в действие водопадом, свергавшимся с отвесного склона Жозкварского ущелья. Это был небольшой водопад; он мог бы весь, до последней капли, уместиться в обыкновенной водосточной трубе. Но декабрьские ливни превратили тощую струю в мощный поток, и гидростанция захлебнулась в нем; январские морозы сковали поток, и гидростанция осталась совсем без воды.

На фоне этих странных и грозных явлений особенно зловеще выглядела гибель духана «Саламандра». В старой гагринской крепости друг против друга расположились два конкурирующих артельных духана: «Феникс» и «Саламандра». Темной январской ночью, когда шторм бушевал с особенной силой, «Саламандра», к великой радости «Феникса», сгорела. Духан сгорел со всеми скорпионами, жившими в трещинах крепостной стены. Они были гордостью духана; каждый посетитель, осветив щели спичкой, мог любоваться скорпионами, которые настолько привыкли к аромату шашлыков, запаху красного вина и веселью гостей, что превратились в совершенно безобидных насекомых, вроде сверчков или шелковичных червей. Мрак и пламя скрыли от глаз картину гибели скорпионов, но говорят, что все они, согласно обычаю, покончили самоубийством, ужалив себя в голову и проклиная обманчивое название духана, которому доверились. В Гаграх и сейчас охотно рассказывают об этом событии.

Но гибель «Саламандры» не была последним звеном в цепи несчастий. Большая гора обрушилась на автомобильную дорогу к северу от Гагр, а дорога на юг, размытая дождями, сползла в море. И ни один пароход из-за шторма

не останавливался на открытом гагринском рейде. Горо-
док, засыпанный снегом, скованный стужей и погружен-
ный в темноту, оказался отрезанным от всего мира. Мно-
жество людей, собиравшихся провести в Гаграх месяц
отдыха, остались здесь на невольную зимовку. Они бро-
дили по засыпанному снегом гагринскому парку в тюбе-
тейках и макинтошах, подобно доисторическим людям,
которые зябли в своих демисезонных шкурах среди
надвинувшихся отовсюду ледников.

Если бы не морозы, штормы и обвалы, литературный
клуб в бывшем замке принца Ольденбургского, вероятно,
никогда бы не возник. Всем, бывавшим в Гаграх, знаком
вид этого здания, эффектно прилепившегося к почти от-
весному склону горы, построенного из камня, но в том
прихотливом и затейливом стиле, который характерен для
архитектуры деревянной. Бывшее жилье принца не пора-
жало внутри ни роскошью, ни комфортом; в наши дни
никому не пришло бы в голову назвать подобное здание
«дворцом». Впрочем, во всех комнатах принц поставил
нарядные камины, украшенные разноцветными изразцами.
У одного из этих каминов и собирались члены литератур-
ного клуба, обязанного своим зарождением разбушевав-
шимся стихиям и прежде всего стихии скуки.

От скуки страдали все жители санатория, кроме, разу-
меется, шахматистов. Садясь за доски с утра, они наносили
друг другу последние удары уже в полной темноте. Придя
после многочасовых усилий, к ладейному эндшпилю, не
замечая темноты, а может быть, и пользуясь ею, они ощу-
пью старались загнать друг друга в матовую сеть. Не
унывали и фотолюбители, с редким упорством снимавшие

в течение всего срока пленения один и тот же цветущий розовый куст, полужасыпанный снегом. Тем же, кто был свободен от этих увлечений, было плохо. Все надоело, хотелось домой. Казенные пижамы скрипучего желто-зеленого цвета, «мертвый» час, вдохи и выдохи на утренней зарядке, добрые няни, снующие по коридорам с грелками и клизмами, кровати с сетками, чувствительными, как сейсмограф, и шумными, как камнедробилки, надпись на дверях поликлиники, извещающая о том, что «рентгеновские лучи работают по четным и нечетным числам», – все то, что вначале радовало, казалось приятным, удобным, забавным, сейчас оставляло сердца холодными, раздражало, выводило из себя. Дошло до того, что никто уже не хотел взвешиваться на зыбких медицинских весах в докторском кабинете.

Кое-кто из больных уже поговаривал о том, чтобы «тюкнуть» по маленькой. А нескольких диетиков главврач застиг внизу, в крепости, в духане «Феникс», где диетики пожирали чебуреки, запивая их «Букетом Абхазии».

Вот в какой обстановке зародился литературный клуб у зеленого камина в палате номер семь. Сначала здесь занимались только игрой в отгадывание знаменитостей и разложением слов. Потом стали рассказывать разные истории, преимущественно страшные. Однажды кто-то предложил не рассказывать их, а записывать.

Ничего нет легче, чем убедить человека заняться сочинительством. Как некогда в каждом кроманьонце жил художник, так в каждом современном человеке дремлет писатель. Когда человек начинает скучать, достаточно легкого толчка, чтобы писатель вырвался наружу.

Чтения происходили по вечерам. В зеленом камине сердито шипели и плевались сырые поленья. Красноватый свет керосиновой лампы освещал пространство перед камином, оставляя углы палаты темными. Члены клуба занимали свои постоянные места. Слева сидел почтенный хлебопек Пфайфер, обратив к огню свое доброе лицо старухи. Рядом с ним устраивался военный интендант Сдобнов, всегда докрасна выбритый, в пижаме и сапогах. Еще дальше располагалась на кургузом диванчике женщина-врач Нечестивцева. Председатель клуба Патрикеев устраивался на двух чурбанчиках, поставленных на торцы. Как литератор он был освобожден от писания рассказов, но зато ему было поручено топить камин и следить за угольками, падающими на паркет. В углу на кровати сидел закадычный друг Патрикеева – доктор Бойченко, человек тихий, серьезный, ленинградского воспитания. Рядом с ним, на другой койке, лежал, просунув вишневые ботинки меж прутьев кровати, юрисконсульт Котик, жгучий брюнет с коричневыми белками и волнистыми усами Мопассана.

Девиз клуба, сочиненный Патрикеевым, гласил: «В каждой жизни есть по крайней мере один интересный сюжет». Поэтому авторам разрешалось брать сюжеты только из собственной жизни. А так как жизни у всех были совершенно непохожие, то все написанное оказывалось неожиданным и интересным. Все предполагали, что старичок Пфайфер, знаменитый специалист-хлебопек, напишет о пекарнях. Но он написал рассказ «Как я заболел мокрым плевритом».

Надо сказать, что членам клуба льстило знакомство с известным писателем. Оно возвышало их над обитателями

других палат, рядовыми шахматистами, фотолюбителями и разлагателями слов. Сколь ни мелок этот мотив, мы не можем умолчать о нем. Возможно, что старик Пфайфер был более знаменит среди хлебопеков, чем Патрикеев среди писателей, но о Патрикееве знали очень многие, а о Пфайфере знали только хлебопеки. Иначе и быть не могло, ибо Пфайфер не ставил своего имени на хлебах, как Патрикеев на романах, хотя последние, быть может, и не были лучше выпечены, чем изделия доброго хлебопека.

Патрикеев и его скромный друг доктор были неразлучны: если один отправлялся любоваться прибоем или смотреть на розовый куст, засыпанный снегом, за ним сейчас же отправлялся и другой. Истоки их дружбы никому не были известны; чувство ревности подсказывало членам клуба единственное объяснение: великие люди нередко обременены всякими друзьями детства, бывшими соучениками, соседями по парте, ныне провинциальными бухгалтерами или лекпомами, не замечающими той пропасти, которая образовалась между ними и их знаменитыми сверстниками.

Было известно, что живут они в разных городах: Бойченко – в Ленинграде, Патрикеев – в Москве, но отпуск всегда проводят вместе. Это свидетельствовало о том, что дружба их отличалась пылкостью, свойственной юности, но редко наблюдаемой среди людей, которым перевалило за тридцать. Ни Патрикеев, ни Бойченко не были, однако, коренными жителями северных столиц. В их речи звучал тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать бывшего одессита в толпе ленинградцев и москвичей.

Дела клуба шли прекрасно, но однажды его ревностные члены были возмущены доктором Бойченко, который заявил, что ему не о чем писать. Особенно кипятились старичок Пфайфер и Нечестивцева, с большим успехом прочитавшая накануне новеллу, насыщенную интимной лирикой. Никакие уговоры не подействовали бы на застенчивого и упрямого доктора, если бы не вмешался его друг Патрикеев.

– Не верьте ему, – объявил председатель клуба, – у него больше сюжетов, чем у любого из нас. Володя, – обратился Патрикеев к приятелю, – почему бы тебе не написать о зеленом фургоне?

Через несколько дней Владимир Степанович Бойченко занял место по правую сторону камина и приступил к чтению своего рассказа.

1

Летом 1920 года население местечка Севериновки, Одесского уезда, с нетерпением ожидало нового начальника районного уголовного розыска. Севериновка в те годы была пыльным торговым местечком, с домами из желтого известняка и глины, с базарной площадью и рядами крытых рундуков на ней, с разрушенной экономией графа Потоцкого, церковью, киркой и синагогой. Процент самогонщиков и спекулянтов среди жителей местечка в те времена был настолько велик, что уголовный розыск являлся наиболее посещаемым и влиятельным учреждением в Севериновке. Естественно, что личность нового начальника интересовала всех.

К тому же откуда-то пошел слух, что уезд, обеспокоенный отчаянной репутацией местечка и бытовым разложением прежних начальников угрозыска, которых пришлось убирать из Севериновки одного за другим, решил наконец поставить на колени непокорных севериновцев и с этой целью посылает к ним из соседнего района работника особо подготовленного, человека твердого и даже беспощадного.

Еще никому из прежних начальников не удавалось надолго задержаться в Севериновке, а последний вынужден был исчезнуть, не успев даже справить себе желтых сапог на высоком каблуке и белой козловой подклейке, с носком «бульдог», подколенными ремешками и маленьким раструбом вверху голенища. Ни в Яновке, ни в Петровровке, ни в Кодыме, ни в самой Балте таких сапог шить не умели. Севериновцами было замечено, что этот фасон притягивает к себе начальников с такой же непреодолимой силой, с какой сказочного короля притягивала рубашка счастливого человека. И севериновцы умело использовали магическую силу желтых сапог. Как только в уезде узнавали, что очередной начальник не смог противостоять губительной страсти и принял в дар желтые сапоги, его вызывали в Одессу, выгоняли из розыска и отдавали под суд за взяточничество.

Новый начальник приехал в жаркий июльский день, когда Севериновка казалась почти безлюдной. Горячий ветер перекатывал по базарной площади вороха упавшей с возов соломы, улицы курились пылью, все было накалено и высушено до такой степени, что никого не удивило бы, если бы местечко, шипя и дымясь, начало тлеть. И если

этого не случилось, то только благодаря тому, что раскаленное местечко охлаждала зыбкая топь, никогда не просыхавшая в центре площади, вокруг водопоя.

Новый начальник слез с брички и, побрякивая амуницией, поднялся по ступенькам в помещение уголовного розыска, где его встретила делопроизводитель Анна Семеновна Мурашко, дама лет тридцати пяти, одетая в розовое, фисташковое и кремовое, похожая издали на сладкое блюдо.

Анна Семеновна предъявила новому начальнику – она делала это уже не раз – книгу ордеров на арест и обыск, а также круглую печать и доложила, что в распоряжении районного розыска находятся серая кобыла Коханочка с кавалерийским седлом и ременной плеткой и младший милиционер Грищенко, ныне отсутствующий.

Начальник вернул Анне Семеновне книги и ордера, себе же взял круглую печать и ремennую плетку с рукояткой из заячьей лапы. Затем он вывел из стойла кобылу Коханочку, собственноручно возложил на нее кавалерийское седло и умчался в неизвестном направлении, даже не умывшись с дороги.

Внешность нового начальника, насколько ее можно было рассмотреть под густым слоем степной пыли, подтверждала худшие опасения севериновцев. Ему было всего лет восемнадцать, но в те времена людей можно было удивить чем угодно, только не молодостью. Он был угрюм, неразговорчив и мрачен. Принимая дела у Анны Семеновны, он не произнес и десяти слов. Сложная система ремней, цепочек и пряжек поддерживала на его талии крупнокалиберный кольт, висевший обнаженным, и две

бомбы-лимонки, которые, ударяясь при ходьбе друг от друга, издавали звук, похожий на чоканье. На плече висел новенький японский карабин. Севериновцы решили, что этому человеку не знакомы ни страх, ни жалость.

В первые дни новый начальник ни с кем не знакомился и почти не слезал с Коханочки. Анна Семеновна, у которой накапливались неподписанные бумажки, выходила на крылечко и старалась перехватить начальника, когда он проносился через базарную площадь. Если ей это удавалось, начальник подъезжал к крылечку, не слезая с коня, прикладывая круглую печать к намазанной чернилами подушечке, которую подставляла ему Анна Семеновна, оттискивал печать на бумажке, подписывался и снова скрывался в клубах пыли.

Таинственные разъезды начальника еще более укрепляли севериновцев в их опасениях.

– Зверь! – говорили о нем.

Но с течением времени новый начальник стал меньше разъезжать и занялся распутыванием кое-каких уголовных дел.

Помимо кольта и бомб-лимонок, предназначавшихся для обороны и нападения, он привез с собой увеличительное стекло для разглядывания следов, оставляемых преступником на месте преступления, и карманное зеркальце, с помощью которого можно было, не оглядываясь, установить, не идет ли кто-нибудь сзади. К сожалению, перед отъездом из Одессы он не сумел раздобыть очков с дымчатыми стеклами, париков и грима, которые могли бы оказаться очень полезными в Севериновке.

Он был несколько разочарован, убедившись, что дере-

венские преступники не оставляют после себя тех улик и вещественных доказательств, которые, по всем правилам, должны были бы оставлять на месте преступления: волосков, прилипших к орудиям убийства, оттисков пальцев, окурков, папиросного пепла и отпечатков подметок, которые позволяли бы судить о размерах обуви, походке, характере, имущественном положении и даже внешности правонарушителя. Преступники в Севериновке не оставляли после себя никаких следов. Как бы внимательно ни вглядывался он в свою лупу, он видел всегда одно и то же: мусор и какие-то щепочки.

Исключение представляли следы прикомандированного к розыску младшего милиционера Грищенко. Грищенко обладал прекрасными английскими ботинками военного образца с круглыми шипами на подметке и каблуке. Такими ботинками три-четыре месяца назад торговали в Одессе белые и интервенты. Ботинки оставляли на дорожной пыли и грязи красивые отпечатки, позволявшие судить о передвижениях Грищенко по базарной площади. Отпечатки петляли по всей площади, пересекали ее во всех направлениях, но особенно густо было испещрено ими пространство вокруг рундуков, торговавших снедью. Учась понимать трудный язык следов, новый начальник часто бродил, опустив голову, по площади, вглядываясь в следы Грищенко и стараясь разгадать причины, которые побуждали младшего милиционера столь усердно колесить вокруг рундуков.

Грищенко очень понравился новому начальнику. Если бы природа захотела создать идеального младшего милиционера, она не смогла бы сделать его лучше. Грищенко

обладал необыкновенными способностями в своем деле. Вскоре после приезда в Севериновку новый начальник поехал с ним в соседнее село, изобиловавшее самогонными заводами. Была лунная ночь, спящее село лежало у их ног. Разглядывая с пригорка панораму села, начальник испытывал серьезное затруднение. Он не знал, как отличить хаты, внутри которых работают самогонные аппараты, от хат, где этих аппаратов нет. К его удивлению, Грищенко, втянув ноздрями воздух, уверенно направил бричку в один из дворов, где они и обнаружили самогонный аппарат. Покончив с этим делом, они выехали на улицу, и Грищенко, снова понюхав воздух, обнаружил второй аппарат. Замечательное обоняние было у Грищенко! Он безошибочно улавливал запах дыма, выходящего из труб тех хат, где гнали самогон, никогда не смешивая его с дымом, который клубился над хатами, где пекли, например, хлебы. Он так тонко различал самогонный запах, что, нюхнув печного дыма, мог уверенно сказать, какой самогон гонят в хате: кукурузный, сахарный, сливовый, пшеничный или из мелиса. К сожалению, необыкновенное обоняние Грищенко из-за каких-то атмосферных помех отказывалось действовать в Севериновке, чем только и можно было объяснить, что севериновские самогонщики до сих пор спасались от гибели.

Не менее замечательным было у Грищенко и осязание. На его правой руке сохранились только два пальца – указательный и мизинец, остальные были обрублены при неизвестных обстоятельствах. Всякий другой не смог бы показать и фигу столь изуродованной рукой, похожей на рога, которым вытягивают из печки горшки. Грищенко же

своей двупалой рукой творил чудеса. Погрузив ее в спекулянтский воз, он никогда не вытаскивал ее пустой. Его коричневые цепкие пальцы обязательно выуживали оттуда то квадратные куски подошвенной кожи, то верхний товар – головки, халявки или заготовки, то пачки с табаком, то осьмушки чая, то коробочки с сахарином, то еще что-нибудь из дефицитных предметов, запрещенных в те времена к вывозу из города. Слух о подвигах Грищенко пошел так далеко, что спекулянты стали объезжать Севериновку стороной. Что касается других младших милиционеров, хотя и пятипалых, но менее способных, то они считали сверхъестественную чувствительность грищенковских пальцев результатом его уродства: при ранении якобы были задеты какие-то нервы и сухожилия его правой руки, и это сообщило им почти электрические свойства.

Со своей стороны, Грищенко должен был признать превосходство нового начальника, как человека со средним образованием, в тех случаях, когда надо было составлять протоколы и акты осмотра найденных у дорог трупов.

В то беспокойное время трупы у дорог находили часто.

Новый начальник прекрасно составлял эти акты. Вначале он указывал положение трупа относительно стран света. Затем следовало описание позы, в которой смерть застигла жертву, и ран, которые ей были нанесены. Наконец, перечислялись улики и вещественные доказательства, найденные на месте преступления.

Обычно достоверно было известно только положение трупа относительно стран света: лежит он, например, головой к юго-востоку, а ногами к северо-западу или как-нибудь иначе. Но талант нового начальника проявлял

себя с наибольшей силой именно там, где ничего не было известно. Несмотря на однообразие обстоятельств и мотивов преступлений – все это были крестьяне, убитые на дороге из-за пуда муки, кожуха и пары тощих коней, – догадки и предположения, вводимые им в акты, отличались бесконечным разнообразием. В одном и том же акте иногда содержалось несколько версий относительно виновников и мотивов убийства, и каждая из этих версий была разработана настолько блестяще, что следствие заходило в тупик, так как ни одной из них нельзя было отдать предпочтения. В глазах начальства эти акты создали ему репутацию агента необыкновенной проницательности. В уезде от него ожидали многого.

Успехи нового начальника в этой области были тем более поразительны, что до приезда в деревню он никогда не видел покойников. В семье его считали юношей чрезмерно впечатлительным и поэтому всегда старались отстранить от похорон. Но что были корректные, расфранченные городские покойники по сравнению с этими степными трупами!

Грищенко был первым человеком в Севериновке, который разгадал характер нового начальника. От зоркого глаза Грищенко не укрылось, что каждый раз, когда молодому начальнику приходилось вступать в объяснения с Анной Семеновной, на загорелом лице его проступает легкая краска. Вскоре после этого Грищенко установил, что таинственные разъезды начальника на кобыле Коханочке не имеют никакого другого повода, кроме болезненной застенчивости, заставляющей его искать уединения, мучительно стесняться и избегать людей малознако-

мых; Грищенко понял, что под грозной внешностью начальника скрывается натура робкая, доверчивая и деликатная.

Недели через две все в Севериновке – и Грищенко, и Анна Семеновна, и виднейшие самогонщики местечка, любившие посудачить в свободные часы на крылечке уголовного розыска, – называли нового начальника по имени, Володей. Севериновцы поняли, что на этот раз дело обойдется даже без желтых сапог, которые они уже собирались справлять ему всем местечком. Самогонные заводы, остановленные было на текущий ремонт до выяснения характера нового начальника, задымили в Севериновке так, как они никогда еще не дымили.

2

Однажды Володя возвращался с Поташенкова хутора, куда его вызывали по пустяковому делу о краже кур и гусей. Осмотр курятника не дал ничего существенного. Картина деревенского преступления, как всегда, оказалась скудной и невыразительной. В ней не было ни одной детали, которая могла бы дать пищу воображению. Опустошенный сарайчик со следами недавнего пребывания в нем кур и гусей, сломанная дверка да несколько перьев, выпавших из петушиного хвоста в тот момент, когда злоумышленники извлекали птицу из курятника, – вот и все, что увидел Володя на месте преступления. Он составил протокол, приобщил перья к вещественным доказательствам и покинул хутор.

В этот день в Севериновке был базар, и Грищенко

усердно подгонял лошадей. Грищенко очень любил базары. Лошади бежали проворной рысцой. Это была особая порода лошадей: мелкие, узкогрудые, животастые коники гнедой масти, они ничем не отличались бы от других лошадей, если бы не сургучные печати, привешенные к их жидким хвостам. Гнедые коники являлись вещественными доказательствами и в качестве таковых несли на себе номер дела и печати, подтверждающие их особое юридическое состояние.

Вещественные доказательства лишены свойств обыкновенных вещей. Их нельзя ни продавать, ни покупать, ни дарить, ни тем паче отчуждать в свою пользу. Однако в первые месяцы существования североинского уголовного розыска вещественные доказательства как бы меняли свою юридическую природу. Происходило это благодаря единственному свойству, которое еще связывало эти предметы с круговоротом жизни: вещественные доказательства разрешалось выдавать во временное пользование. Это был патриархальный обычай, свято соблюдавшийся всеми предшественниками Володи. Такой порядок казался совершенно естественным; Грищенко, например, даже был искренне убежден, что вся деятельность североинской милиции должна сводиться к добыванию вещественных доказательств, что они – конечная цель всей работы уголовного розыска и милиции. К тому же он считал, что все в жизни временно, и все, чем мы располагаем в этом мире, по существу находится у нас во временном пользовании. Володя был очень смущен, когда восемь младших милиционеров во главе с Грищенко подали ему заявление: «Просим

выдать во временное пользование по одному фунту постного масла из камеры вещественных доказательств».

Но еще больше был смущен сам Грищенко, когда узнал о реформе, намеченной Володей в отношении конфискованного самогона. Узнав от Володи о предстоящем уничтожении самогона, он неправильно истолковал намерения нового начальника и поэтому спросил, плотоядно хихикая:

— А закуска, товарищ начальник, е?..

Но ему пришлось увидеть небывалое: ароматная желтоватая струя лилась на землю; обертываясь в пыль, она растекалась длинными языками, орошая облюбованное милиционерами местечко в глубине двора, за сарайчиком, точно это не высокосортный первач, а бог знает что. И Грищенко, едва сдерживая стоны, должен был расписаться на «акте уничтожения». Затем наступила очередь самогонных баков и змеевиков, из которых многие поражали своим техническим совершенством. Это было воспринято в местечке как гибель культуры. Весть о необычайном событии разнеслась по району; вся округа погрузилась в горестное недоумение. Самогонщики были вне себя. Это ставило на голову всю их политику.

Обрадовался только местный доктор. Он сейчас же пришел к Володе и стал просить, чтобы конфискованный самогон передали в больницу, где давно уже не было спирта. С этого дня весь самогон шел в больницу.

Влекомая вещественными доказательствами, бричка уже въезжала в местечко, когда со стороны базарной площади послышалась стрельба. Через минуту мимо Володи и Грищенко промчался новый открытый зеленый фургон. Молодой парень стоял на нем во весь рост, широко рас-

ставив ноги в залатанных штанах. Балансируя на ухабах, он нахлестывал разъяренных вороных жеребцов. Едва Володя успел позавидовать этому умению жителя степи – сам он не смог бы устоять и на подводе, едущей шагом, – как зеленый фургон скрылся в клубах пыли. Грищенко задумчиво посмотрел ему вслед и, не ожидая распоряжений, погнал гнедых к базару.

Через минуту бричка выехала на площадь.

Базар был завален арбузами всех сортов – херсонскими, монастырскими, днепровскими, – венками репчатого лука, синими баклажанами, нежно-розовыми глиняными глечиками, в которых вода остается прохладной в самый жаркий день, новыми просяными вениками и другими малопитательными и не дефицитными предметами. Это был, так сказать, видимый базар. Внутри этого видимого базара существовал другой базар – невидимый, который и являлся главным. На невидимом базаре торговали салом, сахаром, кожей. Это был нервный базар, с торговлей из-под полы, вспышками паники, конфискациями и неожиданной стрельбой, – базар тысяча девятьсот двадцатого года.

У въезда в постоялый двор гудела большая толпа. Из толпы навстречу бричке выскочил волостной милиционер Кондрат Жменя, запихивая на ходу новую обойму в свою трехлинейную винтовку.

Кондрат Жменя оглашал воздух бранью. Она сотрясала все его существо, мешая бежать, стрелять и говорить. Тем не менее, хотя и с помощью одних только ругательств, Жменя быстро и точно описал Володе происшедшее.

Только что, на глазах у всего народа, под носом у него, волостного милиционера Кондрата Жмени, в двух шагах от

районной милиции и уголовного розыска, известный всему району дерзкий вор Красавчик угнал фургон и пару лошадей.

Володе не надо было объяснять, кто такой Красавчик. О поимке Красавчика он мечтал со дня своего приезда в Севериновку. Едва услышав это имя, Володя выскочил из брички.

– Где стоял фургон? – спросил он взволнованно.

Он бросился к месту, указанному Жменей, упал на колени и стал разглядывать дорожную пыль сквозь увеличительное стекло. Толпа затихла и с уважением следила за его действиями. Вокруг стояли немцы в черных чиновничьих фуражках и двубортных твинчиках, из-под которых виднелись бархатные фиолетовые нагрудники; молдаване в длинных рубашках, расшитых красным и зеленым; украинские дивчины, замотанные белыми платочками по самые глаза; чинные местечковые самогонщики, одетые по-городскому. Володя видел только их сапоги, попадавшие иногда в фокус его двояковыпуклой линзы. Грищенко куда-то исчез. Володя ползал уже минуты две, но успел разглядеть только несколько непереваренных конскими желудками овсинок. От этого занятия его отвлек протиснувшийся сквозь толпу Грищенко.

– Що вы тут шукаете, товарищ начальник? Це ж одно смиття! – сказал он по-украински. Со всеми Грищенко разговаривал по-русски, а с Володей почему-то только по-украински. – Чи, може, вы шукаете тут вещественные доказательства? – добавил он.

В его словах звучал льстивый оптимизм, с помощью которого он старался отвлечь внимание начальника от за-

жатого под мышкой круглого румяного кныша; происхождение кныша не оставляло сомнений, а быстрота, с которой он появился, была почти сверхъестественной.

Но Володя как зачарованный продолжал разглядывать землю, на которой запечатлелся невидимый след преступления.

– Прямо счастье, что толпа не затоптала следы, – сказал он. – Они нам расскажут, куда скрылся Красавчик.

– Красавчик? – удивился Грищенко. – Да мы ж его бачили. До Одессы подался Красавчик.

– То есть, как – бачили? Почему до Одессы? – уставился на него Володя.

– Зеленый фургон у криницы мы бачили? Бачили. Хлопца на том фургоне мы бачили? Бачили. Так то ж Красавчик и був.

От изумления Володя чуть было не выронил увеличительное стекло.

– В погоню! – крикнул он и бросился к бричке.

– В какую погоню? – холодно спросил Грищенко, не трогаясь с места. – А коней напугать?

– Да ты же их напугал на хуторе? – удивился Володя.

Гнедые стояли понурившись. Их обвислые, старческие губы едва не касались широких, плоских копыт, рыжеватая шерсть была как бы побита молю, вместо хвостов торчали черные резиновые репки, почти лишенные волос. Понятие погони было чуждо их опыту и их физической организации. Гнедые занимали такое же место среди лошадей, как маневровый паровоз серии «фита» среди курьерских паровозов.

– Грищенко, – сказал Володя, сильно покраснев, – я

приказываю тебе немедленно отправиться со мной в погоню.

Грищенко понял, что погоня неизбежна. Он засунул кныш в козлы, под сиденье, где хранились уздечки, цепной тормоз для спуска с крутого косогора и запасной шкворень; влез на сиденье и, глухо чертыхаясь, вытянул гнедых по бокам кнутовищем.

Через минуту бричка выкатилась на шлях, по которому они только что въезжали в местечко.

3

Грищенко безжалостно хлестал гнедых. Кнутовище с глухим стуком ударяло по их бугристым хребтам. Кони скакали тем вялым галопом, глядя на который встречные лошади не могут прийти в себя от изумления. Столь медленный галоп, несомненно, находился на грани невозможного. Высоко вскидывая то головы, то крестцы, гнедые колыхались над дорогой, и со стороны никак нельзя было понять, мчатся они во весь карьер или плетутся шагом. Их тянуло назад, к камере вещественных доказательств, к опису.

– Но-о, милицейская худоба! – кричал Грищенко, хлопая гнедых кнутовищем по угловатым крупам, по частоколу ребер и даже по черепам, издававшим кувшинный звон.

Но ему не удавалось выколотить из лошадей ничего, кроме пыли. Равнодушно отмахиваясь сургучными печатями, гнедые продолжали симулировать галоп. Грищенко стоял на передке в позе Красавчика; балансируя на ухабах,

он широко замахивался на гнедых, гикал, свистел. Всем своим видом он изображал лихую погоню. Была ли в этом шуме и свисте какая-то фальшивая нота, понятная лошадям, или, быть может, между энергичным причмокиванием, подергиванием вожжей и взмахами кнута существовал какой-то разнобой, приводивший к тому, что каждое из этих действий как бы отменяло предыдущее, но скорости не прибавлялось.

Грищенко тянуло назад, в местечко, к туго набитым мужицким возам, к маленьким базарным радостям и удачам, от которых его так бессмысленно оторвали.

Когда бричка взобралась на бугор, Грищенко обернулся к Володе и показал вперед кнутовищем. По противоположному склону балки двигался зеленый фургон. Возница его нахлестывал лошадей. Володе страшно захотелось соскочить с брички, сбросить с плеча японский карабин, упасть на колено и пустить меткую пулю вдогонку беглецу. Но он постеснялся Грищенко; как-никак до фургона было километра два, и этот выстрел мог показаться Грищенко недостаточно солидным. Пока Володя боролся с сомнениями, зеленый фургон перевалил через бугор и исчез из глаз. Падать на колено было поздно.

Когда они взобрались на второй бугор, впереди уже никого не было видно.

Володя начал опрашивать встречных.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — вежливо обращался он к проезжему дядьку, — вы зеленый фургон и вороных жеребчиков по дороге бачили?

— Бачили, бачили, — отвечал дядько — вон за тим горбочком.

Дядько долго стоял на месте и смотрел вслед бричке. А погоня скакала дальше, пока не встречала другого дядька, и тот тоже после разговора с Володей застыл на месте и глядел ему вслед.

Уже много дядьков стояли как зачарованные на пыльном шляху, а Володя все продолжал расспросы.

– Простите, не побачили ли вы зеленый фургон с воронными жеребчиками? – спрашивал он, и все отвечали ему, что бачили.

Грищенко мрачно молчал, не желая облегчать переговоры с дядьками.

Чем ниже опускалось солнце, тем меньше дядьков попадалось им навстречу. Когда же бричка взобралась в на третий горбочек, Володя и Грищенко уже ничего не увидели впереди, так как стало темно.

Из темноты навстречу бричке выехал длинный обоз.

В те времена люди по шляхам ночью не ездили. Селяне, купцы, извозчики-балагулы старались попасть на постоянный двор засветло. Если же сумерки настигали проезжего в пути, он останавливался и ждал попутчиков. Подъезжала одна подвода, потом другая, третья. И когда их собиралось много, они двигались шумным обозом. Так во время войны ходили по морям караванами торговые суда союзных держав, спасаясь от подводных лодок.

Лиц дядьков не было видно, только сигарки вспыхивали в темноте и сквозь скрип колес были слышны слова – то украинские, то болгарские, то немецкие. Володя опрашивал невидимых дядьков. Они тоже встречали одинокий фургон, но не могли сказать, был ли он зеленым.

Еще полчаса ехали Володя и Грищенко, никого не

встречая. Проехав Ильинку, Грищенко остановил бричку, чтобы посвистать гнедым.

– Чуете? – спросил он, прислушиваясь к чему-то.

– Чую, – ответил Володя, думая, что вопрос относится к поведению лошадей.

Но Грищенко продолжал вслушиваться в степную тишину. Где-то звенели втулки фургона. Звук то усиливался, то замирал, окраска его менялась: то он был похож на шум струи, льющейся из крана, то на комариное пение.

– Красавчик, – сказал Грищенко, ткнув в темноту кнутовищем.

Не раз удивлял он Володю своим необыкновенным слухом. По звону втулок он за три версты мог определить, едет ли фургон, или рессорный молочник, или арба, или бричка, или мажара. А в своей деревне, слыша далекий звон втулок, он мог даже сказать, чей фургон едет, чья арба, чей молочник.

Ильинка и Куяльницкий лиман, блеснувший где-то внизу, остались слева. Бричка спускалась в балку, к тому месту, где в нескольких саженях от дороги стоял остов сожженного грузовика. На всем шляху – от Одессы до самой Балты – не было места хуже. Придорожная верба у Ангелова хутора, гребля за Яновкой, погорелая Петровевская экономия, могила у Ширяева и еще одна могила, поближе к Одессе – все эти опаснейшие места степного фарватера, известные всякому, кто ездил тогда по Балтскому шляху, не могли сравниться с этим зловещим грузовиком в балочке за Ильинкой.

Кругом зияли выходы из каменоломен. Неподалеку вытянулись нехорошие села Кубанка и Малый Буялык.

Грищенко остановил бричку и, громыхнув затвором, вогнал в ствол патрон. Володя торопливо сделал то же.

– Но, милицейская хужоба! – сказал Грищенко негромко, и они двинулись вперед.

Володя сжимал карабин, едва сдерживая радость. Он убеждался, что храбр. Он склонялся к этой мысли и раньше, но, желая быть честным и требовательным к себе, откладывал окончательный вывод до проверки на деле. Володя спокойно вглядывался в темноту, и, хотя очертания грузовика казались ему более уродливыми и зловещими, чем обычно, рука его, ощущавшая влажное от вечерней сырости ложе карабина, была тверда.

Он даже почувствовал некоторое разочарование, когда убедился, что бандиты, по-видимому, решили не появляться этой ночью у грузовика. Но едва он подумал об этом, как Грищенко так резко осадил коней, что Володя, державший указательный палец на курке своего карабина, едва не выстрелил ему в спину.

Грищенко соскочил с козел и показал вперед дулом своего манлихера⁸. Володя тоже соскочил и, выставив вперед свой карабин, стал рядом с Грищенко.

– Бачите? – спросил тот Володю замороженным голосом.

– Ни, – ответил Володя почему-то по-украински. Грищенко присел на корточки. Володя присел рядом с ним и почти приник щекой к земле: так ночью в степи лучше видно – очертания предметов вырисовываются на светлом фоне неба.

---

⁸ Манлихер – австрийская винтовка.

– Якась зараза там на дороге качается, – прохрипел Грищенко.

Наконец и Володя увидел впереди что-то большое, черное. Черное пятно бесшумно двигалось то в сторону, то навстречу, угрожающе шевелилось. Иногда оно приподнималось над дорогой и несколько мгновений висело в воздухе, иногда застывало на месте. Они сидели на корточках довольно долго, но черное пятно не уступало дороги. Ничто не нарушало тишины. Наконец Грищенко встал, и они начали медленно продвигаться вперед.

Вдруг слабый, едва уловимый запах долетел до них. Грищенко выпрямился и матюкнулся. Они быстро пошли вперед, и чем ближе подходили к черному пятну, тем удушливее становился запах. Ночной мираж исчез. Пятно перестало качаться в воздухе и приняло определенные очертания. У обочины лежала дохлая лошадь с огромным вздувшимся животом. В тот год у дорог валялось много дохлых лошадей.

Они вернулись к бричке. Грищенко, растерев на ладони щепоть доморослого «самограя», свернул толстую сигарку. Желтое пламя зажигалки на секунду осветило ухабы и выбоины его щербатого лица.

– Чуете? – спросил он, затягиваясь. Где-то тонкой свирелью звенели втулки.

– Хоть бы какой-нибудь отпечаток, какой-нибудь след, какая-нибудь примета! – грустно сказал Володя.

Но у следствия не осталось ничего. Все следы, все отпечатки остались на месте преступления и погибли безвозвратно.

– Приметы? – сказал Грищенко. – Приметы я все бачив.

Он приставил палец к ноздре и звучно высморкался в степь; затем приставил палец к другой ноздре и высморкался еще раз.

— Заднее левое колесо новое, — сказал он наконец, — спицы не крашены. На задку — розочки... Жеребцы вороные, два аршина, два вершка, белые лысины, хвосты стрижены... Нарытники⁹ немецкой работы, с бляшками... Ще що? Кони не кованы.

Володя оторопел. Он знал, что Грищенко обладает поразительным зрением, но то, что он сейчас услышал, превзошло все его ожидания. Сколько важных вещей сумел увидеть и запомнить этот человек, взглянув мельком на мчавшийся зеленый фургон, который пронесся мимо них и скрылся в клубах пыли, раньше чем он, Володя, успел заметить лицо преступника!

Догнать Красавчика не было никакой надежды. Грищенко сел на сиденье рядом с Володей, вынул из козел кныш и, разломив его пополам, угостил начальника.

Володя рассеянно принял угощение. В голове у него зрел план.

— Правь на Одессу, — сказал он после долгого раздумья.

Грищенко чмокнул. Усталые гнедые поплелись к Одессе.

Кныш оказался с гречневой кашей, печенкой и шкварками. Съев кныш, Володя и Грищенко задремали, зная, что гнедые сами найдут дорогу в город. Долго еще слышалось Володе далекое верещание, но он уже не знал, верещат это втулки Красавчика, или у него самого звенит в ушах.

---

⁹ Нарытник — шлея.

Бричка вздрагивала на ухабах, чокались друг о друга германские бомбы-лимонки, черный американский кольт, качаясь на ремешке, позвякивал о сталь японского карабина, а молодой начальник, прислонившись к плечу соседа, тихонько посапывал, словно дул в камышинку.

4

Как разгадать намерения преступника, если о них ничего не известно? Володя знал, что отвечает на этот вопрос теория и практика розыска: нужно поставить себя на место преступника.

Что сделал бы он, Володя, на месте Красавчика? Длинная цепь логических умозаключений привела Володю к выводу, что на месте Красавчика он заехал бы на ночевку в какой-нибудь постоянный двор на окраине Одессы.

Володя решил переночевать в Одессе, а рано утром тщательно осмотреть подозрительные постоянные дворы на Балковской улице. Таков был план, который он составил, жуя грищенковский кныш. Кстати, на завтра у него была назначена в Одессе встреча с агентом второго разряда Шестаковым по очень важному и совершенно секретному делу.

Если Грищенко в глазах Володи являлся олицетворением фронтовой доблести, то новый агент второго разряда Виктор Прокофьевич Шестаков, прибывший в Севериновку на неделю позже Володи, представлял собой зрелище более чем невзрачное. В Грищенко все говорило о подвиге; и короткая австрийская шинель, и тяжелый манлихер, который он носил на ремне прикладом вверх, И

серьга в ухе, и знаменитая двупалая рука. Володя уважал Грищенко за зрение, за слух, за обоняние, за осязание. Он уважал его за ботинки – знаменитые английские военные ботинки на шипах, весом по два с половиной кило каждый, ботинки героя.

А Шестаков, немолодой, болезненный человек, ходил по улице в деревянных сандалиях, дома же – босиком. Деревянные сандалии, называвшиеся в Одессе, стукалками, при ходьбе щелкали, как кастаньеты, и по этому шуму за километр можно было узнать о приближении детектива. Володя не раз с неудовольствием спрашивал Шестакова:

«Ну, а что вы будете делать со своими стукалками, Виктор Прокофьевич, если вам придется подкрадываться?»

И Виктор Прокофьевич смущенно отвечал:

«Тогда я их сниму и буду подкрадываться босиком».

В общем, сначала Володя недолюбливал Виктора Прокофьевича за стукалки, за седенькую проперченную эспаньолку, которая помешала бы ему заgrimироваться, если бы этого потребовала служба, за покатые плечи, которые делали его заведомо негодным для джиу-джитсу. Эгоизм восемнадцатилетнего здоровяка мешал Володе проникнуться сочувствием к болезням пожилого человека. Он не верил в существование катара желудка, диабета и камней в почках. Лицо Виктора Прокофьевича носило на себе следы всех болезней, свойственных его возрасту. Покрытое мешочками, припухлостями, складочками и извилинами, оно рассказывало о них, как оглавление о содержании книги. Одно веко у него часто подмигивало, и Володя думал сначала, что Виктор Прокофьевич подмигивает нарочно. Все свои болезни Виктор Прокофьевич

разделял на внутренние и хирургические. Однако он не лечил ни те, ни другие. Не признавая официальной медицины, он являлся последователем универсальной системы траволечения. Он применял ее много лет и главным аргументом в ее пользу считал тяжелое состояние своего здоровья. Чем хуже ему становилось, тем больше крепла его вера в систему траволечения. «Какова должна быть ее целебная сила, — говорил он, — если даже столь серьезные болезни не в состоянии ее победить?» Разруха лишила Виктора Прокофьевича необходимых ему лекарственных трав и снадобий. Но с прекращением траволечения здоровье его не ухудшилось. Объяснение этому нужно искать в явлении, отмеченном многими наблюдательными людьми: болезни, лишённые в суровую эпоху войны и голода того внимания, забот и ухода, которыми их обычно окружают, зачахли, захирели и потеряли былую власть над человеком. Верно это или нет, но Виктор Прокофьевич, скрипя и перемогаясь, нес службу. Он не был мнительным. Наоборот, он находил злорадное удовольствие в пренебрежении к своим болезням. Он не хотел их нежить в постели. Он заставлял их прозябать. И только катар желудка иногда брал над ним верх. Тогда он присаживался на корточки и, считая, что это ему помогает, пребывал в этой позе часами, пока не проходил приступ. Лицо его становилось беспомощным и немного виноватым. Все мешочки, припухлости и складочки выступали на нем еще более рельефно, чем обычно. «Забирает, собака!» — говорил он, как бы оправдываясь в своей слабости. С нетерпимостью первого ученика Володя осуждал и то, что можно назвать научными заблуждениями Виктора Прокофьевича. Не получив ни-

какого образования, взявшись за чтение уже в пожилом возрасте, Виктор Прокофьевич пронес через всю жизнь бремя некоторых научных заблуждений, от которых ни за что не хотел отказываться.

Не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека. Огурцы вредны. Писатель Алексей Толстой – сын Льва Толстого. Лучший в мире пистолет – наган солдатского образца. Арбузы чрезвычайно полезны. Евреи могут петь только тенором. Характер мышления зависит от состава пищи и т. д.

Желая отметить свое пятидесятидвулетие, Виктор Прокофьевич поехал в Одессу и купил себе в подарок гипсового коня. Володя иронически отнесся к этому поступку. С нечуткостью человека, никогда не знавшего, что такое одиночество, избалованного привязанностью Друзей и родных, он осуждал маленькие чудачества и странности этого старого, заброшенного холостяка.

Но однажды Виктор Прокофьевич прогремел на весь уезд; он разыскал и вернул потерпевшему пару украденных лошадей. Обнаружение украденных лошадей в те времена в уездном розыске считалось почти невозможным. Сам начальник уезда товарищ Цинципер поддерживал эту теорию. Виктор Прокофьевич, работавший в розыске всего лишь недели две, проявил в этом деле прямолинейность невежды. Пренебрегая самой элементарной разработкой, как был в деревянных стукалках, он поехал на ближайший конский рынок, где потерпевший и опознал своих кобыл.

С этого дня Володя стал подозревать в Викторе Прокофьевиче талант самородка, поселился с ним в одной комнате и, в конце концов, подружился со стариком. Он

понял, что все научные заблуждения Виктора Прокофьевича, все его маленькие чудачества не могут заслонить двух его качеств: честности и здравого смысла. В свою очередь, Шестаков привязался к Володе. Это не была корыстная и насмешливая дружба Грищенко, а искренняя привязанность человека добродушного и бесхитростного.

Шестаков был старым метранпажем. Всю жизнь он простоял за талером в одной из типографий Рязани. Ровная и спокойная линия его судьбы под конец изобразила неожиданную закорючку: типографию ликвидировали, а его перебросили на работу в милицию. Как раз в это время в Рязани и уездных городах – Пронске, Егорьевске, Сапожке, Спаске – набирали милиционеров для посылки на Одещину, только что освобожденную от белых. Шестаков, считавший свои болезни действительными только при призывах в царскую армию, принял мобилизацию без возражений. Как был, в черной сатиновой рубашечке с перламутровыми пуговичками, подпоясанной шнурком, нацепив лишь большой милицейский нагрудный знак, он погрузился в теплушку и после двухнедельного путешествия вместе с тремястами пожилых рязанских милиционеров прибыл в Одессу. Все это были члены профессиональных союзов, люди непризывных возрастов, степенные и малоподвижные; в первое время им трудно было тягаться с многоопытными одесситами, которых стесняли рамки законности. Два качества, однако, делали их большой силой: верность и честность. Все знали: раз рязанец – значит, ничего не возьмет и никого напрасно не обидит.

В Одессе Шестакова перевели из милиции в уголовный розыск. Так старый метранпаж стал агентом уголовного

розыска, так он променял Рязань, в которой прожил всю жизнь, на Одессу, и все это случилось раньше, чем типографская краска вымылась из-под его ногтей. Товарищ Цинципер внимательно отнесся к новому агенту, решил не бросаться им зря и поэтому направил его в Севериновку, так как считал, что именно здесь под руководством Володи тот приобретет наиболее глубокие знания в наиболее короткий срок.

Володя усердно занялся повышением квалификации Виктора Прокофьевича. Он заставил его прочитать учебник судебной медицины, ознакомиться с основами химии и даже проштудировать курс дактилоскопии, хотя севериновский уголовный розыск и не располагал еще ни дактилоскопическим кабинетом, ни преступниками, которые могли бы оставлять в нем отпечатки своих пальцев. С присущим ему уважением к книгам Виктор Прокофьевич читал все, что ему давал Володя; он внимательно выслушивал историю о баскервильской собаке и с интересом разглядывал сквозь лупу строение текстильных тканей, эпидермис кожи и человеческие волосы различных групп, добываемые Володей у младших милиционеров. При этом он думал то, что должен был думать старый, благоразумный типограф, знающий и видящий многое такое, чего нельзя разглядеть в самую сильную лупу. Однажды вечером, сидя по обыкновению на корточках у стены и дымя козьей ножкой, он сказал Володе:

– Как хотите, Володя, а мое мнение такое: главное в нашем деле – не ползание на четвереньках с увеличительным стеклом, а поддержка населения. Кого больше – честных людей или жуликов? Если все честные люди возьмутся нам помогать, мы скоро останемся без работы.

Он стал разъезжать по комитетам незаможников, деревенским ячейкам комсомола, всеобучам, делал доклады в волостных ревкомах и тихо и незаметно, без шума и стрельбы, изрядно почистил за месяц несколько деревень вокруг Севериновки.

Благодаря Виктору Прокофьевичу в камере арестованных севериновского уголовного розыска наконец затеплилась жизнь. Он обнаружил преступников там, где Володе никогда не пришлось бы в голову их искать: в самой севериновской раймилиции. Он извлек оттуда целую плеяду взяточников и даже, невзирая на протесты Володи, стал подбираться к Грищенко.

Отрицать успехи Виктора Прокофьевича Володя не мог, но применяемые им методы он считал кустарными. «Это все равно, что красивое пение без школы», – говорил он. Шестаков между тем, ободренный удачами, поставил перед собой задачу, которую Володя считал непосильной даже для себя. Он решил поймать знаменитого бандита Сашку Червня. Поимка Червня и была тем важным и совершенно секретным делом, ради которого у Володи было назначено свидание в Одессе с Виктором Прокофьевичем.

5

Володя приехал домой поздно ночью, бросился в чистую постель, приказал, чтобы его разбудили ровно без двадцати минут шесть, и моментально уснул.

Ровно без двадцати шесть мать разбудила Володю. За годы его ученья она приучила себя просыпаться в заказанное сыном время с точностью до одной минуты. Если

бы это понадобилось Володе, она могла бы проснуться в шесть минут пятого или без семнадцати три.

Проснувшись, Володя, по старой привычке, нежился минут пятнадцать в постели, хотя и сознавал, что каждая минута промедления может оказаться губительной для дела.

Эти пятнадцать минут были наполнены приятными размышлениями. Володя вспомнил, что отвечает за пять волостей, и эта мысль доставила ему удовольствие. Он повторил про себя названия своих волостей: Севериновская, Бельчанская, Фестеровская, Куртовская, Буялыкская. Он представил себе их очертания на географической карте. Фестеровская волость была похожа на маленькую Италию, а весь район – на распластанную телячью кожу. Володя вспомнил улицы, площади, рощи и баштаны знакомых сел, помечтал о неизвестных землях и неисследованных хуторах на окраине района, где он еще не успел побывать.

Володя полюбил деревню так, как может полюбить ее только закоренелый горожанин в семнадцать лет. Поездка в незнакомое село радовала его, как географическое открытие. Володю влекло туда, где не ступала еще его нога. За каждым горбчком, за каждой рощей перед ним открывались неизвестные страны. В бричке он становился путешественником. Ему нравился самый процесс езды: в бричках ездили ответственные работники. В пути разморенный зноем и монотонным покачиванием, Володя любил наблюдать, как мелькает заклепка на ободке колеса, как вздрагивает на ухабах проеденное ржой крыло брички, как подпрыгивает съехавший на спину наган Грищенко, сидящего на козлах. Он с гордостью думал, что все это движение совершается ради него. От него зависит, куда ехать.

Везут его, Володю. Ради него, Володи, вертятся колеса, семянят гнедые коники и Грищенко размахивает кнутом.

Тщеславие, простительное в человеке, который еще не привык быть взрослым, иногда побеждало врожденную Володину скромность. В глубине души он сознавал, что носит кольт обнаженным не потому, что это удобно, а потому, что это приятно. Не менее приятно было ставить на бумаге круглую печать. Иногда он оттискивал ее и на тех бумагах, где достаточно было углового штампа. В протоколах допроса ему нравилась заключительная фраза: «Больше ничего показать не имею, в чем и расписываюсь». Ему импонировала и общая конструкция фразы и особенно глагол «не имею». Ему казалось, что это слово превосходно отражает ту крайнюю степень опустошенности, какую являет собой обвиняемый в результате искусного допроса — обессиленный, дрожащий, открывший все свои мрачные тайны, раздавленный неумолимой логикой следователя.

Но больше всего Володя любил расхаживать по базару меж возов и ловить на себе почтительные взгляды приезжих хозяев. Иногда он подходил к ним и проверял их документы и конские карточки. Дядьки были большей частью совершенно мирные, и документы их оказывались в полном порядке. Володя уходил от возов, чувствуя свою вину перед дядьками; он был молод и не догадывался, что дядьки им весьма довольны. Довольны же они были потому, что испытывали радостное ощущение миновавшей опасности. Сохраняя монументальную неподвижность, которая позволяла догадываться о том, что они сидят на продуктах, привезенных для продажи и спрятанных где-то в глубине фургонов, под мешками с сечкой, под овчинами,

ряднами и соломенной трухой, хозяева еще долго смаковали воспоминание о неприятностях, которые могли с ними произойти, но не произошли; а Володя в это время шагал в другом конце базара, пристально вглядываясь в лица дядьков и чувствуя на себе их почтительные взгляды.

Володя гордился не только своей работой, но и своими друзьями: верным Шестаковым и смельчаком Грищенко. Но его очень огорчала неприязнь, которую питали друг к другу эти превосходные люди. Действительно, им трудно было сойтись – уж очень они были различны. Шестаков был совершенно равнодушен к вещественным доказательствам, Грищенко обожал обыски и конфискации. Шестаков был близорук, кособок и немного смешон; Грищенко был строен, могуч и ловок, как Кожаный Чулок. Только один раз мелькнула надежда, что они сойдутся во взглядах: совершенно случайно выяснилось, что Грищенко так же, как Шестаков, является горячим сторонником траволечения. Увы! Грищенко считал, что все травы нужно настаивать на водке. Он даже рассматривал последнюю как главный ингредиент целебного настоя. Это вызвало, конечно, горячие возражения со стороны Виктора Прокофьевича и в конце концов еще более отдалило друг от друга Володиных друзей.

Итак, Володя нежился в постели, но, вспомнив о Балковской, он вскочил на ноги. Он одевался, умывался и завтракал с такой стремительностью, что уже через десять минут был совершенно готов. Нацепив на себя кольт и торопливо чмокнув мать, он побежал к Шестакову.

Володя избегал приподнимать завесу над своим прошлым. Биография была его больным местом.

В каждом гвоздике грищенкоовских ботинок, в каждой рябине его изрытого оспой лица было больше героизма, чем во всем Володином прошлом. Кто бы мог подумать, что за спиной начальника севериновского уголовного розыска нет ничего, кроме гимназии! Что человек, приводивший в трепет целое местечко, еще два месяца назад был гимназистом седьмого класса? Но это было так. По молодости лет Володя еще ни с кем не воевал: ни с белыми, ни с петлюровцами, ни с махновцами, ни с григорьевцами. Он не был ни на одном из фронтов и две собственные бомбы-лимонки, привезенные им с собой в Севериновку, он выменял у знакомого пятиклассника на фотоаппарат, полученный от папы в день рождения.

Он попал в уголовный розыск по знакомству. Друг отца, помощник присяжного поверенного Цинципер, подвергавшийся репрессиям при царизме, был назначен Советской властью начальником уездного уголовного розыска. Товарищ Цинципер, человек городской, гуманитарного воспитания, никогда до этого назначения в деревне не бывал, если не считать выездов на дачу в Гниляково. Из крестьян он знал только молочниц. Вероятно, ему никогда не приходилось видеть и преступников. Он не встречал их даже в качестве подзащитных, ибо из-за радикальных убеждений при старом строе был лишен практики. Однако назначение товарища Цинципера не было ошибкой. Дело в том, что у Советской власти совершенно не было специалистов по уголовному розыску. Специалисты были лишь из старого сыскного отделения, но их не только нельзя было привлекать к работе, но, наоборот, полагалось разыскивать и сажать. И получилось почему-то так, что больше всего в

уездном уголовном розыске оказалось присяжных поверенных; на втором месте были гимназисты, затем шли педагоги, зубные врачи и прочие лица, отбившиеся от своих профессий, лица совсем без определенных занятий и, наконец, просто лица, искавшие случая поехать в деревню за продуктами. Среди них затерялась кучка пожилых рязанских милиционеров и несколько рабочих-коммунистов, присланных уком партии. Таков был уголовный розыск, которому предстояло победить преступность на родине Мишки Япончика.

Володин отец не был в восторге от того, что товарищ Цинципер принял на службу его сына. Отец всегда мечтал о том, что Володя пойдет на филологический факультет Новороссийского университета. Мальчик лучше всех в классе писал сочинения и редактировал гимназический журнал «Следопыт». Правда, могло быть еще хуже. Конечно, уголовный розыск – это не филологический факультет. Но каково было одному из его знакомых, чей сынок пошел в воры?

Три с лишним года Одессу окружала линия фронта. Фронт стал географическим понятием. Казалось законным и естественным, что где-то к северу от Одессы существуют степь, леса Подолии, юго-западная железная дорога, станция Раздельная и станция Перекрестово, река Днестр, река Буг и – фронт. Фронт мог быть к северу от Раздельной или к югу от нее, под Бирзулой или за Бирзулой, но он был всегда. Иногда он уходил к северу, иногда придвигался к самому городу и рассекал его пополам. Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо.

Улицы давали названия битвам. Были улицы мирной

жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений – улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Рижельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу. Никто не воевал на тихой Ремесленной, а на соседней Канатной не оставалось ни одной непростреленной афишной тумбы. Карантинная не видела боев – она видела только бегство. Это была улица эвакуации, панического бега к морю, к трапам отходящих судов.

У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы поспешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронтоне одесского вокзала в те дни.

Так три с лишним года жила Одесса. Пока большевики были за линией фронта, пока они пробивались к Одессе, городом владели армии австро-германские, армии держав Антанты, белые армии Деникина, жовтоблаkitная армия Петлюры и Скоропадского, зеленая армия Григорьева, воровская армия Мишки Япончика.

Одесситы расходились в определении числа властей, побывавших в городе за три года. Одни считали Мишку Япончика, польских легионеров, атамана Григорьева и галичан за отдельную власть, другие – нет. Кроме того, бывали периоды, когда в Одессе было по две власти одновременно, и это тоже путало счет.

В один из таких периодов произошло событие, окончательно определившее мировоззрение Володиного отца.

Половиной города владело войско украинской диктатории и половиной – Добровольческая армия генерала Деникина. Границей добровольческой зоны была Ланжероновская улица, границей петлюровской – параллельная ей Дерибасовская. Рубежи враждующих государственных образований были обозначены шпагатом, протянутым поперек улиц. Квартал между Ланжероновской и Дерибасовской, живший меж двух натянутых шпагатов, назывался нейтральной зоной и не имел государственного строя.

За веревочками стояли пулеметы и трехдюймовки, направленные друг на друга прямой наводкой.

Чтобы перейти из зоны в зону, одесситы, продолжавшие жить мирной гражданской жизнью, задирали ноги и переступали через веревочки, стараясь лишь не попадать под дула орудий, которые могли начать стрелять в любую минуту. Однажды и Володин отец, покидая деникинскую зону, занес ногу над шпагатом, чтобы перешагнуть через него. Но, будучи человеком немолодым и неловким, он зацепился за веревочку каблуком и оборвал государственную границу. Стоявший поблизости молодой безусый офицер с тонким интеллигентным лицом не сказал ни слова, но, сунув папироску в зубы, размахнулся и ударил

Володиного отца по лицу. Это была первая оплеуха, полученная доцентом медицинского факультета Новороссийского университета за всю его пятидесятилетнюю жизнь.

Почти ослепленный, прижимая ладонь к горячей щеке, держась другой рукой за стену, он побрел, согнувшись, к Дерибасовской и здесь, наткнувшись на другую веревочку, оборвал и ее. Молодой безусый петлюровский офицер с довольно интеллигентным лицом развернулся и ударил нарушителя по лицу. Это была уже вторая затрещина, полученная доцентом на исходе этой несчастной минуты его жизни. Когда-то он считал себя левым октябристом, почти кадетом; он заметно полевел после того, как познакомился с четырнадцатью или восемнадцатью властями, побывавшими в Одессе; но, получив эти две оплеухи, он качнулся влево так сильно, что оказался как раз на позициях своего радикального друга Цинципера и сына Володи.

Город просыпался, когда Володя выбежал на улицу. Улицы были пустынные, солнце еще пряталось за крышами домов, сыроватый воздух был по-ночному свеж. Однако это не был нормальный утренний пейзаж мирного времени. Это не было пробуждение города, который плотно поужинал, хорошо выспался, здоров, спокоен и рад наступающему дню. Не было видно пожилых дворников в опрятных фартуках, размахивающих метлами, как на сенокосе, и румяных молочниц, несущих на коромыслах тяжелые бидоны с молоком; не гудел за поворотом улицы первый утренний трамвай; подвалы пекарен не обдавали жаром ног прохожих, и забытая электрическая лампочка не блестела бледным золотушным светом на фоне наступив-

шего дня. Никто не подметал Одессу, никто не поил ее молоком. Уж год не ходили трамваи, давно не было в городе электричества, а в пекарнях было пусто.

Но утро есть утро, и город есть город. И как ни скуден был пейзаж просыпающейся Одессы, в нем были свои характерные черты. Заканчивая свои ночные труды, молодые одесситы спиливали росшие вдоль тротуаров толстые акации. Они занимались этим по ночам не столько из страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу. Когда любимые дети обкрадывают родителей, они боятся не уголовного наказания, а общественного мнения.

Стволы и ветки акации тут же, на тротуаре, распиливались на короткие чурбанчики, которые складывались пирамидками на перекрестках. Через час сюда придут домашние хозяйки и будут покупать дрова для своих очагов. Дрова продавались на фунты, и каждый фунт стоил десятки тысяч рублей. В эти дни погибла знаменитая эстакада в одесском порту. Одесситы гордились ею не меньше, чем оперным театром, лестницей на Николаевском бульваре и домом Попудова на Соборной площади. О длине и толщине дубовых брусьев, из которых она была выстроена, в городе складывали легенды. Будь эти брусья потоньше и похуже, эстакада, возможно, простояла бы еще десятки лет. Но в дни топливного голода столь мощное деревянное сооружение не могло не погибнуть. Эстакаду спилили на дрова. Еще несколько месяцев назад жители заменяли дрова жмыхами, или, как их называли в Одессе, макухой. Теперь же макуха заменяла им хлеб. Одесситы, гордившиеся всем, что имело отношение к их городу, переносили

это чувство даже на голод, который их истреблял, утверждая, что подобного голода не знала ни одна губерния в России, за исключением Поволжья.

Белинская улица, потерявшая за последние недели все свои великолепные акации, казалась Володе просторной и пустой, как комната, из которой вынесли мебель. Стекла в окнах домов были оклеены бумажными полосами. Опыт показал домашним хозяйкам, что эти бумажки предохраняют стекла от сотрясения воздуха во время артиллерийских обстрелов, бомбардировок с моря и взрывов пороховых погребов.

Пробежав Белинскую улицу почти до конца, Володя вошел во двор большого бедного дома на углу Базарной. Здесь остановился Шестаков.

6

Червень, которого сегодня собирался арестовать Виктор Прокофьевич, был не менее знаменит, чем Красавчик, а во многих отношениях даже превосходил его. Если мелких жуликов бывший метранпаж называл нонпарелью, то такие бандиты, как Червень, заслуживали сравнения с афишным шрифтом самых крупных кеглей.

Бывший прапорщик Сашка Шварц, известный под кличкой Червень, что значит июнь, был одним из опаснейших бандитов в уезде. Это ему принадлежал знаменитейший афоризм: «Хорошо стреляет тот, кто стреляет последним».

— Если вам захотелось выстрелить, — говорил Сашка Червень, — то делайте это так, чтобы после вас уже не мог

стрелять никто... А для этого советую всегда стрелять первым. Никогда не сомневайтесь, нужно ли стрелять. Сомнение есть повод для стрельбы. Не стреляйте в воздух. Не оставляйте свидетелей. Не жалейте их, ибо и они вас не пожалеют. Живой свидетель – дитя вашей тупости и легкомыслия.

Не кто иной, как Сашка Червень, изобрел знаменитый прием – стрелять сквозь шинель. Руки его всегда были в карманах, в каждом кармане лежало по пистолету, и у обоих пистолетов курки были на взводе.

Червень стрелял из карманов в живот врагу. Еще ни один человек не успел сказать ему «руки вверх».

План поимки Червня, разработанный Виктором Прокофьевичем, был очень прост. Этот план не отличался тонкостью, в нем не было той прозорливости, которая так нравилась товарищу Цинциперу в Володиных протоколах. Товарищ Цинципер потирал руки от удовольствия, получая Володины протоколы, и не мог оторваться от них, не дочитав до конца. Он не подозревал, что в Севериновке у него сидит не Шерлок Холмс, а Конан Дойль.

Виктор Прокофьевич писал свои протоколы красивым косым, но мало разработанным почерком, долго замахиваясь пером перед каждым нажимом; в его дознаниях не было ничего, что могло бы обратить на себя внимание товарища Цинципера. Простым и заурядным показался Володе и проект поимки Червня, составленный Виктором Прокофьевичем.

Однажды в камеру арестованных севериновского розыска был заключен мелкий вор Федька Бык, изобличенный в краже цепей с общественных водопоев в Севери-

новке и Яновке. Бык был арестован на шляху. Он брел, сгибаясь под тяжестью своей добычи, которую тщетно пытался продать в течение нескольких дней. Бык даже обрадовался аресту, освободившему его от цепей, которые, возможно, ему пришлось бы носить на себе еще долго. Однако, когда с преступника сняли цепи, он отказался признать свою вину. Он отпирался лениво и неубедительно, лишь отдавая дань традиции. Он утверждал, что нашел цепи на дороге.

Цепи были переданы в камеру вещественных доказательств, а расследование дела поручено Виктору Прокофьевичу. Заметив отвращение, которое оставило в Быке его последнее преступление, Виктор Прокофьевич не ограничился снятием обычных показаний, но стал уговаривать вора вернуться к честной жизни. Он подолгу сидел с Быком в камере арестованных – маленьком глинобитном домике в глубине двора, где помещалась милиция. Он убеждал его порвать с преступным миром и стать честным человеком. Бык был польщен вниманием, которое ему оказывали, и проникся глубоким уважением к Виктору Прокофьевичу. Он согласился не столько из любви к свободе – часто попадаясь на мелких кражах, он был к ней довольно равнодушен, – сколько из уважения к Виктору Прокофьевичу. Даже в те короткие промежутки времени, когда Бык пользовался свободой, мысли его были в тюрьме. Стоило ему во время прогулки немного призадуматься, как ноги его сами сворачивали на мостовую, по которой он привык передвигаться, сопровождаемый стражей. Привычка к конвою так укоренилась в нем, что чувство какой-то пустоты вокруг не покидало его все время, пока он вынужден был путешествовать в одиночестве.

Склонный, как все воры, к широкому жесту, к поступкам эффектным и сентиментальным. Бык предложил ознаменовать свой разрыв с преступным миром выдачей Сашки Червня, которого часто встречал на Ставках, в пригороде Одессы.

Для этого нужно было выпустить Быка на свободу. Однако Володя воспротивился этому. Во-первых, он не хотел прощать Быку колодезных цепей; во-вторых, он дорожил каждой единицей, населявшей маленькую и часто пустовавшую камеру арестованных севериновского уголовного розыска. Но Виктор Прокофьевич с такой энергией защищал этот план, что Володя сдался, и Бык был освобожден.

Прошло недели три, и вот накануне того дня, когда Красавчик угнал из Яновки зеленый фургон, в Севериновку прибыло известие от Федьки Быка. Он сообщал Шестакову, что через два дня Червень встретится в «малине» на Ставках с одним из своих друзей. Было решено, что в аресте Червня примут участие все силы севериновского уголовного розыска: Володя, Виктор Прокофьевич и Грищенко. Виктор Прокофьевич готовился к операции особенно тщательно: долго изучал план дома, двора и прилегающих к «малине» улиц, нарисованный Быком, занял у начальника милиции, в добавление к собственному, наган солдатского образца, насобирал у сотрудников полшапки патронов к нему и даже обулся в новые черные ботинки, которые обычно лежали у него в чемоданчике. За день до встречи Володи с Красавчиком Шестаков отправился в Одессу. Виктор Прокофьевич был уже одет, когда к нему постучался Володя. Выслушав его взволнованный рассказ

о неудачной погоне за Красавчиком, Шестаков сказал неодобрительно:

– Зачем же поехали на вещественных? Надо было запрячь Коханочку и начмиловского Горобца. Ох, доберусь я до вашего Грищенко!

Защищать Грищенко у Володи не было времени. Им предстояло обсудить два важных вопроса: о розыске Красавчика и засаде на Червня.

Виктор Прокофьевич развернул план Одессы. Жирной карандашной линией, пересекавшей весь город, на нем была обозначена дорога на Ставки. Самих Ставков на карте не было – они не вмещались в ней, ибо были дальше самых далеких окраин. Однако Виктор Прокофьевич успел за вчерашний день побывать на Ставках и поглядеть издали на «малину» Червня. Затем он показал Володе подробный план двора и дома, где помещалась эта «малина»; на длинной стороне прямоугольника, изображавшего дворový флигель, немного левее ее середины, был нарисован жирный крест. В этом месте, у стены, Бык должен был поставить лопату – знак того, что Червень здесь. Отсутствие лопаты должно было обозначать, что Червень почему-либо не пришел или опоздал. Однако, по словам Быка, Червень должен был явиться сегодня непременно.

Володя пробыл у Виктора Прокофьевича не более пяти минут, но за этот короткий срок, как это бывает у людей, хорошо сработавшихся и понимающих друг друга с полуслова, они успели обсудить все, что нужно. В результате этого обсуждения Володя набросал на клочке бумаги план на сегодняшний день. В нем было два пункта и два примечания:

1. С утра Володя идет на Балковскую осматривать постоянные дворы; Виктор Прокофьевич беседует у себя с Федькой Быком.

Примечание: Грищенко до обеда отдыхает.

2. После обеда, независимо от того, удастся поймать Красавчика или нет, они отправляются на Ставки – ловить Червня.

Примечание: Грищенко сопровождает их на Ставки.

Покончив с планом, Володя попросил у Виктора Прокофьевича пальто. Он брал у него пальто всякий раз, когда собирался переодеться, чтобы остаться неузнанным. В нем было жарко и тесно; это было воскресное пальто пожилого рабочего – черное с бархатным воротником. Но служебное рвение не раз заставляло Володю прибегать к такой маскировке в самые знойные июльские дни. Севериновские самогонщики, любившие посудачить в свободное время на завалинке у входа в угрозыск, видя начальника в пальто Виктора Прокофьевича, из вежливости не здоровались с ним – они притворялись, что не узнают Володю. «Пошел на операцию», – шептали они друг другу, глядя вслед молодому начальнику.

Володя попрощался с Виктором Прокофьевичем и уже был на площадке лестницы, когда тот снова окликнул его. Прикрыв за собой дверь, он близко подошел к Володе.

– Не забудь взять на Ставки свои лимонки, – сказал он тихо и очень серьезно.

Подняв узкий бархатный воротничок пальто и тщетно стараясь спрятать в нем свое лицо, Володя вышел на улицу. Чтобы попасть на Балковскую, ему нужно было пройти через весь город.

Володя опасался встреч со знакомыми. Его девизом было: агент знает и видит все, но никто не знает и не видит агента. Особенно опасен был район гимназии, где он еще недавно учился. Этот район буквально кишел знакомыми. Мужская гимназия помещалась в конце Успенской улицы; ее можно было обойти, но тогда Володе пришлось бы приблизиться к женской гимназии Бален-де-Балю, что на Канатной. Район женской гимназии был для Володи не менее опасен.

Володя решил проскользнуть меж двух гимназий, пройдя по Маразлиевской улице. Это была односторонняя улица; дома вытянулись по левой ее стороне, а справа раскинулся Александровский парк. Маразлиевская была улицей богачей; перемены военного счастья на фронтах революции рождали в ней то радость, то горе, то отчаяние, то надежду, и в этом она была подобна улицам бедняков. Сейчас Маразлиевская с ее особняками и домами дорогих квартир казалась самой заброшенной, безлюдной и печальной улицей в городе.

Оглядываясь по сторонам, Володя быстро шел по Маразлиевской, задавая себе все тот же вопрос, который диктовали ему теория и практика розыска: что делал бы он сейчас, если бы оказался на месте Красавчика? Он старался представить себе все, что способен родить порок и пре-

ступление. Однако то, что рисовало его воображение, было бесцветным и неопределенным.

Володя уже миновал опасную зону гимназий, когда с ним поравнялся высокий парень лет восемнадцати. На нем были щегольские брюки «колокол», которые отличались от родственных им брюк клеш тем, что были еще шире внизу и еще уже вверху, и короткая черная куртка, которая могла сойти и за матросский бушлат и за твинчик немецкого колониста. Несмотря на жаркий день, воротник его куртки был поднят и он старался спрятать в нем свое лицо. Он шел, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на прохожих.

Его бронзовая твердая скула показалась Володе знакомой. Если бы парень случайно не покосился на Володю, эта встреча не имела бы последствий и Володе, вероятно, удалось бы сохранить свое инкогнито до самой Балковской. Но, поймав на себе быстрый, рассеянный взгляд малознакомого молодого человека, Володя с торопливостью, свойственной застенчивым людям, поклонился ему.

— Ваша карточка мне знакома, — сказал парень учтиво, прикасаясь двумя пальцами к кепке. — Не запомню только, из какого она альбома.

— Мы знакомы по Черном морю, — ответил Володя. Они были знакомы не по тому Черному морю, которое омывает полуостров Крым, побережье Кавказа, Малую Азию, Болгарию, Румынию и южный край украинской степи, а по тому «Черному морю», которое находилось в ста шагах от Маразлиевской, за низеньким, уступчатым заборчиком Александровского парка и представляло собой большую, почти круглую яму с пологими склонами и ровным, сухим

дном. «Черным морем» с незапамятных времен владела команда футболистов, именовавших себя черноморцами. Как футбольное поле «Черное море» было необыкновенно комфортабельным: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, вылетевший за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельниках и длинных, достигавших колен, старомодных трусиках, которые, впрочем, назывались тогда в Одессе не трусиками, а штанчиками. В своем натиске черноморцы не знали преград. Свирепая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть, и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев. Поэтому с той поры, как в одесский порт перестали заходить английские пароходы, черноморцы играли главным образом друг с другом.

Володя был из «Азовского моря». Рядом с «Черным морем» была яма поменьше, которую одесские мальчики называли «Азовским морем». Здесь тренировалась команда гимназистов. Как это ни странно, черноморцы иногда приглашали на товарищеский матч команду из соседнего «моря» и гимназисты принимали вызов. Это была игра львов с котятами. Если гимназистам не откусывали в игре ни ног, ни голов, то они были обязаны этим той деликатности, которая присуща сильному в обращении со слабым и беспомощным.

Володя был левым инсайтом у гимназистов, а высокий

парень – голкипером у черноморцев. В те времена высокие голкиперы ценились еще больше, чем сейчас. Обычно ворота обозначались кучками одежды, сброшенной с себя футболистами перед игрой, и верхняя граница ворот являлась воображаемой; естественно, что, чем выше мог достать своей пятерней голкипер, тем спокойнее чувствовала себя команда. Парень в брюках «колокол» был самым высоким голкипером в командах «обоих морей».

Но уже давно не летал футбольный мяч над «Черным морем» и примыкающим к нему «Азовским». Обезлюдело славное племя черноморцев, и некому было вспоминать о боях с командами английских пароходов. Раньше, когда старшие черноморцы уходили учиться в мореходку или поступали в торговый флот, их места в команде занимали молодые черноморцы, их младшие братья, ребята с Ланжерона, из старой таможни и портовых улиц, такие же загорелые и веснушчатые, такие же свирепые в нападении, защите и полузащите. Поколение футболистов становилось моряками, но за ними уже шло новое поколение футболистов, тоже будущих моряков.

Война разбросала черноморцев, уничтожила футбол, мореходку и торговый флот. Опустело «Черное море». Засохшая грязь на дне его потрескалась и покрылась чешуйками, как кожа на руке старика.

Володя с трудом узнал голкипера, которого не видел года два. Тот возмужал, похудел и стал еще выше. Между ними никогда не было ни дружбы, ни знакомства. Он знал лишь, что черноморец – сын таможенного сторожа. Однажды Володя дал очень красивый шут по воротам, в которых стоял черноморец: он взял мяч с воздуха на подъем и

ударил шагов с двадцати; мяч пошел между двух беков, но, к сожалению, прямо в руки голкиперу. Кроме этого памятного шута, их ничто не связывало. Однако почтение, которое питали гимназисты к черноморцам, было таким глубоким и неизменным, что Володя, невзирая на свое солидное положение, увидев голкипера, ощутил подобострастную радость котенка, повстречавшего доброго льва.

Они пошли рядом, задавая друг другу обычные вопросы: как живешь, где достал такие брюки, что делает Коля и куда девался Петя.

Володя сдержанно сообщил, что живет в деревне, меняя вещи на продукты. Узнав об этом, его спутник оживился и сказал, что тоже живет в деревне и тоже меняет вещи на продукты. Естественно, что разговор коснулся вещей, продуктов и цен. Однако Володя обнаружил во всем этом такую позорную неосведомленность, что поспешил перевести разговор на футбол.

Глаза их заблестели, когда они заговорили о футболе, ибо нет на свете таких болтунов, сплетников и фантазеров, как любители футбола. Они рылись в воспоминаниях, смаковали удары, осуждали и превозносили. От своего спутника Володя узнал о судьбе других черноморцев. Правый бек Зенчик, оказывается, стал петлюровцем, и его порубили белые. Правый хав Кирюша пошел к белым и его, наоборот, порубили петлюровцы. Капитан Ваня Поддувало сошелся с лезгинами из контрразведки генерала Гришина-Алмазова, шлялся по городу в черкеске и был убит темной ночью на Ланжероне неизвестно кем. Зато вся пятерка нападения — пять молодых рыбаков дождались красных и пошли на Врангеля.

Раньше черноморцы делились только на беков, хавбеков и форвардов; казалось, что других различий между ними нет. Теперь, когда команда разделилась по-новому, когда одни стали белыми, другие красными, третьи жовтоблакитными, открылось то, что никогда раньше не было заметно на футбольном поле: что капитан Ваня Поддувало – сын богатого портового трактирщика, а форварды – бедные рыбацкие дети. И это определило их места на полях сражений.

Так Володя и черноморский голкипер брели, разговаривая, через весь город, и каждый раз, когда Володе нужно было свернуть налево, оказывалось, что голкиперу тоже нужно налево; и каждый раз, когда ему требовалось повернуть направо, оказывалось, что голкиперу нужно туда же. У Володи начало зарождаться подозрение, что черноморец тоже идет на Балковскую, и, хотя такое предположение казалось почти невероятным, по мере приближения к Балковской подозрение превращалось в уверенность. Это очень тревожило Володю, ибо голкипер мог помешать ему ловить Красавчика. Володя попытался даже скрыться от своего спутника – он сворачивал то на одну улицу, то на другую, но ему не везло: всякий раз он выбирал именно ту улицу, которая была нужна его спутнику. Он никак не мог отвязаться от этого человека.

Беседа о футболе, однако, была очень приятной. То, что говорил один, редко совпадало с тем, что сообщал другой, ибо, как все люди, они лучше помнили собственный вымысел, чем действительные события. Но они выслушивали друг друга со снисходительной уступчивостью, ибо каждый из них интересовался не столько тем, что говорил

другой, сколько тем, что собирался сказать сам. Каждый с нетерпением ожидал окончания речи собеседника, чтобы приступить к изложению собственного мнения; разговор напоминал игру в футбол, где один старается вырвать мяч у другого, чтобы ударить самому.

На Дерибасовской улице темой их разговора был шут Яшки Бейта, на Преображенской – бег Вальки Прокофьева, на Софиевской – вопрос об искусственном офсайте, доступный пониманию только самых тонких знатоков. На Нарышкинском спуске они коснулись вопросов футбольной казуистики (как должен поступить рефери, если игрок возьмет мяч в зубы и внесет его в ворота?). На Московской улице они заговорили о том, как мотается знаменитый форвард Богемский, и здесь в их взглядах неожиданно обнаружилось столь крупные расхождения, что, при всей снисходительности друг к другу, они вступили в серьезный спор. Желание доказать свою правоту настолько овладело ими, что они решили наглядно продемонстрировать прием, послуживший причиной спора, и для этого, отыскав подходящий камешек, остановились на перекрестке, отошли на край тротуара, положили камешек на землю, и попрыгали вокруг него, воспроизводя приемы Богемского так, как их понимал каждый. Чтобы овладеть камнем, голкипер, улучив момент, отпихнул Володю в сторону; бедро его на секунду прижалось к Володиному бедру и совершенно явственно ощутило твердое тело кольца, лежавшего в кармане Володиного пальто.

После этого голкипер стал задумчивым и грустным и, дойдя до ближайшего угла, попрощался с Володей.

– Покедова, мне на Бажакину, – сказал он и свернул налево.

Пройдя еще два квартала, Володя тоже свернул налево – на Балковскую.

8

Он прошел ее всю, от истоков до самого устья. Постоялые дворы расположились в низовьях Балковской, по обоим ее берегам, там, где улица впадает в степь.

Как по многоводной реке, идут по Балковской в море-степь торговые караваны и, выйдя из устья улицы, расходятся во все стороны – на Тирасполь, на Балту, на Голту. Здесь прощаются с Одессой и здороваются с ней. Если бы степь была морем, в конце Балковской стоял бы маяк, освещающий вход в гавань.

Улица состояла из постоянных дворов, фуражных лавок, кузниц, шорных мастерских, трактиров. Это был Бродвей для еврейских извозчиков – балагул; самые прихотливые желания их удовлетворялись здесь без отказа. Здесь была даже синагога для балагул, с балагулами-служками. Не меньше, чем балагулы, любили Балковскую конокрады. Между членами этих двух цехов царила извечная вражда. Но всегда почему-то там, где вращались балагулы, обосновывались и конокрады. Кошки и собаки, не любя друг друга, обыкновенно живут под одной крышей.

В одном из постоянных дворов жил портной Г. Кравец, который, по слухам, обшивал виднейших конокрадов уезда. Идя по улице, Володя увидел на противоположной стороне его зеленую вывеску. Слева на вывеске желтыми буквами было написано по-украински:

КРАВЕЦЬ Г. КРАВЕЦЬ.

Справа было написано по-русски: «Портной Г. Кравец».

Рядом с вывеской и перпендикулярно к ней на ржавом стержне висел железный пиджак, скрипевший под ударами ветра.

«Что я сделал бы, — спрашивал себя Володя, разглядывая вывеску, — если бы оказался на месте Красавчика?»

Мучимый этим вопросом, он в нерешительности стоял перед вывеской.

«Я мог бы зайти к этому портному, чтобы заказать себе новый костюм. Я заплатил бы за него из денег, вырученных от продажи украденных лошадей».

Несомненно, это предположение имело столько же оснований, сколько всякое другое, и поэтому Володя решил начать поиски с посещения портного. Прохаживаясь взад и вперед, Володя обдумывал наводящие вопросы, посредством которых он выведает у портного что-либо о его преступных связях.

Когда план был готов, Володя, нащупав револьвер, лежавший в кармане пальто дулом вверх, стал переходить улицу. Дойдя до ее середины, он остановился, чтобы пропустить фургон, выехавший из ворот соседнего постоянного двора.

Лошади шли шагом, и Володя, полный мыслей о портном, рассеянно глядел на фургон. То, что это был зеленый фургон, само по себе ни о чем не говорило. Девять фургонов из десяти на Одессине окрашены в зеленый цвет. Было другое, более важное обстоятельство; левое заднее колесо фургона было новым, с белыми некрашенными спицами.

Володя пошел рядом с фургоном. В голове его все спуталось. Грищенко сообщил ему слишком много примет. Теперь они теснились в мозгу Володи, мешая принять решение. Розочки на задке, лысины на мордах, нарытники с бляшками, некованные копыта... Два аршина, два вершка от холки до земли. Он шел рядом с фургоном, положив правую руку на высокий борт – дробину. Ему одновременно хотелось и забежать вперед, чтобы посмотреть на лошадиные лысины, и заглянуть под копыта, чтобы узнать, кованы ли они, и броситься назад, чтобы освидетельствовать розочки на задке фургона. Немецкой ли работы нарытники? Володя поглядел на возницу. Воротник его полуморского, полустепного твинчика был поднят. На мешке половой сидел голкипер «Черного моря». Это еще больше смутило Володю.

Нужно было что-то делать, что-то говорить. Но что?

Вместо само собой подразумевавшегося «руки вверх» Володя произнес наконец, запинаясь:

– Скажите... как ваша фамилия?

Фамилии Красавчика он не знал, вопрос был бесполезен.

– Фамилия? – переспросил голкипер и прищурил свои глаза цвета ячменного пива. – Иээх! – дико взвизгнул он и хлестнул лошадей.

Дробина толкнула Володю в сторону и вперед, затем он почувствовал удар в поясницу, упал на руки, новое заднее колесо перескочило через его спину; еще миг – и, стоя на четвереньках, он увидел перед самым своим носом розочки на задке фургона. Они удалялись от него со все возрастающей быстротой. Вид этих розочек почти ослепил его.

Он вскочил на ноги и бросился вперед с такой стремительностью, будто им выстрелили из невидимой катапульты. Сделав несколько отчаянных скачков, он вцепился в задок в тот момент, когда фургон набрал полную скорость и розочки грозили скрыться навсегда. Он перевалился корпусом через борт и, подпрыгав в воздухе ногами, очутился в фургоне.

Черноморец, не оглядываясь, хлестал лошадей так, будто хотел перерубить их пополам. Володя вскочил на ноги и, балансируя, стал передвигаться вперед. Увы! Царственная поза, в которой Володя видел Красавчика в тот день, когда тот удирали из Севериновки, плохо удавалась. Он чувствовал, что на любом ухабе его может выбросить из повозки. Наконец, кое-как утвердившись на зыбком днище фургона, он схватил за дуло револьвер и высоко поднял его над головой. Один удар по черепу – и с преступником будет покончено. Револьвер описал большую дугу и довольно слабо ткнулся рукояткой в кепку бандита. Тот был не столько ушиблен, сколько удивлен. Но тут дело приняло уж совсем неожиданный оборот. Потеряв равновесие, Володя повалился на возницу, подмял его под себя, тот выпустил вожжи, лошади понесли. Вожжи упали в ноги лошадям, левый жеребец выскочил за постромки и скакал боком, лягаясь. Возница лежал тихо. Володя терся носом о его пыльный затылок и шершавое ухо и, видя над бортами фургона ряды скачущих домов, заборов и вывесок, соображал, что делать. Решение было принято лошадьми. Выбежав на площадь, они сами отдались в руки правосудия, остановившись у общественного водопоя, где их взял под уздцы постовой милиционер.

...Через минуту фургон поехал по Балковской. Милиционер правил лошадьми, арестованный сидел на дне фургона, а Володя – на дробине. Задержанный молчал, он как-то обмяк и посерел. Футболист исчез, его место занял правонарушитель. Володя сидел на дробине, держа в руках кольт. Дуло его было направлено на преступника. Не было сомнений, что голкипер «Черного моря» и Красавчик – одно и то же лицо. Они проехали Балковскую, пересекли Бажакину, свернули на Московскую, миновали перекресток, где только что два молодых человека прыгали вокруг камешка, изображавшего футбольный мяч, поднялись по Нарышкинскому спуску и через пять минут въехали во двор дома, где помещался уездный уголовный розыск.

Затем все трое были введены в кабинет товарища Цинципера.

Его удивлению не было границ. В учреждении, возглавляемом товарищем Цинципером, поимка бандита считалась почти невозможной. Товарищ Цинципер был очень взволнован, беспрерывно снимал и надевал свое четырехугольное пенсне, потирал лысеющую голову, назвал задержанного «товарищ Красавчик», зачем-то придвинул ему стул и пригласил сесть. Красавчик сел, все продолжали стоять. Сотрудники стояли в полном молчании, пожирая глазами живого бандита. Наконец товарищ Цинципер объявил, что будет допрашивать Красавчика лично, через час, после того как заслушает утренние доклады подчиненных. Красавчика увели, а Володя помчался к Виктору Прокофьевичу.

Виктор Прокофьевич был дома – он только что отпустил Федьку Быка. Володя поведал Шестакову о своих

приключениях, о поимке Красавчика, но не скрыл и своих ошибок; рассказал, как он путешествовал с преступником через весь город, всячески стараясь от него ускользнуть, и как он был удивлен, когда, наперекор его усилиям, благодаря счастливой случайности Красавчик оказался у него в руках.

– Эх, Володя, Володя! – сказал Виктор Прокофьевич укоризненно. – Ваша главная ошибка заключалась в том, что вы все время старались поставить себя на место Красавчика. А что вы знали о Красавчике? Ничего. Надо было, наоборот, поставить Красавчика на место себя. Тогда бы получилась более верная картина. Вы подумали бы о том, что и у Красавчика могут быть в городе родители, к которым он пошел ночевать; что и Красавчик, ворочаясь в своей постели, думал о зеленом фургоне, а утром, напившись чаю и попрощавшись с матерью, побежал на Балковскую.

Володя хотел что-то возразить, но дверь открылась и в комнату вошел фельдъегерь товарища Цинципера.

По дороге на допрос Красавчик бежал из-под стражи...

9

Самыми бандитскими районами в уезде считались одесские пригороды.

Ставки считались самым бандитским из пригородов Одессы.

Как при отливе, когда океанские воды уходят и на обнажившемся дне остаются мутные лужицы с застрявшей в них мелкой рыбешкой, тиной и водяными блохами, в

степных просторах Одесщины, едва схлынули волны гражданской войны, осела «кукурузная армия» – пестрая смесь из остатков разбитых банд, политических и уголовных головорезов, конокрадов и контрабандистов.

«Кукурузной» эта армия называлась потому, что убежищем ее на Одесщине, лишенной лесов, были кукурузные заросли. Днем бандиты сидели в кукурузе, а ночью выходили на шляхи. Одно время было так: днем в уезде одна власть, ночью – другая.

Три месяца назад из Одесщины ушли белые, на этот раз навсегда; до них ушли петлюровцы, махновцы, французы, англичане, греки, поляки, австрийцы, немцы, галичане. Но еще носился по уезду на красном мотоциклете «Индиан» организатор кулацких восстаний немец-колонист Шок; еще не был расстрелян гроза местечек Иоська Пожарник, обязанный кличкой столь прекрасным своим лошадям, что равных им можно найти лишь в пожарных командах; уныло резали своих соплеменников молдаване братья Мунтяну; грабил богатых и бедных болгарин Ангелов, по прозвищу Безлапый; еще не был изловлен петлюровский последыш Заболотный, уходивший после каждого налета через Днестр к румынам; еще бродил на воле бандит в офицерском чине Сашка Червень, не оставлявший свидетелей. В самой Одессе гимназистка седьмого класса Дуська Верцинская, известная под кличкой Дуська-Жарь, совершила за вечер восемнадцать налетов на одной Ришельевской улице и только по четной ее стороне. Самогонных аппаратов в деревнях было больше, чем сепараторов; спекулянты ездили по трактам шумными обозами; в кулацкой соломе притаились зеленые пулеметы «максимы», а сами

кулаки, еще не вышибленные из своих гнезд, готовили месть и расправу.

Странные дела творились в преступном мире. Богатые чаще грабили бедных, чем бедные богатых. Кулаки посягали на добро незаможников. Неимущие становились опорой законности, а собственники – вдохновителями анархии и разбоя. По уезду гремели конокрады из помещиков и налетчики из гимназистов. Они свозили награбленное к «малинщикам» из священников. Бывший гласный городской думы попался на краже кур и гусей.

В Одесском уезде жили бок о бок украинцы, молдаване, немцы, болгары, евреи, великороссы, греки, эстонцы, арнауты, караимы. Старообрядцы, субботники, молокане, баптисты, католики, лютеране, православные. Жили обособленно, отдельными селами, хуторами, колониями, не смешиваясь друг с другом, сохраняя родной язык, уклад, обычаи.

Немцы жили, как полтора столетия назад их прадеды жили в Эльзасе и Лотарингии, – в каменных домах с островерхими кровлями, крытыми разноцветной черепицей. Дома, мебель, повозки, платья, посуда, вилы и грабли, кухонные плиты, молитвенники – все это было точь-в-точь таким, как в Эльзасе.

Колонии назывались Страсбург, Мангейм – как города на Рейне. Немцы были разные. Были немцы с французскими фамилиями – онемеченные эльзасские французы, с заметным украинским налетом, и были немцы с немецкими фамилиями. Были немцы богачи и бедняки, немцы-католики и немцы-лютеране, немцы, говорящие на гохдойч, и немцы, говорящие на платдойч, плохо пони-

мающие и не любящие друг друга. Кроме немецкого, колонисты знали немножко украинский. «Мы немцы», – говорили они о себе.

Молдаване на Одессине жили точно так, как их предки в дунайских княжествах двести – триста лет тому назад; ели мамалыгу с кислыми огурцами и медом, сами ткали полотно и шерсть и не понимали по-русски. Французы ухаживали за своими виноградниками, как где-нибудь в Провансе.

Рядом с огромными нищими селами стояли немецкие хутора, где каждый из тридцати хозяев носил фамилию Келлер или Шумахер, имел от тысячи до полуторы тысяч десятин тяжелой черноземной земли и полсотни заводских лошадей. Были села, где жили сплошь хлебопашцы, и были села, где жили виноделы, огородники, гончары, шорники, брынзоделы, рыбаки, столяры, шинкари и даже села, где жили одни только музыканты, разъезжавшие по свадьбам и крестинам.

Были села, особенно поближе к Одессе и по Днестру, где жили бандиты. Бандиты были из немцев и болгар, из евреев и молдаван, из украинцев и греков, из мирного и немногочисленного племени караимов. Были бандиты из баптистов. Вечерами они выходили на шляхи и в ночной темноте грабили и убивали, не разбираясь в национальности. И по утрам у дорог находили трупы немцев и болгар, евреев и молдаван, украинцев и караимов.

Но Володя, описывая в своих актах, как выглядят эти трупы и в каких положениях застигло их утро, не мог охватить взглядом всю картину. Ему не были понятны ее масштабы и социальный смысл. Но ему была ясна его за-

дача. Вид первого трупа, который ему пришлось осматривать, глубоко потряс его. Это не был страх перед мертвецом. Это было негодование и острое сознание чужого человеческого горя. «Люди, только что освобожденные революцией, не должны умирать от руки убийц», – сказал он себе. Он должен помочь трудовым селянам сбросить с себя последнее иго – бандитизм. Чтобы они могли мирно работать на своих полях и виноградниках. Пастись овец. Ездить по шляхам днем и ночью. Повыбрасывать обрезы. Спать спокойно в своих хатах.

...Даже люди, столь мужественные и привыкшие к опасностям, какими Володя считал себя, Грищенко и отчасти Шестакова, испытывали неприятное чувство, приближаясь к Ставкам – этому неприступному бандитскому гнезду.

Не всякий одессит знает, где расположены Ставки, и только очень немногие бывали на этой глухой окраине.

...Несколько раз город кончался, пропадал, начинались пустыри, мусорные свалки, чахлые баштаны и, наконец, голая степь; потом степь снова переходила в огороды, свалки, пустыри, появлялись какие-то бесконечные заборы, склады, крупорушки, возникали подобия улиц. Володя, Виктор Прокофьевич и Грищенко всё шли и шли, выходили из города и снова входили в него, а до Ставков было еще далеко, и они начинали опасаться, что не попадут туда до темноты.

Они шли на Ставки брать Червня – Володя, Виктор Прокофьевич и Грищенко, особенно мрачный сегодня и как будто чем-то раздраженный. Они шли через пустыри, мимо бесконечных заборов из желтого песчаника, уты-

канных сверху осколками бутылок, выбирая дорогу среди обрезков кровельного железа, тряпья, жестянок, битого стекла, куч навоза идохлых кошек.

Прохожие почти не встречались, да и самое название «прохожий» не вязалось с видом людей, пробиравшихся иногда по пустырям и переулкам Ставок. Эти встречи вызывали у мирного путника такое же чувство, какое испытывает горожанин, впервые попавший в деревню и увидевший на пути своем бодливую корову.

– Нехорошо идти гурьбой, – сказал Виктор Прокофьевич. – Если они увидят кучу народа, то догадаются, что мы идем на них облавой.

– Ще неизвестно, хто кому облаву готовит, – заметил Грищенко зловеще, – чи мы на их, чи воны на нас.

– Я с Грищенко пойду вперед, – продолжал Виктор Прокофьевич, – а вы, Володя, отстаньте шагов на пятьдесят, будете, так сказать, защищать тыл. Мы с Грищенко войдем первыми, а вы...

– Ни за что! – вспыхнул Володя. – Уж не потому ли, что Червень стреляет сквозь шинель?

– От вже и поцапались! Я можу пойти сзади, – примирительно сказал Грищенко.

Но Виктор Прокофьевич заупрямился.

– Что вы за человек, Володя? Вы обязательно хотите поймать всех бандитов сами! Вы уже поймали Красавчика, и пока хватит с вас. Дайте и старику раз в жизни поймать преступника.

В конце концов Володя согласился, чтобы не обижать старика.

– Не забудьте, Володя, – сказал Шестаков, – наш уговор

насчет лопаты. Если лопаты не будет, мы поворачиваемся и на цыпочках уходим.

10

Володя пошел сзади, время от времени вынимая карманное зеркальце и проверяя, не выслеживает ли их кто-нибудь.

Иногда он не без удовольствия разглядывал на дороге красивые отпечатки в форме полумесяца, напоминающие следы укусов; то были отпечатки обрамленных шипами грищенковских каблуков. Бравая спина их владельца виднелась впереди, шагах в пятидесяти; рядом шагал, сутулясь, Виктор Прокофьевич.

Они подошли к переезду. Здесь, как всегда в жаркую пору, запахло железной дорогой: дегтем, гарью, застоявшейся в кюветах водой и далекими путешествиями. Володя любил этот запах. От чистенькой щебенки повеяло теплом, накопленным за день. Рельс, которого он мимоходом коснулся рукой, был горячим, хотя солнце уже зашло. Сумерки надвинулись быстро.

Еще минут пять они пробирались сквозь дыры в каких-то дощатых заборах, пока не пришли к облезлому, покрытому струпьями двухэтажному дому со сводчатой подворотней посредине, маленькими окнами и толстыми стенами, подпертыми полуобвалившимися кирпичными контрфорсами. Дом был окрашен в буро-зеленый цвет, в какой время и морские туманы красят в Одессе заброшенные строения, а городская управа – богадельни и сиротские приюты, и принадлежал к тому типу зданий, самая

архитектура которых органически включает в себя запах испорченных уборных, смрад помоек, сырость и плесень внутри и снаружи.

Из дома доносилась бойкая песенка, которую пела в те дни вся Одесса:

*Как приятны, как полезны помидоры,
Да помидоры, да помидоры...*

Перед тем как скрыться в подворотне, Виктор Прокофьевич обернулся к Володе и кивнул ему.

Володя побежал. Он знал, что Червень с приятелем должны находиться не в двухэтажном доме, выходящем на улицу, а в дворовом одноэтажном флигеле. Когда он очутился перед длинной сводчатой подворотней, в его уши ударили рвущиеся оттуда громоподобные звуки песни, как будто он всунул голову в граммофонную трубу:

Да помидоры, да помидоры...

Володя побежал по гремющей подворотне и очутился на квадратном двореке, замощенном камнем-дикарем. Посредине росло лишь одно дерево с голыми, скорченными, как бы застывшими в судороге, обрубками сучьев. На один из обрубков была надета большая макитра. От дерева навстречу Володе молча бросилась высокая худая собака с темными кругами вокруг белых глаз, собака с головой стерляди, собираясь не то обнюхать его, не то укусить. Володя отпрыгнул в сторону. С детства он испытывал не то что страх, но какое-то предубеждение против собак,

оставшееся в нем с того дня, когда его, трехлетнего мальчика, облаяла соседкина болонка; ужас, испытанный им в тот день, на всю жизнь определил его отношение к собакам.

– Пшел! – крикнул Володя серому и, косясь через плечо, пересек двор по дуге, в центре которой оставался подозрительный пес.

Перед Володей было одноэтажное здание складского типа с толстыми решетками на окнах и входом посередине. Из этого входа и рвался наружу лихой припев. Володя знал, что вход ведет в коридорчик, имеющий аршин восемь в длину и аршина два в ширину, что коридорчик упирается в дверь, за которой находится комната с окном, взятым в решетку. Здесь и должен был находиться Червень с приятелем.

В глубине коридорчика появилась и исчезла полоса света. Песня оборвалась.

«Вошли», – подумал Володя.

Уже почти стемнело.

Слева от входа стояла лопата.

Вытянув вперед руку, Володя побежал по темному коридорчику. Ладонь его коснулась толстого железного засова. Он потянул его к себе, дверь, удерживаемая тугой пружиной, приоткрылась, и Володя просунул голову внутрь.

Он увидел комнату, более широкую, чем длинную; большой стол, оставлявший лишь узкие проходы у стен, заставленный бутылками и едой, человек пятнадцать мужчин и женщин, неподвижно, в полном молчании си-

девших вокруг стола, Виктора Прокофьевича, стоявшего справа, у дверного косяка, и Грищенко, который стоял еще правее, опираясь на манлихер.

Еще не было произнесено ни слова, еще не было сделано ни одного движения. Но пальцы уже лежали на собачках. Слабый шорох, произведенный Володей, привел все в движение. Лавина рухнула. Из многих глоток вырвался пронзительный крик. Черная квасная бутылка описала почти видимую дугу и шлепнулась доньшком о лоб Шестакова. Боднув воздух эспаньолкой, Виктор Прокофьевич рухнул на пол. Лампа-молния погасла. В грохоте опрокидываемых стульев, звоне посуды, топоте, рычанье утонули чьи-то пистолетные выстрелы. Казалось, что в комнате топчется бешеный слон.

Все бросились к выходу.

Володя втянул голову в плечи и отпрянул в коридор. Дверь захлопнулась и сейчас же, нажатая кем-то изнутри, ударила его в лоб.

Он толкнул дверь обратно. Он сделал это инстинктивно. Если дверь откроется, бешеный слон растопчет его. Изнутри нажали на дверь сильнее. Володя хотел бежать, но он не мог оставить дверь. Он налег на нее всем корпусом, но дверь неумолимо – миллиметр за миллиметром – отодвигала его в коридор. Подошвы Володи медленно скользили по полу. Но его левая ладонь хранила какое-то важное воспоминание. Воспоминание о прикосновении к засову! Ладонь догадалась, что надо делать. Она стала искать в темноте. Ум в этом не участвовал. Рукой управлял страх. Нужно было закрыть дверь на задвижку, чтобы бежать.

Володя уперся плечом в засов. Ему показалось, что позвоночник его сейчас сожмется гармошкой. Но вдруг ноги его на секунду перестали скользить.

За дверью образовалась каша из людей и стульев, подхваченных потоком, устремившихся к выходу. Мешало тело Шестакова, упавшего внутри у порога.

Нажим изнутри ослабел – может быть, руки, давящие на дверь, были отняты на миг, чтобы нанести новый, еще более сильный удар.

В этот миг засов вошел в скобу.

Теперь можно было бежать через пустынный двор, мчаться по Ставкам. Никто не будет гнаться за ним, кроме серой собаки.

Володя на цыпочках, стараясь не стучать ногами, побежал через двор мимо сумасшедшего дерева, к подворотне. Серый пес шарахнулся от него. Володя чувствовал во всем теле необыкновенную легкость, будто с его плеча свалился весь флигель.

Только сердце стучало на весь двор.

В подворотне Володя остановился, затем так же, на цыпочках, словно боясь, что кто-нибудь увидит его, побежал обратно.

Он вспомнил: Виктор Прокофьевич, Грищенко!

Дверь гудела так, будто изнутри ее били тараном. Володе казалось, что при каждом ударе она выгибается наружу.

Володя выхватил свисток. Как только его рука ощутила этот символ власти и порядка, он успокоился.

Он засвистел. Он знал, что на выстрелы народ не прибежит, а на свисток прибежит. В те времена стрельба не была для одессита чем-то необычным, что могло бы его заинтересовать и заставить ускорить шаг. Но в звуке милицейского свистка заключалась магическая сила, подчиняться которой одессит привык издавна.

Володя свистел, таран продолжал гроыхать. Перегородка, отделявшая Володю от бандитов, трещала и грозила рассыпаться. Сейчас Володя уже вполне трезво оценивал обстановку. Если дверь будет высажена, не спастись ни ему, ни Виктору Прокофьевичу, ни Грищенко. Во главе осажденных – Червень, а Червень не оставляет свидетелей.

– Не ломайте дверь! – крикнул Володя фальцетом. – Стрелять буду!

И вытащил из кармана кольт.

Но дверь продолжала сотрясаться от ударов.

Толстая кольтовская пуля с десяти шагов пробивает двухдюймовую доску. Володя поднял кольт. – Стрелять буду! – крикнул он снова и, даже не успев полюбоваться собой, выстрелил в дверь два раза.

Наступила минута тишины, затем послышались три громких удара. Кусочки песчаника, отбитые от стены, брызнули Володе в лицо. Большая макитра на сучке с грохотом разлетелась на куски и осыпала осколками дворик. Осажденные отстреливались.

Володя выскочил из коридорчика и, став за угол, продолжал стрелять в дверь. К счастью, он вовремя вспомнил одно из изречений Червня: «Начав стрелять, не забудь

остановиться». В обойме у него оставалось только два патрона.

Володя снова схватился за свисток. Осажденные же, начав стрелять, еще долго не могли остановиться, хотя среди них и находился сам Червень. Пули летели через дворик. Во флигеле напротив со звоном сыпались стекла.

Вдруг в шуме боя образовалась щель, сквозь которую прорвался новый звук. Володя быстро обернулся. Кто-то бежал через двор, работая на ходу затвором длинной берданки.

На бегущем была защитная гимнастерка, украшенная синими венгерскими бранденбурами, какие сейчасшивают на пижамы, парусиновая буденовка старинного фасона, с высоким шпилем и двумя козырьками – сзади и спереди; на ногах – желтые ботинки из твердой, негнущейся кожи. Незнакомец был так занят своей берданкой, в которой что-то не ладилось, что, подбежав к Володе, даже не поглядел на него, а продолжал громко лязгать затвором.

– Кто ты? – крикнул Володя.

– Продармеец, – ответил тот, не отрываясь от своего занятия.

– Сколько у тебя патронов?

– Один, – ответил продармеец, показывая длинный патрон с толстой свинцовой, спиленной на конце пулей, вроде тех, которыми стреляли в битве на реке Альме.

Володя быстро оценил огневую силу подкрепления.

– Стрелять не надо, стой здесь, щелкай затвором, – Володя сунул продармейцу свисток, – и свисти.

Продармеец стал по другую сторону входа и принялся щелкать и свистеть, свистеть и щелкать, как ему было приказано.

Между тем бандиты прекратили стрельбу и снова занялись высаживанием двери. Через несколько минут их усилия увенчались успехом. Крик торжества вырвался изнутри. Дверные петли отскочили. Дверь приоткрылась – теперь она держалась только на засове. Достаточно было немного отодвинуть ее в сторону, чтобы засов вышел из скобы и путь был открыт. Но осажденные сгоряча продолжали бить в дверь, отгибая засов и постепенно расширяя проход.

Володя схватил одну из своих лимонок. «Дверь защитит Шестакова, но тех, кто выскочит в коридор, порвет на куски», – пронеслось в голове у Володи.

Это была лимонка, выменянная когда-то на фотографический аппарат, заветная лимонка, на которой ему был знаком каждый бугорок, каждая царапина. Пришло-таки ей время взорваться! Он вырвал кольцо – сколько раз он представлял себе это движение, которое каждая лимонка позволяет сделать только однажды, – и бросил продолговатую, бугристую, как еловая шишка, бомбу в коридорчик.

Из коридора гроыхнуло, дунуло ветром, дымом и пылью.

Дверь упала.

Было тихо. Внутри что-то звякнуло.

– Сдавайтесь! – крикнул Володя. – Иначе все будете перебиты.

Продармеец щелкнул затвором.

– Выходи безоружными, по команде, спиной вперед, каждый отдельно, с поднятыми руками. Кто не подчинится – взорву! – крикнул Володя в темноту.

Сзади слышался топот. Кто-то бежал через дворик, размахивая фонарем. Светлый круг прыгал по булыжнику.

– Стой! Кто идет? – крикнул Володя. Все нужные слова сами шли на язык. Человек с фонарем молчал.

– Кто ты? – опять крикнул Володя.

– Я?

– Да, ты.

– Я – житель, – уклончиво ответил незнакомец, испуганно разглядывая Володю.

Тот стоял, держа в поднятой руке вторую лимонку, как бокал.

Человек с фонарем колебался. Его взгляд скользил по лимонке, наплечным ремням, обшитым кожей Володиным галифе. Все это были вещи неясные, неубедительные. Лимонка, наплечные ремни могли быть у кого угодно. Но свисток! Свисток мог быть только у представителя закона.

– Я – председатель домкома, – сказал незнакомец, ободренный непрекращающимся свистом.

– Далеко отсюда телефон? – спросил его Володя.

– На переезде, пять минут ходу.

– Бегите на переезд, звоните в угрозыск дежурному по городу, без номера... повторите...

– ...угрозыск, дежурному по городу, без номера...

– ...чтобы выслал летучку и «скорую помощь»... повторите...

– ...летучку и «скорую помощь»...

– ...на Ставки. Куда ехать – объясните сами. Сумеете?

– Сумею.

– И чтобы позвонили Цин-ци-пе-ру. Запомните?

– Чтобы позвонили Цин-ци-пе-ру.

Председатель домкома поставил фонарь на землю и побежал.

В глубине коридорчика о чем-то шептались. Володя стоял за углом стены, прислушиваясь. Вдруг дверь скрипнула под чьей-то ногой.

– Сдавайся! – крикнул Володя, замахнувшись лимонкой.

– Сдаемся, – слышалось изнутри.

Бандиты выходили по одному, затылками вперед, подняв руки. Вероятно, они ожидали увидеть во дворе большой отряд. Но, когда они убеждались в своей ошибке, было поздно ее исправлять. Они уже были испуганы и, стало быть, побеждены. Володя стоял с револьвером и бомбой, следя, чтобы никто не опустил рук. Продармеец обыскивал бандитов и ставил их в ряд, лицом к стене. Всего вышло девять человек – пять мужчин и четыре женщины. Червня среди них не было.

– Женщин ставь по краям, – распорядился Володя. Когда с бандитами было покончено, он крикнул:

– Виктор Прокофьевич!

Но ответа не было.

В этот момент в коридорчике слышался шорох.

– Не лякайтесь, це я, – сказал знакомый голос. По коридорчику пятился, подняв руки, Грищенко.

– Это щоб вы з переляку меня не шлепнули, товарищ начальник, – объяснил он, выбравшись во двор.

Одна штанина была у Грищенко оторвана до колена, и голая нога торчала из нее, как протез. К рябой щеке прилип салатный лист, но, в общем, младший милиционер был цел и невредим.

– Вот здорово, ты цел? – обрадовался Володя. – Что же ты там делал, внутри?

– Да ничего. Як стали нашего Виктора Прокоповича топтать, я соби и подумав: «Пока спекут кныши, останешься без души» – тай заховався пид стол, в затишок...

– Где Виктор Прокофьевич? – прервал его Володя мрачно. – Что с ним?

– А хибя ж я знаю? Що я, доктор?

– А где твой манлихер?

– Манлихер? – переспросил Грищенко и почесал за ухом.

12

В то время как Грищенко чесал за ухом, мушка его манлихера остановилась как раз на уровне груди Володи. Человек, целившийся в Володю из манлихера, лежал за порогом комнаты. Очнувшись от контузии, он пошарил вокруг себя. Его рука сначала нащупала чье-то холодное лицо, затем приклад. Он подтянул его к себе и засунул палец в дырку в нижней части магазина. Палец вошел в дырку на глубину одной гильзы. «Четыре патрона в магазине», – подумал человек. Есть ли патрон в стволе? Щелкать затвором нельзя было – тот, кто стоял у входа, мог услышать и отскочить в сторону. Но ведь винтовка на предохранителе; стало быть, патрон в стволе есть. Человек в комнате тихо отвел предохранитель и принял щекой к прикладу.

Володя стоял в светлом квадрате выхода. Над головой его висела красная луна. Фонарь председателя домкома освещал его снизу колеблющимся светом. Человек переводил мушку манлихера с Володиной головы на грудь, с груди на голову.

– Грищенко, – говорил Володя взволнованно, – я при-
казываю тебе полезть за манлихером...

– Ну, як же я туда полизу, – плаксиво отвечал Гри-
щенко, – коли я чую що там хтось чухається.

– Грищенко...

Но Володя не договорил.

– Получай свой манлихер! – раздался голос изнутри.

И манлихер Грищенко, выброшенный сильной рукой из коридора, загрохотал по булыжнику. Грищенко прыгнул в сторону, как кенгуру. Вслед за манлихером из коридорчика показалась долговязая фигура с поднятыми руками.

Грищенко поднял манлихер и держал его растерянно, как будто это была не винтовка, а дрючок.

– Обыщи, – сказал Володя Грищенко.

– Отскочь, не прикасайся, – сказал долговязый. – От меня винт получил – и меня же обыскивать хочет! На, обыскивай! – Он повернулся корпусом к председателю домкома, который только что вынырнул из темноты.

Председатель домкома, обнаружив неплохую технику кистевого механизма, стал проделывать волнообразные движения вдоль его тела. В этом, собственно, не было ничего удивительного, ибо одесситы последние годы только тем и занимались, что обыскивали друг друга.

Верзила поворачивался перед председателем домкома то спиной, то боком, как на примерке у портного. Тусклый свет фонаря падал иногда на его лицо, и чем пристальнее вглядывался в него Володя, тем больше убеждался, что эти твердые бронзовые скульпы не имеют ничего общего с подробно описанной Федькой Быком толстомясой, банной мордой Сашки Червня. «Эта карточка мне знакома, – думал

Володя, разглядывая бандита, – но из какого она альбома?» Верзила между тем повернулся к свету, и Володя понял, что он снова поймал Красавчика.

– Красавчик! – пролепетал Володя совершенно потрясенный. – Как ты сюда попал?

– Добрый вечер, гражданин начальник, еще раз! – Красавчик приложил руку к кепке. – Мы с вами сегодня, как нитка с иглой: куда вы – туда я, куда я – туда вы.

Этой фразой было сказано очень много. Он давал понять, что признает неуместность при данных обстоятельствах всяких воспоминаний о старом знакомстве двух футболистов. Он не собирается извлекать из них какую-либо пользу для себя. Он понимает, что дружба дружбой, а служба службой. Он произнес эти слова тем полным достоинства, почтительно-фамильярным тоном, которым опытный арестованный всегда разговаривает со своим следователем. Но, не претендуя на поблажки по знакомству, он не собирался отказываться от того, на что имел право по закону.

– Прошу только, гражданин начальник, – сказал он тем же почтительно-фамильярным тоном, – отметить в протоколе этот манлихер. Дескать, вор-конокрад Красавчик, не имея мокрых дел и не желая их иметь...

Продолжая вертеться перед председателем домкома с поднятыми над головой руками, то втягивая, то выпячивая живот, услужливо подставляя еще необысканные участки тела, он объяснил Володе, почему умный вор не пойдет на мокрое дело.

– Мокрые дела умному вору ни к чему, – говорил он. – За мокрые дела шлепают.

Председатель домкома между тем нащупал за пазухой Красавчика какой-то ремень и принялся его вытаскивать. За ремнем потянулся моток, оказавшийся уздечкой.

– Орудие производства, – объяснил Красавчик, смутившись.

– Манлихер я отмечу, поскольку факт имеет место, – сказал Володя. – Но ты скажи откровенно: как насчет побегов? Будешь еще бежать или нет? Красавчик ударил себя в грудь:

– Побей меня гром, разве ж это был мой побег? Это ж был ихний побег. Берут меня из камеры и дают мне конвой – женщину-милиционера. Это же просто насмешка! Мы идем по улице, а я себе думаю: меня же люди видят, знакомые! Может, мне даже этой свободы особенно не хотелось...

Председатель домкома фыркнул.

– Ну, чем доказать? Вот могу дойти до этих ворот и обратно. Хотите?

Он сказал это так искренне и горячо, как может сказать только человек, взятый под стражу.

Много времени спустя Володя задумался над тем, что удержало руку Красавчика, когда он, целясь в него из манлихера, решал вопрос: убить или не убить? Только ли холодный расчет опытного уголовника? Не вспомнил ли Красавчик в эту минуту «Черное море», футбол? Не вспомнил ли он, увидев в светлом квадрате входа инсайта «Азовского моря», что сам был когда-то голкипером черноморцев и лежал в их славных воротах, как лежит сейчас на полу в темной воровской «малине»? И тогда, быть может, в нем проснулся добрый лев, не пожелавший убить

ничего не подозревающего, беззащитного врага; быть может, он почувствовал обиду за себя, за свою скверную судьбу, понял, что смутное время кончилось и что надо делать окончательный выбор. Но если эти мысли и взволновали его, он постарался скрыть их. Лишь много лет спустя Володя узнал, о чем размышлял Красавчик в минуту, решившую судьбу обоих.

Бандиты стояли в ряд в причудливых позах, изогнув спины и упершись ладонями в стену. Потеряв свободу, они потеряли индивидуальность. Они казались одинаково серыми, покорными и почти неотличимыми друг от друга. У них онемели поднятые руки, чесались спины, и они были коровьими голосами:

— Гражданин начальник... разрешите опустить руки...

Нытье бандитов прервал грохот автомобиля, полным ходом въехавшего во двор. Это был курносенький грузовичок «фиат» на твердых шинах, битком набитый людьми. Машина круто завернула, и начальник оперативного отдела с ходу копчиком упал на бандитов. За ним посыпались агенты и менее чем в две секунды бандиты были обысканы с головы до ног.

— Городская работа, а? — подмигнул начальник оперативного отдела Володе, намекая на превосходство городского угрозыска над уездным.

Расшитая золотом кубанка начоперота, алая черкеска, окрыленная пришипленным к спине башлыком, желтые сапоги с подколенными ремешками и маленьким растрюбом вверху голенища, обритая со всех сторон борода котлеткой, напудренное лицо, наконец бомба-фонарка особенно редкостного, не известного Володе образца — все

это производило такое сильное впечатление, что всякому, кто видел этого человека, хотелось ему немедленно сдаться.

Еще через секунду бандиты, подгоняемые агентами, как овцы, толкаясь, лезли в грузовик. Они рассаживались в нем, ворча друг на друга, зло пиная женщин и стараясь захватить лучшие места. Только что потеряв свободу, они хотели тем не менее с удобством ехать в грузовике. Утратив преимущества, которые дает человеку свобода, они сейчас же стали заботиться о мелких выгодах, которые могло дать им заключение. Когда бандиты уселись, начальник оперативного отдела, освещая путь фонариком, устремился в коридорчик. За ним двинулись агенты, целясь в темноту из револьверов.

Первым вынесли Виктора Прокофьевича.

— Сажай, сажай его под стенку, не клади, чтобы юшка через голову не вытекла, — распоряжался начоперот.

Виктора Прокофьевича посадили под стенку, он тихо застонал. Седенькая эспаньолка его потемнела от крови, стекавшей по лицу.

— Кроме черепа, все в порядке, — сказал начоперот, ощупав опытной рукой раненого и с трудом отгибая его пальцы, все еще сжимавшие два нагана солдатского образца. — Вот пример доблести! — добавил он, — Без памяти, голова пробита, а наганов отдавать не хочет.

— Что с ним, как вы думаете? — спросил Володя в тревоге.

— Что я, доктор? — пожал плечами начоперот. — Думаю, добрая жменя стекла в черепе. Один кусок торчит из лба, как рог.

Рядом с Виктором Прокофьевичем положили еще двух: один был без памяти, другой мертв.

Начоперот осветил его лицо электрическим фонариком.

– Червень, – сказал он. – Наповал. – И, посмотрев на Володю с уважением, добавил: – Вам повезло. Поздравляю. Приложив руку к груди, он отвесил Володе легкий поклон. – Хорошо стреляет тот, кто стреляет последним.

Затем он поднял кусок старого толя, валявшийся у водосточной трубы, и, стряхнув с него песок, накрыл лицо бандита.

В это время во двор въехала машина «скорой помощи». За ней, гремя шестернями, вкатился нарядный штабной «берлиэ» на высоких колесах; его широкий, выпуклый радиатор, обильно украшенный бронзой и эмалью, сверкал, словно осыпанная звездами, лентами и орденскими знаками грудь императора. В «берлиэ» сидел товарищ Цинципер.

Три пары автомобильных фар осветили необычную сцену: тела, вытянувшиеся на земле, кучу арестованных под дулами наведенных на них наганов, белый халат доктора, склонившегося над Виктором Прокофьевичем, и в центре – Володю, потного, измазанного, с упавшими на глаза волосами. Он все еще держал в вытянутых руках пистолет и бомбу, как скипетр и державу.

– Володя! – крикнул товарищ Цинципер, соскакивая с машины. – Уездный розыск гордится тобой!

Он хотел пожать Володе руку, но увидев пистолет и бомбу, бросился к начопероту, по дороге едва не наступив на тело Червня. Близоруко поглядев на его поднятые колени и черную лужу, вытекшую из-под куска толя, товарищ

Цинципер, непривычный к подобным картинам, заметно позеленел.

Володя разыскал взглядом Грищенко, который терся где-то в задних рядах.

– Грищенко, дай на минуточку твой манлихер, – сказал он.

Грищенко вышел вперед. Все великолепие его куда-то исчезло, и он казался невзрачным, как сибирский кот, только что вытащенный из воды.

Взяв у Грищенко винтовку, Володя обратился к товарищу Цинциперу:

– Товарищ начальник, разрешите доложить: младший милиционер Грищенко арестован мной за измену долгу.

– Пожалуйста, пожалуйста, я не возражаю, – замахал руками товарищ Цинципер, с некоторой робостью взирая на своего неукротимого агента.

– Занимайте места согласно купленному билету, – изысканно вежливо обратился начоперот к Грищенко, сложив ладони лодочками, и указывая ими в сторону грузовика, в котором уже сидели, понурившись, бандиты.

Грищенко пошел, сутулясь, к грузовику, и его спина, еще недавно такая бравая, сразу стала похожей на спину заключенного.

– Это все? Или еще не все? – Начоперот выразительно покосился на председателя домкома.

– Пока все, – ответил Володя.

– Тогда поехали! – крикнул начоперот и, взмахнув полами черкески, взлетел на грузовик.

Володя подошел к Шестакову. Рядом с ним на коленях стоял врач. Белый бинт летал вокруг головы раненого. Из-под марли были видны только его глаза.

– Как раненый? – спросил Володя у врача.

– Рана не опасна, но месяц продержим, – ответил тот, ловко перебрасывая бинт из руки в руку.

– Подлечите его, пожалуйста, и от хронического катара, – сказал Володя. – И, когда он придет в себя, передайте ему от меня записочку.

Он вынул из кармана клочок бумаги – это был их план на сегодняшний день – и написал на обороте:

«Виктор Прокофьевич! Красавчик пойман. Червень убит. Грищенко я посадил. Завтра утром приду к вам в больницу.

Володя».

Первой выехала на улицу «скорая помощь». За ней тронулась летучка. Бандиты сидели на дне грузовика, агенты – на бортах. Двое лежали на крыльях, целясь из винтовок в Ставки, притаившиеся в ночном мраке.

Долговязая фигура Красавчика раскачивалась над головами урканов. Красавчик стоял, широко расставив ноги, балансируя на ухабах и хватаясь иногда за голову Грищенко, сидевшего у его ног.

– Гражданин начальник, манлихер! Не забудьте манлихер! – кричал Красавчик Володе.

Тяжело переваливаясь, грузовик вполз в сводчатую подворотню.

– Манлихер! – прогремело из подворотни в последний раз.

На улице бандиты приободрились – в конце концов то, что случилось с ними, было в порядке вещей – и затянули

воровскую «дорожную». Ветер забросил во дворик ее бойкий напев и веселые слова:

Майдан несется полным ходом...

Последними выехали со двора товарищ Цинципер и Володя на «берлиэ». Худая серая собака со стерляжьей головой бросилась за машиной, чтобы укусить ее в заднее колесо, но раздумала и отбежала. Двор опустел. Только часовые стояли у дверей разгромленной «малины».

– Володя, – сказал товарищ Цинципер, закрывая рот ладонью от встречного ветра, – я завтра же ставлю вопрос перед начальником губернского розыска, чтобы вас обоих – тебя и Шестакова – наградили именными золотыми часами с надписью: «За успешную борьбу с бандитизмом».

Они догнали летучку. Клубы пыли окутали «берлиэ», и воровская частушка заглушила приятные речи, с которыми товарищ Цинципер обращался к своему агенту.

Едва Владимир Степанович Бойченко закончил чтение, едва члены клуба перенесли мыслью из знойной Одессы в суровые Гагры, как несколько рук потянулось к увесистым золотым часам, лежавшим на тумбочке у изголовья кровати доктора. Все хорошо знали эти часы и безукоризненную точность их хода.

Самым проворным оказался юрисконсульт. Он схватил часы и нажал пружинку. Толстая крышка со звоном отскочила, и под ней, как в сейфе, оказалась другая, точно такая же крышка. Юрисконсульт поднес часы к керосиновой лампе и громко прочитал надпись, выгравированную на внутренней стороне крышки:

*Владимиру Алексеевичу Патрикееву
за успешную борьбу с бандитизмом от
Одесского уездного уголовного розыска
25 августа 1920 года.*

На минуту все онемели от изумления.

– Позвольте! – закричал наконец юрисконсульт. – Вы нарушили условие, доктор! Вы должны были написать из собственной жизни... Значит, сыщик Володя не вы, Владимир Степанович, а вы, Владимир Алексеевич!

И он недоуменно повернулся к Патрикееву.

– Вы меня, кажется, разоблачили, – ответил тот, чуть-чуть смутившись. – Отпираться бесполезно. Володя – это я.

– И вы ездили на кобыле Коханочке? – спросил старик Пфайфер.

– И я ездил на кобыле Коханочке.

– И вы бросали лимонки?

– И я бросал лимонки.

– И вы поймали Красавчика?

– И я поймал Красавчика.

Члены клуба недоумевали. Все уже создали в своем воображении образ Володи, и это был образ молодого доктора Бойченко. Теперь нужно было этот образ менять. Нужно было на место Бойченко ставить Патрикеева. Это было трудно. Трудно было поверить, что солидный, уверенный в себе Патрикеев был когда-то робким, застенчивым, смешным мальчиком – таким, каким он был описан в рассказе доктора.

– Как это на вас не похоже! – всплеснула руками Нечестивцева. – Вы – и эти степные трупы...

– Позвольте! – перебил ее юрисконсульт. – Одного я все-таки не понимаю: почему же часы у Владимира Степановича? При чем здесь доктор?

– Ну, это просто, – ответил Патрикеев, ухмыльнувшись не без лукавства. – Мы с ним старые приятели, и я давно подарил ему эти часы на память о юности, проведенной вместе.

– Сидели небось за одной партой?

– Нет, мы учились в разных учебных заведениях.

Юрисконсульт еще долго не мог успокоиться.

– Кто бы мог подумать, – говорил он, обращаясь к Пфайферу и Нечестивцевой, – что известный литератор десять лет назад был мелким агентом деревенского уголовного розыска...

Все согласились с тем, что подобные превращения возможны только в наши дни, и каждый привел несколько примеров быстрого роста людей в Советской стране. Оказалось, что доктор Нечестивцева была когда-то медицинской сестрой, а интендант Сдобнов – почтальоном; и даже сам Пфайфер, знаменитый хлебопек, до семнадцатого года всего-навсего управлял большой частной пекарней в Кременчуге. Только юрисконсульт Котик со смущением признал, что всегда был юрисконсультом и его отец тоже был юрисконсультом.

– Скажите, – спохватился вдруг Котик, – а куда девался ваш Красавчик?

– Красавчик попал, разумеется, в допр, – ответил Патрикеев. – В те годы над воротами одесского допра висела надпись, сочиненная его начальником, бывшим политкаторжанином, полжизни просидевшим в царских тюрьмах:

«Допр не тюрьма, не грусти, входящий». Всякий, кто попадал в допр, мог стать человеком, если только хотел этого. Красавчик сидел года четыре и все четыре года работал и учился. Он вышел на волю довольно образованным молодым человеком, спокойным и скромным. То, что произошло с ним дальше, никого в наши дни не может удивить; он продолжал учиться и кончил вуз. Кстати, и я кончил все-таки вуз – филологический факультет бывшего Новороссийского университета. То были трудные годы для юношей, и многие из нас занимались не тем, чем надо. Советская власть помогла нам найти место в жизни. Она занялась нами, как только у нее немножко освободились руки. С одними она обошлась сурово, как с Красавчиком, с другими – поласковее. Кто дождался этого времени, кто захотел, тот стал человеком... Теперь Красавчик, – продолжал Патрикеев, – редко вспоминает о своих степных похождениях, о «кукурузной армии», о том времени, когда он не выходил из дому без уздечки за пазухой. Теперь вы можете совершенно спокойно доверить ему пару лучших своих лошадей. Я не терял его из виду, и в конце концов мы подружились; каждый из нас считает себя очень обязанным другому: я – за то, что он не выстрелил в меня когда-то из манлихера, а он – за то, что я вовремя его посадил.

Патрикеев швырнул в камин чурбанчики, на которых сидел, и подошел к окну. Посредине гагринской бухты, прямо перед дворцом, возвышалась пирамида огня. Это был теплоход. Он был иллюминирован с такой пышностью, будто его рубильниками управляли огнепоклонники. Патрикеев распахнул балконную дверь. Непривычная тишина почти оглушила его. Прибоя не было. Молодой си-

неватый месяц мирно сиял в звездном небе, а под ним попереки спокойного моря тек к берегу светлый лунный ручей. С высокого берега свергались в море потоки талой воды. Было тепло, снег быстро таял. И, как бы извещая о первых глотках воды, вернувших жизнь гидростанции, в электрической лампочке над верандой порозовела и затрепетала тонкая нить.

Торжественный аккорд потряс воздух. Он был всеобъемлющ. Все тона сплелись в нем и все звучало вместе с ним – горы, море, стекло в оконной раме. Он наполнял собой все. Он был так низок, что казался подземным. Это гудел теплоход.

– Товарищи, – крикнул Патрикеев, – шторм утих!

Но никто не обратил внимания на его слова. Все смотрели на доктора Бойченко. Тот сидел молча, опустив голову и приблизив лицо к огню, как будто немного обиженный тем, что никто не сказал ни слова о литературных достоинствах его рассказа. Доктор молчал, и члены клуба продолжали смотреть на него немигающим, изумленным взглядом.

Общее внимание смутило доктора. Он поднялся со стула, расправил широкие плечи, потянулся, и все увидели его долговязую фигуру, твердые бронзовые скулы и веселые глаза цвета ячменного пива.

Январь-апрель 1938 года